

Анатолий

КОСУХИН:

**НЕИЗВЕСТНЫЙ
ПОДВИГ РЕКТОРА**

В.В. Кропчев, Р.А. Близняков

**Анатолий Косухин:
неизвестный подвиг
ректора**

**Тюмень
ИД «Титул»
2025**

ББК 63.3(2)622.78
К83

Авторы-составители: Кропчев В.В., Близняков Р.А.

Никакая часть этой книги не может быть использована кем бы то ни было без письменного согласия правообладателей.

Кропчев В.В., Близняков Р.А.

К83 Антолий Косухин: неизвестный подвиг ректора. – Тюмень :
ИД «Титул», 2025. – 386 с. : ил. 24 с.

ISBN 978-5-98249-164-0

Студенты 60-х, первыми начинавшие осваивать учебный корпус нового тюменского института, с уважением относились к своему молодому ректору. Но никто из них и не подозревал, что он во время Великой Отечественной войны героически боролся с фашистскими захватчиками в крымском подполье. Факты своей военной биографии он никогда не афишировал. 16 мая 1965 года в газете «Тюменская правда» появилось сообщение о том, что Президиум Верховного совета СССР принял указ о награждении группы партизан и участников подполья высшей Государственной наградой – орденом Ленина. Из него все узнали об этом периоде жизни нашего героя.

*Авторы-составители благодарят депутата Госсовета Крыма
Бобкова В.В., тюменского историка А.Л. Вычугжанина,
Музей истории науки и техники Зауралья
в лице директора Почежерцевой М.В.
за предоставленные архивные материалы.*

© Кропчев В.В., Близняков Р.А., составление, 2025

© ИД «Титул», редакция, оформление, 2025

*Посвящается 60-летию
Тюменского индустриального
университета
и 100-летию со дня рождения его первого
ректора Анатолия Николаевича Косухина*

*Ваш институт – решающий фактор в
развитии области. Тюмень будет энергетической
базой страны. Успех ее развития – ваши кадры.*

А.Н. Косыгин, председатель совета
министров СССР

(Книга почетных гостей ТИИ.

Запись 4 января 1968 г.)

*Открытие Тюменского индустриального
института – событие, может быть, более
важное, чем открытие Самотлорского нефтяного
месторождения, самого крупного в мире.*

А.Н. Косухин, профессор, первый
ректор ТИИ, 1969 г.

Для меня, человека послевоенного поколения, родившегося в Сибири, подвиги крымских подпольщиков были чем-то былинным, происходившим очень давно и за тысячи километров. Но события, которые переживает наше Отечество в настоящее время, деятельность подпольщика Косухина оживили для меня необычайно.

Публикация дневника воспоминаний матери Косухина о жизни в оккупированном в 1941–1944 гг. фашистами Крыму – это не только дань памяти замечательному человеку Анатолию Николаевичу Косухину, но и напоминание о цене Великой Победы для нашего народа.

Эти дневники дают не так много информации о конкретных подвигах молодых подпольщиков. Но они хорошо передают то состояние, в первую очередь, моральное, которое испытывали обычные жители Крыма под немецко-фашистской оккупацией.

Замечательным дополнением к этим дневникам является очерк о Косухине его преемника на посту ректора Тюменского индустриального института В.Е. Копылова. Виктор Ефимович был ближайшим соратником Косухина, поэтому его воспоминания имеют особую ценность.

В книге публикуются новые уникальные документы. Это выявленное в архиве Крыма рассекреченное личное дело Косухина, руководителя подпольной комсомольско-молодежной организации г. Симферополя. В архиве Тюмени нашлось письмо А.Н. Косухина в ЦК КПСС, в мае 1965 г., с просьбой о награждении его боевых соратников-подпольщиков.

Нам, студентам Тюменского индустриального института, первый ректор запомнился человеком очень решительным, настоящим лидером. Дневник его матери во многом раскрывает откровенные точки формирования этой неординарной личности.

Анатолий Николаевич Косухин всей своей жизнью подтвердил верность своим юношеским идеалам.

*Председатель Попечительского совета ТИУ
Ю.К. Шафраник*

Предисловие

Когда проходишь мимо здания Тюменского индустриального университета по улице 8-е Марта в г. Тюмени, ваше внимание привлекает мемориальная доска, напоминающая о том, что первым ректором этого учебного заведения был Косухин Анатолий Николаевич.

«В этом здании с 1964 по 1973 гг. работал основатель и первый ректор Тюменского индустриального института, профессор Косухин Анатолий Николаевич (1925–1988)»

В год создания вуза Косухину исполнилось 39 лет. Он был молодым человеком, но за его плечами было уже почти три года войны в тылу врага в Крыму – с 1941 по 1944 гг. Будучи школьником, он участвовал в партизанском подполье, а уже в 1942 году возглавлял комсомольскую организацию в г. Симферополе. О его деятельности в этот период было издано несколько книг, в которых описано, в каких труднейших условиях велась борьба. Вся его семья помогала ему в этой борьбе. В музее университета есть дневник воспоминаний матери Анатолия Николаевича, в котором подробно запечатлены дни борьбы с врагом, в нём более 300 страниц печатного текста.

Когда создавалась организация, комсомольцы решили, чтобы каждый вступающий принимал клятву и подписывался выбранной им подпольной кличкой. «Это, как присяга у красноармейцев. Клятва на верность друзьям, товарищам, Родине», – говорил Косухин. С принятием клятвы сам командир организации взял себе кличку «Дядя Костя». За активное участие в подпольной работе Симферопольский горком партии принял кандидатами в члены ВКП(б) комсомольцев А. Косухина, Б. Хохлова, В. Бабия, Э. Стауэра и обратился в областной подпольный партийный центр с просьбой установить для них «трехмесячный кандидатский стаж, как воинам Красной Армии, находящимся на фронте».

С лета 1943 года Косухин А.Н. возглавлял Симферопольскую городскую подпольную комсомольскую организацию, являясь членом подпольного горкома ВКП (б), участвовал в диверсионных и агитационных акциях, в печатании листовок, поддерживал связь с областным партийным центром. За заслуги в подпольной борьбе был награжден орденом Ленина.

После освобождения Симферополя и Крыма в 1944 году пятеро руководителей крымского подполья были представлены к званию Героя Советского Союза. В списке был и А.Н. Косухин.

Такова история симферопольской подпольной комсомольско-молодежной организации. Судьба одной из таких молодежных организаций Краснодона стала известна всей стране из книги А. Фадеева «Молодая гвардия». Информация о подвигах симферопольских «молодогвардейцев» благодаря опубликованным в этой книге дневникам матери А.Н. Косухина становится доступной широкому кругу читателей.

В 2006 году в 180 км к востоку от поселка Уват в пределах Пихтового лицензионного участка Уватского района Тюменской области было открыто нефтяное месторождение. Оно было названо в честь А.Н. Косухина, первого ректора Тюменского индустриального университета. На территории месторождения в Правдинской НГРЭ установлен мемориальный камень. Первая нефть Косухинского месторождения увидела свет 31 августа 2017 года. Она поднялась с глубины 2,8 тысяч метров. Здесь используют самые современные технологии, например, многостадийный разрыв пласта. По прогнозам специалистов, на пике добычи здесь можно получить до миллиона тонн нефти в год. Уватский проект включает 39 месторождений и ежегодно дает свыше 11 миллионов тонн нефти.

Решением XI сессии Симферопольского городского Совета народных депутатов Крымской области XVIII созыва от 1 июня 1984 года «за активное участие в движении партизан-подпольщиков в Крыму, мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны» звание «Почетный гражданин города Симферополя» было присвоено Косухину Анатолию Николаевичу – профессору, генеральному директору специализированного научно-производственного объединения «Союзвузприбор» г. Москвы.

19 ноября – день памяти Косухина А.Н.

Он умер в 1988 году в г. Симферополе.

В.В. Крончев

Студенческое время – это особые моменты жизни

Студенты! Студенты!

Ну кто не поймет

Это, как золото, звонкое слово?

Студенты. Студенты – особый народ,

Наследники Герцена и Огарева.

Горячих сердец молодая пора,

Время бессонниц, любви и дискуссий...

Годы прошли, а как будто вчера

Сам я был не из последних на курсе.

Алексей Фатьянов

Студенческие годы вспоминают как самые лучшие. Студенчество – особая пора в жизни молодого человека. Вчерашний школьник обретает самостоятельность, ответственность. Это время интересных знакомств и новых друзей. Для большинства студентов вуз становится вторым домом, а студенческая группа – второй семьей.

Написать воспоминания долго не решался. Любые воспоминания – это личное, а они или совпадают, или расходятся в оценке одних и тех же событий прошлого и настоящего.

Студенческие годы для кого-то были лучшим временем молодости, для кого-то это не так. За прошедшие почти 50 лет со дня окончания учебы и я изменился, набрался жизненного опыта, встретился и познакомился с разными людьми – известными и обычными, побывал во многих странах.

Я всегда с теплотой вспоминаю годы учебы в Тюменском индустриальном институте. 1964 г. был первым годом набора сту-

В.И. Рябков в 1970-е гг.

дентов в новый, тогда еще не до конца достроенный Тюменский индустриальный институт.

Наши две группы факультета АПП (Автоматизация производственных процессов) отличались от других в то время, а от нынешних — особенно. Я имею право это говорить, так как несколько лет являлся председателем Государственной экзаменационной комиссии по специальности «Сооружение и ремонт нефтегазовых объектов», и помню студентов-выпускников, которые являлись близковозрастными, ровесниками. У нас большую часть группы составляли студенты, имеющие значительный стаж на производстве, службы в армии. Были даже демобилизованные офицеры (М.В. Емельянов, Э.А. Степанищев). Возрастная разница составляла 5–10 лет. Многие из старших по возрасту сокурсников были жены, имели детей. И среди них — десяток нас, тюменских мальчишек, выпускников школ.

Широкой была и география первокурсников: Украина, Кавказ, Урал, Восток. Несмотря на разницу лет, различные интересы, мы учились, проходили производственную практику и проводили время дружно. В учебе на первых курсах, мы, выпускники школ, были впереди по оценкам знаний, потом сравнивались, а в производственных вопросах, общественной жизни находились под хорошим положительным влиянием старших друзей. Некоторые из них были членами КПСС, имели производственный стаж, опыт общественной работы.

Уже после первого года учебы В. Панфилов возглавил комитет комсомола института, В. Козлов — институтский профком, В. Романенко — факультетский. Благодаря их активности и мы были вовлечены с первого курса в различные общественные организации и дела как факультета, так и всего института.

Сразу после зачисления в вуз нам пришлось участвовать в подготовке к занятиям лабораторий и учебных помещений, в строительстве здания института, так как в 1964 г. была готова только часть корпуса, выходящая на ул. 8 марта. В последующие годы в составе студенческих отрядов, мы участвовали в ремонте зданий института, спортивного зала, на стройке социально-значимых объектов города, на уборке урожая, в субботниках и других мероприятиях.

Студенты гр. АПП-64-1-2 в учебной аудитории

Активное участие в общественной работе принимали В.В. Романенко, В.Г. Конюхов, В.Д. Смагин, С.С. Свеженин, Г.Г. Колчаков, и другие, а в спортивной жизни института — О.А. Кремлева, В.В. Козлов, В.В. Панов, А.А. Евтонов, Е.Е. Баталов, В.А. Борисов, В.О. Плужник. Большинство из нас понимало значимость общественной работы в производственных, научных коллективах, участие в ней пронесли через всю жизнь, вплоть до пенсионного возраста.

Первого ректора Косухина Анатолия Николаевича мы просто боготворили. По-моему, он знал в лицо всех студентов первого набора. Иногда он заходил в аудиторию, просто здоровался, улыбался, и нам становилось увереннее и смелее.

Позднее, после окончания института, во многом по его решению, мне пришлось возглавить комитет ВЛКСМ института. Общение с ним один на один на совещаниях, заседаниях Ученого совета до сих пор оставляют ощущение сильной, масштабной личности, сумевшей с нуля создать институт.

Строительство, расширение института, техническое оснащение, оборудование лабораторий казалось основным в его деятельности. Но, общаясь с ним, я видел, что важнее всего для него был диалог с сотрудниками, подбор кадров, убеждение в не-

обходимости достижения результата, создания условий подготовки инженерно-технических кадров нефтяной и газовой отрасли. Одновременно грозное слово, суровый взгляд и последующая его улыбка заставляли с пониманием исполнять поставленную задачу.

Об этом, вероятно, говорят и другие. Но и я, скромный свидетель этого, выпускник первого набора института, которому пришлось общаться с ним больше других, остаюсь его почитателем, нахожусь под его положительным влиянием до сих пор.

Заведующий кафедрой «Автоматизация производственных процессов» Горбатов Виктор Андреевич, заведующий кафедрой «Автоматики и телемеханики» Стрекачинский Борис Андреевич, заведующий кафедрой «Теоретические основы электротехники и электрических машин» Василевский Марк Николаевич, это те преподаватели, от которых мы впервые услышали о вычислительных машинах, промышленной электронике, телемеханических системах, принципах проектирования.

Встречаясь все реже с однокурсниками, вспоминая годы учебы, мы понимаем, что тогда институт только создавался, не было хорошо оборудованных лабораторий, один учебник иногда приходился на троих. И тем не менее нам был дан необходимый уровень знаний, умение работать с литературой, отраслевыми техническими требованиями и правилами, навыки отношений с рабочими и ИТР, руководства определенными коллективами. Многие стали руководителями крупных предприятий, ведущими специалистами, рядовыми ИТР. Мои сокурсники были востребованы, заполнили вакантные места научно-проектных институтов, влились во вновь создаваемые геологические, нефтегазодобывающие предприятия, внесли свой вклад в развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Вспоминается многое из учебного времени, общественной жизни, личных отношений, «внештатных» ситуаций. Остановлюсь только на студенческом лете 1967 года. После третьего курса часть нашей группы отправили на практику в поселок Мушкино Ханты-Мансийского округа, сейчас это городской поселок Пойковский. В то время поселок только строился. Было три или пять двухэтажных деревянных домов из бруса. Но там велось большое строительство десяти домов, ремонтно-механических мастерских (РММ), складов. Была небольшая единственная столовая на берегу р. Пойк, устья Большой Юганской протоки.

Руководство создаваемого там НГДУ образовалось к нашему приезду. Это и стало нашей практикой, правда, не по профилю. Наш однокурсник Александр Вдовин уже тогда проявил организаторские и лидерские способности, организовав нас в стройотряд. Под его руководством быстро установили две палатки в прилегающей тайге, оборудовали место питания. Получили котлы, посуду, спецодежду, инструмент и другое необходимое для жизни и работы оборудование. В палатках прожили 4 месяца, с июня по сентябрь, так как занятия в институте начинались в октябре.

Из многих видов работ первоочередной было строительство ЛЭП – 6 кв, протяженностью 3,5 км от дизельной электростанции на берегу реки до складов, баз и РММ. Начатая прокладка просеки под ЛЭП, через 1 км упиралась в тайгу, остальную часть трассы мы прорубали сами, жалея сваливаемые кедр. Тракторист, который оттащивал поваленные деревья, заболел. На старом тракторе ЧТЗ, который был без кабины, пришлось работать мне. Однако при этом была небольшая проблема – заводился он с трудом.

К рабочему дню готовы!
(Слева направо) А.А. Нестеров, В.Н. Каширских, А.И. Папулов,
А.Н. Шеломенцев, В.Н. Сизиков, А.Б. Вдовин, С.С. Свеженин.
Фото В. Рябкова

Часть лучших стволов деревьев заготавливали на опоры, остальные валили на половину просеки, так и не очистив ее полностью. Необходимо было успеть поставить опоры, навесить провода (изоляторы поступили поздно, крюки под них пришлось изготовить в местной РММ) и завершить всю работу в соответствии с проектной документацией к октябрю. Объем работы был большой. Но успели его выполнить к капитальному сезону под снег, благодаря организации, снабжению и ненормированному рабочему дню. Обязательно должен сказать, что и заработали мы тогда очень прилично. В купленных пальто, костюмах, рубашках, часах, обуви проходили 4 и 5 курсы.

Отвлекали нас тогда от работы «чрезвычайные ситуации». Убедительно (в основном оплатой) нас просили поработать то такелажниками, то грузчиками. Несколько барж с бурильными и другими трубами сели на мель, не дойдя до поселка. Работа была срочная, круглосуточная, так как уровень воды понижался. Разделившись на две группы – одна отдыхала в палатках, другая работала, в течение недели мы эту ситуацию спасли. Надо было с огромных застрявших барж перегрузить трубы на мобильную аппарель, затем доставить катером до поселка, выгрузить их на берег.

И так туда и обратно, рейс за рейсом. Приспособлений почти не было, трубы раскатывались по берегу, но технику безопасности мы помнили. Машинисты плавучих кранов нас оберегали, подсказывали, помогали. Выполнив задание, глядя на огромную гору труб, заваливших берег, мы сами удивлялись, что выполнили такую работу.

Приходилось отвлекаться от строительства ЛЭП и потому, что приходили баржи с продуктами, строительными материалами, оборудованием. Тогда это все в избытке завозилось в нефтяные районы. Мешки с цементом, мукой, по 50–60 кг на плечах, с баржи поднимали по песчаному берегу, грузили на ГТС (гусеничный тягач средний), затем снова на плечах заносили и складывали на базе. Смогу ли сейчас несколько раз подняться на тот высокий песчаный берег даже с пустым мешком?.. Один раз, наверное, – не подведу!

Руководство НГДУ и создаваемого ОРСа, заваливая нас работой, относилось к нам с вниманием, обеспечивая спецодеждой, инструментом, продуктами. В начале октября, уже не знаю, специально или попутным рейсом, даже была организована доставка

Выпускники 1969 г. электротехнического факультета по специальности «Автоматизация производственных процессов»

нас вертолетом МИ-6 в Тюмень. Полетели все, кроме Александра Вдовина и меня, так как пришлось ждать расчеты. Через несколько дней, получив парусиновую сумку с деньгами на всех, попутным вертолетом, потом самолетом через Нефтеюганск и Сургут, мы долетели до Тюмени. Вся группа с понятным нетерпением и волнением ожидала нас.

Интересным было и лето 1968 года, когда мы с Сергеем Свежениным на практике работали вышкомонтажниками в Западно-Соснинской геологоразведочной экспедиции в бригаде Сергея Аболенцева. В то лето мы участвовали в передвижении и монтаже шести буровых установок. Разве это забудется? Тем более, что бригада вышкомонтажников базировалась на берегу Оби. Жили мы в вагончиках. Впечатления от работы, членов бригады, событий того лета составят повесть. Мой личный отчаянный тогда «рекорд-подвиг» – это переплыть реки Оби туда и, с отдыхом на том берегу,

обратно возле деревни Соснино. За что, конечно, получил «нагоняя» от бригадира.

Все, с кем учились и продолжаем встречаться, благодарны первому составу профессоров и преподавателей ТИИ за учебное время, данные знания. Не менее благодарны однокурсникам за совместные годы обучения жизни, пониманию коллективизма, значению дружбы.

Воспоминания о студенческих годах для меня постоянны, привлекательны, бесконечны...

В 1974 году мне довелось прочесть мемуары маршала Советского Союза А.М. Василевского, руководившего операцией по освобождению Крыма от немецко-фашистских захватчиков, под названием «Дело всей жизни». В этих мемуарах Василевский писал: «Учитывая ту огромную роль, которую сыграли на протяжении всей Крымской операции 1944 года советские партизаны, 3-го мая мы, по согласованию с Крымским обкомом партии, направили в Государственный Комитет Обороны подготовленное при активном участии командования и Политуправления 4-го Украинского фронта представление к правительственным наградам участников партизанского движения: шесть человек – к званию Героя Советского Союза, 14 – к награждению орденом Ленина». Я понял, что в этом списке был и Косухин А.Н.

Биографическая справка

Рябков Виктор Иванович (1946 – 2023). Окончил Тюменский индустриальный институт в 1969 г. С 1970 по 1979 гг. на комсомольской работе: секретарь комитета ВЛКСМ ТИИ, первый секретарь Центрального райкома комсомола Тюмени, зав. отделом обкома, первый секретарь Тюменского горкома ВЛКСМ. В дальнейшем в течение 30 лет работал в системе «Газпрома» и газоснабжения. На заслуженный отдых вышел в должности генерального директора ОАО «Газнаб».

Награжден медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени, общественными наградами. Делегат XVIII съезда ВЛКСМ (1978 г.). Имеет звание «Заслуженный нефтегазостроитель России».

В.Е. Копылов

Первый ректор индустриального

*Нельзя быть лидером, если ты ничем
не отличаешься от остальных.*

Шарль де Голль, генерал

*Медали, награды, газетные похвалы
и титулы – ничто перед единственным словом добра.*

Ю. Власов, чемпион мира
по тяжелой атлетике

Есть люди, которые, являясь нашими современниками, живут как бы в другом измерении. Им многое видится иначе: глубже, масштабнее и перспективнее. Они обладают смелостью в принятии решений, подчас самых неожиданных, способностью принять на себя любой груз ответственности. Вокруг них создается особая атмосфера творчества, радости труда, в которой наиболее полно раскрываются характеры и возможности людей.

Именно таким запомнили Анатолия Николаевича Косухина. Созидатель по духу, он смело и энергично вторгнулся в жизнь. Для него не существовало жестких границ административно-командной системы, он будто раздвигал их своей целеустремленностью.

Приведу один характерный пример. Молодой ректор с первых шагов мечтал увидеть полезный вклад института в становление сибирской нефтяной промышленности. Еще идут занятия студентов первого курса (других не было), а он обращается в Москву с просьбой о приеме в 1965 году студентов на старшие курсы – третий и четвертый. И, разумеется, добивается своего. В итоге первые специалисты были выпущены не в 1969 году, после нормального пятилетнего цикла, а раньше на целых два года.

*В.Е. Копылов, второй
ректор ТИУ*

Еще незадолго до правительственного постановления идея технического вуза в Тюмени многим казалась несостоятельной. И не потому, что области не нужны были инженеры или некого было учить. Проблема была в другом: учить было некому... Идея института разбивалась об отсутствие преподавательских кадров и материальной базы. Именно поэтому руководство политехнического института в Свердловске не решилось пойти дальше создания У КП и вечернего факультета в Тюмени. Когда готовилось постановление о развитии нефтяной промышленности в Западной Сибири, естественно, возник вопрос о кадрах, без которых не было смысла говорить о начале какого-либо нового производства. В Гипровузе посчитали, и выяснилось, что все существовавшие тогда нефтяные вузы страны не могут дать необходимого количества инженеров для освоения нефтяных и газовых месторождений области. Это решило судьбу индустриального института. Зарубежная пресса в то время писала: «Большевики всерьез решили взяться за разработку сибирской нефти и открывают в Тюмени нефтяной институт».

Работа по созданию нового института разворачивалась стремительно. Уже 3 января 1964 года министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин подписал приказ, в котором обязал министра Виссо РСФСР В.Н. Столетова «в двухмесячный срок разработать и представить на согласование в Министерство высшего и среднего специального образования СССР предложения о мероприятиях по организации Тюменского индустриального института».

Пока строились корпуса, выделялись квартиры, общежитие, оборудование, в маленькой комнате машиностроительного техникума появились три стола и несколько стульев. Это и называлось Тюменским индустриальным институтом. В комнате расположились четверо его сотрудников: А.Н. Косухин, С.И. Соловьев, Ф.И. Гурьев и В.Е. Копылов (автор этих строк) – первый ректор, первый проректор по хозяйственной части, первые деканы вечернего и нефтегазопромыслового факультетов.

Анатолия Николаевича Косухина «подарил» Тюмени Уральский политехнический институт, где он преподавал, был доцентом. Молодой ректор обладал тем характером, без которого довольно сложно начинать новое дело: кипучей энергией, коммуникабельностью, до-

верием к людям, умением быстро схватывать новое и предвидеть, быстро ориентироваться в меняющейся ситуации.

Более всего меня поражала в нем редкая для большинства людей черта: решать любую поставленную жизнью задачу на максимально возможном уровне достижения цели. Так, он считал, что создание нового института следует начинать сразу крупно, с гигантского набора студентов, по возможности опережающего аналогичный набор в любом другом нефтяном вузе страны.

«Надо пользоваться предоставленной возможностью и строить институт таким, каким он виделся бы другим лет через пять–десять. Такого внимания властей к институту, как сейчас, скоро не будет, и тогда расширение института станет много труднее», – говорил не раз Анатолий Николаевич. Многие не понимали его позицию, поначалу к их числу, признаться, принадлежал и я: о каком максимализме могла идти речь, когда в будущем здании института нет элементарно необходимого? К счастью, очень скоро правота энергичного и далеко видящего ректора полностью подтвердилась.

Мое первое знакомство с доцентом, кандидатом технических наук А.Н. Косухиным, итогом которого стал переезд из Свердловского горного института в Тюмень, состоялось в первые дни января 1964 года. Анатолий Николаевич пришел на кафедру техники разведки, где я тогда работал после защиты кандидатской диссертации как единственный специалист по нефтегазоразработке. Это, собственно, и стало поводом для встречи. Надо сказать, что в горный институт я пришел только осенью 1963 года, незадолго до знакомства с будущим ректором. Меня пригласили как специалиста с производства, одновременно – обладателя ученой степени. Было обещано жилье и прочие блага. Как часто случается, обещания быстро забылись, и я начал испытывать некоторое сожаление о переходе в лоно высшей школы. К тому же семья по-прежнему находилась в сотне километров от Свердловска в геологоразведочной организации, откуда я уволился после прохождения по конкурсу.

В этой обстановке неопределенности А.Н. Косухину было довольно легко пообещать лучшие условия в Тюмени. Мы быстро нашли общий язык и понравились друг другу. Пользуясь присутствием в Свердловске ответственного работника министерства, А.Н. Косухин уговорил ректора института Е.Ф. Ратникова разрешить

мне немедленно работать в Тюменском индустриальном институте с оплатой жалованья и командировочных расходов за счет горного института. Начались мои бесконечные поездки в Москву, Томск, Омск, Новосибирск, Уфу, Грозный и в другие города за людьми, оборудованием, методической литературой и т.п. И только в начале июня 1964 года я был проведен приказом по индустриальному институту на должность декана нефтегазового факультета.

Мой первый приезд в Тюмень состоялся в двадцатых числах апреля. В один из вечеров, встретившись на вокзале Свердловска, мы разместились с А.Н. Косухиным в купейном вагоне и на другой день рано утром приехали в город, с которым была связана в последующем наша служба. Помнится хмурое, сырое утро, крупными хлопьями летел снег, хотя накануне в Свердловске стояла теплая, ясная и солнечная погода. Для суеверных все это могло показаться плохим предзнаменованием...

По улице Первомайской мы решили пройти от вокзала пешком: мне поглядеть, а Анатолию Николаевичу, бывшему в Тюмени уже не раз, показать гостю город. Города, как такового, я не увидел... Деревянные дома, грязь, асфальт кое-где, и только на улице Республики чуть отлегло от сердца: оказывается, в Тюмени есть и каменные сооружения. А когда вышли на Центральную площадь, то название Тюмени как города стало в какой-то мере оправданным.

Только к вечеру устроились в гостинице «Заря», и все последующие дни ушли на встречи, знакомства, совещания. А.Н. Косухин был в своей стихии, работал по 12–14 часов в сутки, осаждая в здании обкома приемные секретарей, а в облисполкоме – председателя и его заместителей. Объездили руководителей крупных предприятий, чего-то добивались. Где-то, не скрывая, люди восхищались умением Анатолия Николаевича налаживать человеческие контакты и его пробивной способностью, где-то мы сразу приобретали недоброжелателей и недругов...

Вспоминается, как однажды теплым и солнечным майским утром мы подходили вместе с А.Н. Косухиным к зданию облисполкома.

– Посиди, пожалуйста, на скамейке минут двадцать. Я только переговорю с председателем, тотчас вернусь, и мы поедem дальше.

Проходит полчаса, час, три часа, а ректора все нет. Мучаюсь от безделья, досада разбирает: время-то, время идет!.. Наконец, на ступеньках лестницы появляется сияющий Анатолий Николаевич. Оказывается, он «пробил» сразу с десяток квартир для будущих преподавателей и не где-нибудь, а тут же, в здании на площади, рядом с облисполкомом. На мое замечание, что за эти часы я мог бы сделать что-то полезное, он беспечно отреагировал чисто по-косухински:

– И ты хорошо поработал. Когда я убеждал председателя и других чиновников в отделе, я каждый раз показывал в окно на тебя, угрюмо сидящего на скамейке, и угрожал, что вот первый кандидат наук, бросивший ради Тюмени благоустроенный Свердловск, уже готов разочароваться и уехать обратно на Урал, так как квартир нет, да и пуск учебного корпуса задерживается...

Особенное мое разочарование вызвало состояние будущего корпуса на Центральной площади. Это позже я стал воспринимать оптимистические заверения А.Н. Косухина по любому поводу со скидкой на его умение рисовать действительность лучше, чем она есть на самом деле. А тогда, пользуясь информацией деятельного ректора, я представлял себе учебное заведение со сверкающими полами, люстрами, современной мебелью, обустроенными вестибюлями, коридорами и аудиториями. Все оказалось много хуже: четвертого этажа здания еще не существовало, шла кладка кирпича, окна без рам и стекол, множество подъемных кранов на рельсах, строительный мусор и... пустые комнаты.

А ведь в сентябре надо было начинать занятия... В те первые годы А.Н. Косухин не раз удивлял людей непривычным для руководителя доверием. Приходил человек устраиваться на работу, А.Н. Косухин беседовал с ним пять минут, десять, полчаса и... предлагал более ответственную должность, чем та, которую собирался занять пришедший. Анатолий Николаевич весело смеялся, глядя на изумленное лицо человека, которого полчаса назад еще не знал. И человек начинал верить в свои возможности. Конечно, случалось ему и ошибаться в людях. Мы – его близкие помощники – порой просто пугались этой почти «детской» доверчивости, старались как-то попридержать его. Только ненадолго. Характер не переделаешь. Анатолий Николаевич был убежден, что лучше ошибиться, веря людям,

чем наоборот. Может быть, вот такое доверие к людям было одной из причин, сделавших начало становления института временем творчества и энтузиазма.

Умел А.Н. Косухин не только понять идею, излагаемую подчиненным, но увидеть за ней большее, чем видел автор, и тут же развить ее, придать ей масштабность, нарисовать отдаленную перспективу. А это окрыляло сотрудников, толкало их на дальнейшую инициативу.

В первые месяцы становления вуза возникло множество необычных проблем, характерных только для периода рождения института. Вот одна из них: как именовать учебные группы? Ректор А.Н. Косухин, выходец из УПИ, естественно, предлагал систему машиностроительных вузов: сокращенное название специальности, номер курса и номер группы (например, ГИГ-153). В этой системе был один существенный недостаток: номер менялся каждый год в соответствии с изменением номера курса (253, 353 и т.д.). Это было крайне неудобно при заполнении документации, так как приходилось переоформлять ее ежегодно. Я попытался убедить Косухина принять систему горных и нефтяных вузов: сокращенное название специальности, год приема, номер группы обозначенной специальности (НР-64-1), что делало наименование неизменным на протяжении всех пяти лет обучения. Кроме того, это послужило бы делу унификации документов нефтяных вузов, а ТИИ был одним из них.

А.Н. Косухин обладал одним очень хорошим качеством: не упрямился, когда видел весомость доводов своего оппонента. Мое предложение о системе обозначений специальностей, курсов и групп было принято. Пример другого порядка. Одновременно с организацией подготовки специалистов нефтяного профиля институту попытались навязать и специальности по разработке и механизации торфяных залежей — основного в то время топливного продукта для местной электростанции. А.Н. Косухин, как обычно, загорелся новой идеей. С большим трудом, после многодневных споров, взаимных обид и крепких выражений мне удалось убедить его, что энергетика на торфе, когда рядом имеется высокоэффективный по теплотворной способности природный газ, дело временное и невыгодное. В результате подготовку инженеров-торфоразработчиков пе-

редали Свердловскому горному институту, профиль специальностей которого в большей мере соответствовал торфяному делу, по сути — горному. «Чистота» нефтяного эксперимента в Тюмени была выдержана.

Институту была без году неделя, а уже начинали зарождаться и осуществляться идеи, которым, казалось бы, время еще не пришло. Это порой не только удивляло, но и пугало многих: не попахивает ли здесь авантюризмом, партизанщиной? Нет элементарных аудиторий, нет еще серьезных хозяйственных тем, а беремся вдруг решать проблему студенческого научного центра и тому подобное. Сегодня все это каждому представляется естественным: иначе и нельзя было, и не возник бы сегодняшний индустриальный. Все, что делает сейчас нефтегазовый университет одним из ведущих нефтяных вузов страны, заложено было в первые годы. Оглядываясь назад, можно во всей полноте прочувствовать, какого мужества требовало принятие решений, результат которых виделся в отдаленном будущем. А мужества А.Н. Косухину было не занимать.

А.Н. Косухин родился 30 января 1925 года в г. Симферополе. В период оккупации города (1941–1944 гг.) руководил подпольной комсомольской организацией, а затем выполнял обязанности заместителя секретаря подпольного горкома ВКП(б) г. Симферополя. Надо сказать, о партизанской деятельности Анатолия Николаевича в первые годы в институте почти не было известно, пока в 1969 году свердловский журнал «Уральский следопыт» не опубликовал интересную статью под названием «Гестапо ищет Косухина».

Материалы статьи содержали малоизвестные факты биографии А.Н. Косухина, относящиеся к годам его юности, которые проходили в оккупированном немцами Симферополе. Благодаря этой публикации, а также некоторым другим мы, коллеги Анатолия Николаевича, совершенно неожиданно узнали подробности подпольной работы нашего ректора в Крыму.

В год двадцатилетия Победы в 1965 году А.Н. Косухин как-то уехал в командировку в Москву, а затем в Симферополь. Цель поездки нам не была понятна. Вскоре стало известно, что ректор вернулся в Тюмень обладателем одной из высших наград того времени

— ордена Ленина. Тогда подумалось, что награждение, совершенно заслуженное, есть следствие выдающихся заслуг в развитии высшего нефтяного образования за Уралом. Такое награждение, кстати, действительно произошло несколько позже, в 1967 году — орден Трудового Красного Знамени. В Крыму же награждение состоялось совсем по-другому поводу. Десятого мая 1965 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями участников подполья Крымской области». В нём среди других фамилий присутствовало имя А.Н. Косухина.

Косухин, будучи человеком необычайной скромности, никогда не пытался афишировать свои военные заслуги. И только статьи в газетах и журнале помогли нам, его коллегам, раскрыть глаза на совершенно невероятные подробности биографии ректора. Должен признаться, что, общаясь на протяжении многих лет с А.Н. Косухиным, в том числе в обстановке, далёкой от официальной и благоприятствующей воспоминаниям, я ни разу не слышал от него даже намёка на своё героическое прошлое. Только однажды и при необычных обстоятельствах он нарушил молчание. Как-то, это случилось осенью 1965 года, мы с ним возвращались домой поздно вечером. Жили мы с ним в одном доме по улице Ленина. Окна моей квартиры выходили на Центральную площадь. Вот под этими окнами, рядом с магазином «Подарки», нас в темноте остановила пьяная компания молодых людей из четырёх человек, потребовав деньги. Честно говоря, если бы не Косухин, я вряд ли решился бы дать им сокрушительный отпор. При моей поддержке Анатолию Николаевичу хватило несколько секунд, чтобы двое из нападавших оказались лежащими на земле. Остальные ретировались. Запыхавшись, я спросил ректора: «Стоило ли рисковать?». Ответ, суть которого стала мне ясна несколько позже, прозвучал так: «Стоило. Мразь понимает только силу. Мне во время войны в Крыму не раз приходилось сталкиваться с подобной сволочью из полицаев и предателей».

Анатолий Косухин вырос в учительской семье. С 1932 года учился в школе с богатыми традициями, бывшей когда-то мужской симферопольской гимназией. В ней в свое время учились художник И.К. Айвазовский, историк Н.С. Державин, отец русской атомной бомбы физик И.В. Курчатов. Накануне войны с Германией Анатолий окончил девятый класс, увлёкся геологией Крыма, ходил в горы на экскурсии с геологическим молотком, подаренным ему дедом.

В 1942 году оккупационные власти милостиво соизволили открыть в Симферополе на окраине города школу, размещённую в нескольких хибарах. Здания настоящих школ были заняты румынской полицией и тюрьмой. Классы школ подверглись разграблению. Учёба в такой немецкой «школе» стала для десятиклассников одним из первых толчков к противостоянию фашистам. Так, Анатолий Косухин перед вручением аттестата зрелости намеренно обжёг свою ладонь, перевязал её бинтом, чтобы не подавать руки немецкому генералу, вручавшему документы.

Анатолий жил в частном доме на северо-восточной окраине города в тупике трамвайной линии в районе Красной Горки вместе с матерью Марией Павловной Смирновой-Косухиной-Вергили (1902–1955), отчимом Вергили С.М. (1898–1948), с бабушкой и дедом Смирновыми — родителями матери. Мария Павловна горячо любила единственного сына и все годы оккупации Симферополя была активной помощницей и хранителем молодых подпольщиков. С отцом, Н.И. Косухиным, сын и семья потеряли связь ещё с середины 1930-х годов.

Руководитель крымского подполья И.А. Козлов не раз бывал у Косухиных в 1941–1944 гг. По его воспоминаниям, их дом сохранил достаток и обстановку довоенного времени с богатой мебелью, библиотекой, патефоном и велосипедом. Дед, 65-летний Павел Лаврентьевич, прятал документы подпольной организации и радиоприёмник, с помощью которого подпольщики тайно, но постоянно слушали Москву. Сводки Совинформбюро с военных фронтов переносились на листовки, которые расклеивались по городу для информации населения. Тираж листовок достигал тысячи экземпляров. Нет необходимости говорить, что содержание сводок резко отличалось от сведений и пропаганды оккупационных властей.

Интересно, что радиоприёмник был самодельным. Друг А. Косухина по школе Николай Долетов — опытный радиолюбитель — раздобыл необходимые детали. Анатолий приспособил под шасси приёмника небольшой металлический ящик, вмонтировал панель под лампу, укрепил катушку и переменный конденсатор настройки, впаял детали и провода монтажа. Подключил батареи накала и анода. Вместо наружной антенны, которая могла бы демаскировать подпольщиков, использовали провода трансляционной радиосети. Приёмник к восторгу присутствующих сразу заработал.

Впервые молодёжный комсомольский отряд, состоящий поначалу из трёх человек – друзей и одноклассников Анатолия – проявил себя как диверсионная группа вскоре, после того как немецкие войска в октябре–начале ноября 1941 года танковыми клиньями ударили от Перекопа на Севастополь и Керчь. Симферополь оказался окружённым, в тылу у немцев. События развивались настолько стремительно, что почти никто из жителей города не сумел воспользоваться эвакуацией. Вот имена этих смельчаков: Анатолий Косухин – руководитель, подпольная кличка «Дядя Костя», а чаще просто «Костя», Борис Хохлов и Евгений Семняков. «Дяде Косте», между прочим, к тому времени, шёл семнадцатый год! И о нём, шестнадцатилетнем, в книгах по истории партизанского движения в Крыму писали как об «энергичном руководителе действий подпольщиков». Позже к группе присоединились одноклассники Элик Стауэр, Василий Бабий, Владимир Енджиян, Виктор Долетов, Яков Морозов, Лидия Трофименко, Василий Алтухов, Анатолий Басс и другие. Так и родилась Симферопольская подпольная организация (СПО). Этой аббревиатурой подпольщики подписывали свои листовки. Печатали их сначала с помощью шрифта, украденного в городской типографии, а позже – на миниатюрном печатном станке, полученном от партизан. У партизан же получали магнитные мины для диверсий и оружие. Сам Косухин имел, на зависть друзей, личный пистолет. Надолго, на все военные годы, лексикон подпольщиков насыщали термины типографского дела: верстка, крупный кегль, пробельный материал и накат, наборная касса, шпоны и литеры.

Когда в городе немцы установили комендантский час, улицы на всё ночное время пустели. Город находился во власти ночных патрулей. С одной стороны, ночь – наименее опасное время для диверсий, с другой – существовал большой риск нарваться на патрули. И тогда подпольщики решили обзавестись немецкой военной формой. Приём оправдал себя, и с его помощью удалось провести несколько эффективных диверсионных операций. Так, в старинном особняке, в котором до войны располагалась панорама «Штурм Перекопа», немцы устроили конюшню и казарму. Обманув несколько патрулей и обезвредив часового, четверо смельчаков во главе с Косухиным ворвались в здание, в котором находилось свыше 20 солдат и полицейских, опустошили «козлы» с оружием, нагрузились патрона-

ми и немецкой форменной одеждой. И таких дерзких налётов было несколько. Взрывали цистерны с бензином, освобождали пленных, переодевшись в форму немецких солдат, сжигали склады, железнодорожные составы с боеприпасами и автомобили, сообщали партизанам сведения о расположении и численности немецких войск и авиации.

Не обошлось без людских потерь. Особенно тяжёлым оказался арест и гибель в застенках гестапо Бориса Хохлова. Он погиб, приняв мученическую смерть, но не выдал товарищей. Благодаря его мужеству организация сохранила свой состав, оружие и радию до самого момента освобождения Симферополя в апреле 1944 года. Да и сами молодые подпольщики к этому времени все без исключения обзавелись сединой.

Незадолго до отхода немцев из города группа Косухина приняла участие в партизанской акции, направленной на срыв немецкой эвакуации. По заданию партизанского центра было решено взорвать телефонную станцию. Граната, брошенная Косухиным в окно, попала на ящик с взрывчаткой. Взрыв был настолько мощным, что разворотил кирпичные стены, а Косухин получил тяжелейшую контузию. С апреля по июль 1944 года начались скитания по лазаретам и больницам с тяжёлой болезнью и сильными головными болями.

В послевоенные годы в Симферополе, особенно накануне 20-летия Победы, вышло из печати немало книг о партизанах и подпольщиках Крыма. Наиболее подробному изложению деятельности группы Косухина посвящена солидная, в 360 страниц, книга А. Кузнецова и Н. Панюшкина «Повесть о молодых подпольщиках». Не будет преувеличением сказать, что эта книга – лучший памятник А.Н. Косухину, поскольку редкая страница в ней обходится без упоминания его имени. Я очень сожалею, что с упомянутыми книгами мне довелось ознакомиться только после отъезда Косухина из Тюмени. Сам он, несомненно, знакомый с ними, никогда о них не упоминал. Книга иллюстрирована прекрасными работами художника Ю. Волкова. На рисунках показаны сам Анатолий Косухин, переодетый в немецкую военную форму, в момент освобождения пленных советских военнослужащих, и в будни диверсионной работы подпольщиков. Как руководитель подполья по диверсионной деятельности он постоянно имел связи и посещал в лесах и горах Крыма партизан-

ские отряды. После освобождения в 1944 году Крыма и поправки здоровья в госпиталях А.Н. Косухина в октябре того же года откомандировали на учёбу в Московский энергетический институт.

Многие подробности деятельности группы Косухина, продолжавшейся под боком у гестапо два с половиной года, описаны в воспоминаниях И. Козлова. Когда я впервые познакомился с ними, у меня осталось неоднозначное впечатление о взаимоотношениях этих двух героических людей. Козлов — опытный подпольщик ещё с дореволюционных времён, как руководитель всего симферопольского подполья немало сделал для того, чтобы предотвратить провалы молодёжной группы. Он постоянно сдерживал юношескую удаль и горячность Косухина, граничащие с беспечностью. Упрекал Анатолия, когда тот ухарски расклеивал листовки на здании гестапо, а не в жилом массиве, где только и могли относительно спокойно прочитать листовку простые жители. С другой стороны, сквозь интонации Козлова — человека старшего по возрасту и положению, просматривались едва скрываемые раздражение, недоброжелательность и даже зависть. Особенно это было заметно в тех случаях, когда молодые подпольщики проводили акции по собственной инициативе и без согласования с Козловым. «В этом парне, наряду с большой смелостью, были какие-то беспечность и самомнение, которые меня очень тревожили. Он любил слово "самостоятельно"», — писал Козлов. И далее: «Поведение Кости меня очень тревожило. Парень, безусловно, смелый и инициативный, но он часто вёл себя очень легкомысленно, с большим трудом привыкал к партийной дисциплине». Вот тут что верно, то верно: Косухин, действительно, мало считался с партдисциплиной. Так, будучи в Тюмени, и, вероятно, с молодых лет познавший горький опыт «партдисциплины», он не любил общаться с партчиновниками, предпочитая решать все вопросы строительства нового вуза только через первого секретаря обкома КПСС. Всё это, как и в Симферополе, вызывало раздражение и неудовольствие заведующих отделами обкома и инструкторов.

Козлов вспоминал, как однажды он конспиративно посетил квартиру Косухиных. В присутствии матери 17-летний Анатолий по простоте душевной заговорил с Козловым о возможных наградах в случае, если война уйдёт из Крыма. Интересовался и условиями присуждения звания Героя Советского Союза. Возможно, он имел в

виду не столько себя, сколько своих товарищей, ежедневно рискующих жизнью. Раздражённая реакция Козлова последовала немедленно без какой-либо скидки на юношеское мышление Анатолия. Упор на мнимые или действительные недостатки Анатолия, на фоне всего им сделанного в подполье, стал после этого разговора намеренно и открыто предвзятым. Впрочем, раздражение в адрес других не помешало Козлову позже включить себя в представление на Героя...

Недавно мне довелось наладить переписку с профессором кафедры теории и истории литературы и журналистики гуманитарного факультета Российского государственного социального университета (г. Москва), доктором филологических наук Валентиной Георгиевной Науменко. Её мать в молодости участвовала в работе крымского подполья. Профессор отыскала в Российском госархиве социально-политической истории (РГАСПИ) наградной лист и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, подготовленный в 1944 году. В проекте Указа говорилось о присвоении звания Героя Советского Союза крымским партизанам.

Вот его текст: *«За образцовое выполнение заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда»: Грузинову Георгию Фёдоровичу, Козлову Ивану Андреевичу, Косухину Анатолию Николаевичу, Кузнецову Владимиру Степановичу, Федоренко Фёдору Ивановичу.*

*Председатель Президиума ВС СССР М. Калинин,
секретарь А. Горкин. Москва, Кремль».*

Сложные взаимоотношения в руководстве партизанского движения в Крыму стали, вероятно, основной причиной, по которой проект указа не был реализован. Очевидно, были люди, не заинтересованные в том, чтобы их руководящие заслуги выглядели бы преуменьшенными после награждения рядовых бойцов невидимого фронта. О сложностях таких отношений в партизанской среде подробно писал автор монографии Н. Луговой. Неслучайно рукопись книги пролежала в архивах Крыма без издания около сорока лет и вышла из печати только после ухода автора из жизни.

В 1951 году А.Н. Косухин завершил высшее образование в Московском энергетическом институте. С дипломом инженера-механика энергомашиностроительного факультета его направили в Свердловск на Уральский турбомоторный завод. В должности инженера-конструктора он работал два года, а затем по конкурсу прошел на должность ассистента кафедры строительной механики Уральского политехнического института.

Двенадцатилетнее пребывание в одном из ведущих вузов страны оставило заметный след в формировании А.Н. Косухина как работника высшей школы. Здесь он защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом, приобрел опыт работы в общественных организациях, научился трудной науке общения в руководящих кругах, без помощи, внимания и покровительства которых в те годы невозможно было сделать ни одного серьезного шага. С февраля 1964 года доцент А.Н. Косухин официально назначается ректором еще не существующего Тюменского индустриального института. Но первые хлопоты и поездки из Свердловска в Тюмень начались раньше — в начале января.

Профессорское звание за совокупность научных трудов (свыше 25 опубликованных работ) и за успехи в педагогической деятельности он получил в ноябре 1970 года. За время работы в индустриальном институте профессор А.Н. Косухин неоднократно представлял российскую высшую школу за рубежом: совещание в Болгарии по применению технических средств обучения (1971 г.), семинар в ГДР по учебному телевидению (1972 г.), Всемирный газовый конгресс во Франции (1973 г.). Он входил в состав делегации страны на всемирном нефтяном конгрессе в Японии (1975 г.).

В 1972–1973 годах у ректора возникли серьезные осложнения с некоторыми отделами обкома КПСС, в том числе с отделом учебных заведений, курировавших институт. Явная недооценка отделом сделанного А.Н. Косухиным для Тюмени и области и вслед за этим родившаяся обида ускорили решение Анатолия Николаевича об отъезде из города. Помнится, в октябре 1973-го во время передачи мне своих ректорских дел и забот он говорил: «Постоянно имейте в виду мой горький опыт. Можно построить еще один учебный корпус, студенческое общежитие, проявить полезную инициативу по улучшению учебного процесса, умножить количество докторов наук. Но

если к приходу в институт партийного начальства вы забудете покрасить вестибюль и парадные лестницы, считайте, что все ваши труды напрасны, их никто не оценит». И еще: «Вспомните 1966 год, когда вам, первому организатору высшего нефтяного образования в Тюмени, декану факультета не простили непочтительного отношения к вашей студентке, дочери «Первого». Впрочем, не простили и мне... Вот и думайте. Мой совет: не задерживайтесь на этой должности более пяти лет, иначе быстро примелькаетесь в партийных верхах».

Говорил, как в воду глядел. Тринадцать лет спустя, когда пришел мой черед передачи ректорских дел, я сам был готов вторично произнести те же самые слова...

Неменьшие сложности постоянно сопровождали А.Н. Косухина во взаимоотношениях с Минвузом России. Многие проблемы он решал в явном противоречии с финансовыми инструкциями и положениями. При создании вуза такое отношение к официальным бумагам было неизбежным. Впрочем, были шаги и с явно авантюрным оттенком. Как-то (кажется, году в семидесятом) ректор решил побывать в Краснодарском крае в совхозе «Фанагорийский» для заключения длительного, на много лет, договора о взаимном сотрудничестве. А чтобы показать перед руководством совхоза, что сибиряки не лыком шиты, заказал в грузопассажирском самолете рейса Тюмень–Краснодар место для себя и своей «Волги». В итоге от южного аэропорта до совхоза Анатолий Николаевич, заядлый автомобилист, добрался за рулем своим ходом. «Операция» хотя и удалась, но стоила немалых денег. По завершении переговоров ректор уехал в отпуск, переправившись с машиной на пароме в Крым через Керченский пролив, и махнул в родной Симферополь... Тогда же он оплатил крупную сумму за костюмы для бойцов студенческого отряда института. Вопреки, разумеется, всяким запретам.

В итоге обе эти истории стали известны в бухгалтерии Министерства. Нагрянула комиссия, родился акт, как тогда говорили, достаточно высокой «паршивости» с упоминанием прокуратуры и угрозой солидного штрафа-начета на виновников. Я в те дни замещал ректора, уехавшего в московскую командировку. Последовал телефонный вызов к заместителю министра по административно-хозяйственной части Д.Н. Харитонову. Вхожу в назначенное время в его приемную. А там уже сидит (разыскали-таки и его в Москве) Анатолий Николаевич. Так мы вдвоем и предстали перед грозны-

ми очами высокого начальства. А.Н. Косухин явно волновался, если не сказать большего. У меня же руки были развязаны, финансовые документы я не подписывал, да и проректором был назначен недавно. Словом, мне терять было нечего, и чувствовал я себя менее скованно. Может быть, поэтому после слов заместителя министра: «...в последнее время в работе Тюменского индустриального института я не вижу ни единого светлого пятна, а тут еще этот акт ревизии!» я, возможно, с отчаяния, перебил Д.Н. Харитонову. Возмутился отсутствием в его представлении «светлых пятен», назвал цифры выпуска специалистов, упомянул роль ТИИ в реализации грандиозной правительственной задачи освоения нефтяной целины и вовремя подсунул автограф предсовмина А.Н. Косыгина, оставленный им при посещении института в книге почетных гостей...

Проработка закончилась столь же мгновенно, как и началась. Д.Н. Харитонов прервал беседу, отложил встречу на завтра, обещав «кое с кем посоветоваться». Наутро у меня в гостинице раздался телефонный звонок. А.Н. Косухин сообщал, что вторичная беседа отложена на неопределенное время... Тут же прозвучала приятная, не скрою, похвала: «А ты мужик – ничего!». Правда, похвала эта позже обернулась для меня многими непредвиденными хлопотами: уезжая в отпуск или командировку, на протяжении нескольких лет он неизменно оставлял за себя своего проректора по научной работе.

В середине 1973 года А.Н. Косухин избирается по конкурсу на должность профессора Московского института нефтехимической и газовой промышленности. Вскоре его назначают директором научно-исследовательского и проектного института НИФИЭСУ Миннефтегазстроя. Как и в Тюмени, организацию института приходилось начинать с нуля. Казалось, А.Н. Косухин снова погрузился в ритм работы, всегда бывший ему по душе. Разница была только в том, что новое дело приходилось вести не в Сибири... Сотрудники института, в основном москвичи, терпели пришлого директора только до тех пор, пока шла организационная пора. Как только наступили будни, начались склоки, анонимки, жалобы и, как водится, бесконечные проверки и комиссии. Анатолий Николаевич счел разумным уступить свою должность другому. В дальнейшем он работал в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, возглавлял Главное управление по использованию технических средств

обучения и совмещал основную работу с профессорством в нефтяном институте. Изматывающая нервы и здоровье столичная обстановка оказалась для А.Н. Косухина непосильной. Во время неоднократных посещений Тюмени он постоянно сетовал на отсутствие удовлетворения от проделанной работы. С удовольствием вспоминал годы своей работы в Тюмени как одни из самых светлых.

Профессор Косухин Анатолий Николаевич – крупнейший деятель высшего нефтяного инженерного образования России и организатор ТИИ, почетный гражданин города Симферополя, нередко поражал нас, его соратников, своими познаниями в области горного дела и радиотехники. Это было тем более удивительным, поскольку по своему инженерному диплому он был специалистом по турбиностроению, а в научном плане – по сопротивлению материалов и строительной механике. В первый же год существования института Косухин проявил инициативу по созданию в вузе геологического музея, учебного телевизионного и мощного вычислительного центра. Мы очень мало знали биографию своего шефа, особенно в его молодые годы, а сам ректор, в силу своей необыкновенной скромности, никогда не распространялся подробностями сведений о себе.

В конце 1980 годов, уже после кончины Анатолия Николаевича я, с опозданием спохватившись, обратился к его вдове, Прокопенко Тамаре Антоновне, проживающей в Симферополе. С ней я был знаком с 1964 года по Свердловску. Мое обращение содержало просьбу прислать в музей ТГНГУ дополнительные материалы о супруге, на мой взгляд, не до конца оцененном общественностью в Тюмени. Итогом телефонных переговоров и переписки стала обширная папка с документами, фотографиями, вырезками из газет, ксерокопиями страниц из многочисленных и малоизвестных книг, изданных, в основном, местным издательством в Симферополе.

В составе архива – множество бытовых фотографий самого Косухина, начиная с первых послевоенных лет и в период его учёбы в Московском энергетическом институте в 1944–1951 годах, а также его семьи в уральский период деятельности будущего ректора (1951–1963). Снимки отображают первые тюменские годы Анатолия Николаевича, в том числе – на отдыхе как заядлого автолюбителя. Естественно, наибольшее внимание отдано документам послед-

них лет жизни А.Н. Косухина в Тюмени, Москве и Симферополе как почётного гражданина этого города. Представляют интерес фотографии Косухина в его зарубежных поездках, когда Анатолий Николаевич в составе делегаций СССР представлял Россию на Всемирных конгрессах и совещаниях в Токио и Ницце, в Германии и в других местах планеты. Как турист он посетил Австрию, Румынию и Болгарию, Чехословакию, Венгрию и Югославию. По служебным делам побывал в странах Скандинавии и Северной Африки. В общей сложности фотоархив насчитывает более 100 единиц.

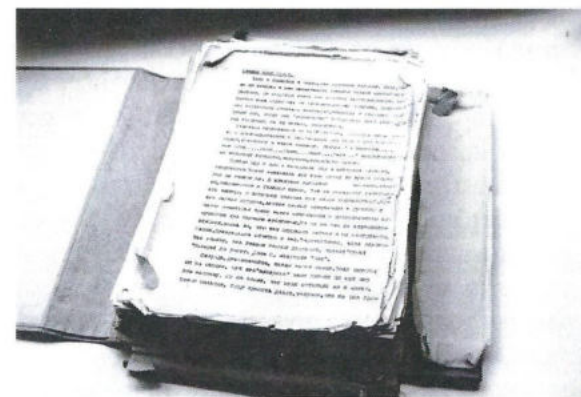
Не менее важна та часть архива, а это несколько папок документов, которая содержит сведения об участии молодого, а точнее сказать – юного Косухина в партизанском движении в Крыму, оккупированному в 1941–1944 годах немецкой армией. Одна из папок целиком отдана воспоминаниям и дневниковым записям матери Косухина Марии Павловны Косухиной-Вергили (1902–1955). Машинописный текст воспоминаний содержит 342 страницы.

Другая не менее объёмистая папка содержит документы, письма и газетные публикации, объединённые А.Н. Косухиным одним словом «козловщина». Материалы отображают драматический фрагмент биографии А.Н. Косухина, когда его заслуги военных лет были поставлены под вопрос. Сомнительную инициативу проявил руководитель крымского подполья И.А. Козлов, пытавшийся через опубликованную им книгу «В крымском подполье» (Москва, 1947) опорочить молодёжную организацию Симферополя и приписать руководство ею себе и под его партийным патронажем. После освобождения Симферополя и Крыма в 1944 году пятеро руководителей крымского подполья были представлены к званию Героев Советского Союза. В списке был и А.Н. Косухин. Но раскольническая деятельность Козлова, опустившегося до уровня клеветы, оттянула решение правительства на многие годы. Только в 1965 году Косухину вручили-таки орден Ленина.

Ценным пополнением архива стали материалы кандидатской диссертации А.Н. Косухина в двух томах (текст и приложения как итог вычислений на ЭВМ), протокол заседания объединённого учёного совета по строительству при Уральском политехническом институте № 13 от 17 июня 1963 года и несколько отзывов ведущих учёных на диссертационную работу.

Тема 243-страничной диссертации: «Практический метод расчёта прямоугольных пластин и некоторых тонкостенных пространственных систем». Научным руководителем исследований был член-корреспондент Академии строительства и архитектуры СССР д.т.н., профессор С.А. Рогицкий. Главным оппонентом работы стал доктор технических наук, профессор кафедры строительной механики Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского А.С. Вольмир, а передовым предприятием – НИИ при заводе «Уралэлектрораппарат». В диссертации соискатель изложил опыт своей работы на Свердловском турбомоторном заводе как инженера по турбостроению. Это с одной стороны. А с другой – Косухин проявил себя как опытный специалист и научный работник по сопротивлению материалов и строительной механике. Возможно, впервые в стране Косухин широко и умело использовал в расчётах только что появившиеся в промышленных масштабах, пусть и примитивные с точки зрения сегодняшнего дня, вычислительные машины типа «Урал-1». Актуальность темы, методы решения проблем, широкое использование математических методов исследований настолько впечатлили членов совета, что голосование стало единогласным, и даже прозвучало предложение о присуждении соискателю на том же заседании докторской степени.

В архиве сохранились положительные отзывы ведущих учёных. Среди них – рецензии заведующего кафедрой строительной механики Свердловского горного института (СГИ) профессора, д.т.н.

Дневник воспоминаний Марии Павловны Косухиной-Вергили

И.И. Вахромеева и доктора физико-математических наук МГУ П.М. Огибалова. Для меня имя Вахромеева звучит здесь наиболее авторитетно, поскольку в годы моей учёбы в СГИ профессор, в те годы заведующий кафедрой сопротивления материалов и гидравлики, читал нам курсы гидравлики, насосов и гидромашин, и считался в студенческом кругу исключительным знатоком своего дела. Лекции запомнились ещё и потому, что каждая из них сопровождалась примерами и воспоминаниями профессора из его инженерной практики.

В общей сложности, профессором А.Н. Косухиным за годы работы в Свердловске, Тюмени и Москве опубликовано 25 научных работ по проблемам строительной механики тонкостенных конструкций, в том числе – в сборниках трудов ТИИ.

Из газетных же вырезок со статьями о Косухине, датированных 1945 и 1963 годами, я с изумлением прочитал о том, что в краеведческом музее Симферополя хранится самодельный радиоприемник, изготовленный А.Н. Косухиным в условиях подполья. С помощью этого аппарата юные подпольщики принимали сводки Совинформбюро и узнавали по радио состояние дел на фронтах, и полученные сведения сообщали жителям города на страницах листовок. Стало быть, еще в предвоенные годы Косухин был достаточно опытным и подготовленным радиолюбителем. Вот откуда, спустя много лет, возродился у ректора интерес к радио и учебному телевидению.

Упомянутая газета со статьей вышла из печати более чем полвека назад. Много времени меня мучил вопрос: сохранился ли в музее Симферополя редчайший экспонат, особенно после событий, когда истинно русский Крым оказался под крылом самостийной Украины? В мае 2005 года в Симферополь на одну из научных конференций был приглашен старейший профессор нашего университета М.Х. Утешев. Узнав о предстоящей поездке, я настоятельно попросил Мирабо Хусаиновича посетить музей и узнать о судьбе радиоприемника, а если он сохранился, то попытаться сделать его фотоснимок. Преодолев немалые препятствия, Утешев выполнил мою просьбу. Приемник по-прежнему находился в экспозиции, но сфотографировать его разрешили только через стекло витрины. Снимок получился не столь четким, как хотелось бы но общее представление о конструкции мы получили, зная аналогичные типовые любительские конструкции тех лет. Разумеется, в наших мечтах не было и мыслей

с просьбой о передаче экспоната в музей ТГНГУ. Поэтому возникла идея построить действующий макет приемника, в точности повторяющего оригинал в соответствии с фотографией и с использованием радиодеталей и лампы 1930-х годов. По расположению этих деталей и монтажа мы воспроизвели принципиальную схему приемника и установили литературу, которой пользовались подпольщики для его монтажа. Это был одноламповый регенератор прямого усиления на коротких волнах с обратной связью и с прослушиванием радиосигнала наушниками. Питался приемник от батарей и автомобильного аккумулятора.

Трудно поверить, но приобретению аккумуляторов способствовал Франц Вольф – немецкий офицер, снимавший квартиру в доме деда А.Н. Косухина. В прошлом, перед войной, Вольф работал на немецком радио, знал состояние дел в России, был антифашистом и осуждал агрессию против СССР. Быть антифашистом в годы, когда немецкая армия находилась на вершине славы перманентных побед, мог позволить себе только убежденный в своей правоте и очень мужественный человек. Вызывает восхищение степень прозорливости юного Косухина, который доверился немцу и не ошибся в нем. А ведь со стороны постояльца могла быть и провокация, печальные последствия которой для всей семьи Косухиных нетрудно представить. Любопытная деталь: приемник-регенератор – это сильно излучающее электронное устройство. При элементарном знании радиотехники 1930-х годов, коим гестаповцы в Симферополе, судя по всему, не обладали, засечь радиоприемник локатором не составило бы большого труда. Да что там локатором, обычный радиоприемник, издававший свист от работы по соседству регенератора, заглушающий радиоприем в радиусе несколько десятков, а то и сотен метров, должен был бы насторожить гестапо.

Поражает и другое. Как можно догадываться, А. Косухин при постройке самодельного приемника интуитивно и справедливо полагал, что слабый радиосигнал на средних и длинных волнах из-за большого удаления Симферополя от Москвы вряд ли может быть принят на простейший аппарат. Вот почему была выбрана схема однолампового коротковолнового приемника как единственно надежного средства радиосвязи на основе простейшей конструкции. Короткие волны обладают способностью распространения на значи-

тельные расстояния даже от маломощных передатчиков. Такой выбор Косухиным конструкции приемника тем более оправдан, если знать, а Косухин не ведал об этом, что в годы войны в целях безопасности московские радиостанции перебазировали на Урал. Все правительственные сводки с театра войны передавались из Свердловска, а это много дальше от Симферополя, чем до столицы страны.

Так что знаменитые слова диктора Левитана «говорит Москва!», мягко говоря, не соответствовали действительности.

За изготовление макета радиоприемника А. Косухина взялся старейший тюменский радиолюбитель, внештатный сотрудник Музея истории науки и техники Зауралья при ТГНГУ и талантливый конструктор Геннадий Васильевич Барбин – участник строительства в 1957 году любительского телецентра в Тюмени. К концу 2005 года приемник не только был собран, но и заговорил, принимая коротковолновые станции, включая Лондон. Макет стал не только украшением музея, но и свидетельством памяти о человеческих качествах первого ректора и его юношеских увлечениях.

Из симферопольских газет удалось также узнать и о проявлении интереса юного Косухина к геологии и минералогии Крыма. Оказывается, в школьные годы накануне военных лет Анатолий с интересом, вне школьной программы, изучал геологическое строение окрестностей Симферополя. С геологическим молотком в руках и с рюкзаком за плечами он обошел крымские горы и собрал неплохую коллекцию минералов. Тесное знакомство с горами, кстати, позже пригодилось в партизанской работе молодого подпольщика. Вот почему инициатива организации геологического музея в ТИИ, исходившая от кафедры общей геологии, нашла горячую поддержку ректора. Были выделены средства для закупки в Свердловске уральских минералов. Свердловский горный институт подарил вузу горку уральских минералов, ставших основой музея. Музей разместили в помещении холла главного корпуса института на третьем этаже (Волгодарского, 38).

М.Х. Утешев, кстати, кроме сведений о музейном экспонате привез из Симферополя фотографию надгробного памятника А.Н. Косухина на местном кладбище и снимок здания школы, в которой он учился до войны.

Знакомство с кандидатской диссертацией нашего ректора удивило меня не столько высоким математическим уровнем изложе-

ния материалов исследований, сколько повсеместным использованием электронно-вычислительных машин, которыми располагал УПИ. Для 1960–1963 годов, когда готовилась диссертация, это было неслыханным прорывом в методику исследований. С позиций сегодняшнего дня использование примитивных ЭВМ с ограниченными возможностями тех лет кажется не бог весть каким достижением. Но тогда это был смелый шаг вперед. Неслучайно в процессе защиты прозвучали голоса о присуждении соискателю сразу докторской степени. Вся новизна исследований Косухина с применением ЭВМ пригодилась будущему ректору при создании в ТИИ вычислительного центра, каким областной город ранее не обладал.

Анатолий Николаевич удивительным образом умел находить среди молодежи талантливых вожаков-трудяг. Он любил общение с ними и поручал им ответственные дела, будь то строительство учебного корпуса или актового зала, монтаж или эксплуатацию первого в Сибири учебного телецентра или организацию работы студенческих строительных отрядов. Я нередко с белой завистью наблюдал, как умело, с уважением и на равных, без подчеркивания разницы в возрасте или положения ректор вел переговоры со студентами или молодыми выпускниками вузов. У меня это получалось хуже. Сказывалась, вероятно, многолетняя работа на производстве, где подобный уровень обращения недопустим. Но вуз – это совсем другое «производство». Ректор это интуитивно ощущал, и когда он запускал в работу очередной свой проект, то, убедившись, что начало обнадеживающее, дальнейшее руководство перепоручал мне. Так было со строительством телецентра и вычислительной лаборатории, в поисках кадров на стороне, в руководстве научной работой вуза и, наконец, в передаче мне ректорских дел в конце 1973 года.

А.Н. Косухин обладал редким даром: с невероятным энтузиазмом и охотой начинать что-то новое, отдавать ему все свои силы и время. Его рабочий день продолжался не менее 12–14 часов. Неслучайно при отъезде секретаря ОК КПСС Б.Е. Щербины в Москву Косухин с энтузиазмом принял его приглашение возглавить в столице организацию с нуля научно-исследовательского института по проектированию газопроводов. Анатолий Николаевич обожал начинать новые дела, когда кроме планов на бумаге ничего другого еще нет.

Памятник А.Н. Косухину в Симферополе

После ухода на пенсию в 1988 году А.Н. Косухину удалось реализовать свою многолетнюю мечту: возвратиться на родину в Симферополь, без сожаления оставив Москву. Переезд, к несчастью, оказался роковым. Вскоре он скончался от сердечной недостаточности.

Удивительная энергия, талант организатора, готовность поддерживать плодотворные идеи коллег и помочь претворить их в жизнь, оптимизм, высокая эрудиция ученого, доброжелательность А.Н. Косухина навсегда сохраняются в благодарной памяти его учеников и коллег, а результаты плодотворной деятельности – в истории Тюменского государственного нефтегазового университета.

Музей истории науки и техники скрупулезно собирает любые материалы, особенно фотографического характера, которые позволили бы расширить сведения о деятельности первого ректора. В последнее время фототека музея пополнилась редкими снимками, на которых А.Н. Косухин провожает студенческий строительный отряд ТИИ в район будущего села Мортка. Представляет также интерес фотография, любезно предоставленная для копирования тюменским краеведом В. Кубочкиной. На ней отображена встреча ректора в Тюмени с делегацией из Чехословакии в 1966 году.

Пятого мая 2006 года состоялось долгожданное открытие мемориальной доски первому ректору ТИИ профессору, почетному гражданину города Симферополя А.Н. Косухину.

Доска установлена на стене главного здания вуза на пересечении улиц 8 Марта и Володарского и обращена в сторону Центральной площади. Ректор показан сидящим за рабочим столом. Основой портрета стал снимок тюменского фоторепортера А.В. Космакова, выполненный им в середине 1964 года и предоставленный мною автору памятного сооружения скульптору К.А. Гилеву из Каслей. Доска изготовлена в Тюмени в ООО «Гранит-мрамор». Буквы текста из спецсплава доставлены из Италии.

Память об А.Н. Косухине отражена в названии бульвара в Тюмени в районе улиц Таллинской и Энергостроителей. Именем первого ректора названо вновь открытое месторождение нефти на территории ТНК в Увате. В музее хранится колба с образцом нефти с этого месторождения. Нефть отобрана в июне 2006 года из скважины № 270-П с глубины 2895–2900 метров. В ТГНГУ (сегодня ТИУ) много лет работает зал А.Н. Косухина; ежегодно советом вуза присуждается премия им. А.Н. Косухина по различным номинациям учебного и научного направлений.

В Музее истории науки и техники Зауралья при Тюменском индустриальном университете развернута экспозиция, посвященная 75-летию профессора А.Н. Косухина: документы, фотографии, научные труды, его рабочая мебель и управленческие приборы. У входа в музей установлена мемориальная доска.

Биографическая справка

В.Е. Копылов (1932–2019) – доктор технических наук (1970), профессор (1972), Заслуженный деятель науки и техники России (1982), член-корреспондент РАН. Почетный гражданин города Тюмени (1999), Почетный нефтяник (2001), Почетный работник топливно-энергетического комплекса (2006), Заслуженный нефтегазостроитель (2007).

Награжден орденами «Знак Почёта» (1971), «Трудового Красного Знамени» (1976), «Labore et Scientia» («Трудом и Знанием», Европейский научно-промышленный консорциум, Брюссель, 2013) и 17

Открытие мемориальной доски А.Н. Косухину в Тюмени

медалями. В их составе «Ветеран труда», «За развитие нефтегазового комплекса России», юбилейная медаль «К 175-летию Д.И. Менделеева», «Медаль им. В.И. Вернадского» (РАЕ), включая неправительственные медали («50 лет Самотлору» и др.). Обладатель Почётных званий «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования» (РАЕ). Награждён нагрудными знаками «Золотая кафедра России» (РАЕ) и «Честь. Память. Благотворительность» (фонд В.И. Муравленко, Тюмень). В августе 2014 года Европейским научно-промышленным консорциумом В.Е. Копылову «за вклад в развитие технических и физико-математических наук, признанный мировым сообществом» присуждена медаль им. Вильгельма Лейбница («Wilhelm Leibniz»).

Окончил в 1954 г. горный институт в Свердловске-Екатеринбурге. Один из основателей Тюменского индустриального института (ТИИ) и высшего технического нефтяного образования в Тюмени (1964). Ректор ТИИ в 1973–1986 г.г. Автор более 1000 научных трудов и публикаций, включая 32 монографии.

▲ Симферопольская средняя школа № 9, в которой учился А. Косухин

▲ А. Косухин (второй ряд, третий слева). 7 класс, 1939 г.

▲ Дом Косухиных на окраине Симферополя

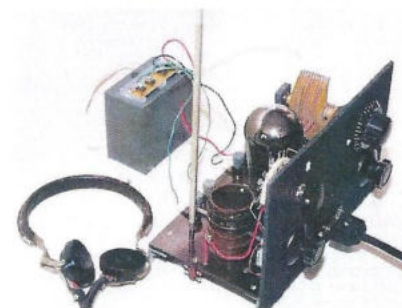

▲ Урочище Таш-Джарган в окрестностях Симферополя

▲ Анатолий Косухин. 1944 г.

▲ А. Косухин освобождает военнопленных. Рис. Ю. Волкова

▲ Собранный в ТИИ по схеме, аналогичной Косухинской, портативный радиоприемник

▲ Дневник воспоминаний матери А. Косухина

К 60-летию Великой Победы

Будем помнить

Об Анатолии Косухине знаю с раннего детства — по рассказам бабушки, которая в годы Великой Отечественной войны была подпольщицей. Будучи первоклассницей, слышала это имя от учительницы. Я начинала учебу в средней школе № 15 г. Симферополя, комсомольская организация которой носила имя руководителя молодежного подполья Бориса Хохлова (в городе есть улица, названная в его честь). Среди фотографий, вывешенных на стенде напротив учительской, я увидела фото Анатолия Косухина. Такое же было

концлагерей и переправили их в партизанские отряды.

В январе 1944 года подпольщики совершили дерзкую операцию, организовав вооруженный налет на фашистский госпиталь и освободив 8 пленных советских офицеров.

По рекомендации Ивана Андреевича Козлова, возглавлявшего Симферопольский подпольный горком партии (его именем также названа одна из улиц города), Толя Косухин как один из лучших подпольщиков был принят в партию без кандидатского стажа.

В связи с тем, что в нынешнем году Анатолию Косухину исполнилось бы 80 лет, я вновь обратилась к этому имени и

ЛИДЕР МОЛОДЕЖНОГО ПОДПОЛЬЯ

у меня в альбоме, подаренном мамой.

Мама также часто рассказывала нам с сестрой о героях и их подвигах. От нее я узнала, что Толя Косухин родился, как и я, в учительской семье. Наверное, поэтому обратила особое внимание на его красивое лицо: высокий лоб, большие глаза, волевые губы.

Но определяющим в моем интересе ко всему, что касается Великой Отечественной, думаю, послужили гены отца — фронтовика, орденоносца, который категорически не любил говорить о войне. И недосказанность сведений, которую я с трепетом ждала от отца, историка и очевидца, до конца своих дней пронесшего в сердце имена Жукова, Рокоссовского, пробуждала интерес к документальному знанию этих событий. Отец смог вложить в мое сознание то, что подлинными героями истории являются люди. Их свидетельства и судьбы переписать нельзя.

Взрослея, я все яснее осознавала, какие прекрасные молодые годы и горячие любящие сердца, талантливые судьбы были положены на алтарь Победы.

С первых дней оккупации Крыма Анатолий Косухин активно включился в борьбу против фашистских захватчиков. Со-

брав небольшую группу ребят-единомышленников, он предложил им организовать молодежное сопротивление, которое сам и возглавил. С лета 1943 года их ряды расширились, была создана Симферопольская подпольная комсомольская организация. Под руководством Анатолия Косухина она вела агитационную работу среди населения города, ближайших сел и деревень. За период оккупации Крыма ребятами было распространено свыше 25 тысяч газет, брошюр, листовок.

Молодые люди сами собирали радиоприемники, чтобы слушать сводки из Москвы. Подпольщиками была создана портативная типография, печатающая листовки и прокламации.

С огромным риском для жизни подпольщики совершили более 30 операций. Они смогли уничтожить 250 тонн горючего, принадлежавшего фашистской армии, подбили и сожгли 20 машин, взорвали 41 вагон с ценными военными грузами, подорвали водоканал на железнодорожном узле Симферополя. В ходе операций было уничтожено 89 солдат и офицеров противника.

Подпольщиками не раз срывалась отправка нашей молодежи на каторжные работы в фашистскую Германию. Члены симферопольской организации освободили военнопленных из

узнала, что в послевоенные годы Анатолий Николаевич был ученым, профессором, работал в Тюменском индустриальном институте (ныне — Тюменский государственный нефтегазовый университет), был инициатором создания и основателем этого вуза. Создатель по духу, он умел создать в коллективе атмосферу творчества, радости труда. Своим целеустремленностью смело и решительно раздвигал жесткие рамки административно-командной системы.

Бывшие ученики и коллеги Анатолия Косухина чтят его память и по крупицам собирают факты, связанные с его именем. Они установили, что Анатолий Николаевич был представлен к званию Героя Советского Союза, но по какой-то причине получил его.

В преддверии празднования 60-летия Великой Победы хочется еще раз поклониться подвигу Анатолия Косухина и его соратников, отдавших молодые жизни, любовь, таланты и надежды за мирное небо у нас над головами, и предложить землякам увековечить его память — возможно, в виде мемориальной доски на старом здании школы № 9 г. Симферополя, в которой он учился.

Ольга ИВАНОВА,
писатель, депутат Центрального районного совета г. Симферополя.

▲ А. Косухин с мамой и супругой Т. Прокопенко. Свердловск, 1951 г.

▲ А. Косухин с супругой Т.А. Прокопенко. Свердловск, 1955 г.

◀ А.Н. Косухин в кабинете своей квартиры. Свердловск, 1954 г.

▲
▼ А.Н. Косухин с преподавателями и студентами в УПИ. 1960 г.

▲ Уральский политехнический институт

П Р И К А З

по Тюменскому индустриальному институту Министерства
высшего и среднего специального образования РСФСР

№ 1/к

г.Тюмень

"10" февраля 1964г.

§ 1

С 10 февраля 1964г. приступил к исполнению своих обязанностей ректора вновь организованного Тюменского индустриального института.

Основание: Приказ Министерства высшего и среднего специального образования, № 71/к от 10 февраля 1964г.

§ 2

Тов.СОЛОВЬЕВА СЕРГЕЯ ИЗАНОВИЧА зачислить в штат института с 23 января 1964г. исполняющим обязанности проректора института.

Склад по штатному расписанию 140 руб. в месяц.
Основание: Приказ Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, № 32/к от 23 января 1964г.

Ректор индустриального
института

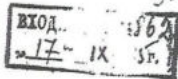
А.Н. Косухин
А. КОСУХИН

▲ Приказ №1 ректора А.Н. Косухина

▲
▼ Строительство главного корпуса ТИИ . Тюмень, 1964 г.

ПРИКАЗ
МИНИСТРА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

от 9 сентября 1965 г.

№ 470

Об упорядочении сети заочного образования
в Тюменской области

В целях упорядочения сети заочного образования в Тюменской области

П Р И К А З Ы В А Ю :

1. Упразднить с 1 сентября 1965 г. учебно-консультационный пункт Уральского политехнического института в г. Тюмени.

2. Ректору Уральского политехнического института т. Смунову передать, а ректору Тюменского индустриального института т. Ассухинову принять до 1 октября 1965 г. контингент студентов с их согласия по специальностям Тюменского индустриального института, штаты профессорско-преподавательского, учебно-вспомогательного и административного персонала и имеющуюся материальную базу учебно-консультационного пункта Уральского политехнического института в г. Тюмени.

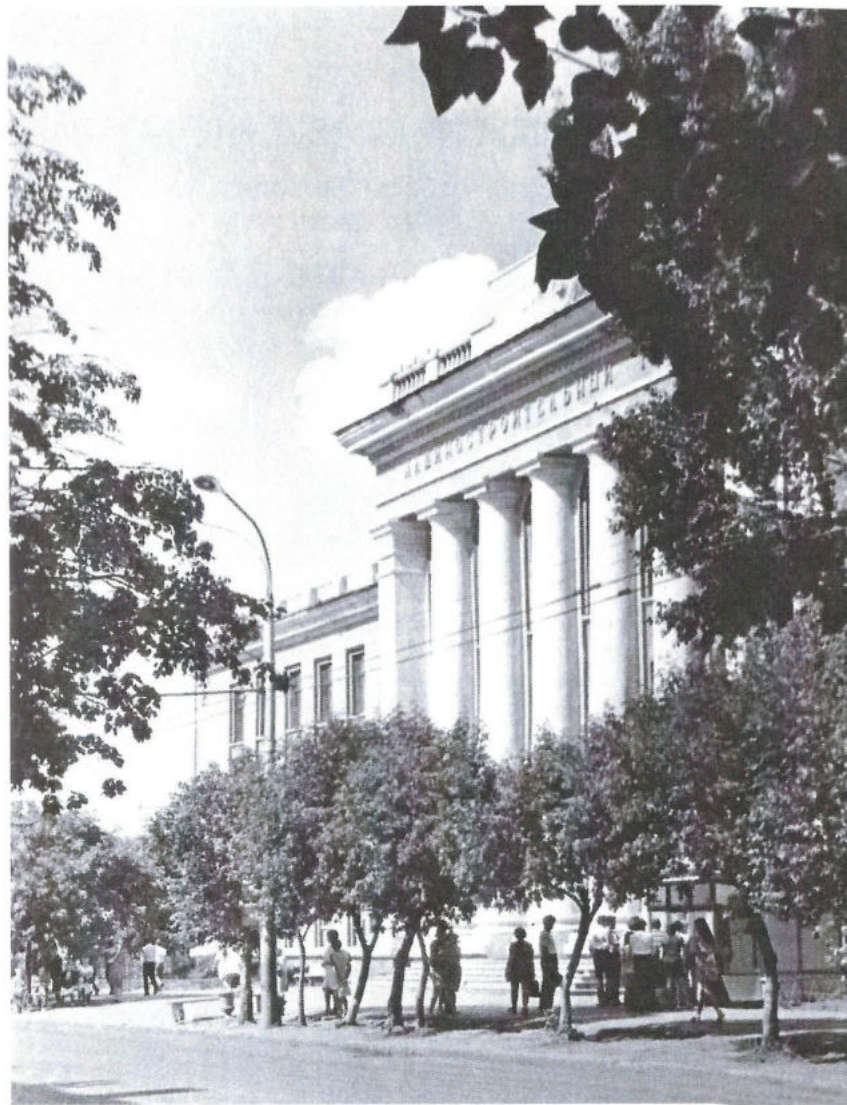
3. Возложить на заочный факультет Тюменского индустриального института организационное обслуживание студентов-заочников, проживающих в г. Тюмени и обучающихся в Уральском политехническом институте по специальностям, отсутствующим в Тюменском индустриальном институте.

4. Планово-финансовому управлению (т. Карпову) внести соответствующие изменения в штатные расписания Уральского политехнического и Тюменского индустриального институтов.

5. Внести соответствующие изменения в Устав Уральского политехнического института.

Г. Г. А. А. А.

Зак. 1275 рм
Тир. 30 экз.

▲ Тюменский машиностроительный техникум на ул. Республики г. Тюмени, в здании которого размещался УКП УПИ

Открывающийся в г. Тюмени
ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

приглашает для работы на кафедрах
и в лабораториях института:

ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДР: истории КПСС, высшей математики, физики, общей химии, начертательной геометрии и графики, общей геологии, иностранных языков, физического воспитания.

ПРОФЕССОРОВ, ДОЦЕНТОВ, СТАРШИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АССИСТЕНТОВ КАФЕДР: истории КПСС, высшей математики, физики, общей химии, начертательной геометрии и графики, общей геологии, иностранных языков, физического воспитания, теоретической механики, сопротивления материалов, деталей машин.

Тюменский индустриальный институт будет осуществлять подготовку инженерных кадров следующих специальностей: геология и разведка нефтяных и газовых месторождений; геофизические методы разведки полезных ископаемых; разработка нефтяных и газовых месторождений; проектирование и эксплуатация газонефтепроводов, нефтехранилищ и нефтебаз; химическая технология переработки нефти и газа; автоматизация и комплексная механизация добычи, транспортировки и хранения нефти и газа; технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты; промышленное и гражданское строительство; автомобильные дороги; автомобильный транспорт.

Документы: заявления на имя ректора института, личный листок по учету кадров, копию документов об образовании, автобиографию, характеристику с последнего места работы направлять по адресу: г. Тюмень, ул. Володарского, 38, индустриальный институт.

Все лица, зачисленные в штат института, обеспечиваются благоустроенными квартирами.

Срок подачи заявления до 10 июля 1964 г.

РД 02309 тир 500

▲ Ректор А.Н. Косухин, проректор по АХЧ С.И. Самойлов, декан В.Е. Копылов – штат ТИИ в полном составе. Июнь 1964 г.

▲ Кабинет ректора, ауд. 108. 1964 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА

ОРГАН ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС
И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

114 (5752)
ВОСКРЕСЕНЬЕ

16

МАЯ

1965 г.

Цена 2 коп.

РОДИНА ПОМНИТ!

Ректор Тюменского индустриального института
А. Н. Косухин награжден орденом Ленина

В дни празднования 20-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении орденом СССР группы партизан и участников подполья, самоотверженно боровшихся в тылу врага за освобождение Родины от немецких оккупантов.

В числе 39 человек, награжденных орденом Ленина, — Анатолий Николаевич Косухин, ректор Тюменского индустриального института. В годы Великой Отечественной войны в оккупированном Симферополе комсомолец Косухин был одним из создателей подпольной

комсомольской организации, секретарем подпольного городского комитета КПСС. О боевых подвигах комсомольцев Симферополя и их лидера подпольно рассказывалось в нашей газете 31 марта этого года.

— Я бесконечно благодарен партии и правительству за высокую награду, — говорит Анатолий Николаевич. —

Я счастлив, что деятельность комсомольцев-подпольщиков Симферополя и моя личная вклада так высоко оценены Родиной. Родина не забывает героев, которые, не щадя жизни, боролись за ее освобождение от захватчиков. Труженики области горючо возмущаются отчаянным патриотом с высокой наградой.

▲ Публикация в Тюменской правде о награждении
А.Н. Косухина орденом Ленина

▲ Первый секретарь Тюменского обкома КПСС
А.К. Протозанов, А.Н. Косухин

▲ Студенты за кульманами на кафедре
начертательной геометрии и черчения

▲ Приём чешской делегации. 1966 г.

▲ Первый выпуск нефтегазопромыслового факультета. 1969 г.
▼

▲ Работает институтский телецентр
▼

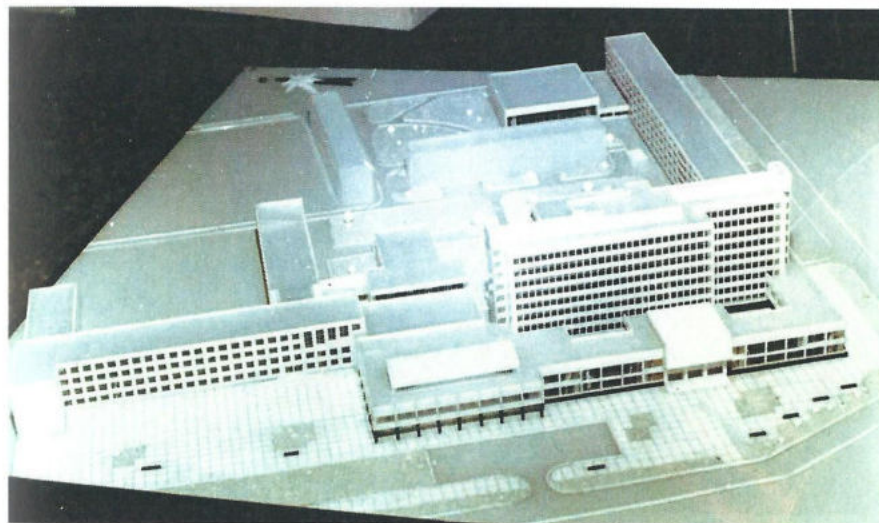

▲ Первые экспонаты геологического музея ТИИ
в фойе 3-го этажа. 1965 г.

▲ У проекта нового корпуса ТИИ

▲ Макет нового корпуса ТИИ по ул. Мельникайте в Тюмени

▲ А.Н. Косухин и В.И. Муравленко

▲ Посещение ТИИ министром ВиССО В.П. Елютиным. 1965 г.

▲ Г.М. Левин, А.Н. Косухин, министр ВиССО В.П. Елютин. 1965 г.

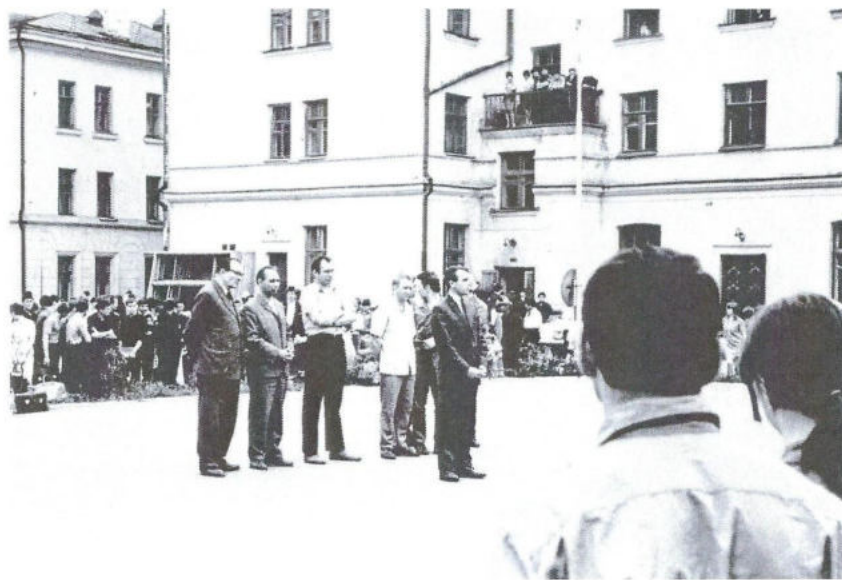

PHOTOMIC
12 CONGRÈS
MONDIAL DU GAZ
NICE
1973

▲ В.Н. Виноградов, Ю.Г. Эрвье, А.Н. Косухин
на 12-м Всемирном газовом конгрессе в Ницце. 1973 г.

▲ Первый строительный студенческий отряд ТИИ «Мега». 1966 г.

▲ А.Н. Косухин и руководители стройотрядов
В. Панфилов, В. Рожаев, М. Чазов. 1966 г.

▲ Велопробег. 1967 г.

▲ Ректорат на демонстрации. 7 ноября 1972 г.

▲

А.Н. Косухин на отдыхе

▼

Дневник воспоминаний матери Анатолия Косухина

Начало июня 1941 г.

Тихо и спокойно в нашем уже покрытом зеленью саду. Только по вечерам в нем раздаются громкие голоса юношей-подростков, их задорный смех: это будущие десятиклассники собираются сюда отдохнуть от экзаменационной горячки, подшучивают над неудачными ответами товарищей, вспоминают экзамены предыдущих лет, когда они «героически» выказывали свой страх перед трудными, на их взгляд, предметами.

Невольно заражаешься их настроением, бросаешь свою работу и присоединяешься к ним. Слышишь ряд имен и ряд воспоминаний, связанных с этими именами. Каждое «а помните... как Нора... Боря... Соня... Миша... Ната...» сопровождается взрывами веселого, кипучего, здорового смеха.

Быстро иду в дом и торопливо ищу в шкатулке записку, написанную Толей несколько лет тому назад во время испытания по географии. В шкатулке хранятся записки, заметки, относящиеся к Толиной жизни. Тут же находятся некоторые его вещицы, с которыми связано так много воспоминаний. Вот его первая игрушка, взятая осмысленно в ручонку и через некоторое время также осмысленно и добросовестно искусанная его первыми зубёнками. Но ни на чём не останавливаюсь. Ищу то, что так подходит сейчас к их настроению. Нашла. Возвращаюсь обратно в сад. Торжественно, едва сдерживая улыбку, как весьма важный документ, читаю: «Мама! Погорю! Он режет. Даже Н. получила "пос."».

Секунда, две – молчание, затем взрыв смеха. Толя смущен: он не ожидал, что его «коварная» мама хранит до сих пор его записку. Он не знает, что мама оставила ее с целью. Милый мальчик, буду хранить долго, уверена, что не раз придется показывать тебе её в жизни как доказательство, что не надо поддаваться настроению, ведь ты же получил за свой ответ «отлично».

Уже стало темнеть. Вспыхнула под орехом электрическая лампочка, проведенная Толей сюда несколько дней тому назад. Ярким светом осветила самый уютный уголок нашего сада. Смех, прервав-

шийся с появлением света, не возвращается, и они по-серьёзному обсуждают тему, на которую писали сочинение в конце четвёртой четверти: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Работая в школе, где учился Толя и его товарищи, я читала многие работы. Они были разнообразными по сюжету, по смыслу одинаковы – каждый отразил, что бы он сделал, если Родина даст то или иное задание. Лучшие работы, отражающие дух нашей молодёжи, передавались тогда по радио, в числе этих работ была Толина работа. С последним трамваем ребята уехали домой, чтобы завтра с утра готовиться к следующему экзамену.

20 июня 1941 г.

Закончился учебный год. Сегодня, как никогда, остановилась на мысли: «А ведь мальчик вырос. Правда, ему только 16 лет, но ведь он уже перешел в десятый класс. В этом году ясной станет дорога, по которой он пойдет по окончании средней школы, дорога, которая до сих пор была как бы подернута неясной дымкой тумана».

Кажется, недавно я проводила его в первый класс, где с ним впервые начали школьную жизнь и многие из тех, кто сегодня уже мечтал о поступлении в высшую школу.

Вечером, по обыкновению, собрались у нас в саду. Вместе с мальчишеским задором в них сквозила и ярче проявляющаяся целеустремленность: ещё 3–4 месяца – и каждый из них увидит четко и ясно, к чему его влечет. Большинство высказывались за то, что пойдут в лётные школы. Толю привлекает радио и авиастроение. Пока не вмешиваюсь, пусть созреет окончательное решение. Знаю, что когда настанет время выбирать дальнейшую дорогу, он посоветуется со мной, как привык делать это с детства.

Не могла отказать себе в удовольствии посмеяться вместе с ребятами, сколько профессий переменили они, начиная с детства.

– Ната, а ты забыла свое решение стать художницей, которое ты приняла, будучи ученицей второго класса, когда 6-го ноября целую ночь, лежа на полу, вместе с Толей готовила плакаты к празднику? Помнишь, я гнала вас обоих спать. А ты, измазанная краской, с горящими глазенками расхваливала ваши плакаты и говорила, что лучше работы художника ничего нет?! А теперь ты хочешь уже стать летчицей!

Мои слова послужили сигналом к перечислению того, кем кому хотелось быть когда-то: сапожник, плотник, кучер, врач, певец, балерина, инженер, учитель, капитан – все промелькнуло перед глазами.

– Мария Павловна, расскажите, как дедушка и бабушка искали Толе геологический молоток, когда он был в третьем классе, – попросили меня девочки. Несмотря на горячую просьбу Толи не говорить, я рассказала об увлечении его геологией в то время, и что дедушка с бабушкой стали первыми жертвами его увлечения. Весной, когда Толя переходил в четвертый класс, дедушка и бабушка ездили в Ленинград. Толик просил привезти ему «геологический» молоток. Поиски дивного молотка начались с Москвы. Не нашли. В Ленинграде они успеха также не имели, везде недоуменно пожимали плечами на их вопрос о «геологическом» молотке. Старики решили во что бы то ни стало исполнить просьбу внука и отправились в музей, где и поведали о своём горе. Сотрудники музея, посмеявшись над юным горе-геологом, разъяснили дедушке, что специальных геологических молотков нет, а к обыкновенному молотку поставить длинную ручку – и молоток готов. Так и сделали.

– И подумать только, лишь из-за длинной палки мы столько ходили! – сокрушенно рассказывала бабушка, описывая поиски несчастного молотка.

Мне Толино увлечение принесло пользу: его коллекцией я пользовалась на уроках в школе. Вопрос о геологии невольно перевел разговор на другую тему: стали обсуждать, как лучше провести лето. Пока остановились на экскурсии по Крыму, которую думают начать числа 25 июня. После экскурсии решили всей семьей съездить в Москву, где Толя был только проездом. Зимой, сидя в учительской, мы, учителя, тоже много говорили об экскурсии по Крыму, но сейчас что-то замолчали. В основном я завидую затее ребят. Не хочется их стеснять, но, пожалуй, я с охотой пошла бы с ними. Авось догадаются предложить! На всякий случай, надо скорей заканчивать начатый ремонт дома, чтобы быть свободной.

22 июня

Война. Это слово заполнило всё и всех. Война...

В связи с ремонтом мы с ним в саду. Звуки просыпавшейся после ночного сна природы, не долетавшие в закрытые помещения,

здесь, в саду, будили нас одновременно со своим пробуждением. Лишь Толя спал в гамаке под орехом здоровым, крепким сном, на какой способен шестнадцатилетний подросток. Ничто не предвещало разразившейся грозы. Наоборот, всё, казалось, располагало к мирному труду и отдыху, к тому, к чему звала жизнь людей, спокойно смотревших в завтрашний день. В стороне дедушка осматривал ульи, дальше муж вырывал сорняки с грядок. Я шила Толе дорожный мешок для экскурсии. Толя продолжал спать безмятежным сном... Всё это мирное, спокойное освещалось лучами утреннего солнца, приветствовавшего своим теплом все живое. Вот луч, пробившись сквозь листья ореха, заиграл у Толи на лице, попал в глаз. Толя зажмурился, раз-другой. Скоро открыл глаза. Увидев нас за работой и не желая отставать от всех, стал разрыхлять землю, поливать цветы, за которыми он всегда любовно смотрел.

После завтрака я осталась одна в доме. Стефан Михайлович ушел на рынок, Толя на турбазу. Пошла к маме. Сидели в столовой, разговаривали о домашних делах, ждали брата, который несколько дней тому назад уехал в командировку в Севастополь. Вдруг: «Внимание, внимание!». Было что-то особенное в голосе диктора, что заставило насторожиться. И мы услышали: «...Без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы... подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие...».

Леденящий ужас, негодование охватило всю семью, стоящую у репродуктора с затаенным дыханием. Война?! Мысли ни на чём не останавливались, не могли остановиться. Война...

Слезы лились непроизвольно, никто не чувствовал, что плачет, никто не скрывал своих слез. Это была не растерянность, нет, это было что-то другое, до сих пор никогда, никем не изведенное.

Прошли минуты безмолвия, когда мы в оцепенении стояли возле репродуктора, надеясь, что вот раздадутся слова, разъясняющие, что это не так, что нет никакой войны... Но репродуктор молчал. Заговорили мы. Слова тов. Молотова: «Наше дело правое, враг будет разбит», – освободили всех нас от оцепенения, помогли осознать, что произошло. И уже явилась твердая вера, что мы победим, что иначе быть не может, ведь наше дело правое! Вскоре пришел Анатолий. В нем тоже чувствовалось смятение.

– Слыхали? Я шел по улице... Смотрю, народ бегом бросился к репродуктору. Я тоже. Слышу: «Германские войска напали на нашу страну...». В первую минуту я не понял, что случилось, так неожиданно было то, что услышал. Ведь это же подлость, без предупреждения напасть на страну, с которой связаны мирным договором. Что-то жуткое и в то же время торжественное было в молчании людей, стоявших возле репродукторов. У многих текли слезы, никто не скрывал их.

Своими словами он раскрывал ту же картину, что была и в нашей семье возле репродуктора и всюду, где слушали выступление тов. Молотова.

– Мама, я пойду в военкомат.

Что могла я ответить ему? Знала, что по возрасту он не подходит в ряды Красной Армии, но пусть услышит это не от мамы. Мысль настойчиво летит туда, к границе, где идут бои, где, может, горсточка пограничников сдерживает многочисленного врага.

25 июня 1941 года

В военкомате Толё отказали в приёме в Армию. Он записался добровольцем на работу в колхоз. Это тоже будет помощью Родине. Иного я и не ждала от мальчика, он не мог в эти дни находиться в бездействии. На всех и на все война уже успела наложить отпечаток. У всех, с кем говоришь, особый сосредоточенный вид. Даже ночью улавливаешь отголоски войны. И звезды, и темное крымское небо, и воздух – все те же, но знаешь, что в любую минуту оттуда может грозить опасность. Уже были сигналы воздушной тревоги, раздавались гудки, непривычные для слуха. До сих пор мы знали гудки, зовущие к мирному труду, теперь они несут другое, они предупреждают: «Прячьтесь! Враг близко!». К нам доносится шум проходившего поезда. Еще несколько дней тому назад я любила прислушиваться ночью (ведь все мы спали в саду) к проходившим поездам: кругом тишина, лишь издали доносится мерный ритм выстукивающих колес, да прорежет тишину добродушный басок паровозного гудка. Теперь всю ночь напролет идет движение поездов, и в шуме проходивших составов, в паровозных гудках чудится нечто иное, грозное. А ведь только четвертый день войны!

Конец августа 1941 года.

Недавно вернулась из Сейтлерского района, куда была направлена с эвакуированными из города школьниками 9-й школы. Тяжесть бытовых условий была ничто по сравнению с тем, что мы испытывали там из-за отсутствия газет и радио. Только от приезжавших товарищей мы узнавали о ходе событий. От них услышали, что обнаглевший враг совершал налеты на Москву. С большим опозданием дошла до нас газета, где было напечатано обращение тов. Сталина к народу 3 июля. Толю за все время видела раз, приезжал ко мне в колхоз. Он принят в ряды комсомола. Раньше ему и мне задавали вопрос: почему он не комсомолец? В беседе со мной он говорил: «Пойми, мама, быть комсомольцем, это значит очень много. Я чувствую, что еще недостаточно подготовлен к этому. Когда нужно будет, дня не останусь вне комсомола». Теперь он увидел, что эта пора наступила. Сейчас он работает в агитчасти Н-ской части: пишет плакаты, лозунги. Получил благодарность от командования. По окончании работы уедет опять в колхоз, т.к. десятиклассники начнут учебу лишь с 1-го октября.

Наш «колхоз», как шутя называем мою и папину семью, разросся. Приехала мать Люси, ее сестра Нина с детьми. Они жили на границе. С первым раскатом орудий они успели выехать на машине, даже не попрощавшись с Гришей, мужем Нины: он уже защищал родные рубежи. Остановились в Днепропетровске, где когда-то жили. Город стал подвергаться частым бомбежкам врага, они в июле приехали к нам.

Изменилось лицо города за период, что я была в колхозе: из светлого, приветливого городка он превратился в серый, мрачный. Все дома покрыты в темно-серые тона с разводами, всюду роются щели на случай налетов врага. Роем и мы, учителя 9-й школы, в садике напротив школы. А слухи ползут и ползут. Знаем, что Одесса героически защищается более 50 дней, держится, а слухи ползут и около неё: оставлена... Сегодня узнали, что немцам по национальности предложено эвакуироваться из Крыма. Им создают условия: каждый получает зарплату за два месяца, отпускные. Они могут брать с собой домашние вещи. Уже готовятся составы для отправки их в глубокий тыл.

Сентябрь 1941 г.

С замиранием сердца слушали сводки информбюро, хотелось услышать, что противник отступает. Жили надеждой, что настанет конец сводкам со словами: «Оставили». Уже были налёты врага на город. Пока появлялись одиночные самолёты, не приносящие почти никакого вреда. Пятилетний племянник Санька, находясь в щели, куда его принесли ночью во время тревоги, закутанного в одеяло, спрашивал удивленно: «А почему он летает ночью? Ведь нам тут темно...». О, детка, если бы «он» делал лишь это!

В доме находилась одна. С.М. и Толя работали в колхозе Биюк-Онларского района. Стефан писал, что десятиклассники замечательно работают, по-деловому подошли к взятым на себя обязательствам заменить рабочую силу. Толя писал: «Работа тяжелая, но интересная. Теперь не ограничиваешься какой-либо подсобной работой, а работаешь так, будто ты прирожденный колхозник, думаешь и заботишься о благосостоянии колхоза. Помимо работы в поле приходится по делам колхоза ездить в районный центр, возить зерно для помола. Много самой разнообразной работы. Работаю на конюшне, часто приходится дежурить по ночам возле лошадей. Единственно к чему не могу привыкнуть, это чистить лошадям зубы. От зерна набиваются остюки в зубы, дёсны, и каждые 3–4 дня их надо очищать. Вот к этому не могу привыкнуть».

А враг бомбит Джанкой, Сарабуз... Часто по ночам доносились оттуда гулы взрывов, каждый раз сжималось сердце – новые жертвы. Школа занимается в «Доме матери и малютки» по ул. Розы Люксембург. Организованы ночные дежурства. Чувствуешь себя крохотным существом, находясь ночью вдвоём в этом огромном здании. Крики в психиатрической больнице, расположенной рядом через ограду, усугубляют и без того нервное, напряженное состояние. Ежедневно из школы выбывают учащиеся – эвакуируются с родными.

Октябрь 1941 г.

Нового ничего не принёс. Продолжаем слушать: «Оставили, отошли». Усилилась эвакуация населения, эвакуируются учреждения. Я попала в какой-то водоворот: понимаю, понимаю чётко, что должны ехать, и не могу оставить стариков, которые категорически заявили, что умрут в своём гнезде, где прожили почти всю свою

жизнь, где родились и выросли их дети. Анатолий и Стефан не хотят оставлять меня. Ломаю голову и ничего не могу придумать. Логика говорит, что враг постарается, если ему удастся захватить Крым, уничтожить молодёжь, резервы страны, угнать население в рабство, как он делает это в захваченных местах. От Анатолия слышу одно: «Я сказал, что без тебя никуда не поеду, и точка. Что-нибудь придумаем». Пока остановились на том, что в случае необходимости он уйдет вместе с Сергеем, затем присоединится к частям Красной Армии. Приготовила дорожный мешок с самым необходимым. Приготавливая мешок, невольно переключилась на то время, когда этот мешок готовила для предполагаемой экскурсии по Крыму. Это было так недавно, а кажется таким далёким...

— Мама, ты о чём задумалась? — тревожно спросил меня Толя, заглядывая мне в глаза. — Ты не обижайся, что я не хочу ехать без тебя. Ты должна понять, что если ты не можешь оставить бабушку, то как же я могу уехать один, оставить тебя? Как легко разрешился бы этот вопрос, если бы бабушка согласилась уехать к тётё Шуре.

— Я думала, сынок, что совсем недавно были иные мысли, планы на будущее. Теперь всё смешалось, что ждёт впереди — неизвестно. И кому это нужно было? Мы никого не трогали, придерживались политики мира, и вдруг война, навязанная кликой зарвавшихся, обнаглевших людей.

Школа вновь перешла в своё помещение. У меня в классе осталось от 39 человек всего 12. Часто с уроков родители берут детей и уезжают на Керчь, Севастополь. Горько плачут ребяташки, расставаясь с учительницей, к которой привыкли.

— Мы скоро вернемся, — говорили они, целуя и прижимаясь ко мне.

— Увижу ли я их, — проносится каждый раз в голове.

К концу занятий Сергей Павлович, директор школы, отдал распоряжение отпустить учащихся. Неужели конец? Цепляешься за всё, что может отогнать мысль страшную, парализующую. Мы не видим отступающих воинских частей. И это заставляет на короткий миг проноситься мысли — а может, ничего не будет? А вдруг завтра услышим, что враг отброшен?

20 октября 1941 г.

Вчера в последний раз была в своей школе. Когда я пойду опять туда, приступлю опять к работе, которой я отдавалась целиком — обучению и воспитанию молодого поколения? Каждый из нас взял свои документы, получили и зарплату. Уничтожили всё, где можно узнать о партийной принадлежности учащихся, их родителей, о национальности. Жгли, и всем казалось, что горим мы сами. Прилетал вражеский разведчик, покружился и улетел обратно. Стали расходиться и мы, с тяжестью на сердце и хаосом в голове. С некоторыми из учителей, с С.Л., Н.И., А.И., договорились встретиться, держать связь друг с другом.

Стоял теплый осенний день. Но всё выглядело серым, мрачным, во многих местах дымились трубы — это жглись бумаги, которые не успели уничтожить ночью. Подойдя к Архивному мосту, услышали гул приближающихся самолётов.

— Немецкие, — вскрикнули все разом. Куда идти? Что будет, что будет. Пробежали немного, остановились возле «Динамо». Самолетов не видно, они где-то сзади, высокая стена мешает проследить их направление. Вот показался один, другой, пятый, десятый, ещё и ещё... Ринулись пикирующим полётом. Свист бомб, гул взрывов. «Толя в городе», — прожгла мысль голову. Бежать, скорее бежать... Но куда? Где его искать? Стефан и Софья Лазаревна убедили в целесообразности идти домой, узнать, куда он ушёл. Спешу домой. По Садовой встретила Толю, направляющегося разыскивать меня.

Рассказала ему о горьких слезах пионервожатой нашей школы Муры, которая надеялась сегодня уехать. Вчера ей, как и многим другим, в Горкоме комсомола сказали, чтобы сегодня утром к 6 часам они собрались в Горкоме, откуда машиной поедут в Алушту. Она пришла в 5 ч.15 минут, но было уже поздно. Бумаги разбросаны, никого нет. Уехали. Мура осталась здесь, такая же участь постигла и остальных, пришедших к назначенному сроку. Всё несчастье Муры заключалось в том, что она жила с сестрой, у которой четверо или пятеро небольших ребят, мужа нет. Куда она могла ехать с ними? В последний день Мура решила уехать одна, но было уже поздно, — случайно или умышленно уехали без неё.

День прошёл в томительных мыслях. Их было много, но не было ни одной, на которой можно было бы остановиться. Стефан

напомнил, что надо заплатить Ч. за молоко, т.к. эти дни я не оставляла ей денег, всего 42 рубля. Пошла к ней. Удивилась, когда услышала от неё, что она не возьмёт советских денег.

— А какими же вам заплачу? Ведь это же настоящие, не фальшивые деньги, — растерявшись, говорила я.

— Теперь они уже не нужны. Теперь только марки будут ходить.

— Но ведь немцев ещё нет.

— Сейчас нет, а ночью будут, — безапелляционно заявила она.

Это мелочь, по сравнению с тем, что переживали последние дни, но она вызвала негодование, боль. Она зародила мысль, что недалёк час, когда увидишь настоящее лицо людей, которых знаешь давно, и в сущности не знаешь. Больно думать об этом. Наверное, Ч. после Октябрьской революции долгое время хранила в кубышке царские деньги, а вот наши, советские, она не приняла уже 29 октября, хотя мы даже не знали, где враг.

6 ноября 1941 г.

Завтра 7-е... Мысли путаются, не можешь привести их в порядок. Одна сменяется другой, роем кружатся в голове, молниеносно вытесняют одну картину за другой, одно заслоняется другим.

Последние дни октября, начиная с 28-го, было ощущение, будто в доме покойник. Всё больше молчали, каждый в себе носил свои тяжёлые мысли. Было невыносимо тяжело в момент прекращения работы радиоузла. В последний раз прозвучали слова интернационала и стало тихо. Но эта не та тишина, что бывало была в перерывах, а могильная, чёрная. Свет погас. Начались с вечера раздаваться взрывы, появилось зарево огня в отдельных частях города. Зарево в совхозе «Красный», в Сарабузе... Горит кожкомбинат... Всюду горит... Снуют в темноте фигурки, даже в такой момент думающие лишь о наживе... В эту ночь плакали люди обычно скупые на слёзы. Плакала и я, не в силах сдерживать их. Чувство боли, обиды, бессилия, ненависти и ярости к врагу, что приходится во имя борьбы с ним уничтожать то, что создавалось для благополучия народа, для благосостояния страны, захлестнуло всё, не было мысли о себе.

Настала ночь с 1 на 2 ноября. На всю жизнь она вошла в моё сознание, как и сознание многих людей, ничто никогда не сможет вытеснить её из памяти. Город замер. Над ним местами поднимал-

ся дым. Мы с Толей вышли в сад. Стены дома давили, не давали дышать, глаза, хотя бы и в забытьи, не закрывались ни на минуту. Стояла тишина, но не спокойная, что была весной в нашем саду, а тишина, за которой притаилось что-то страшное, зловещее, тишина гнетущая, за которой притаилось что-то жуткое, готовое раздавить всё живое. Всю ночь провели мы с ним в саду: ходили взад и вперёд по дорожке. Мы молчали, но и в безмолвии мы знали, что творится у каждого на душе. И вдруг, перед рассветом эту зловещую тишину прорезал скрежещущий металлический шум. Я вздрогнула, прижимаясь к Анатолию. «Ничего, мама», — больше ничего не было сказано. Оба поняли, что вот и надвинулось то страшное, что притаилось в предшествующей тишине. В предрассветной тишине я не видела Толиного лица, но по тону «ничего, мама» я поняла, что эта ночь превратила моего мальчика в зрелого юношу.

С рассветом пришли дедушка и бабушка. Ничего не сказал старик, только вздохнул, проведя рукой по совершенно лысой голове, что всегда у него служило признаком замешательства, растерянности. В этот же день от любопытных соседей, которые уже побывали в городе, мы узнали, что город заполняется врагом, всюду на улицах вражеские войска, их расселяют по квартирам.

С удивлением услышала, что видела Г., разъезжавшую по городу в немецкой машине с высшими чинами. Почему она здесь? Она была выслана из Симферополя как немка в сентябре этого года?

Все эти дни никуда не выхожу. Хочу оттянуть момент, когда увижу врага. В городе уже расклеены приказы, пестрящие словами «запрещается... расстрел... запрещается». Наряду с «запрещениями» и «расстрелами» висят и слащавые воззвания к населению. Им поверит горсточка слабых людей, а народ русский, свободолюбивый советский народ ответит на эти воззвания по-своему. Слащавые воззвания не прикроют трупы повешенных, которые уже появились на столбах.

Странно протекают дни. Мы, которые раньше сходились домой лишь к вечеру, теперь находимся всё время дома, большей частью не разговаривая друг с другом. Горько смотреть на Толю: живой, энергичный, он впервые за свою юную жизнь очутился в состоянии бездействия, обуреваемый тяжёлыми думами. Вижу, что ему тяжело, подмечаю взгляд, устремленный подолгу в одну точку, но ни о чём

не спрашиваю. Лишь сегодня, поздно вечером, увидев, что он лежит с открытыми глазами и как бы отсутствует здесь, я спросила, о чём он думает.

— А завтра 7 ноября... — тихо произнёс он.

Что-то делается там у нас? Оторваны. И на какой срок — не знаем. Вот уже десятый день мы не слышим сводок Совинформбюро. Первые дни с прекращением работы радиоузла было тяжело, но мы знали, что мы ещё среди своих, а теперь...

18 ноября 1941 г.

Сегодня впервые увидела врага. Увидела у себя в доме.

— Немцы, — испуганным шепотом бросил муж, увидев солдат через окно. Я застыла. Толя встал рядом со мной. Вошли трое, с ним девушка. Ошалело смотрю на них: ведь это и есть одни из тех, кто нарушил твою мирную жизнь, кто издевается над такими как ты, кто заполняет столбы виселицами, кто мечтает поработить наш народ.

Немцы что-то говорят. Я, немного владеющая языком, ничего не могу ни понять, ни ответить: я продолжаю смотреть на них окаменевшими глазами. Девушка смеётся. Да, ей смешно. Обратилась ко мне с тем, что часть должна расставить солдат по квартирам, и они пришли занять комнату. Тут же она пояснила, что она русская, но хорошо владеет немецким языком. И правда, она с немцами говорила как прирожденная фрау. Добавила, что жила в Карасубазаре и стала рассказывать о «зверствах» над населением со стороны отступающих частей. Я насторожилась, сдержала порыв сказать ей об охватившем меня страхе при виде немецких солдат. Заняли комнату, написали на двери и ушли.

Пришла мама.

— Ты знаешь, кто это? Дочь садовника, который всегда обрезал у нас сад. Но как она очутилась здесь, ведь она немка и была выслана с матерью? Так вот почему она свободно изъясняется с фрицами. Но она отказалась от своей нации, называется русской, значит ей нечем гордиться, что немка она. Не завидую ей, «настоящей арийке», если она стыдится принадлежности к своему народу. Найдется ли среди русских, кто не гордился бы тем, что он русский?

Встаёт вопрос: где же, у кого скрывалась она и другие немки и немцы, которые теперь открыто ходят по улицам. Их выслали в

августе—сентябре, где же они находились всё это время? Значит они надеялись, что им не придется скрываться долго, они знали, что немцы придут? Может они из тех, кто тихой сапой старался мешать честной работе во всех отраслях народного хозяйства? Невыносимо тяжело слышать фамилии людей, пользовавшихся почетом и уважением многие годы и оказавшихся не тем, за кого их считали, за кого они себя выдавали. Сколько же вреда они принесли нашей стране. Зашевелились «нафталинные» люди... Длинной вереницей потянулись они в так называемую городскую управу.

20 ноября 1941 год

Мы будем слушать Москву! Утром, растапливая печку, я услышала слова нашей, так хорошо известной песни «Если завтра война», раздавшейся в комнате, занятой немцами. Это было столь неожиданно, что я, не помня себя, рванула дверь к ним. Слезы невольно полились ручьём. С 28 октября мы не слышали ни одной русской песни, и раздавшиеся неожиданно слова на короткий миг заслонили собой всё, на миг забылось то, что есть. Вид немцев вернул к горькой действительности. Слезы увидел Толя. Он понял всё. И вновь мне пришлось услышать «ничего, мама», но теперь в его словах звучало что-то определенное, и я почувствовала, что сегодня он будет говорить со мной.

И вечером мой мальчик заговорил впервые после той ночи, что превратила его в зрелого юношу. Долго сидели мы с ним в столовой, где он теперь спал. Он рассказал обо всём, что мысленно пережил за этот промежуток времени и я увидела, что к нему не подходит немецкое «запрещается». Мыслить по-комсомольски ему никто не сможет запретить...

— Ничего, мам. Мы будем слушать Москву. Во что бы то ни стало соберу приёмник, — сказал он, заканчивая разговор. Потом что-то вспомнив, он добавил:

— А знаешь, мама, возле немецкого репродуктора я каждый день встречал рыжего парня, что ходил к Стефану заниматься по математике. Он, кажется, наш.

Я поняла, что он говорил о Борисе Хохлове, который занимался с мужем прошлое лето. Я всегда смеялась, видя, как здоровались Боря и Толя: молчаливый кивок головы. Причём Боря краснел до

корней волос, а Толя проходил с независимым видом, тоже молча кивнув головой. Оба они были ужасно комичны в то лето, пятнадцатилетние юнцы!

Декабрь 1941 года

Всё труднее становится с питанием. В доме подобралось всё. А жить надо...

Начала ходить в деревню менять вещи. Трудно, но выхода нет. Женщинам ходить за пределы города безопаснее, нежели мужчинам. 1-го декабря Стефан с Лазаревым ходил менять в Мамак. В деревне его задержали румыны, Лазаревых отпустили, а его под конвоем отправили в городскую комендатуру.

2-го утром, когда мы ждали его с продуктами, решив, что он заночевал у Лазаревых, пришла Софья Лазаревна и сообщила, что он отправлен вчера в комендатуру. Дедушка сразу пошёл на розыски. Часа через три пришёл Толин соученик по 9-й школе Лёня Маух с сообщением, что видел сейчас Стефана Михайловича под конвоем. Проследил куда его повели — Пушкинская, 6. Просидел Стефан в комендатуре два дня. Хорошо, что при нём были документы, удостоверяющие личность и вещи, которые он нёс для обмена.

Ходила и я, пытаюсь разузнать, что с ним, но ничего не добились, лишь допустила оплошность. Стояла возле комендатуры, расспрашивая стоящих возле неё, как попасть туда. Не верю глазам: из машины выходит отец моей бывшей ученицы, высланный с семьёй из Симферополя в сентябре как немец, и сейчас направляющийся в комендатуру. Это было столь неожиданно, что, забыв где я, что окружает меня, громким голосом выкрикнула: «Товарищ!». Он с трусливой растерянностью посмотрел на меня, кивнув мне «здравствуйте», и вошёл в здание комендатуры. Сразу я не поняла, в чём дело, и лишь заметив устремленные на меня взгляды, я сообразила. Сказать сейчас громко «товарищ» — было отчего людям смотреть на меня с удивлением. Во мне же вспыхнуло негодование на себя: как я могла Р. назвать словом, которого он недостоин. Этот случай послужит хорошим уроком: надо строже следить за собой.

Твёрдо решила после случая со Стефаном ходить только самой. Ездили с санками в Сарабуз. Выменяли картофель. Пожалуй, раньше бы не поверила, что смогу тащить на себе такие тяжести 18–25 километров. Возвращаясь из Сарабузы, запоздали, местами снег раста-

ял. Санки сделаны неудачно. Выбились из сил окончательно. Казалось, что не дойдем и до дому. Отдохнув, стала рассказывать о всех мытарствах, связанных с обменом. В некоторых домах относились сочувственно к городскому населению, оставшемуся без продовольствия, в некоторых подозрительно смотрели на кусок хлеба, который ты жуешь, обессиленная вконец. Им казалось, что этот кусок взят у них... Многие спрашивали, не слышно ли чего, но не по германским сводкам, а «так, по слуху». Всем хочется знать правду о положении на фронте, все ищут правдивого слова.

Уже две недели слушаем Москву. Толе удалось смонтировать крошечный приёмник: кое-какие части имелись дома, кое-что дал Коля Далетов. В первый вечер приёмник целиком и полностью принадлежал Толе. Нам он передавал услышанное. Глядя на его оживлённое лицо, на глаза, излучающие торжество, не находили в себе силы оторвать его хотя бы на 5 минут, хотя и самим не терпелось услышать родную передачу. В этот вечер дышалось легче, не угнетала неизвестность, мы узнали, что враг, несмотря на его хвастливые заверения, что Москва скоро будет взята, на самом деле терпит там неудачу.

Дедушку и бабушку я предварительно не ставила в известность о сборе приёмника. И надо было видеть их лицо, когда я передала сводку Совинформбюро. Пришла к ним. Тайно подозвала к себе.

- Сказать вам что-то интересное, хорошее?
- Ну, что теперь можно услышать хорошего?
- А хотя бы вот это, — и вкратце передала им сводку. Дед застыл.
- Ты не шути, такими вещами нельзя шутить.

Рассказываю о сборе приёмника, говорю, что теперь ежедневно будем знать, что делается там у наших. Но приёмник нужно прятать так, чтобы его не могли найти. За эту задачу и взялся дедушка.

Уже появилась возможность информировать своих людей о положении на фронте. Сводки стали распространяться, ползти по городу. Чувствуешь себя бодрее, вливаются силы. Немцы готовятся к встрече Нового года. В нашем районе у многих забрали свиней, птицу.

Совершенное злодеяние — расстрел многих тысяч мирного населения — не помешало им сентиментально зажигать рождественскую ёлку, рассказывать, как читится в Германии этот праздник. Так

почему во имя этого дня они не остановились перед небывалыми в истории человечества злодеяниями? Руками, обогранными кровью невинных людей, они зажигали традиционную ёлку, умиленно поглядывая на расставленные под ёлкой фотографии своих киндеров и фрау, забывая, что недавно тысячи детей, женщин были загублены ими. Настанет час возмездия, дорого расплатятся люди-звери за свои злодеяния, расплатятся матери, породившие их.

31 декабря 1941 года

Последний день года, года, который неожиданно принёс тяжелое испытание, принёс ужасы войны. Новый наступающий 1942 год несёт подъём, веру, что враг будет изгнан. Верим, что недалёк, возможно, день, когда мы не будем слышать чужой речи. Не будем видеть надменными тех, кто несёт смерть, разорение, а увидим их жалкими, растерянными, в страхе мечущихся в стремлении спасти свою поганую жизнь.

Немецкое командование скрывает от армии, от населения о высадке советского десанта на Керченский полуостров, что наши войска заняли Керчь и Феодосию. От нас они не скроют. Крошечный маленький радиоприёмник принёс эту великую вест. Город узнает о победе героев-десантников.

Январь 1942 года

До сих пор подшучивают надо мной, как я новогодние немецкие выстрелы приняла за стрельбу наших десантников. Около двенадцати часов я прилегла, не раздеваясь, в постель. Толи не было дома: остался ночевать у Элика Стауэра, с которым учился в одном классе все годы. Муж ушёл к бабушке. Незаметно я задремала. Сквозь сон услышала:

— Вставайте, стреляют.

Вскочила. Раздавались очереди автоматов, винтовочные и пистолетные выстрелы. Сердце радостно забилося. «Десант», — промелькнуло в голове. Бегу во двор. Светло от ракет.

— Нина, неужели? — прерывающим голосом спросила я Нину. Она смеялась, глядя на меня. Стрельба становилась реже.

— А который сейчас час? — продолжая смеяться, говорила Нина.

— Не имею понятия.

— 00, 5 минут 1 января 1942 года. Поняли?

Да, я поняла. Это фрицы встречали Новый год, который принесёт им поражение, несмотря на их истошные крики, что скоро они будут в Москве. Горько было возвращаться к действительности, но я пережила миг радости, уверенная со сна, что и в Симферополе высадился десант.

К Толе часто стал приходиться Боря Хохлов. Женя Семняков, иногда приходил Элик Стауэр. Остаются ночевать, чтобы слушать советские передачи. Немцев в доме нет, ребята спокойно сидят с наушниками, зная, что оба входа в дом охраняются, и они будут предупреждены в случае приближения кого-либо. Как не похожи их разговоры на прежние, довоенные. Да и сами они очень изменились, не похожи на тех беззаботных подростков, какими я знала их раньше. Трудно сказать, кто из них высказал мысль писать от руки сводки Совинформбюро для распространения среди населения. Получилось так, что об этом заговорили все разом, как о деле решенном, не требующем обсуждения.

— Что получается, ребята. Сводки Совинформбюро передаются нашим людям, в ком уверены. А их надо давать и туда, где сводки германского командования поколебали веру в победу, помочь людям раскрыть глаза. А сколько в городе людей, которые ждут правды, но она не доходит до них. Наше решение и даст возможность помочь населению узнать правду. Правда, не сможем охватить всех, но всё же больше, нежели передавая устно, — говорил Толя с глазами, которые как бы видели уже расклеенные листовки.

Мы читали первый номер «Красного Крыма», откуда узнали подробности борьбы с врагом и жизни севастопольцев. Находка его была крупным событием в нашей семье. Она давала уверенность, что о людях, находящихся на временно оккупированной территории, думают, о них не забывают, их поддерживают.

В этот день Толя, Люся, Нина, дедушка ходили за 18 километров ломать оставшуюся мелкую кукурузу на колхозных полях. Она находилась вдали от дорог, от деревень, что побудило меня отпустить Толю. Возвратились домой с мешками за спиной. Обычно в таких случаях сразу же начинался осмотр того, что достали, этот раз замечаю иное. По лицам вижу, что случилось что-то, но понять не могу. Чувствую только, что нечто особенное, но не внушающее тревоги. Люся быстро стащила сапог и достала свёрнутую бумагу. Дала мне... «Красный Крым» и листовки — обращение к румынским

солдатам с разъяснением настоящей политики Гитлера, к чему он ведёт Румынию.

— Толик обошёл километров пять вокруг, надеясь увидеть ещё что-нибудь, но к его великому огорчению ничего больше не нашёл, — рассказывала Люся.

— Ничего, мы с ребятами теперь будем делать вылазки в поле, авось, посчастливится, — говорил Толя, окрылённый надеждой, что будет не только слушать Москву, но и читать советские газеты.

Несколько раз ходили в совхоз «Красный», выкапывали морковь, не убрannую с осени. Громадную помощь давали населению овощи, оставленные на полях.

Десятки людей с тачками, мешками тянулись в разных направлениях в поисках полей с овощами. Но только не в направлении к лесу. Стояли морозы. Замёрзла земля, её приходилось рубить. От непривычной работы — кровавые мозоли на руках. Рубили по очереди: один рубил землю, остальные собирали морковь. Затем его сменял кто-либо другой. Больше доставалось тяжёлой работы на долю дедушки. Идти с тяжёлым грузом в мороз с крымским зимним ветром мало приятного, но всё это облегчалось сознанием, что на какой-то промежуток времени есть в доме съестное.

Прилетали наши самолёты, бомбили аэродром противника, склады. Их появление не вызывало того страха, который ощущали при появлении немецкого самолёта. Наоборот, выходили во двор и следили глазами за его полётом, как бы призывая нанести больший ущерб противнику и указывая, куда эффективней бросить бомбу.

Бессильную ярость вызывают отдельные личности, окончательно раскрывшие свою подлую физиономию. Профессор Г., которому советская власть дала возможность стать профессором, который был окружён уважением, работает в отделе пропаганды, пишет статьи, обливающие грязью всё, чем мы жили, то, что он говорил студенчеству, маскируясь под советского человека. Слышишь о людях, порочащих советский диплом об окончании высшей школы и откопавших диплом об окончании института благородных девиц. Узнаешь о коммунистах, работающих в мусульманском комитете и добровольческих мусульманских частях, о комсомольцах, поступивших в полицию, о комсомолках, устроившихся переводчицами ради куска белого хлеба и плитки шоколада. Смрадом несёт от этих людей, труднее дышится.

Голод, даже страх перед врагом переносились легче, нежели сознание, что все эти люди умело скрывались долгие годы под маской, надев личину советского человека. Плохо мы знали людей...

Последние дни по лицам Толи и Бори видела, что у них созревает какое-то решение, что рано или поздно расскажут мне, поделятся.

Вчера вновь немцы заняли комнату. Каждый раз я подмечала, что они боятся друг друга, лишь оставаясь одним, каждый немец начинает расспрашивать о жизни страны до войны. Так случилось и в этот раз. Оставшись одним, немец вышел на кухню, где я молола кукурузу.

— Правда, что татарам жилось очень тяжело при Сталине? — обратился он ко мне с готовым вопросом, который боялся задать при другом немце.

— Татарам? — удивленно переспросила я и рассказала ему о жизни и быте татар до революции, и что дала им советская власть.

— Значит они фальшивые люди. Они думают, что они всегда будут нужны командованию. Возьмём Севастополь, и командование скажет «довольно». Они останутся здесь, с другими пойдём на Кавказ, — бесцеремонно закончил фриц. Тут же сокрушенно заметил, что Гамбург, где живут его жена и дети, очень бомбят англичане, что город сильно пострадал, и он боится потерять семью.

А тысячи расстрелянных детей и женщин? О них ты забыл? Причём он добавил, что командование не сообщает об этом, а он узнал от комрада, который приехал из отпуска. Удивился бы немец, если бы услышал от меня подробности налётов! Я бы сказала, сколько самолётов бомбили Гамбург, какие бомбы сбрасывали они, ведь нам известно из наших передач из Москвы.

В этом месяце происходила регистрация паспортов. Вначале мы решили не регистрировать, но рассудок подсказал иное. Жить без отметки, это значило попасть в первую же облаву. Большая толпа собралась на углу Феодосийской и Архитекторской. Это была иная толпа, не та, что приходилось наблюдать раньше, до оккупации. Молчаливая, притаившаяся, без обычного переливающегося говора толпы. Открылась дверь: «Господа», — произнесла появившаяся в ней фигура. Все, кого я смогла окинуть взглядом, переглянулись. В глазах промелькнула на миг усмешка, презрение к бросившему в толпу это непривычное для слуха слово. Так, без единого слова, с пустыми глазами и подходили люди к столам.

4 февраля 1942 года

Теперь знаю, что за решение созрело у ребят. Они собираются уходить в лес. Все немецкие «запрещается» не могут сломить нашу молодёжь. В каждом взгляде, слове сквозить одно – не покоряться, а бороться. У них в руках пока только приёмник, который и является единственным средством борьбы с захватчиком. Написанные от руки и частью расклеенные, частью разбросанные листовки со сводками информбюро достигают цели: устно они распространяются по всему городу. Немцы бесятся, но остановить слухи не могут.

Два раза ходили с Толей и Борей в поле искать советскую литературу. Выходили обычно часов в 12, брали с собой корзинку. Предварительно выкапывали несколько гнёзд шампиньонов, будто ищут грибы. Один раз только удалось разыскать несколько экземпляров «Красного Крыма», которые они и распространили.

– Мама, – обратился сегодня ко мне Толя, возвратившись с утомлённым видом из города, – мне надо с тобой поговорить.

Это то, что я подметила в конце января.

– Ты видишь, что так жить невозможно. Я знаю тебя. Ты поймешь, что мне тяжело смотреть, что делается вокруг, и что я, как и многие другие, не могу стоять в стороне. Нужна борьба, беспощадная борьба с врагом, но ты знаешь, чем лишь мы обладаем. Необходимо идти в лес к партизанам, там мы сможем принести родине больше пользы, больше вреда врагу, нежели здесь одними сводками. Борис согласен со мной и тоже решил уходить. А ты согласна со мной?

– В корне – да.

– Хорошо, не говори сейчас ничего. Через час-полтора придёт Борис, тогда вместе поговорим, – с серьёзным лицом, но с радостью удовлетворения в его, теперь всегда задумчивых глазах, произнёс Анатолий.

Что-то внутри подсказывало, что бессмысленно идти в лес, не зная дорог, не зная примерного расположения партизан. Оставаться здесь – помимо бессилия развернуть борьбу с врагом, каждую минуту грозит опасность быть схваченным на работу... Идти так, без проводника, это 99% за гибель. Погибнуть бесцельно, не принося никакой пользы делу борьбы с захватчиком... А гибель неизбежна, т.к. ни Толя, ни Боря совершенно не знают дорог. Нужна связь, без

которой ребятам не добраться до леса, и я должна свою мысль довести до сознания Толи и Бори.

Вскоре пришёл Борис. Вначале, когда он начал ходить к Толе, он стеснялся меня, остерегался высказывать свои сокровенные мысли. Увидев наши взаимоотношения с Толей, он увидел в моём лице старшего товарища, с которым он может говорить как и с Толей.

– Ну что? – обращаясь непосредственно ко мне, вопросительно глядя на меня, спросил Боря.

Я изложила свои мысли, предупредив в конце, чтобы они не поняли превратно мои слова, как желание удержать их в городе.

– Взвесьте все. Не горячитесь, не принимайте решения стгоряча.

Задумались мои мальчики, облокотившись на колени и подперев голову ладонями.

– Вы правы, Мария Павловна, но тяжело, понимаете, тяжело смотреть, что творится вокруг тебя. Вечные облавы, «полицай» гоняются за тобой как за собачкой, аресты при малейшем подозрении в связи с партизанами.

– Вот и держись крепче. Не падай духом. Всё это крепче закалит вас в непримиримой ненависти к врагу. Пока же можно бороться и здесь. Посуди, что толку в том, если сейчас по дороге схватят вас, или в лучшем случае убьют? Какая польза будет родине от этого. А вы вот докажите, что врагу не сломить вашу волю, вашу силу. Верю, что связь будет найдена, но повторяю – будьте осторожны, действуйте осмотрительно. Нужно сохранить жизнь, чтобы максимально её использовать на борьбу с врагом по установлении связи. Враг хитер, он постарается на удочку поймать многих, и не только таких юнцов, как вы, а вы должны быть хитрее его.

– Пожалуй, мама права, Борух. Будем продолжать распространять сводки, вести устную агитацию среди молодежи, работающей на производствах, пусть наносят вред на работе, осторожно вести агитацию среди немецких солдат, живущих на квартирах, – медленно говорил Толя, как бы продолжая обдумывать моё предложение.

7 февраля 1942 года

«Немецкие солдаты не грабят мирное население»... Каким цинизмом звучали эти слова, сказанные в комендатуре старушке У.Д., когда она, не боясь, в горе своём гнева господина коменданта, пошла заявлять, что солдаты взяли у неё полтора ведра картофеля, един-

ственное, что было съестного в доме на двоих взрослых и четверых детей. Менять в этом доме уже нечего, в этот дом уже стучалась голодная смерть своей костлявой рукой.

Вчера днём остановилась возле нашего дома грузовая машина. Через стенку перепрыгнул немец солдат, за ним русский, с красной повязкой на рукаве. Зашли по-хозяйски в квартиру.

— Картошка дай, — без лишних слов угрюмо бросил немец. Объяснила ему, что у меня нет, что хожу в деревню менять.

— Где лежит? — подступая ближе, зло глядя прямо в глаза, продолжал он. С красной повязкой первым бросился в подвал, за ним немец. Спустилась и я. Последний картофель, что выменяла в деревне, морковь, что вырубали из мерзлой земли кровавыми руками, все до единой штучки забрали в мешок.

Толя, увидев через окно от бабушки немца и зная, что я одна дома, прибежал быстро домой. Спустился в подвал, услышав там голоса. Замечательную картину пришлось мне наблюдать. В подвале полумрак. Возле задней стенки стоял высокий немец с лицом дегенерата. Рядом, приниженно наклонившись, пересыпал из ящика немцу в мешок тот, что с повязкой. Я стояла в стороне и молча смотрела, как исчезает то, что с таким трудом тащила недавно на себе. Вдруг в светлой раме двери выросла фигура Анатолия, с широко раскрытыми в недоумении глубокими глазами, в его обычном лыжном костюме. Вмиг понял он, что происходит, вмиг преобразилось его лицо. Руки вытянутые вниз, сжаты крепко в кулаки. Казалось, вот-вот бросится на немца. «Красная повязка» прижался к стенке, застывшими глазами, с открытым ртом глядя на Толю. А немец? Немец стоял полусогнувшись, с приподнятой головой, с глазами, устремленными на дверь, где он увидел что-то грозное для себя. Руки, державшие мешок, застыли в том положении, но уже без мешка, мешок выпал из рук, парализованных страхом. Лицо? Я ни разу в жизни не видела такой яркой смены выражения, обличавшей всю гнусность мелкой душонки её обладателя. Животный страх, переходящий в ужас перед грозной фигурой семнадцатилетнего юноши, которому только на днях исполнилось 17 лет. Окаменевшая маска ужаса сползла и сменилась желанием показать свою власть, но спрятавшись за прикрытие. Мгновение происходила борьба между трусливостью и желанием показать, что он хозяин положения. Ему хотелось унижить русского юношу, перед которым он выказал жалкую трусливость.

Медленно выпрямляясь, не сводя с Толи глаз, в которых держался ещё страх, он отрывисто бросил, указывая на выпавший при появлении Толи мешок:

— Подними, дай.

— Что-о-о?! — делая шаг к нему, с яростью, смешанной с удивлением, громко вскричал Анатолий. Я предостерегающе окрикнула:

— Толик!

Подхватив одной рукой мешок, немец боком выскочил из подвала, стараясь не задеть Толю.

— Браток, помоги, — начал «красная повязка».

— Какой я тебе браток? — с отвращением и презрением в голосе оборвал Толя.

Подняв мешок с морковью, холуй, подобно побитой собаке, полёлся за тем, кому он помогал грабить своих русских.

У меня не осталось ни картофеля, ни моркови, но я торжествовала: я видела, как вооруженный враг отступил перед яростью ненависти к нему.

— А жаль, что ты остановила меня. Я задушил бы его, — с сожалением произнёс Анатолий.

— Ну, а дальше? Расстрел пятидесяти человек. Нет, родной, сейчас как никогда нужна выдержка. Даже в ненависти к врагу в нужный момент умей держать себя в руках. Это относится к тому, что говорила я тебе с Борей: будьте осторожны, строго следите за собой, за своими словами. Будь это кто-либо из крупных фигур врага — это одно, но из-за этого фрица разве стоило ставить под угрозу жизнь 50-ти наших людей?

— Да, враг знал, что приказ о расстреле 50-ти русских за одного немца будет лучше любого оружия охранять его от ненависти мирного населения. Мама, а знаешь, как странно звучит: мирного населения? По-моему мирного населения сейчас нет. Ведь каждый объят стремлением бороться с врагом, и к таким не подходят слова мирное население. Нет оружия, зато есть ненависть, и я верю, что она поможет нам достичь немеченой цели — связаться с лесом.

Апрель 1942 года

Толя болел три недели. Всё время температура была 38–40 градусов. Бред показал всю силу стремления найти связь. Часто при

Севастополе, о «чёрной туче», т.е. о героях-черноморцах.

Апрель 1942 года

С каждым днём становится всё тяжелее дышать. Казалось, что воздух, весенний чистый воздух наполнен чужим, тяжёлым, к чему не привыкли легкие. Это чужое давит, гнетёт.

В четверг днем пришёл к Толе Элик. По его возбужденному лицу, заметному ещё когда увидела его идущим по дорожке сада, догадалась, что приход не случайный, а вызван чем-то, требующим обсуждения.

— Вот она, о которой много говорят немцы и которую невозможно достать русскому, — волнуясь и краснея, произнёс он, разворачивая завернутый свёрток и бросая небольшую толстую книгу на стол. Это была «Моя борьба» Гитлера, которую нам хотелось хотя бы частично прочесть на немецком языке, не переведенную на русский язык.

Помню, однажды, слушая восторженные отзывы немца об этой книге, видя, как он сентиментально прижимает её к груди, подняв глаза к небу, я спросила, почему эту «прекрасную книгу» не издают для русских. Высокомерно взглянув на меня как недостойную, по его мнению, даже произносить «моя борьба», он коротко бросил: «Она только для арийцев». Эту фразу мы поняли по-своему: немцы почему-то не хотят сделать её распространённой среди русских. Этого было достаточно, чтобы мы занялись целью достать её. Наконец Элику удалось достать и принести нам. Общими усилиями мы сели за её перевод. Срок возврата был ограниченный и, к сожалению, мы не смогли её охватить при наших познаниях немецкого языка полностью, но и того, что перевели, было достаточно, чтобы понять, почему она «только для арийцев». «Господствующая раса должна вытеснить всё остальное. Покорённые народы должны сыграть для господствующей расы роль лошади, пока её не вытеснила машина, затем "Мавр сделал своё дело, мавр может уйти"». Каждое переводимое слово вбивалось в мозг, вместе с негодованием, возмущением заставляло всех сжимать кулаки. Мне хорошо были видны лица Бори, Элика, Толи: они сидели все напротив меня, слегка наклонившись над книгой, и я могла, не отрываясь от перевода, по выражению лиц проследить, как они воспринимали то или иное слово. Они как бы застыли в одной позе, и лишь лица выдавали то, что они чувствуют.

Одно и то же выражение появлялось у всех сразу и сменялось другим у них одинаково. Лишь в момент наивысшего негодования лица Бори и Элика покрывались густой краской, глаза начинали больше блестеть, а по Толиному лицу разливалась смертельная бледность, и глаза становились матово-тёмными.

— Ну и бред, — со вздохом облегчения вырвалось у Бори, точно он переступил бездонную пропасть.

— Хорошо, что ты достал «Борьбу», теперь при разговоре с кем-либо о том, что готовит Гитлер покоренным народам, надо ссылаться на его же книгу, надо разоблачать его заигрывание с населением его же словами, — со сдвинутыми бровями над потемневшими глазами произнёс Толя, обращаясь к Элику, с лица которого ещё не успела сойти краска негодования...

Долго сидели Элик, Боря и Анатолий, не в состоянии избавиться от охватившего их впечатления, долго эти лица яснее слов говорили о их внутреннем состоянии.

Облавы становились всё чаще и чаще. В основном хватают людей, у которых нет отметки о работе. Многие советуют Толе поступить на работу. Эта мысль ни разу не возникала у нас, внимание было заострено на том, чтобы не работать. От недалеких людей, обывателей приходится слышать упреки, что я ращу барчука, что он обязан помогать отцу с матерью и т.д. Некоторым поддакиваешь, некоторым вообще ничего не говоришь, с другими говоришь более откровенно, объясняя причину, почему Анатолий сейчас не работает.

— Мама, ты можешь представить меня на работе в каком-либо учреждении? Допусти на минутку, что я должен поклоном приветствовать немца-шефа, который придёт взглянуть, как работают русские «люди-лошади», — говорил Толя после выслушивания нравоучений «доброжелателей», которые он воспринимал с лукавым взглядом и насмешливой улыбкой.

Как ни призывала я фантазию на помощь, но представить его кланяющимся немцу никак не могла. Рисовалась картина иная, а именно, та, что увидела в подвале: Толя со сжатыми кулаками, с тёмными от ненависти глазами, готовый броситься на врага в любой момент.

— Найдем связь, тогда буду работать, но не так, как ждут люди, укоряющие и тебя, и меня в моём бездействии, в нежелании помочь семье, — продолжал он, уже с другим лицом, выдавшим и надежду на связь, и веру, что она будет найдена.

Видела я, что и Толя, и Боря готовы бороться с врагом, мстить ему за всё, чему являются они свидетелями.

7 мая

Сегодня наблюдалось большое движение войск противника. Урывками улавливались слова «большое сражение», «Керчь». Среди немецких солдат чувствовалась растерянность, связанная с явно выраженным страхом перед тем, что их ожидает. Не поднимал их настроения и «шнапс», полученный ими в большом количестве. Водкой немецкое командование старалось поднять дух «непобедимой армии» перед готовящимся наступлением на Керчь.

От вернувшихся из города Толи с Борей услыхала, что там наблюдается та же картина. Из их разговора, по лицам, которые ярче слов выражают их внутреннее состояние, видела, что сегодня острее, чем когда-либо, они чувствовали своё бессилие из-за отсутствия связи.

— Видишь подготовку врага к наступлению, передвижение войск, танков, орудий, и приходится быть только свидетелем, — говорил Боря, устало откинувшись на спинку дивана, сидевшему рядом с ним Толе.

— Я уже не раз, Борис, думал о том, сколько бы мы пользы могли принести, если бы мой приёмник служил передатчиком, — задумчиво произнёс Толя, облокотившись на валик дивана и подперев голову рукой. — А всё же, думаю, что через кого-то эти сведения будут получены нашим командованием, возможно, кому-либо удалось уже связаться с лесом, — не меняя позы и по-прежнему задумчиво продолжал он.

— Ну, а что слышно у вас? Есть намётка на связь? — подсаживаясь к ним на диван, спросила я их.

— Почти ежедневно, М.П., заняты исключительно этим вопросом. При малейшем намёке на человека, связанного с партизанами, ведём разведку, но пока ничего, всё оказывается фантазией, — отвечал Боря голосом, в котором чувствовалась тоска безнадёжности.

— А знаешь, мама, твоя теория, которую ты высказывала, когда я был в 8 классе, что я родился в счастливый год, не оправдывается. Родись я раньше, я был бы в армии, не сидел бы вот так, сознавая своё бессилие, — отрываясь от своих дум, бросил мне Толя.

23 мая

Последние дни с напряжением следили за сводками Совинформбюро. Каждый раз нетерпеливо ждали, что скажет Толя, сидевший возле приёмника.

— По приказу командования наши войска оставили Керченский полуостров, — помолчав минуту и сняв наушники, тихо произнёс Толя. И такая тоска прозвучала в этих немногих словах, что не стали расспрашивать дальше, что делается на других участках фронта.

Немцы несколько дней тому назад бросали «Керчь капут», но зная их хвастливость в отношении «капут» ряда наших городов, в которых они мысленно уже шагали победителями, а в действительности откатывались от них под ударами наших войск, хотелось верить, что и на этот раз услышим, что враг отброшен от города. Впечатление от услышанного отягощалось сознанием, что противник готовится к штурму Севастополя, под которым он простоял безрезультатно всю зиму. Стаи черных самолётов, отправляющихся на Севастополь, своим гулом говорили, что предстоит выдержать городу. Один из немцев, занимавших помещение у бабушки, бросил слова: «О, германская армия — сильная армия. Керчь капут, через 2–3 дня Севастополь капут».

Такое самодовольство звучало в его словах, ярко отразилось во всей его фигуре, что не сдержалась, но как можно спокойнее произнесла я в ответ: «Теперь война. На войне всё возможно. Сегодня Керчь в немецких руках, завтра, возможно, будет опять русской».

— Что возьмёт германская армия, назад не отдаёт, крепко держит в своих руках, — горделиво смеясь, говорил немец, опьяненный временным успехом.

Посмотрим, фриц! Я помню слова Толи, сказанные в ответ одному из них, уезжавшему на фронт.

— До свидания в Москве, Толер.

— До свидания в Берлине, — уверенно бросил в ответ Толя, не задумываясь ни на секунду.

Пусть же эти слова юноши, не искушенного жизнью, объятых жгучей ненавистью к вам, фрицы, будут пророческими!

Ребята разбросали по городу немного листовок с выдержками из «Моей борьбы».

18 июня

Нет слов, чтобы передать силу того гнёта, что давит сейчас нас всех. С раннего утра до поздней ночи доносится орудийный гул от Севастополя. Леденеет кровь от мысли, что же творится там, если сюда, в Симферополь, долетают отголоски канонады. С четырёх часов утра наблюдали стаи черных машин, летящих звеньями на Севастополь, несущих смерть и ужас мирному населению, разрушения города-героя, материальные и технические потери защитникам родного города.

Подходили всё новые и новые немецкие части, которые со следующим рассветом направлялись на Севастополь. Через Красную горку проходили части артиллерийских войск, идущих с Керченского полуострова. Проходили с видом обреченных на смерть людей. Поняли фрицы после Керчи, что ожидает их под Севастополем, что каждая песчинка, каждый листик будет обагрён их кровью. В домах, на улицах происходил делёж и торговля награбленным в Керчи. Всюду валялись оранжевые шкурки апельсинов, мандаринов. Присматриваясь через окно на проходившие с фронта части, видишь, что неслучайно сравниваешь их с обречёнными на смерть, это не впечатление от одной части. Если от немцев, находящихся здесь, в тылу, часто приходится слышать «Севастополь капут», то ни разу не пришлось слышать это от тех, что идут из-под Керчи. Вид их говорил иное, они не могли скрыть безнадёжного отчаяния и ужаса перед Севастополем. Чувствуешь, что это не та армия, что была осенью 1941 года.

Чувство омерзения вызывают те немногие русские военнопленные, которые, спасая лишь свою жалкую жизнь, не захотели разделить участь тех, кого вели в лагеря за колючей проволокой, и согласились обслуживать немецкие части. К высоким акациям под моими окнами были привязаны немецкие лошади. На дороге всюду стояли повозки, орудия, возле них сновали солдаты. К одному из деревьев подошла высокая фигура. Сразу я не обратила внимания, но выделяющаяся одежда заставила посмотреть на него пристальнее. Немец почувствовал, вероятно, на себе взгляд, поднял голову и взглянул на меня, продолжавшую смотреть на него в упор. Минуты две продолжался наш молчаливый разговор.

«Я не виноват, страшно идти на верную смерть», — казалось, говорили его глаза. «А тем, кто до последнего дыхания держат оружие

в руках, не страшно умирать? А тем, кто сидят голодными, оборванными за колючей проволокой и не помышляющим таким способом спасти жизнь, разве не хочется жить?» — мог прочесть немец в моих глазах. И он прочёл. Всем своим видом показал, что именно это прочёл он: виновато отведя глаза в сторону, он опустил голову, весь как-то обмяк.

А немецкие самолёты летят и летят туда, где бьются беззаветно преданные родине близкие, родные люди, к которым рвешься всем своим существом.

Немец, который прятался в щель от одного рокота советского самолёта, сегодня с самодовольным видом подошёл к моей маме и, оскалив зубы, похлопав её по плечу, бросил ей, изнывающей в тоске по единственному сыну, находящемуся, по нашим предположениям, среди защитников Севастополя: «О, мутхен, филе, филе руссиш зольдат капут Севастополь!». Ничего не сказала она, озарённая светом своих белых волос, ничем не измеримая боль промелькнула в глазах, из которых скупно скатывались слезинки. Охваченная жалостью к матери, презрением и ненавистью к этому именуемому себя «высшей расой» зверю в образе человека, я указала ему на низость его поступка. К сожалению, пришлось покривить душой, сказать, что у русской матери такое же сердце, такие же слёзы, что и у немецкой.

Семья испугалась за меня, но, видно, немец был озадачен, что русская «фрау» не побоялась его, т.к., посмотрев удивленно на меня и ничего не сказав, он отошел в сторону.

Всё труднее и труднее избегать облав, которые окутывают город всё чаще и чаще. Топе принесли повестку явиться в полицию на работы. Пока спасла справка о перенесенной болезни. А дальше? А другие ребята? Никто из них не мыслит поступать на работу, но жить без отметки «биржи труда» становится всё труднее и труднее.

Какой-то паренёк с товарищем вторично ходил на поиски партизан и вернулся ни с чем.

Июль

Севастополь оставлен нашими войсками... В течение восьми месяцев мы видели, какой ценой платят немцы за свое стремление овладеть городом: эшелоны, бесконечные эшелоны раненных, которых уже немцам негде размещать. И вдруг всё замерло... уже перестал доноситься орудийный гул... по утрам не слышно и не видно

звеньев немецких самолётов, до последних дней не прекращавших бомбить город. С наступлением тишины острее почувствовали полную оторванность от своих. Звуки доносящейся канонады говорили, что есть в Крыму ещё клочок земли, куда враг, несмотря на все попытки, не может вступить, что там наши советские люди, от которых тянулась к нам незримая связь, поддержка, говорящая что мы не одни...

Единственной поддержкой теперь является крошечный приёмник, державшийся «на булавках», который дедушка аккуратно приносит ежевечерне к определенному часу. Его часто можно видеть идущим по дорожке сада к разным ящикам с инструментами столярными, рамками для ульев. Так что, пожалуй, если бы кто и увидел в руках у него обычный ящичек для гвоздей, но содержавший нечто иное, никто не догадался бы, что в руках у деда то, чем сейчас живём, что приносит нам надежду, что настанет пора освобождения, что даёт нам возможность иметь точные сведения, какой ценой достаются фрицам их «успехи», о которых они так хвастливо кричат в своих газетах и передают через микрофон.

Находясь летом 1941 года вместе с эвакуированными школьниками г. Симферополя в Сеитлерском районе, мы лишь через неделю узнали о том, что Минск захвачен немецкими войсками. «Подумать только, целую неделю население в руках захватчиков?!» — с ужасом говорили мы, не в состоянии понять, как можно пережить этот кошмар. И вот мы уже семь месяцев слышим хвастливую речь захватчиков, испытываем применение «нового порядка». Как ещё могут изощряться, что могут придумать эти «носители культуры»?

В те вечера, когда Боря ночует у Толи, разговор в основном идет вокруг того, когда же будет найдена связь. Их ненависть к врагу не может уложиться в распространение незначительного количества листовок со сводками Совинформбюро, написанными от руки. Печатных листовок, сброшенных с самолётов, ребята, несмотря на ряд вылазок в поле, не обнаруживают, их больше уже нет... Успешно идёт устная агитация, но всё это не то, к чему стремится молодежь. Состояние ребят усугубляется ещё тем, что они ежедневно видят факты небывалых зверств, чинимых захватчиками в отношении русских военнопленных.

Толя ежедневно ходил на севастопольское шоссе, по которому двигались изможденные, полураздетые, голодные колонны военнопленных. Он незаметно втирался в гущу их, расспрашивал с жадностью обо всем, что его интересовало. Так делал он несколько дней подряд, пока Люсю не избили резиновыми плётками за то, что она передала одному из пленных узелок с сухарями и табаком.

Пленных на глазах народа расстреливали по малейшему поводу. Старушка, у которой, возможно, не один сын был на фронте, протянула кружку воды красноармейцу, которого под руки тащили товарищи. Казалось, ещё несколько шагов, и он свалится замертво. Румынский изувер по знаку немецкого палача сбил прикладом старушку и тут же на глазах пристрелил этого несчастного, вина которого заключалась в том, что ему хотели дать напиток. Рассказывали, что немецкие офицеры выхватывали у женщин узелки с сухарями и другими продуктами и тут же топтали ногами.

Как с захватом города немцами зашевелились «нафталинные» люди, так и теперь, когда последний клочок земли Крыма оставлен нашими войсками.

Многие трусливо притаившиеся выжидали, что будет с Севастополем. Теперь у них появилась уверенность, что немцы прочно заняли Крым, что они непобедимы. Опять потянулись вереницы жалких людей, но теперь в комендатуру менять русские паспорта на немецкие.

Толин соученик М., семью которого знали как русскую семью, сегодня пришёл уже с немецким паспортом. Он стал уже «немец по происхождению». Он стал Леон. Сегодня узнала, что Элик записался на овцеводческие курсы. Выхода нет. Всё труднее становится избежать облав, каждую минуту ребята могут быть схвачены и отправлены на работы. Живут надеждой, что вот-вот будет найдена связь. Как найти людей, которые помогут связаться с лесом? Большую надежду вселила Лазарева Е.Л., которая в разговоре упомянула, что к ней часто приходят из деревень. Анатолий ухватился за это сообщение. Откровенный разговор с ней не вносит подозрения: она член партии, знаю её и её сестру, тоже коммунистку, давно. Остались здесь по семейным обстоятельствам.

Сентябрь

В городе открывается десятилетка. Обычное слово «десятилетка» воспринимается теперь по-иному. Наряду с постоянным своим значением оно таит в себе новую ловушку. Общее мнение поступить мальчикам в школу упирается в вспыхнувшее сразу же при известии об открытии школы подозрение, не является ли школа приманкой, на которую немцы постараются поймать молодежь. Они отлично понимают, что многие пойдут в школу, чтобы избежать отправки на работы. Положение учащегося, якобы, гарантирует освобождение от работы, следовательно, они могут ходить по улицам города «свободно». Как горько и иронически звучит это слово. Здесь, где в любую минуту любого гражданина может остановить каждый фриц, полицейский, обыскать, задержать.

С кем ни советуешься, ни у кого нет ясного ответа, все в нерешительности, вызванной одним и тем же подозрением: это ловушка. И оставаться дольше на «нелегальном» положении, без пометки биржи тоже нельзя. Срок освобождения по болезни прошёл, что-то надо придумать... А что? Мысль проваливается в бездну. Преподаватель Д., который будет работать в этой школе, советует поступать, но реже посещать школу, чаще «болеть». Обещает зорко следить и в случае чего предупредить Толю, а через него и всех ребят.

Несколько дней тому назад Л. сообщила, что встретила Н. в немецкой форме, который пришёл в город по заданию. По её словам, она говорила с Н. о Боре и Толе, которые ходят теперь окрыленные надеждой на скорую связь.

— Будет связь, сходим в лес, получим указания и развернём настоящую работу здесь, в городе. Мы изучили город, нам знакомы важные объекты врага, — воодушевляясь, мечтательно говорил Борис. — Надо принять меры, чтобы к моменту, когда будет налажена связь, у нас имелось бы хоть немного оружия. Мы не должны рассчитывать лишь на то, что нам дадут. Знаешь, говорят, румыны под шумок продают пистолеты. Узнай, кто из ребят знает румын. Всё, что возможно, будем делать. Денег найдем. Хорошо бы разнюхать, где имеются склады с негодным оружием: забраться туда, набрать частей, ну а дальше, сам понимаешь, — говорил Толя, заканчивая свои слова задорной улыбкой.

Октябрь

Связи нет. Обещания Л. становятся всё туманнее и туманнее. Сводки Совинформбюро не вливают бодрости, но где-то в глубине цепляешься за искорку надежды, веришь, что настанет день, и будет остановлена немецкая армия, приблизится час нашего освобождения.

Январь

«Глаза — зеркало души» привыкли мы слышать издавна. Эти слова целиком и полностью относятся и к Толе. По его глазам лучше любых слов узнаешь его внутреннее состояние.

Так и сегодня. Он с наушниками на голове сидел за своим рабочим столиком, в руках карандаш, которым он делает обычно пометки на карте, быстро записывает заметки, левая — на приёмнике, который стоял тут же на столике. Свеча освещала желтым светом весь угол, где сидел Анатолий. Дедушка и Стефан сегодня «дежурят». Я стояла возле Толи, по лицу которого проскользнула улыбка. Глаза, в которых всё шире и шире росла теплая радость, торжество, излучали свет. Чувствовала, что он уже не слушает, но всё ещё находится под впечатлением того, что услышал. Очнулся, улыбаясь, кивнул головой. Я позвала «дежурных».

— Ну, слушайте, — проникновенным голосом, с сияющими глазами, не в состоянии сдержать радостной улыбки, произнёс он. И передал приказ главнокомандующего от 25 января, в котором ярко отражена победа Красной Армии на всех фронтах, как результат двухмесячного наступления.

Оставив нас, он побежал порадовать бабушку с Люсей, которые терпеливо ожидали каждый раз деда.

— Завтра рано пойду к ребятам, порадуя их, а потом придем, напишем хоть немного листовок с приказом, население понемногу ознакомится с ним. Знаешь, мама, я уже не верю, что Е.Л. поможет найти связь, какая-то романтика звучит в ожидании встреч с Н., — говорил Толя, сидя у меня в кровати, полный радости от услышанного и в радости думающий о связи, за которой они гоняются столько времени, а установить бессильны.

Воскресенье

Опять приходила Е.Л.с сообщением, что видела Н. Говорит, что он должен предварительно доложить о ребятах штабу партизан, для этого ему нужны точные сведения о них: год рождения, с какого года в комсомоле и т.д. Мне непонятно это. Ведь могут проверить там в лесу, зачем же откладывать опять на какой-то срок.

Из разговоров Бориса и Толи слышу имена каких-то девушек, которые тоже ведут агитработу среди населения.

— А что, Борис, ведь листовок-то маловато. Хорошо бы достать типографию. Ночь — и 500 готово. Красота! Неужели из старых рабочих так никого и не осталось в типографии? Может типографию удастся скорей найти, чем связь. Достать бы шрифты, остальное скустарничаем. Есть у тебя на примете кто-либо? — говорил Анатолий, поднимая голову и смотря вопросительно на Бориса.

Вспыхнули глаза Бориса, краской покрылось лицо — Толя затронул вопрос, над которым он задумывался неоднократно в последнее время.

— Помнишь, я говорил тебе об одном пареньке, который хотел устроиться в типографию. Через него мы сможем достать. Будет шрифт, Толик. Ты представляешь: связь вот-вот будет, оружие будет, типография заработает... Обидно, что нет связи до сих пор. Часто слышим: «арестованы за связь с партизанами», а вот найти эту связь не удастся. И не только нам, а многим. А наделаем же мы делов! Ведь верно, Мария Павловна? — неожиданно закончил Боря, обращаясь ко мне.

— Планы придут сами собой. Помните, казалось, вот-вот будет связь, и так тяжело мы переживали неудачу, какое бессилие охватывало вас тогда. Будете иметь всё в руках, будете говорить о проведении в жизнь ваших планов. Время не прошло даром. То немного, что вы имеете, дает уже результаты. У вас уже имеются на примете ребята, вы чётко наметили путь, по которому и пойдете, не задумываясь и не останавливаясь ни на минуту.

Борис, Женя, Толя посещают школу, но так, как советовал мне Д. Совершенно не похожи они на тех учащихся, что я знала весной 41 года. Школа сейчас является лишь средством самосохранения, и только. Ответы на уроках диктовались сознанием, что надо отвечать, так как в противном случае последует исключение. Зато работы по немецкому языку у меня пользовались «почётом»: все, аккуратно

сложенные, лежали на письменном столе Анатолия. Это тоже средство самосохранения: немцы будут видеть в этом желание русского юноши изучить их язык. Что всегда ими воспринималось как нечто положительное. Первое время Толя смеялся над моим рассуждением, но когда увидел, что в действительности получалось так, как я предполагала, он, смеясь, уже предлагал применить этот способ и Борису, и Жене.

Апрель

Оправдываются слова Анатолия, что, авось, типография будет найдена скорей, нежели связь. Всё складывается как нельзя лучше. Кроме Ивана, Боря связался с рабочим «дядей Колей», который работает в типографии. Мысль, что вот-вот заработает типография, заставляла ребят не так остро переживать отсутствие связи. Иногда у Бори собираются все разрозненные группки ребят, что потихоньку занимались той же работой, что и Боря, и Женя, и Семён, и Толя.

Всё чаще и чаще слышу произносимые Борей и Толей имена Васи, Лиды, Зои. Увереннее говорят о связи с лесом, надеясь только на свои силы, через самих же ребят познакомиться с человеком, который сможет кого-либо из них переправить в лес. Всё говорит за то, что придёт настоящая связь, не окутанная романтикой и фантазией, действительная.

Они так реально говорили о возможности связи, что явилась мысль о необходимости создать такую обстановку, когда отсутствие Анатолия не покажется подозрительным соседям и в школе. Из разговора его с Борисом догадываюсь, что в случае знакомства с товарищем из леса, туда идет Анатолий, а Борис займется исключительно типографией. Пришли к выводу, что шрифт будет доставлен сюда к нам. Здесь на окраине легче будет прятать его, работать. Кроме нашей семьи и семьи дедушки никого нет, имеются два выхода. Всё говорит за то, что лучшего места нет. На первое время бумага для листовок имелась.

Среда

...Сегодня выбросилась из окна девушка... другая облила ногу серной кислотой...

Такие слухи ползут по городу, они растут, проникают во все углы города. «Тотальная» мобилизация германского народа требует пополнения рабочей силы из оккупированных стран и областей.

Несмотря на широко развернутую агитацию, на ряд фальшивых писем, якобы полученных из Германии от русских девушек, где они воспевали прелести жизни и работы там, доброту «хозяйки», добровольцев, желающих ехать туда, не оказывается больше. Не помог и написанный яркими красками плакат, изображающий на переднем плане фрау-хозяйку, а за ней идущую с тяжёлой корзиной в руках русскую девушку. Немцы в своём цинизме зашли так далеко, что не сочли нужным подумать, какое же действие произведет на русских этот плакат, воочию убеждающий, что ждёт русскую женщину там, если превращение свободолубивой русской женщины в прислугу для фрау рекламируется немцами как идеал наивысшего счастья, ожидающего русскую в Германии.

Никогда в жизни не изгладится из памяти то утро, когда жители Симферополя услышали о мобилизации девушек на работу в Германии. Казалось, что это слово останавливало всё живое, заполнило собой воздух, мысль всюду встречалась с ним... Перед глазами стояли тысячи матерей девушек, обливающихся не слезами, а кровью, матерей, проклинающих минуту, когда они дали жизнь с любовью ожидаемому, ребёнку. В эти дни я воочию увидела, что значит почернеть от горя. У меня нет дочери, но меня обволакивало горе тысяч матерей. Я задыхалась от сознания бессилия чем-либо помочь этим несчастным.

Толя и Боря не ходят в школу, изыскивают способ помочь хоть немногим уклониться от отправки. Положение учащихся не спасло на этот раз многих девушек.

10 мая

Две недели находился Толя в добровольно-вынужденном «заключении», не выходя днём ни на минуту из помещения. Среди соседей распространила слух, что он уехал на Украину за жирами, слух докатился и до школы. Счастливое совпадение помогло его видеть многим отправляющимся на вокзал с мешком за плечами. В субботу его действительно пригласили для этой цели бывший его соученик Маух. С радостью ухватились мы за это предложение, условившись с Толей, что в Сарабузе или Кара-Кияте он отстаёт от поезда, объясняя впоследствии тем, что его задержала жандармерия, когда он вышел выпить воды. Случилось, что им действительно пришлось вернуться с Кара-Кията, т.к. немцы выгнали всех из вагонов. «При

первой же возможности я поеду, мама. Леня ездил несколько раз, вот с ним и поеду: а, возможно, что другой подвернется из попутчиков», — говорил Толя по возвращении домой, в присутствии Лени.

На другой день пришедший Лёня услышал, что Толя в три часа уехал. От Лёни узнали и в школе, что Косухин уехал на Украину, за что директор пообещал исключить его из школы, как не просившего у него разрешения.

— Мама, отнеслась бы ты до войны так спокойно к возможности моего исключения? — смеясь, говорил Толя, когда я передала ему слова директора, сказанные мне Лёней.

— Ну, знаешь, если бы ты вообще так относился к занятиям, как в этом году, то, пожалуй, выгнала бы тебя и из дома, — тоже смеясь, отвечала я. Толя выходил из помещения поздно вечером и рано утром. Расположение дома позволяло ему посидеть на пороге дома и быть никем не замеченным. Но однажды он неосторожно прошёл от порога к винограду, росшему метрах в 2–3. Это послужило поводом к замечательному разговору между мной и шестилетним племянником Шуркой, который знал, что «Толенька уехал на Украину». Но, оказалось, что у него имелись свои соображения на этот счёт. Утром, когда Толя, нарушив порядок, прошёл к винограду, я была у мамы, которая соболезновала старшему внуку, что он сидит взаперти.

— Тетя Маня, а Толенька дома?! — потихоньку шептал мне Шурик, лукаво поглядывая на меня.

— Что ты Шурик, он ещё не приехал, детка!

— Ой, тетя Маня, я долго-долго сегодня стоял на кухне у окна, ещё бабушка спала, и увидел Толеньку... Но я никому не скажу, что он дома, даже бабушке не скажу, — и малыш с честью вышел из этого испытания. Под влиянием школьных разговоров спрашивал Шурку о Толе Маух неоднократно и каждый раз терпел неудачу.

Мне легче было обманывать Мауха, так как удалось так естественно разыграть беспокойство, охватившее меня ввиду «долгого отсутствия» Толи, что когда Лёня услышал о крушении поезда на ст. Джанкой, он просил бабушку не говорить мне об этом.

Труднее было малышу с тем, кого школа посылала разузнавать об Анатолии, но и тут он показал себя молодцом. Однажды приехали на велосипедах братья Е. и после разговора с бабушкой стали обрабатывать Шурку. Бабушка наблюдала эту сцену.

— Мы ведь видели, как Толя катал тебя вчера на велосипеде, — говорил один из них Шурке.

— Что вы мне говорите, ведь Толенька уехал за маслом, а меня катал Леня Маух, вот спросите его, — отвечал Шурка, задорно поднимая к ним своё детское личико, уже покрытое легким загаром.

Поведение Шурки как будто бы мелочь, но оно показало, что даже малыш может оказывать помощь, посильную его возрасту.

Первый же выход из «заклочения» в город принёс Анатолию горечь разочарования. В., который должен был познакомить ребят с кем-то имеющим связь с лесом, «всё тянет», по выражению ребят. У Толи подозрение, что он просто сболтнул, желая похвастать. «Во всяком случае, ему ни о ребятах, ни о сборе типографии — ни слова. О ней знают: ты, Женя, я, Иван, дядя Коля. Где она будет находиться — лишь ты, Женя и я, т.е. те, кто будет работать».

12 мая

Пришлось побывать мне в школе, где учатся ребята. Встретила там немало педагогов, с которыми работала в одной школе до оккупации. Они удивились, узнав о причине моего посещения: исключение Анатолия из школы. Все они знали его до войны, знали его успеваемость, поведение и вдруг — исключен.

Сам факт не имел никакого значения, но последствия могли сказаться на другой же день: директор сообщит моментально «на биржу», а там на работы. Посещение школы, в основном, преследовало цель самоохранения, следовательно, необходимо принять меры.

Направилась к директору, которого знала раньше как учителя одной из школ, и который знал меня как учительницу Симферополя. Поздоровались. Села на предложенный стул.

— Мне очень прискорбно вызывать вас по такому неприятному вопросу, — начал он свою речь, заикаясь и с важным видом, — но, зная, как много уделяли вы всегда внимания вопросу воспитания сына, я решил уладить этот вопрос семейным порядком, не сообщать в вышестоящие организации. Он говорил вам, за что исключён? — спросил он, выжидающие смотря на меня.

— Да, за самовольный выезд на Украину, — ответила я, не показывая вида, что мне известна настоящая причина исключения.

— Да, да. Это послужило поводом. Он не имел права выезжать самовольно, это противозаконно.

— Вина всецело лежит на мне, и ответственность должна нести я, а не сын, которому остался месяц-два до окончания школы.

— Я приму его, но вы должны дать подписку, что Анатолий не будет допускать хулиганских поступков, что он будет вести себя благонаправно, что вы ручаетесь за него.

— Извините, но дать подписку, это значит подтвердить, что он хулиган. Меня никто не предупреждал о его плохом поведении. Конечно, я поговорю с ним, и уверена, что если есть какие нарушения, он постарается их ликвидировать, — говорила я с виду спокойная, но внутренне негодующая. Он требовал с меня подобной подписки! Он, бывший советский учитель, поднявший руку на юношу... Всё преступление в его глазах сводилось к тому, что он стоял во дворе школы, из которой был исключен, и который, увидев поднятый над ним кулак директора, грозно бросил: «Если вы умеете драться, то и у меня кулаки не хуже», чем и приостановил готовый обрушиться на него удар. Директор не знал, что мне известна эта сцена.

— Только то, что он является сыном родителей-учителей, которые следят за его воспитанием, разрешает мне принять его обратно в школу, но пусть зайдет ко мне извиниться, — закончил свою беседу директор.

— К сожалению, недели полторы он не сможет посещать школу, т.к. у него образовался громадный нарыв на ноге, — заметила я, так как знала, что никакие силы не заставят Толю извиниться перед ним, о котором он неоднократно отзывался с гадливостью.

Цель была достигнута — Толе не грозила биржа.

Июнь. Воскресенье

Стояло теплое яркое лето, одно из тех, когда не хочется находиться в помещении. Мы пили чай уже в саду под орехом. Толя пошел в дом, я заканчивала мыть посуду тут же под орехом. Пришли две девушки, обе в светлых платьях, с косами. Почему то бросилось в глаза, что у одной маникюр на руках. Мне даже стало смешно, почему именно я остановилась на нем.

— Вы Толина мама? — спросила одна из них, — мы слышали о вас от Бори.

Позвала Толю. Вспыхнули его глаза при виде девушек. Поспешно подошёл к ним.

— Идём сейчас же, — произнесла одна из девушек с русыми и длинными косами, после чего Толя ушёл моментально переодеваться.

Я не знала их, потому разговор шёл о самых обыденных вещах, разговор обычный с людьми, которых видишь впервые: как хорошо здесь в саду, что здесь тихо, спокойно, что отсутствие трамвая лишает возможности часто бывать у нас знакомым из города и т.д. Спросила, как они нашли Толю, ведь фамилию никто здесь не знает. Одна из девушек выжидающе на меня взглянув, ответила, что они не знают его фамилии, а расспрашивали у детей о высоком ученике Толе. Я оказалась на редкость не понимающей её немного вопроса, читаемого в её глазах, и дипломатично промолчала. Вскоре вышел Толя, и они ушли.

Радость, озарившая его лицо при виде девушек, подсказала мне, что их приход принёс ему хорошие вести, поспешность, с которой они все пошли по дорожке сада, указывала на что-то срочное, не терпящее промедления.

Долго гадать и думать над этим не пришлось. Быстрое возвращение Толи объяснило всё.

— Мама, я сейчас еду за город. Рассказывать некогда, знай только, что хорошо, так хорошо, что всё кажется иным, — скороговоркой проговорил Толя, просматривая бумажник с документами.

Его слова, что всё кажется иным, непосредственно относились к нему самому, всем своим видом говорившем о том, чем он в данный момент обьят. Он, казалось, вырос за короткий промежуток времени, был обьят силой спокойного, тихого внутреннего торжества, не позволявшего ему спрятать улыбку, озарявшую его лицо, то замирающую, то вновь расширяющуюся. То, что принесло ему радость, казалось, не покидало его ни на миг.

— Ну, поехал, мамуся, — и не в силах сдерживать влечения попасть скорей туда, где находятся все его мысли, вскочил на велосипед, быстро поехал по саду, где обычно вел велосипед в руках.

Вернулся под вечер. Умылся, переоделся. Сел за стол, всем видом показывая, что не может отрешиться от того, что было, что продолжает сидеть в небольшом садике на скамейке рядом с тем, кто, как узнала позже от него, в этот же вечер, воплотил в жизнь слово «связь».

Уже в кровати он рассказал маме-товарищу, как иногда называл меня, о том волнующем чувстве, которое испытал там в саду, зная, что говорит с человеком, который непосредственно свяжет их с лесом.

18 июня

— Мама, я завтра, вероятно, уйду в лес, — обратился ко мне Толя по возвращении из города. — Приду в лес уже не с голыми руками: типография, можно уже смело сказать, есть, основное сделано. Приемник имеется, мы уже объединились. Не сегодня-завтра начнет работать типография, ребята напали на след старого оружия, кое-что извлечем оттуда для себя. Ты не волнуйся, всё будет хорошо. Подумай только, что значит для нас связь с лесом, — говорил он, окрылённый радостью, что настал момент, когда они смогут развернуть по-настоящему борьбу с захватчиком, к чему стремились со всем жаром юности.

Я знала, что опасность не исключена, но он пойдет с человеком, который знает дорогу, это не то, что идти, не зная куда. Решили бабушке с дедушкой пока не говорить, сказать после, когда уйдет.

20 июня

Вместо Толи в лес пошел Семён Кусакин, о котором я часто слышала от Бори с Толей, но не видела ещё ни разу. Толя должен вместе с Борей заняться устройством типографии, чтобы скорей приступить к работе. Семён должен вернуться числа 29.

25 июня

Нет-нет и проскользнёт в глазах Анатолия беспокойство о товарище, которому поручено столь важное дело — связаться с лесом. Не зная хорошо людей, с которыми ушёл Семён, ребята не могли отрешиться от тревожных мыслей о нём.

С утра Толя ушёл к Борису. Он редкий день теперь бывает дома. Приходит домой под вечер с глазами, говорящими о том удовлетворении, каким они сейчас все переполнены. Сбылись мечты ребят, они организованно встают на путь беспощадной борьбы с ненавистным врагом.

Около трёх часов увидела его в конце дорожки, быстрыми шагами направляющегося к дому. На фоне зелени он со своим покрытым

ровным загаром лицом, оттеняющим его глубокие глаза, весело и бодро смотрящие вперед, в голубой с засученными рукавами майке, олицетворял собой тип советского, здорового, крепкого, уверенного в своих силах юноши. По его лицу догадалась, что есть у него что-то хорошее рассказать мне.

— Мама, сейчас Борис привезёт шрифты, — улыбаясь, произнёс он, поравнявшись со мной.

Стало ясно, что заставило остановить взор на нём, когда я увидела его на дорожке. Он был переполнен чувством радости и торжества. Для видимости стал пересаживать цветы под окнами и между ними вырыл небольшую ямку для шрифта. Во дворе нам было некогда опасаться, и цветы пересаживались на случай неожиданного появления немцев или полицейского. Работа сопровождалась веселым свистом. Толя не в состоянии был удержать клокотавшей радости. Через полчаса приехал Борис. На раме велосипеда висел портфель, обычный черный ученический портфель, но содержимое его было необычно: в нём находился шрифт подпольной типографии, которой суждено стать первым оружием в руках молодёжной организации, сплотившей лучшую часть молодёжи на беспощадную борьбу с захватчиком.

Вчера Боря и Женя горячо отстаивали первенство в этом вопросе «старичка-приёмника», как любовно называли они Толин приёмник, безостановочно проработавший с декабря 41 года.

— Ты пойми, где мы собирались, где мелькнула мысль писать от руки листовки, где мы слышали слова товарища Сталина, и что дало нам возможность знакомить население с действительным положением на фронтах? Что? — с юношеским задором бросал Женя, убеждая, что приёмник послужил началом, которое объединило молодёжь на борьбу с врагом.

День не был жарким, но Борис приехал красный, возбуждённый. Он, как и Толя, не смог спрятать радости. Она сквозила во всём: в глазах, в улыбке, в походке, в движениях... Не говоря ни слова, с улыбкой, озарившей всё его и без того радостное лицо, он протянул Толе портфель, который и был моментально закопан в приготовленную ямку.

— Живём? — весело спросил он Толю, вернувшегося под орех, после того, как был закопан шрифт.

— Начинаем жить, — в тон ему бросил Толя. Пришёл Женя, который знал, что шрифт будет сегодня переброшен сюда.

— Благополучно? — спросил он, обращаясь ко всем сразу.

— Нигде на свете нет силы, — начал бодро Анатолий, — чтобы сломила молодость нашей страны!

— Смело шагайте вперёд, наши соколы, СПО юной бойцы! — подхватили Боря и Женя.

Все уселись за стол под орехом. Борис и Анатолий закурили (стали курить с приходом немцев). Оживленно лилась их беседа вокруг того, чем были заполнены всё время их юные сердца, и чему суждено было сбыться теперь.

— Теперь дожидаться бы Семёна, — заметил Женя с ноткой тревоги в голосе.

— Дождемся, — уверенно и твердо произнёс Борис.

— А пока, друзья, приналечь на сбор типографии. Много придётся заменить кустарным способом. Работа покажет, что необходимо ещё нам иметь, — проговорил Анатолий.

Затянули свою любимую: «Я уходил вчера в поход!...».

Глядя на них, никто бы не подумал, что это собралось руководство подпольной молодёжной организации, все помыслы которой заняты борьбой с врагом.

— Мама, — окликнул меня Толя, — а ты не сожгла мои ящики изпод коллекции камней?

Я недоумевающе посмотрела на него: вопрос не вязался с тем, о чём они только что говорили, думали. Он смеялся, заметив моё недоумение.

— А наборная касса нам нужна, как ты думаешь? Вот она и готова, если ящик цел. Фотографический валик пойдёт для наката.

Долго сидели ребята, сильные сознанием, что мощное оружие — печать — у них в руках.

3 июля

«В школах проводятся весенние экзамены... в школе идёт подготовка к торжественному вечеру...» — вопили страницы «Голоса Крыма». Кому это нужно? Лишь острее чувствуешь, что враг лишил тебя всего. Ещё весной 41 года, возвращаясь с выпускного вечера 9-й школы, мы, учителя, говорили, какой вечер организуем, выпу-

ская класс, где учился Анатолий с первого класса. Класс, который до десятого включительно дошёл почти целиком и с учительницей, которая вела их с первого класса. Тогда было бы торжество...

Но кроме твоих мыслей есть мысли других, которые вспомнили о матери Косухина как о «прекрасном организаторе вечеров в довоенное время», по их словам, к тому же, являющейся родительницей выпускника.

Горькая ирония — выпускник. Выпускник на биржу для угона в Германию... Вася, Женя, Толя получают аттестаты. В былое время четвертные отметки воспринимались с большой радостью, нежели теперь известие об окончании 10 класса. На нем не остановились, не задумались, оно по-серому прошло мимо, незаметно, его как бы не было. В школе был назначен выпускной вечер. Несколько раз присылала школа за мной. Наконец, сегодня пришла делегация учащихся с просьбой директора придти в школу.

— Мама, ты пойдешь? — напряженно спросил Толя, глядя в упор на меня.

— Пойду, — невозмутимо ответила я.

Не забыть мне взгляда моего мальчика. Недоумение, растерянность отразилась в нём. Как?! Его мама пойдет организовывать этот вечер, на котором будут представители немецкого командования, будут немцы, которых она ненавидит с такой же силой, как и он, комсомолец... Его мама, которую он так хорошо знал...

— Ничего, сынура. Я пойду. Но и только. Настойчивость Ч. мне не нравится. Сейчас мы должны быть вне подозрения. Помнишь, когда он исключил тебя и потребовал от меня подписку о твоём благом поведении, говоря, что в школе находят антифашистские записки, о которых он вынужден будет сообщить коменданту, я пошла, но подписки удалось не дать. Помнишь, как я описывала тебе эту сцену? Необходимо идти, сынок, чтобы он не вспомнил твоё исключение, антифашистские песенки, не связал бы факты вместе. Повторяю, что надо быть особенно осторожным.

В моём лице директор увидел мать, готовую помочь в организации вечера, но... «еле-еле дошла, здоровье слабое, живу далеко...». Несмотря на «любезно» предложенную машину, которая будет в моём распоряжении, мне удалось, не навлекая подозрений, избежать столь «почётной» работы. Заразительно смеялись ребята, слушая моё повествование о разговоре с директором.

— Ловко у вас получается, М.П., — говорил Женя, отражая своим лицом мимику, с которой я произносила те или иные слова школьного разговора. Мой рассказ отвлек их от тревожных мыслей о Семёне, который до сих пор ещё не вернулся из леса, хотя должен был прийти 29–30 июня.

Перед нами возник вопрос труднее, нежели мой с участием в организации вечера. Выпускники обязаны быть на вечере, и в первую очередь, отличники, которым будут вручать похвальные грамоты. Как быть?

— Не могу я идти. Ведь, принимая грамоту, надо брать в свою руку протянутую лапу «представителя немецкого командования», руку, обгавленную нашей кровью, руку, которая душит наш народ. Помнишь, как мечтали мы с тобой о моём выпускном вечере в 9-й школе. Там была жизнь, я получал путёвку в жизнь. Обязать что ли руку? Не идти нельзя, я сам понимаю, и не могу представить себя рядом с представителем, — говорил Толя, стараясь, как и другие ребята, найти выход из положения. Не идти нельзя, особенно Анатолию. Директор припомнит всё: исключение, ответы Анатолия ему, мой отказ от участия в устройстве вечера. Вечер назначен на 11 июля. Времени ещё хватит, что-нибудь придумаем.

8 июля 1942 года

— Сегодняшнюю дату мы никогда не забудем, — говорил Борис, на минуту поднимая голову и отрываясь от непривычной для них работы.

Два важных события в жизни юных патриотов: набиралась первая листовка в подпольной типографии, и из леса пришел Семён. Накануне Борис и Анатолий составили текст листовки, дали мне проверить: не вкрались ли орфографические и стилистические ошибки. Обсудив вопрос, где лучше набирать, решили работать на летней кухне в маленькой пристройке во дворе. На окно повесили матерчатую занавеску. На случай неожиданного вторжения нежелательных фигур, по выражению Жени, на стол поставили разобранный патефон, возле него в беспорядке разбросаны плоскогубцы, отвертки разных размеров и т.д.

С утра пришли Женя и Боря. Приступили к работе. Все они были те же и в то же время иные. Что-то новое появилось в их глазах, даже движения приобрели что-то неуловимое, не замечаемое рань-

ше. Даже их обычная одежда, в которой я неоднократно видела их, казалось, отражала что-то новое, чем они были заполнены.

— Ну, начнем, — произнёс Анатолий, закончив все приготовления к работе. В тоне голоса, каким было сказано немногословное «ну начнем», казалось всё, чем они были все полны. В торжественном молчании, проникнутые сознанием того важного, к чему они приступают, начали первый набор. Слов не было, были одухотворенные, радостные, торжественные лица, да мелькали крепкие оголенные руки... Я не могла проследить дальше за ними, надо было дежурить во дворе, быть готовой предупредить ребят о малейшей опасности.

Около часу Толя решил сходить в город, узнать, не пришёл ли Семён, долгое отсутствие которого беспокоило ребят. Вышел с кухни другой Анатолий. Не тот, каким я оставила его с товарищами. Задорно-лукавый взгляд, широкая улыбка, открывающая здоровые крепкие зубы и говорящая без слов о переполнявшем его чувстве радости от сознания, что происходит там, в маленькой комнатухе.

— Пожалуй, наборщики, проработав целую смену, выглядят чище, нежели мы, — весело кивнул он, отмывая керосином краску с рук. Переодевшись в другой костюм, он ушёл. Боря и Женья продолжали работу, я по-прежнему находилась во дворе.

Прошло не больше часа, когда я увидела его возвращающегося домой быстрой, бодрой походкой. Еще издали при виде меня по лицу его разлилась широкая улыбка, которой он не в состоянии был сдерживать.

— Теперь живем мама, Семён вернулся! Всё благополучно, — живо произнёс Толя, поравнявшись со мной и направляясь к ребятам. Я не была свидетельницей того, как Боря и Женья встретили эту весть, т.к. не могла оставить свой пост, но вид вышедшего вскоре оттуда Жени сказал всё. Рослый, в голубой соколке, заправленной в брюки военного образца, с руками, вымазанными краской и быстро спрятанными в карманы, с выражением бурной радости на лице, сквозь которую сквозила уверенность в свои силы — таким подошёл ко мне Женья.

— Ну что? — улыбаясь в свою очередь, спросила я.

— Теперь все, М.П. Всё в наших руках. Только вздуматься в эти маленькие два словечка: связь найдена. Как много несут они нам, лежавшим эту минуту, стремившихся к её осуществлению. Как были правы вы, уговаривая нас не отчаиваться. Теперь развернется работа

во всю! — говорил Женья, движением головы откидывая назад пряди длинных русских волос, падавших ему на лоб.

Окончив работу по набору текста, мальчики стали мыться, чистить брюки, обувь, чтобы идти в город: сегодня у них бюро. Предварительно Толя закопал готовый набор и все остальные принадлежности типографии под окнами в саду, хорошо утопав и засыпав сверху сухой землей. Внешне ничто не говорило о том, что здесь что-то закопано.

— Борис, а что же ты молчишь, ничего не сказал мне, — спрашиваю я Боря, отлично зная, что он ответит.

— Хорошо, — коротко ответил он с застенчивой улыбкой и ярко сияющими глазами, которые ярче слов отражали всё, что таилось в скупом сказанном «хорошо». Громкий смех Анатолия с Женей покрыв ответ Бори.

— Нет, Борис, придется тебе брать у мамы уроки развития речи, — сокрушенно говорил Толя, зная, как и все мы, что за скупыми словами Бориса всегда скрывается глубокое то или иное чувство. Нарвав абрикосов, они ушли с тем, что Боря придет завтра с утра.

— Мама, ты не возражаешь, если Семён придет завтра к нам для встречи с матерью? Ничто не говорит, что за ней следят. Осторожность будет предусмотрена. Борис проследит за ней по дороге к нам, нет ли чего подозрительного, — обратился Толя ко мне, возвратившись домой с бюро.

Что я могла ответить, будучи сама матерью единственного сына и отлично понимавшая, что пережила та, другая, мать.

— Только я советую, Толик, в различное время и с разных сторон: мать — с Трамвайной, а Семён — с Дорожной. А вообще, она надежный человек?

— Семён ручается.

9 июля

С утра приступили печатать листовку. Низко склонились головы Анатолия и Бориса над первенцем подпольной типографии, на котором, хотя и вкривь, но все же четко выступали печатные буквы. Не было навыков работы, не хватало многого необходимого. После каждой листовки приходилось подравнивать строчки, идущие то вверх, то вниз, ставить на место «недисциплинированные» бук-

вы, как, смеясь, говорил Боря. Все эти недочёты не пугали их, они продолжали спокойно начатое дело, обсуждая на ходу, что нужно приобрести для усовершенствования типографии. Ждали Семёна, возвращение которого окрылило их. По очереди то Толя, то Боря подходили к двери, на минуту отрываясь от листовок, и нетерпеливо поглядывали на дорожку. Я тоже хочу скорей видеть Семёна, о котором слышали с зимы 1942 года, но которого не видела ни разу. Вышла во двор, поговорила с Люсей, дежурившей вместо меня сегодня.

Закончив работу, ребята перешли в дом, закопав шрифт, доску и краску с валиком на прежнее место, листовку спрятав под черепицу на будке Тодика, беспокойной собачонки, вечно гоняющейся за своим хвостом, над чем потешались ребята. Одну листовку они оставили, чтобы нет-нет и полюбоваться своим первым детищем. Чувствуя всю силу их неизмеримой ничем радости, я не нашла в себе силы запретить им держать её при себе.

Пришёл Семён.

— Знакомься, мама, это Семён, — сказал Анатолий, глядя на меня и как бы стремясь прочесть на моем лице какое впечатление произвел на меня его товарищ. И кроме удивления ничего не увидел. В моём представлении рисовался Семён таким же как Боря, Женя, Толя, т.е. высоким, широкоплечим, а увидеть пришлось щупленького, смуглолицего, с удивительно лукавыми глазами мальчугана, одетого в куртку-спецовку, розовую майку, открывавшую шею подростка. Так вот он Семён, который побывал уже в лесу, который умело выводил из строя немецкие машины и которого с таким нетерпением ждали ребята. Предложив ребятам подкрепиться, особенно Семёну, я вышла во двор, оставив их одних.

Вскоре пришла мать Семёна. По лицу, на котором ясно отражались следы переживаемой тревоги, я догадалась, что именно это она и есть.

— Семён, — вырвалось у ней, остановившей в тоске ожидания ответа глаза на мне.

— Сидит у нас, — коротко бросила я. Быстрым шагом направилась она к дому, чутьем угадывая направление к двери, за которой сидел тот, кто неустанно жил в её мыслях.

— Сень, сынок, разве можно так? Почему же ты не сказал мне ничего?

— Я же вернулся живым, — смущенно ответил Семён.

У матери слёзы, которых она не скрывала. В другое время Семён, возможно, тоже дал бы волю слезам радости свидания с матерью, но теперь у него в глазах лишь радость и твердость и ласка. Глазами он как бы ласкал мать, прося прощения за тревогу, что он дал ей. Он казался старше матери. Оставив их одних в столовой, сами перешли в Толину комнату.

— Мама, принеси мне наших цветов, — с непередаваемой интонацией голоса говорил Семён матери, когда она собиралась уходить домой. Эти слова дополняли вырисовывавшийся облик Семёна. Наряду с упрямством, сквозившим во всегда лукаво-задорных глазах, в изгибе губ, с твердостью характера, так не подходившей к его художавой фигуре, в нём чувствовалась необычайная теплота, сердечная доброта.

— Сень, голубчик, не ходи больше в город, оставайся в лесу. Ходи куда хочешь, но только не в свой город, где тебя многие знают и знают, что ты «исчез», — просила Полина Кусакина сына. — Ты же знаешь, что ты остался у меня один, и я не останавливаю тебя от борьбы с врагом, но прошу об одном: не ходить из леса сюда.

— Если нужно, если пошлют, опять сюда приду, — спокойно и твердо произнёс он, обдавая мать теплым лучистым взглядом, слегка наклонив голову набок.

— Надо с Семёном поговорить, чтобы осторожнее был в городе. Его многие знают. Пусть выходит лишь на встречу. Сейчас нужна исключительная осторожность, ведь он является связывающим звеном, — пришли к заключению Боря и Толя и напомнили об этом Семёну при прощании. Полина Кусакина, поговорив с сыном, ушла через другой ход домой, тоже напомнив сыну об осторожности. Вскоре ушёл и Семён.

— Счастливый Семён, — мечтательно произнёс Борис.

— Ничего, Борух, будем и мы с тобой там. Стоим уже на верной дорожке. Первая весточка дошла уже в лес... Приёмник, типография есть. Боеприпасами помогут. Начнём врага кусать, развернём борьбу с обнаглевшими фрицами. Обидно, что столько времени ушло даром.

— Почему вы считаете, что время ушло даром? С ноября 1941 года вы стали стремиться к борьбе с противником. Возьми ты, Боря, свой дневник, прочитай вновь, что ты писал 2 ноября 1941 года. В

каждом слове звучит ненависть. И с такой ненавистью люди не бездействуют. Оглянитесь назад — и вы увидите, что то, что сделано, добыто, не делается в один миг. Вам кажется, что это мелочь, но если собрать эти крупинки, за ними стоит могучее слово — борьба. Вы, как я уже вам говорила, закалились в ненависти к врагу. Эта ненависть сделала вас сильными, вы стали взрослыми людьми.

— Я теперь часто вспоминаю ваши слова о том, что главное сохранить жизнь, чтобы потом, найдя связь, максимально использовать её на борьбу с захватчиком. Верно, что мы сейчас выросли, мы не допустим тех ошибок, которые возможны были тогда по неопытности, сгорая, — смущенно улыбаясь и краснея, говорил Борис в ответ на мои слова.

После ухода Семёна и его матери, которые опять вышли в разное время и разные выходы, вскоре пришёл Женя за листовками для распространения.

— Маловато, но ничего, зато печатные и с подписью СПО, а это ведь звучит гордо: СПО — и всё. Не забудь, с большой буквы, — говорил Толя, вручая Жене листовки и стараясь шуткой прикрыть гордость и радость сознания, что работа «ребят из СПО» принесёт населению то, что оно ищет — правду о положении на фронтах. Минут через 20 ушёл и он, вслед за Женей.

— Были бы осторожнее, — говорили между собой мужчина и девушка в ожидании Анатолия, которого ждали с минуты на минуту. Анатолий вернулся сияющим: удалось забросить листовки в школу, благо, она была открыта, там шла подготовка к «торжественному» вечеру, назначенному на завтра.

— А знаете, ведь, попадетсЯ хоть одна листовка ученику, то все ребята его района будут знать, а через них и родители, а многие родители в свою очередь скажут знакомым... — воодушевляясь, заметил Анатолий, рассказывая, как распространяли листовки.

— Директор же получит сюрприз к завтрашнему дню: будет дрожать, не пронюхал бы «герр комендант» о том, что в его школе находят такие «каверзные» бумажки, — с громким смехом закончил Толя.

11 июля

...Обещаю работать по-комсомольски...

Сегодня состоялся «торжественный» вечер в театре, посвященный окончанию учебного года.

Вот что рассказывал Толя, возвратившись домой и удачно выскочивший из щекотливого положения, в которое попал по дороге.

— Отличники сели в переднем ряду. Я задержался, решил только показаться на глаза директору, чтобы при первой возможности выскочить через боковую дверь. Кто-то из знающих меня говорил, чтобы я прошёл к ряду отличников. Немного прошёл вперёд, сел сбоку, ближе к двери, авось удастся выскочить в нужный момент. Начались речи, появились цветы... Выдают аттестаты, призывают «хорошо работать в ответ на заботу германского командования». Я беру аттестат и мысленно тоже обещаю работать, но работать по-нашему, по-комсомольски. В короткий миг молниеносно пронеслось в голове, за что я должен отплатить врагу. За то, что лишил нас юности, лишил по-настоящему пережить торжественный для каждого человека день окончания школы, за всё «запрещается», за смерть ни в чем неповинных людей, за стремление превратить наш народ в рабов, за угнанных в рабство... за все... за все... Уверенность, твердость была в словах Толи, когда он говорил мне об этом. Чувствовалось, что это не предпосылки, а нечто определенное, продуманное, и ничто не заставит сойти с намеченного пути. Тут же он добавил:

— А мне везёт. Возле полиции меня задержал на Шаховской улице полицейский — шёл поздно, опоздал на 5 минут, было пять минут десятого. Объяснение, что я выпускник, иду с вечера, не помогло. Обидно было, что недалеко от дома. Втолкнули в комнатуху, которая выходила в другой дом, где никто не живёт. Знаешь новый дом, недостроенный? В комнате никого, к счастью, не было. Потрогал окно — шатается, держится лишь на одном гвозде внизу. Стал отворачивать его портсигаром — видишь, поцарапал, — отвернул и выскочил без шума во двор. Пробрался садами и скорей на свою улицу. Здесь уже не боялся.

— А паспорт? — с тревогой спросила я.

— Вот в том-то и счастье, что забыли спросить его, следовательно, не знают, кто был задержан. Постараюсь первое время не ходить по этой улице, переменю костюм. Пусть это будет не настоящим выпуском, но повезло мне по-настоящему. Даже на вечере повезло: не пришлось руку давать!

Немного помолчав, Толя продолжил:

— Встретил там Элика мать. Плакала, что Элик не получает ат-

тестата. Спрашивала, почему тебя нигде не видно, и почему не пришла ты на вечер.

Я рассмеялась. Ни разу не промелькнула у меня мысль присутствовать на этом «вечере». За время оккупации в городе была всего 4 раза, когда обстоятельства вынуждали к этому. И каждый раз, идя по улицам города, я испытывала жгучую тоску, тяжесть при виде того, что стало с нашим городом, кто хозяйничает в нем. Так и в этот вечер. Зачем идти, когда там всё чужое, ненавистное. Слушать чужую речь, когда перед глазами встают иные картины, иные люди... Я чувствовала себя в те дни, когда бывала в городе, очутившейся в чужом незнакомом городе, охватывалась растерянностью перед тем, что видишь, что слышишь.

13 июля

Тревога охватила всех. Семён не вернулся на квартиру, где жил по возвращении из леса. Ушёл с утра. Толя и Боря, вышедшие на явку к нему, пришли домой вместе. Предположение, что Семён ушёл в лес, отбрасывалось: ведь он должен был познакомить их с человеком, через которого будет осуществляться связь. Тут что-то не то. Наряду с тревогой за товарища охватила тревога, что связь, которая, казалось, была уже в руках, опять не будет налажена. У всех чувствовалось напряжённое ожидание. Никому не хотелось думать о худшем, все ждали, что случайность помешала ему вернуться. Стали перебирать в памяти всё, связанное с Семёном в последние дни, как говорили о делах, шутили, слушая рассказ его о том, как он во сне подкатился к костру и сжёг полу куртки.

Последний раз, провожая его от нас, вновь все напомнили ему об осторожности.

— Ты должен помнить, что к тебе сейчас направлены мысли всей организации. Потому и будь сугубо осторожен. Ты не ребёнок, сам понимаешь все значение возложенной на тебя задачи, — заметил ему при последней встрече Толя.

Семён должен был встретиться с человеком, чтобы договориться относительно возвращения в лес и о встрече ребят. И вот он не вернулся домой.

«Что принесёт 14-ое?» — читала я на глазах Бориса и Анатолия. Обычно в случае неизвестности того или иного факта я всегда

старалась подготовить себя к худшему, старалась не обольщать себя надеждой. На этот раз я изменила своему обыкновению: хотелось верить в лучшее.

В молчании прослушали Боря и Толя сводку Совинформбюро. Вскоре легли спать, обуреваемые мыслями о Семёне.

14 июля

Далеко до рассвета проснулись ребята в это летнее время, а может, не засыпали совсем, думая о том, что могло случиться с Семёном, и о вытекающих отсюда последствиях. Не хотела прерывать доносившийся из их комнаты шепот.

Встала, приготовила им чай, испекла неизменные теперь лепешки. Вышли Борис с Анатолием одетые, готовые сейчас же идти.

— Нет, мама, не надо. Умоемся и пойдем. Авось что-нибудь выясним, — сосредоточенно, с запавшими ещё более глазами, промолвил Толя.

И ушли.

— Мама, Семён схвачен на улице, — ответил Толя на мой вопрошающий взгляд, возвратившись домой.

— Так нелепо погибнуть... Что это? Неосторожность ли его или провокация чья-либо? Как узнать, как добиться до истины?... Погибнуть, не осуществив взятой на себя задачи связать организацию с лесом. Обидно и тяжело, мама, что так получилось. Поддерживает надежда, что о нас уже знают, что помогут связаться, — говорил Толя, устало опустившись на порог и наклонив голову к коленям.

Что могла сказать ему, когда сама находилась во власти таких же мыслей. Горечь сознания, что погиб Семён, полный энергии и жгучей ненависти к врагу, усугублялась тем, что погиб, не доведя до конца начатое им дело. Невольно мысли возвращались к тем дням, когда ожидали Семёна из леса и связанный с ожиданием тяжёлый день. С утра поползли слухи, что в розах убит немцами партизан. Насторожились. Слово партизан говорило о своём, советском человеке.

Рассказала о слухах Анатолию. Преобразился на глазах, напряженность как бы сковала его.

— Мама, соберите с Люсей всё, что говорят, не упуская ни одного слова. Незаметно расспрашивайте, о чём найдете нужным. Мама,

это очень важно, — говорил Толя, охваченный внутренним волнением.

Картина после произведенной разведки выяснилась такой: рано утром в розах ползком пробирался человек. Возле роз находился сторож и будто какие-то женщины, работающие на своих огородах. Откуда-то взялись вооруженные немцы, которые стали окружать того, кто пробирался. Он открыл стрельбу, — так рассказывал народ, — у него оказалась фотографическая карточка с надписью: другу Грише от Нади. Документов не оказалось. Одет в синий костюм, молодой. Смерть наступила моментально. Труп увезли в город на линейке.

Сосредоточенно, боясь проронить хотя одно слово, с напряженным лицом слушал Анатолий,

— Он был один? — сдвинув брови, коротко спросил он.

— Кто говорит, что один, кто — что было двое, но второму удалось скрыться, что будто он был легко ранен. Мы пытались это разузнать точнее, но сведения здесь расходятся, — отвечала я.

Большая, глубокая тревога охватила Толю, его сосредоточенный взгляд, напряженная задумчивость говорили, что в голове пронеслись тяжелые мысли. Как бы очнувшись, неуверенным, медленным голосом он произнёс:

— Человека, с которым ушёл Семён, тоже звали Гриша. Неужели погибли? Пойду к Борису.

В тот день не было уверенности, что погиб «наш Гриша», как стал называть его Толя, цепляясь за надежду, что имена совпадают.

Сегодня все мы точно знали, что Семён схвачен, что он погиб. Тем тяжелее было сознание, что понимали свою беспомощность, бессилие помочь ему.

Очнувшись, но не освободившись от наполнявших его тяжелых мыслей, обернувшись ко мне, Толя тихо произнес:

— Надо выносить типографию. Приёмник спрятан у деда хорошо, но его на некоторое время надо вынести. Хорошо, если бы удалось недалеко найти место, чтобы по вечерам минут на 10–15 можно было бы брать и сводку принимать. Знаю, что Семён крепкий парень, выдержит всё, что его ждет в гестапо, но меры предосторожности принять не мешает.

Эти слова послужили толчком к тому, что давно созрело у меня в голове, но не было подходящего момента начать беседу с Толей.

— Я давно хотела с тобой поговорить, Толик, о тете Вере Горемыкиной. Смело могу сказать, что это наш человек, да ты и сам имел случай неоднократно убедиться в этом. Кроме того, она замечательный, честный человек. Ты заметил, как горят её глаза, когда разговор касается того, что скоро придут наши? Молчать она может. Вот с ней и надо, по-моему, поговорить о типографии. Будет удобно: она живёт почти через дорогу. В халупке её, кроме старика-отца и её мальчика, никого нет, дворик огорожен забором. Кроме этого, организация приобретает хорошего, делового члена, который сможет много дать делу борьбы с врагом, которого она ненавидит не меньше твоего, — говорила я Толе, который не раз отзывался о тете Вере как о хорошем человеке.

— Ты права, с тетей Верой надо поговорить не откладывая. Кроме нового члена мы приобретаем квартиру, которая нам может пригодиться. С твоей рекомендацией ее с радостью примут в число членов СПО, — с теплой улыбкой закончил Толя и тут же добавил:

— Поговори с ней сама, если можешь, сейчас же.

Вера, за которой стрелой сбежал маленький Шурка, пришла моментально. Не было сказано лишних слов, когда выслушала короткие слова о том, на какой путь зовет ее Анатолий, к которому она привязалась за время, как узнала нашу семью. Вспыхнуло лицо Веры торжественной радостью, в глазах загорелась решимость и твердость. Без колебания, без намека размышления она коротко проговорила, как будто то, что ей сказали, не было новым, было обдуманно и решено давно:

— Я давно хотела этого. Вынести сейчас же? Положите в выварку, сверху бельё, я ведь часто выношу от вас бельё.

Так Вера Горемыкина вступила на путь борьбы с врагом, а СПО увеличилась на одного крепкого члена, в котором я уверена, за которого ручаюсь. Пронесли в голове слова: на смену погибшим встают новые бойцы...

26 июля

Много тревожных дней принесло это время Анатолию и его товарищам, занятым мыслями, как найти новую связь после неудавшейся последней ввиду ареста Семёна. Кроме этих мыслей, они были заняты вопросом напасть на следы провала Семёна. Целые дни

находился Анатолий вне дома, возвращаясь домой уставшим, молчаливым, с впалыми глазами, в которых стоял неразрешенный вопрос. Всматриваясь в его лицо, я видела, что в нём происходит какая-то борьба, что мозг не может зацепиться за какую-то неувловимую мысль, которая и породила это напряженно-беспокойное состояние. Раз два он уезжал куда-то на велосипеде за город. С расспросами я не обращалась, верная своему принципу ждать, пока он сам не обратиться ко мне с разговором на волнующую его тему.

В субботу вернулся домой раньше обычного и вместе с Борисом. Во взгляде, во всей фигуре были заметные следы уверенности, определенности, чувствовалось, что причина, породившая чрезмерную напряженность, рассеивается, но ещё не отошла совсем.

Победа, легли с Борисом в гамак, тихо разговаривая. Я сидела рядом, вынимала косточки из вишен для вареников, которые попросили приготовить мальчики.

— Впервые за это время сегодня я чувствую равновесие. Знаешь, мысли не скачут, не перепрыгивают одна через другую, — услышала я слова Бориса, обращенные к Толе, и которые подтвердили правильность моего наблюдения в отношении состояния Толи, в каком он находился последнее время.

— Да, тяжелые были деньки, — задумчиво, но без следов гнетущего раздумья протянул Анатолий.

— Знаешь, мама, нам удалось вскоре после ареста Семёна установить, что предал его какой-то Гриша. Ты представляешь наше состояние: не хотелось думать, но мысль настойчиво лезла в голову, стремясь глушить остальные. И в то же время сама была неясной, мы не могли твердо ухватиться за нее, — продолжал он, раскрывая почти моими словами то, что я подметила в его лице, когда он возвращался со следами усталости, молчаливый.

— В первый момент у нас промелькнула мысль, что это наш Гриша. Роем закружились мысли, запрыгали, пытаюсь вытеснить ту тяжелую, но она не уходила, подползала под каждую другую. Уцепились за другую, что если это наш Гриша, он выдал бы меня, Бориса, но и первая не отставала от новой. Были мысли «убрать» Гришу, если разыщем. Ездили в деревню. И только последние дни стал проясняться этот вопрос. Гриша, предавший Семёна — косо́й, это установлено точно. Ты представляешь, что передумали мы до этого. Не

за себя, а именно, что нас так ловко «купили». Что не распознали предателя, что он ушел из наших рук, ведь у него было оружие. Гора свалилась с плеч, когда удалось выяснить наружность предателя, — с облегчением закончил Толя.

— Ну, счастье вашего Гриши, что не встретили вы его в те дни. Видите, как надо все взвесить, продумать, прежде чем выносить то или иное решение. На удочку попадают иногда и опытные, старые люди, а вы, с юных лет вставшие на путь борьбы с врагом, приучайте себя распознавать людей, анализируйте слова, поступки людей, с которыми вам приходится встречаться. Но следите и за собой. Подходите к любому разрешению вопроса спокойно, без рывков, — говорила я Борису и Анатолию, внимательно слушавшим мои слова.

Сегодня приходила П. Кусакина, мать Семёна. Кто-то предложил ей устроить возможность выкупа Семёна, что, по слухам, практикуется в гестапо и ОС. Пока нужно 20 тысяч, по освобождении потребуется до 60 тысяч. 18 тысяч она собрала, не хватает двух. Вещи продадутся через некоторое время. В доме у меня было только 800 рублей. Сходила к знакомым, попросила якобы для своих нужд. Вручила их матери, уцепившейся за надежду вырвать сына, спасти его.

Август

Не успели мальчики отрешиться от одной встряски, как услышали о другом событии, заставившем их вновь насторожиться: арестована мать Семёна. Нет возможности узнать причину её ареста: арестована ли она за сына или по другой причине. Арестована была 2 августа, прошло уже две недели, никаких последствий ее арест мальчикам не принёс. Значит сумела вести себя так, что не назвала товарищей сына.

Опять находятся в поисках связи, но сейчас у них появилась уверенность, что вот-вот она будет. По имеющимся сведениям «их Гриша» больше не приходил из леса. В лесу уже знают о них, помогут организации связаться со штабом партизан.

Работа в типографии идёт удачнее. Приобретаются навыки работы, совершенствуется сама работа. Слышу новые имена, но в доме по-прежнему бывают лишь Боря и Женя. Иногда приходит Элик, которому удастся изредка оставлять «пастушечьи» курсы, как шутя называют мальчики громко именуемые овцеводческие курсы. Обратно

Элик уходит с небольшим количеством листовок «Вести с родины», так назвала свои листовки молодежная организация, в которых в основном сообщались сводки Совинформбюро и важнейшие события по Советскому Союзу.

Вчера приходила П. Кусакина, которую накануне освободили из-под ареста. Ее приход встревожил всех: могли проследить, к кому она ходит. Не скрывая от неё своих предположений, высказали опасения, которые рассеялись после ее слов.

Она тщательно следила, не следовал ли кто за ней, и для этой цели пошла к нам полем, для чего пришлось пройти лишний путь. Её арест не был связан с арестом Семёна.

21 сентября

Начавшийся так удачно теплый осенний день закончился неудачей, но на это раз, пожалуй, быстро поправимой.

Рано утром, когда на всем еще лежала осенняя утренняя прохлада, Толя выехал куда-то на велосипеде. Вернулся около 12 часов со следами уравновешенного спокойствия в глазах. В том, как вел по дорожке велосипед, как подошёл ко мне.

— Мама, я сейчас еду в лес.

Я готова была услышать эти слова каждую минуту, и все же немного растерялась. Растерянность была вызвана промелькнувшими прежними подозрениями вокруг Гриши и вскоре исчезла под давлением логического мышления; ведь Анатолием и Борисом было установлено, что это был другой Гриша. На расспросы не было времени. Собрала сына в путь-дорогу, и он ушёл. Осталась одна. Ни мужа, ни Люси, ни стариков — никого не было. Отсутствие всех не делало уход Анатолия реальным. Казалось, что с появлением остальных членов семьи придет и он.

Вскоре пришла Люся. И как бы в подтверждение моих мыслей по дорожке показался Анатолий.

— Не волнуйся, ничего страшного нет, — улыбаясь, произнес он, заметив мой испуганный вопрошающий взгляд, — Гриша не успел пообедать, выйдем через час-полтора.

Я ловила себя на мысли, что, возможно, вижу его последний раз. И тут же мысль испарялась, не задерживаясь в голове и как бы не попадая в благоприятную для неё клеточку мозга.

— Ну, до свидания, мама. Через Бориса узнаешь, что и как... не волнуйся, — спокойным обычным тоном сказав эти слова и поцеловав крепко меня, вышел на улицу, а оттуда к месту встречи с Гришей. Хотелось выйти посмотреть ему вслед, но желание наталкивалось на мысль, что это вызовет у соседей лишние расспросы.

— А Толик где? — задала обычный вопрос бабушка, когда пришла домой.

— Кажется к Борису ушел, возможно, ночевать у него останется, — поворачиваясь к Люсе, отвечала я, давая понять Люсе, которая знала действительную причину отсутствия Толи, что старикам пока не надо об этом говорить. Пусть спокойно проведут сегодняшний день: ведь сегодня день моего рождения, а старики по-особому чтут дни рождения их детей, внуков.

Подошёл вечер. В саду стало сереть и повеяло прохладой, перешли ко мне в дом. Сидели в столовой, окна которой выходят в сад.

— А вон Толенька идет, — вскричал Шурик, увидев идущего по дорожке Толю. Я вскочила со стула, подбежала к окну. Верно. Пять часов его не было, и я была в полной уверенности, что он по дороге в лес, и вдруг...

Вид Толи не подсказывал ничего плохого: смеющиеся глаза, небольшое недоумение в них — и всё. Оказывается, договоренность относительно места встречи не была точной. Гриша, махнув рукой, сказал ему: «Встретимся через час возле мостика», забыв, что в том направлении не один мостик. Выпустил из вида это обстоятельство и Толя. Он стоял, прохаживался. Вновь стоял... Стоял бы ещё, да сторож сада, обратив на него внимание, подошёл к нему с вопросом, что он ждет. Услыхав в ответ, что Толя ждёт с базара подводу с дядькой, старик посоветовал ему где-нибудь переночевать, так как уже поздно, а дядька, наверное, с кем-либо подпил. Так и пришлось Толе уйти от неудачного мостика.

— Но это ничего, мама. Просто, повторяю, плохая договоренность. В лесу уже знают нас, ручаюсь, не оставят так. Гриша придёт через неделю, — уверенным голосом закончил Толя своё объяснение.

Досталось мне от стариков, когда они узнали, куда ходил Толя. Все мои уверения, что я не хотела их расстраивать, поэтому и не сказала им ничего, долго не могли успокоить их.

— А если бы что с ним случилось? Мы хоть благословили бы его... — с укором говорила бабушка.

1 октября

Накануне я уже знала, что Анатолий идет сегодня в лес.

— Мама, — обратился он ко мне, — я уйду и вернусь примерно в 12. Приготовь, пожалуйста, несколько лепёшек, — и направился к выходу.

Что-то вспомнив, он обернулся и произнёс:

— Приготовь, пожалуйста, деда и бабу, а то опять будут обижаться. Поговори с ними так, как только ты одна умеешь, успокой их, скажи, что всё будет хорошо, — закончил он с улыбкой.

Улыбнулась и я его вере в мои «успокоительные таланты». Наряду с сознанием необходимости его ухода в лес, меня охватила тревога матери за единственного сына... Старалась гнать тяжёлые мысли, а они ползли, стараясь заглушить собой всё, что не связано с ними. Занялась домашней работой, перешла на летнюю кухню. Погруженная в думы, неспешно начала приготавливать Толе в дорогу лепёшки.

Раздались торопливые шаги. Вышла во двор. Смотрю, к столу подошли двое. Один сразу сел на стул в конце стола, спиной к ореху, другой остановился сбоку стола лицом к дому.

— Вы Толина мама, — быстро спросил тот, что стоял.

— Да, — немного растерянно ответила я. «Кто они? Зачем пришли?» — пронеслось в голове.

— Толик дома? — продолжал спрашивать он.

— Нет.

Стоявший быстро скользнул взглядом по сидевшему.

— Передайте ему, что через час мы придем. Когда придет, пусть ожидает нас, — не задерживая взгляда на мне ни на секунду, проговорил стоявший. И они оба ушли, оставив меня в неведении: как же выглядел тот, что стоял возле стола? Того, что сидел, рассмотрела хорошо: рыжеватый, немного курносый, как будто коренастый, одет в рубаху и брюки защитного цвета. Почему-то промелькнула мысль, что он непременно пожарник.

«А вот второго, при всём желании, не смогу описать Толе», — с огорчением думала я, не понимая, как могло случиться, что того, кто со мной не проронил ни слова, я приметила, а другого, что вел короткий разговор, не уловила.

Торопливо шагая по дорожке, показался Анатолий. По его лицу видела, что сейчас скажет: «Ну, мама, иду». Так и было.

— Ну, мама, сейчас иду. Все готово.

Рассказала ему о посетителях.

— Во что одет, который стоял? Как он выглядит? — задал первый вопрос Анатолий, выслушав меня с нахмурившимся лбом, и на который я не смогла ответить. Вмиг стало ясно, почему не удалось уловить наружность второго. Все внимание было приковано к его лицу, глазам, которые не останавливались ни на чём ни на минуту. В течение короткого разговора он беспрестанно поворачивал лицо вправо, влево, поднимал вверх, опускал вниз, оно кружилось передо мной. Я могла одеть на второго пиджаки всех цветов. Шапки всех фасонов, не видела ничего, настолько внимание было поглощено его лицом.

— Не обратила внимания на его руку? — продолжал допрашивать Толя.

Руку. Если я не могла ответить на первый вопрос, то могла ли заметить его руки...

Сидевшего Толя узнал по описанию сразу — Вова Цюрупа. Второй заставил насторожиться. Кто он? Гриша? Но он не должен был заходить.

— Сейчас приду. Что-то опять крутится, — и с этими словами Толя направился обратно.

— Ничего, все в порядке, мама, — ответил он на мой встревоженный взгляд, вернувшись через полчаса домой, — это был Гриша. Вторично он вносит тревогу тебе. Но он не виноват. Хотел выйти на час раньше, решил зайти за мной. Признаться, мне тоже было непонятно, кто и зачем приходил с Цюрупой. Сейчас Вова уже у бабушки, пришёл вместе со мной и ждет меня там. Сядем на порожке, посидим, мама, немного, — закончил Толя, усаживаясь на порог летней кухни.

— Ты не волнуйся, мама. Гриша сумеет пройти незамеченным. Меня тревожит мысль, удастся ли тебе обезопасить себя, всю семью, на случай, если кому-либо мое отсутствие покажется подозрительным, — говорил он.

Так сидели мы с ним на порожке, объятые тревогой друг за друга. Видела по глазам, что у мальчика большая тревога за мать, и мне надо рассеять её. Я со своей тревогой остаюсь дома, он отправляется в путь, полный опасностей... он должен быть свободным от лишних беспокойных дум. Продолжали тут же сидеть на кухне. Перед гла-

зами на столе лежала сумка с приготовленными продуктами, как бы напоминая, что вот-вот уйдет Толя. Вернется ли?..

Усилием воли прячу тревогу, не хочу, чтобы Толя заметил её, гоню промелькнувшую мысль... Во имя спокойствия сына надо крепиться, крепиться во что бы то ни стало.

— Мама, вечером придут Борис и Женя. Дашь им текст листовки, пусть ночью наберут, а завтра отпечатают. Заголовок «Вести с родины» крупным шрифтом через интервал. Где я поставил крестики, там начинать с красной строки. Слова пусть не сокращают и следят, чтобы получалось аккуратно и ровно. Первую листовку проверишь, нет ли ошибок, пропуска букв. Мы договорились, что Борис и Женя будут приходить к тебе, может, им нужен будет совет, возможно, у тебя здесь будет что-то новое.

— А знаешь, мама, меня все же тревожит мысль, что тебя потянут, если раскроют мой уход. Она не покидает меня, — закончил Толя, переходя на другую тему.

— Вот это напрасно, сынура. Ты знаешь, что давно подготовлена для окружающих почва твоего отсутствия, ты уедешь на Украину за жиром. В этом отношении можешь быть вполне спокоен — мне не грозит опасность. Верь, что всё будет хорошо. Смотри, разве я волнуюсь. Я твердо убеждена, что как у тебя, так и у меня всё будет благополучно. Ты думай только о намеченной цели связаться непосредственно с лесом, об остальном не думай, не тревожься, — говорила я, желая отвлечь его от тревожных мыслей о матери. Он улыбнулся в ответ: и верил, и не верил моим словам.

— Ну, родной, схожу за дедушкой с бабушкой, они уже знают, что ты уходишь, и тоже верят, что всё будет хорошо.

— Жаль, что Стефана нет. Ну ничего, ведь я дней через 5 приду, — уверенно, без следа сомнения проговорил Толя, когда я встала с порога.

Сходила за стариками, напомнила, что должны сдерживать себя, не очень проявлять тревогу. От них узнала, что Вова уже нервничает, все подходит к окну и смотрит на дорожку к нам — не ушёл ли Толя один без него.

Вот и настала минута прощанья. Маленькая, низенькая кухня, чему только не являлась она свидетельницей. Сидя на ее пороге, вот здесь, опустив голову вниз, Толя бился над разрешением вопро-

са, какой Гриша предал Семёна; отсюда он собирался в деревню на встречу с «их Гришей», здесь набиралась первая листовка; она увидела первый восторг «наборщиков», когда пришла радостная весть о возвращении Семёна из леса...

Теперь она видит, как благославляют старики своего любимого внука в дорогу, где каждую минуту его может подстеречь опасность попасться в лапы озверелого врага, который беспощаден к тем, кто любит свою родину, свой народ...

— Помоги тебе бог, мальчик. Будь осторожен. Расскажи в лесу, как все ждут освобождения. Береги этот образок. Это наша реликвия — им благословил меня твой прадед, когда оставлял меня круглым сиротой восьми лет. Я верю, что незримо он будет тебя охранять, что сходишь ты благополучно...

И такая вера звучала в словах старика, так торжественно смотрели его глаза, что, казалось, все наполнилось этой верой, наша кухня стала выше, светлее...

Бабушка всплакнула.

— Мать, не плачь, всё будет хорошо, — тихо заметил дедушка.

Поцеловала Анатолия я.

— Держись, мама. Помоги, в случае чего, ребятам.

Что-то трогательное и в то же время мужественное промелькнуло в его глазах. Нагнулся, потрепал Китьку — небольшого серого котёнка, с которым любили возиться Анатолий, Борис и Женя. Бабушка и дедушка ушли к себе, предупредив Вову, что Толя готов.

Вслед за ними ушёл Анатолий, бросив опять мне:

— Не волнуйся, помоги ребятам... приду примерно в четверг.

Это был уже не тот Анатолий, который полчаса тому назад предложил «посидим немного» и искавший в этих словах облегчения от охватившей его тревоги за мать. Он шел по дорожке, не оглядываясь. Навсегда запечатлелся в памяти этот момент.

Стоял тихий солнечный день. Дорожка была испещрена теневыми пятнами. По ней шёл Толя, одетый в синий пиджак, серые брюки навыпуск, серая кепка на голове, в руках «авоська».

Вот он поравнялся с деревом, где было ещё немного слив, потянулся, достал ветку, нарвал слив, положил в карманы. Дальше шёл, уже выплевывая косточки... поравнялся с бабушкиным домом, махнул раз-другой рукой, обернулся — и скрылся. Теперь не от кого скрывать тревогу. Мысли одна за другой встают передо мной.

«Увижу ли его», — пронеслось в голове, и тут же гоню эту мысль. — «Я убедила его, что спокойна, так буду же и в его отсутствие такой... Сегодня воскресенье... в четверг вернется... дни пройдут быстро...» — мелькало в уме.

«Ничего, мама, все будет хорошо», — как бы в ответ на мои мысли промелькнули в памяти Толины слова. Незримо мы будем поддерживать друг друга...

Мне хотелось побыть одной, остаться наедине со своими мыслями. Трудно говорить о другом, когда обуреваемые тобой мысли выходят из рамок обычного.

Сегодня, как назло, вскоре после Толиного ухода пришлось говорить не то, чем были заполнены мысли. Вначале, как ушел Толя, пришла С.Л., которая до оккупации была завучем 9-й школы, где я работала, а Толя учился. Её приходу я всегда была искренне рада: вспоминали нашу любимую школу, говорили о тех, кого не было с нами. Толю она знала с детства.

— А Толюшка где? — задала она обычный вопрос.

— Пошёл с ребятами в кино, — спокойно ответила я.

Сердцем там, с Толей, в дороге, рассудок — здесь со мной, помогал следить за собой. Знаю, что С.Л. свой человек, но говорить не должна, никто не должен знать, куда он ушёл.

Только проводила С.Л., пришла другая учительница — О.П. Жданович. Тоже знаю её мысли, но говорить не должна.

— А Толя собирался зайти к Вадику, — предупредила я ее вопрос о Толе сообщением, что Толя будет у ее сына, с которым учился вместе с 5 класса. Позже, когда мысли целиком переключились в сторону леса, стало тяжело продолжать беседу. О.П., услышав, что у меня болит голова, вскоре ушла.

2 октября

Нет, Гриша — это заколдованный круг. Гриша — в переводе для меня тревога. Утром пришли Женя и Боря узнать, ушел ли Толя. Вчера не смогли попасть к нам. В районе, где живет Борис, была облава. Ему и Жене нельзя было выходить. Рассказала, как напугал меня Гриша.

— Гриша? — тревожно переглянулись Женя и Боря. — Но он не должен был приходить, — проговорил Борис.

Уснувшая тревога, вызванная в своё время провалом Семёна, вспыхнула вновь. Боря и Женя, заметив ее, неуклюже, как могут именно ребята, старались меня успокоить. У них был настолько встревоженный вид, что из успокаиваемой мне пришлось стать успокаивающей их.

— Боря, поверь, что ничего странного и страшного нет. Толя перед самым уходом видел Гришу, говорил с ним. Просто он на часок решил выйти пораньше, — повторяла я, что говорил Толя мне, объясняя неожиданный приход Гриши.

— Тебе и Жене, вы знаете, есть работа — листовка. К приходу Толи необходимо выпустить.

Куда там. Вижу, что оба всецело поглощены мыслью: «Неужели провокация, неужели Толик погиб». Особенно ярко эта мысль выражалась на лице Жени, у которого в глазах полная растерянность.

— А может это не Гриша? Как он одет? Какие глаза, рука? — повторялась та же сцена, что и у меня с Толей: описать им Гришу я не могла.

— Ребята, поймите, что видел его Толя после этого; будь он провокатором, он подождал бы Толю на улице, чтобы не быть узнанным домашними, — приводила доводы я.

— Да, но он всё себя так, что вы не можете его описать, — не сдавался Боря, не в состоянии отрешиться от тревоги за товарища.

— Ну и что? Это говорит, что Гриша опытный работник. Он пришёл в дом, где фактически знал одного Анатолия, кто я — он не знал. Нет, ребята, он правильно вел себя.

Полностью рассеять охватившую их тревогу мне не удалось.

— Пойдем, разнюхаем хорошенько, — бросил Борис, — если и Толик погибнет, Грише уже не уйти от нас.

— Да обождите вы выносить решение. Помнишь, ты лежал вот здесь в гамаке с Толей, и я вам говорила: прежде надо проверить, а потом выносит решение. Толя мне не менее дорог, а всё же мне что-то говорит, что ваш страх напрасен... — продолжала я убеждать Борю и Женю. Так стояли мы втроем под орехом: мать, у которой, наряду с тревогой за сына, стояли в памяти его слова: «Помоги ребятам», и двое его товарищей, которыми овладела целиком мысль: «Неужели Толик погиб». Желание успокоить ребят укрепило меня в сознании, что и на самом деле ничего страшного нет, что всё будет хорошо.

— Знаете, друзья, давайте-ка копать огород. Вам надо отвлечься от тягостных мыслей, и мне пользу принесете. Посмотреть на вас, сразу скажешь, что у вас что-то стряслось. Учитесь владеть собой.

Разговором и работой я задержала их часа на два. Мой уверенный вид подействовал на моих юных друзей. Только нет-нет, да и промелькнет в глазах тревожное выражение, но сейчас же и скроется.

Вымылись, почистили костюмы, выпили по стакану кофе с лепёшками и ушли, сказав, что завтра придут набирать, что сегодня постараются разведать, как ушёл Толя.

3 октября

Неожиданно пришла Борина мама — Софья Васильевна. До этого я её не знала, не видела. Она не знала, что Толя ушёл в лес, не знала, что он отсутствует. Пришли к Боре Зоя Ж. и Лида Т., спросили Борю при ней, вернулся ли Толя? Начались вопросы, в результате которых С.В. решила идти ко мне.

— Ты представляешь, Боренька, как тяжело М.П., как она беспокоится, бедная, — передавала она свой разговор с Борей, который не соглашался вести её к нам. Сама она не знала, где мы живём. Борис, оставив её у бабушки, пришёл ко мне смущенный, с виноватым видом.

— Мама случайно узнала, М.П., что Толя ушел в лес. Я не говорил ей, проговорились девочки, — говорил Боря, объясняя, как С.В. стало известно об этом.

— Ну что ж, Боря. Узнала, так узнала. Думаю, что твоя мама сможет держать язык за зубами. Мне говорил о ней Стефан Михайлович, который до войны часто бывал у нас. А вам урок: следите за тем, что говорите. Особенно поговорите на эту тему с девочками. Помните, чем меньше будут знать то, что не должно быть достоянием многих, тем им легче будет доказывать «не знаю», тем больше гарантий, что врагу не напасть на ваш след, — говорила я Боре, благодаря судьбу, что случай помог на таком примере, который не мог дать плохих последствий, показать, к чему может привести отсутствие контроля над своими словами.

Пришла С.В. с благим намерением утешить меня. Я думаю, что велико было её изумление, когда она нашла Толину маму не в слезах,

как она предполагала, а спокойно разговаривающую с Борей. Сама мать, она с особой теплотой говорила о Толе.

— Когда Толечка у нас, я спокойна за Борю, за ребят. Поднимается шум, Толя скажет несколько слов, и все успокоится. Часто говорю я ребятам, что надо осторожнее, кругом немцы... — говорила С.В., передавая свои наблюдения над ребятами и их поведением у неё в доме.

«Счастливы наши дети, что могут, не боясь, говорить в присутствии своих матерей о своих сокровенных мыслях», — подумала я, слушая слова Софьи Васильевны.

4 октября

Оглядываясь назад, видишь, что все последние дни прошли в ожидании разрешения вопроса — благополучно ли. По молчаливому уговору, никто не задавал вопроса вслух, как бы оберегая друг друга и не давая мысли задержаться на отрицательном ответе. Казалось, весь дом наполнен чем-то особенным, но не гнетущим. Так бывает, когда в доме царит тяжелая болезнь: кризис миновал, больной вне опасности, в доме тишина, все с надеждой смотрят друг на друга, но открыто еще не выказывают своей веры, словно боясь спугнуть укрепившуюся надежду на благополучный исход.

Неожиданно стоявшую настороженность разрядил Шурик, который, в силу доступных ему одному пониманий, ни разу не спросил никого о Толе.

— Тетя Маня, Толенька придет сегодня с Украины? — спросил он меня. Дедушка и бабушка испуганно на меня посмотрели. Я улыбнулась.

— Да, детка, он сегодня приедет, — утвердительно ответила я тоном, не допускающим сомнений. Обрадовался Шурка, захлопал в ладоши, подпрыгивая то на одной, то на другой ножонке.

— Тетя Маня, я нарву скорей Толеньке слив, он их любит, — громко вскричал он и побежал к дереву, с которого несколько дней тому назад и Толя рвал сливы себе.

Напряжение прорвано... Теперь можно и поговорить о том, что каждый таил в себе, но ни разу не высказывал другому.

— Принесет ли он почитать что-нибудь? — мечтательно-вопросительно произнес дедушка, ни к кому не обращаясь.

— Дед, ты моли бога, чтобы он благополучно вернулся, а почитать — он сам расскажет все новости, — бросила в ответ бабушка, недовольно поглядывая на деда за его провинность.

— Эх, мать, я ведь ночи тоже не спал, всё думал, как-то там наш мальчик. И верю я, мать, что сходит не зря, и вернется удачно. Заговорил о газетах — не ругай, ведь уж несколько дней наших сводок не знаем.

Дедушка высказал общую мысль. Отсутствие Толи лишало нас возможности слушать Москву, знать сводки Совинформбюро, которые стали необходимой потребностью как хлеб, воздух. Приемник его конструкции поддавался только ему: ни Люся, ни я, ни Борис с Женей ничего не могли поделать, к нашему общему огорчению.

В эти дни ясно представилось состояние людей, лишенных возможности слушать Москву с конца октября 1941 года, живущих лишь слухами. В эти дни я с особой ясностью поняла значение той агитационной работы, что вели разрозненные группки ребят, сплотившиеся потом в СПО.

Передо мной ясно встал весь прошедший период. Люди жили, окутанные передачами германских сводок, в которых воспевались успехи «непобедимой» германской армии, о том, что ни сегодня-завтра враг будет в Москве, Ленинграде... Жили с «Голосом Крыма», где печатались небылицы, вроде того, что в Советском Союзе лишь немногим удавалось закончить десятилетку, остальные вынуждены были работать на различных предприятиях, фабриках, заводах, не заканчивая семилетнего образования. Это у нас-то, где редко кто выходил из средней школы, не окончив десяти классов. По городу ходили слухи от якобы «сами слушали». Но один слух был фантастичнее другого, появлялось сомнение в правдоподобности их.

Мне лично самой пришлось столкнуться с одной из «сами слушали», которая уверяла, что не только слышала давно, но читала даже в советской газете несколько недель тому назад об интересующем нас событии. Если учесть, что в то время наши газеты попадали в город с весьма большим опозданием, то станет понятным моё удивление при её словах. Анатолий лишь накануне вечером, принимая сводку Совинформбюро, записал это событие. Конспирация помешала мне раскрыть ей её ошибку.

Листовки, написанные от руки в небольшом количестве и распространяемые молодежью по городу в начале 1942 года, явились

первыми ласточками, разнесшими верные, правдивые слова Москвы. С теми немногими номерами советских газет, что попадали в город, небольшое количество листовок, написанных лишь накануне, а иногда и в тот же день, сыграло большую роль. По городу стали передаваться слухи, не расходившиеся с действительностью. Население уже знало, что кто-то следит за событиями в Союзе и стремится познакомить с ними жителей города. Население ждало листовок.

Неслучайно среди учащейся молодежи ходили слухи об «Агентстве Совинформбюро в Симферополе». Только самые близкие знали, что это агентство — Косухин, Хохлов и Далетов, которые всеми мерами старались знакомить молодежь со сводками Совинформбюро и всеми важными событиями по Союзу.

Устная агитация среди населения, молодежи, распространение выдержек из книги «Моя борьба» приводили к участвующим случаям саботажа, порчи машин и т.п. Она, как и письменная агитация, разоблачала всю ложь захватчиков, поддерживала человека в минуту безнадежного отчаяния перед зверствами врага.

Понятна радость ребят по поводу приобретения типографии: она давала возможность шире развернуть работу, охватывать более широкую массу населения, которая ложится и встает с мыслью услышать слова правды, слова из Москвы. Своими мыслями я поделилась с Женей. Он засмеялся и тут же пояснил причину смеха.

— Ведь своими словами Вы, М.П., утвердили роль Толиного старичка-приёмника. Разве была бы проведена вся агитработа без наличия его? Что бы мы могли знать без него? Он и собрал нас, и организовал, — весело и с задором закончил Женя.

Шурик ложился сегодня спать в полном разочаровании:

— Толя не приехал «с Украины». А я и слив ему нарвал, и велосипед приготовил, чтобы он меня покатал, — тянет он, закрывая глаза, но, как бы забывшись, он тихо, сквозь сон шепчет:

— А завтра придет?

Да, я тоже жду завтра. Что принесет мне завтра? Радость ли по случаю возвращения сына, или еще день томительного ожидания...

5 октября

С Толиных слов я знала, что из леса обычно приходят рано утром. 5, 7, 8 часов. Его нет. Утро прошло, значит, придет завтра. Ещё ночь ожидания. Ночью труднее избавиться от одолевающих тебя

дум. Взяла Шурку и пошла с ним в город. Он совершенно босой. Надо достать что-нибудь из обуви.

— Я стекла набросал на дорогу. Машины поедут, и сразу шины к-а-ак лопнут, — говорил мне «по секрету» Шурик с лукавыми глазами, в которых сквозило по-детски выраженное превосходство: «Ага, я стекла бросил, а ругать меня не будете», — казалось, хотел сказать он. Словно угадав мою мысль, он быстро добавил:

— Никто не видел, как я бросал.

Так общая ненависть к врагу не прошла даже шестилетних детей, толкавших их на подобные поступки, вырабатывая в них чувство осторожности.

Каждый раз, попадая в город, видела нечто, что заставляло меня идти, стиснув зубы, застывать, чтобы ни одним движением не видеть своих мыслей.

Улица Чкалова, по которой два года назад быстро бежали переполненные гражданами трамваи, гудели машины, шли не озабоченные, как теперь, с застывшими глазами люди, а люди, твердо знавшие, что будет с ними завтра, через месяц, через год... Навстречу нам по мостовой старушка и девочка-подросток везли тяжелую тачку с оклунками. Как видно, везли издалека, обе уставшие, грязные, с бездумными лицами. По тротуару шли два немца-офицера с теми, кого зовут «шоколадницами». О, эти не возят тачек. Они за шоколад предали Родину, честь русской женщины, героиню которой признает весь мир. И вот эти, потерявшие все святое, забывшие, что они родились и росли в Советском Союзе, учились в советской школе, стали глумиться над измученными людьми. Они пытались натравить на них бежавшую мимо собаку.

— О, Пауль, я уверена, в Германии нет таких грязных людей... Там все так красиво... Я так хочу скорей туда попасть... — тянет одна из них.

Да, ты права, шоколадница, там нет таких людей, которых по величию души можно было бы сравнить с русским человеком. Поезжай туда, но и там найдут тебя и спросят, каких же людей ты увидела здесь.

Ее, эту грязную оборванную девчурку, разве можно сравнить с тобой, разряженной куклой. Ее косички, завязанные синей выцветшей тряпочкой, милее нашему сердцу, нежели твои локоны, которые ты крутишь в угоду Паулю.

А глаза подростка? Они из бездумных, при виде тебя, натравливающей собаку на свою русскую сестру, заговорили ярче слов. В них вместе с ненавистью к тебе и твоему Паулю — затаенная насмешка, превосходство над тобой...

Купила Шурке тапочки, возвратились домой. На пороге стояла мама: хочет казаться равнодушной, а не может.

— Вернулся? — быстро бросила я. Вместо ответа она целует меня, на глазах слезы радости. Вхожу к маме в дом, сердце учащенно бьется, но я должна быть спокойна. Анатолий не должен знать, в какой тревоге находилась мать, которая так бурно выражает свою радость. Я буду спокойна...

Увидев меня, быстрым движением он поднялся со стула и, пока жали друг другу руки, молча шёл разговор глазами.

— Устал?

— Беспокоилась?

— Нет, я держалась...

— Молодец, я знаю тебя... выполнил все, зачем ходил....

Не знаю, долго ли длился бы наш молчаливый разговор, не вмешайся бабушка.

— Ты посмотри, каким он пришел.

Тут только я увидела его.

Вид не внушал доверия, как определила бы я: босой, обгоревший, ноги избиты, рубашка в лохмотьях, на серых брюках две громадных коричневых заплаты, пришитые белыми нитками. Когда-нибудь пожму руку девушке, починившей ему в лесу брюки.

Глаза... Что можно сказать о глазах, в которых, несмотря на усталость, сквозило сознание того великого, что сделано, что было испытано, там, в лесу, среди своих?

— При первом громко сказанном слове «товарищ» что-то необъяснимо волнующее охватило меня, я осознал глубину его значения, оно звучало музыкой, — говорил Толя, лишенный права, как и все, долгое время громко говорить и слышать столь привычное для советского человека слово.

Неожиданно пришёл Элик. Он по-прежнему работал пастухом, домой приходил редко. По дороге заходил к нам узнавать новости. Так и сегодня.

— Что нового? — по обыкновению задал он первый вопрос.

— Нового? Только что вернулся из леса... — с улыбкой, раскрывающей его внутреннее состояние, ответил ему Анатолий.

После Толиного ответа Элик застыл, окаменел. Во всей фигуре читалось удивление, смешанное с недоверием к тому, что он услышал, промелькнула растерянность, казалось, что он вот-вот переспросит, не ослышался ли он. И только увидев принесенную Толей литературу из леса, он убедился, что это действительность, не миф.

Вспыхнули глаза Элика, густой краской, первым признаком охватившего его волнения, покрылось его лицо. От неожиданности он заговорил не сразу, не мог овладеть мыслями, что роem проносились в голове.

— Вот счастливый ты, — задумчиво произнес он, и наряду с радостью за товарищей, что удалось им связаться с лесом, в тоне его голоса прозвучала тоска.

— Ничего, Элик, бываешь и ты там, — угадав его мысли, весело бросил ему Анатолий.

Помимо литературы, Толя принес печатный станок, что стало ценным приобретением для типографии СПО. Станок даст возможность увеличить тираж выпускаемых листовок, что невозможно было при примитивном оборудовании существующей типографии.

Много смеялись, слушая рассказ Толи, как по дороге его спрашивали, где он купил такие хорошие детские санки, называя его заботливым братом. Спрятав санки в литературу, Толя с Эликом ушли к нам в дом, а я осталась у бабушки, чтобы помочь ей ликвидировать беспорядок после Толиного прихода.

К удивлению, придя домой, я застала Толю, готового идти в город.

— Ты ведь устал, отдохни малость, потом пойдешь, — говорила я, не понимая, как можно идти израненными ногами после долгого пути.

— Устал немного. Но что значит эта усталость по сравнению с тем, что я чувствую, хочу скорей порадовать Бориса, ребят, — смеясь и раскачиваясь на руках на ветке ореха, с лицом, одухотворенным радостью, отвечал он. — В один момент у меня был, вероятно, глупейший вид. Во время разговора в штабе достаю из кармана образцы листовок СПО и даю их Ямпольскому. Он, весело улыбувшись, что-то сказал одному из работников штаба. Тот ушел и принес точно

такие же листовки. Здесь, в лесу — наши листовки. Вот тебе и похвастался... Глядя на мой ошеломленный вид, все долго смеялись. И подумать только, о нас знали, знали, что мы не сидим сложа руки, а вот связаться никто не помог. Сколько ушло времени на поиски связи, когда это время можно было использовать на другое. Ну ничего, мы наверстаем. А пока я пойду к ребятам, они ждут сегодня меня, рассказать им есть кое-что. А вечером побеседуем, «посидим немножко» с тобой...

Произнося последние слова, он по-детски улыбнулся хорошей теплой улыбкой, зная, что мне знакомо значение этого выражения, вошедшего у него в привычку с трехлетнего возраста.

Ушел он, хромая, не в состоянии твердо ступать на ноги, подолбы которых представляли сплошные ссадины, порезы. Справка о «хроническом воспалении левого коленного сустава» и отметка биржи «снят с учета на четыре месяца» оправдывали его хромоту, если бы она показалась кому-либо подозрительной.

После ухода Толи к ребятам мне захотелось остаться одной, привести в порядок свои мысли. Что же случилось? Почему я обьята желанием остаться одной, а не идти туда, к бабушке, где все говорит о той большой радости, что царит у них в доме по поводу благополучного возвращения внука?

Толя удачно сходил в лес, получил ряд указаний, на первое время имеются у них боеприпасы, увеличится тираж выпускаемых листовок, организация растет... И все же меня тянет побыть одной...

Бездумно посидела в Толиной комнате на стуле возле его кровати... Обвела комнату глазами... Невольно глаза остановились на предметах, живо напоминающих его раннее детство...

Над кроватью висит под стеклом литография, изображающая двух малышей — надутых, сердитых, сидящих в разных концах дивана и искоса поглядывающих друг на друга, ее я прибила к детской кровати, когда Толе было два с половиной года... Выше на небольшой полочке, отделанной под дуб, стоит гипсовый бюст Ленина пятилетним ребенком. Каждому советскому человеку знакома эта небольшая статуэтка — ее подарила Толе, когда ему было четыре года. Вначале, когда у него не было отдельной комнаты, она стояла в его в «красном уголке», затем, с поступлением в школу — на его рабочем столике, и вот четвертый год стоит на этой полочке, что и останови-

ло мой взгляд. Стоит статуэтка и при немцах. Кому из фрицев придет в голову, что в русском доме будут держать бюст Ланина... Вот его прежние школьные принадлежности, которыми он пользовался с третьего класса: карта, глобус... На полке рабочего стола, стоящего в углу, разложены слесарные и столярные инструменты, к крышке стола привинчены небольшие слесарные тиски, купленные Толе в шестом классе, когда он начал увлекаться радиостроением. Куда ни посмотришь — всюду вещи, по которым можно проследить его юную жизнь. Внимание остановилось на последних его словах...

Юная жизнь — вот объяснение того, что заставило меня искать уединение. Во мне говорила неясная тревога перед тем, что может случиться. Я, казалось, была более удивленной, чем встревоженной. Мысль остановилась на одном, дальше не шла.

«Да, я могу потерять его... Я должна подготовить себя и к этому, но буду верить, буду надеяться только на лучшее. Не буду поддаваться хотя бы минутной слабости. Разве я не воспитывала его в духе любви к Родине. С той ночи, которая навсегда вошла в сознание, с ночи первого на второе ноября 1941 года, разве я не почувствовала, каким путем пойдет Анатолий, разве я не знала, что иначе он мыслить не мог... И я, даже в минуты отчаяния, а они не будут исключены, и я не стыжусь в этом признаться, буду верить, крепко верить, что судьба не будет безжалостна ко мне. Встречу Толю без следов тревоги на лице, предам его комнате праздничный вид. Нарву цветов, которые он так любит с детства...», — рассуждала я сама с собою после того, как уловила причину влечения остаться одной. Нарезала большой букет осенних астр, поставила ему на стол.

Скоро пришел и он.

— Мама, ты видела бы радость ребят при виде меня, с каким вниманием они слушали, что я рассказывал им. Я рассказал, как шел, о чем говорил в штабе, какие указания нам даны. Рассказал о незабываемом, волнующем чувстве, каким был охвачен, когда очутился среди партизан, рассказал о том, как встретили меня там. Ребята слушали молча, и только их лица отражали, как они воспринимают то или иное из моего рассказа. Описываю им картину, которая обязательно будет когда-нибудь на полотне: костер, вокруг костра партизаны, кто лежит, кто сидит поближе к костру, кругом полумрак, тишина, лишь пламя костра отбрасывает отсвет на фигуры людей, поющих в полголоса «Землянку». Что-то величественное и торже-

ственное было в этой картине, — смотрю, у ребят глаза точь-в-точь, как у тех, что пели у костра...

Слушая, как я заблудился, возвращаясь ночью по дороге в город, и как зажигалка патрульных помогла мне не наскочить на них, Вася при моих словах стремительно откинулся назад, чем очень напугал Женю, — рассказывал мне Толя, умываясь, а затем перевязывая бинтами ноги.

— А как хорошо, что ты догадалась поставить цветы. Сегодня какое-то праздничное настроение у меня, и цветы завершают сегодняшней день, — благодарно улыбаясь, заметил Толя, увидав цветы в своей комнате. — Я схожу к деду, прочитаю ему сводки за эти дни. Я захватил их с собой, чтобы поместить в «Вести с родины», — продолжал он, собираясь к деду и бабке, которым не терпелось поговорить с внуком.

Ночь... В квартире тихо, только слышится периодически бой часов из столовой, да из Толиной комнаты тихо струится наш разговор. Немецкий патруль, проходящий мимо окон, далек от мысли, что в этом небольшом беленьком домике сейчас говорится о ненависти к ним и мерах борьбы с ними. Что за стеной сидит юноша, только сегодня вернувшийся от партизан, название которых наводит на них ужас, заставляющий ночью не открывать дверь даже своему «камраду». Что час назад здесь слушали слова Москвы, лихорадочно записывая их на бумагу, что через несколько дней отсюда эти слова разлетятся по всему городу.

— Завтра с Борей поедem на велосипедах за остальным, что я забазировал возле деревни Кирки. Там много литературы, наган, питание для приемников. Питание пришлось забазировать раньше в другом месте. Под конец я чувствовал, что выдыхаюсь, стало не под силу нести тяжелый груз. В лесу несли вдвоем, а потом, когда меня оставили проводники, я нес все один. Темно... Босой... Нет уверенности, правильно ли иду... Стало светать, дальше идти с таким грузом и в таком виде было опасно. Взял станок, немного литературы, мины, остальное забазировал.

Мозг не хотел освободиться от картины, рисующей путь Толи... Нет перед глазами его уютной комнатки, не сидишь с ним на кровати. Нет, идешь там, в темноте, ступаешь израненными босыми ногами, сгибаясь под тяжестью груза...

— Так разбудишь пораньше, — донеслись до сознания Толины слова.

Очнулась. Мысли заработала в ином направлении. Перед глазами встала иная картина: Боря и Толя едут по шоссе, за спиной мешки с грузом. В любую минуту может остановить их застава, встречная вражеская машина. Нет, надо придумать что-то другое, что не внушало бы врагу подозрение.

— По-моему, пожалуй, будет лучше, если поедешь ты с Люсей. Она выглядит молодо, оденет соответствующий костюм, чтобы подходить по возрасту к тебе. Будет впечатление, что юноша и девушка выехали на прогулку. В деревне, за которой базируется груз, купите яблок, груш.

На этом и остановились. Завтра Толя и Люся едут на прогулку.

6 октября

Рано утром Люся сходил за велосипедом для себя к Володе М., товарищу брата, который часто бывал у нас. Было свежо.

В семь часов утра они уже выехали. Толя в широком голубом лыжном костюме, казавшийся в нем старше своих лет, с яркой тибеткой на голове. Люся в короткой черной юбке, белой блузке с бантом на груди, в вязаной кофточке с узкой полоской золотистой ленты в волосах выглядела значительно моложе своих лет и подходила по виду к Толе. По его словам, ехать придется километров 12. Следовательно, можно ожидать их часов в 10–11.

11, 12 час — их нет. Неужели попались?

В третьем часу с криком прибежал Шурик: «Тетьа Маня, приехали Толя и мама и много яблок привезли».

Иду к ним. На кухне у бабушки идет торопливая работа — распаковывают мешок с литературой, на столе лежат яблоки, груши... Люся и Толя не похожи на тех, какими выезжали: свежее утро сменилось солнечным жарким днем, они разомлели, оба красные, покрытые потом, запыленные, но в глазах искорки задора, в них открыто выражалось торжество по поводу удачи: на глазах у врага проскочили с опасным грузом.

Больше говорила Люся, Толя бросал отдельные реплики, углубленный в разбор литературы. Тут были журналы «Красноармеец», «Огонек», газеты, листовки и другая литература.

— Ну, теперь дед ночи не будет спать, все будет читать, — гово-

рила бабушка, заглядывая в кухню, где она не могла находиться, так как дежурила во дворе. Спрятали все, что принесли, за исключением нескольких экземпляров, которые Толя оставил почитать. Вот что рассказала Люся.

— Поехали через деревню Абдал по проселочной дороге. Затем выехали на Феодосийское шоссе. Подъехали к мосту, возле которого контрольный пункт: стояли вооруженные немецкие солдаты. Соскочив с велосипеда, Толя подходит к ним и просит прикурить, угощает папиросами.

— Шпацирен? — спросил один, указывая на Люсю, проехавшую немного вперед.

— С любимой девушкой, — добавил другой.

У Толи счастливая улыбка — дескать, сами понимаете. Переехали две деревни. Подозрительно велики Толины двенадцать километров. По словам Люси, будет километров 25. Наконец показалась деревня Кирки.

Перед Кирками Толя опознал место базировки: изгородь из бутового камня вокруг большого фруктового сада. В саду работало человек 20 мужчин и женщин, снимали яблоки, груши. Замедлили ход машин. У Люси сомнение, не ошибся ли Толя, ведь базировал уставший, не при дневном свете...

Проехали в деревню, спросили, где можно купить яблок. Составили план: Люсин велосипед «ломается», Толя его «починяет» возле места базировки, под изгородью сада.

Так и сделали: Люся ушла в сад договариваться на счет яблок, Толя стал «починять» велосипед.

Люся прошла к работающим там, рассказала о поломке машины, о цели поездки — купить яблок. Невзначай достала из кармана «Голос Крыма», ее обступили. Она устало присела, возле нее полукругом уселись работавшие. Слушали сводку германского командования, у многих в глазах неуловимая усмешка, показывающая «веру» в эти сводки. Кто-то со смехом бросил слова — русских быют, а немцы бегут... Угощали Люсю яблоками. У женщины Тамары дома оказались яблоки, она предложила Люсе сходить за ними к ней. А Толя в это время «починял» машину — вынимал наган и прятал в рюкзак литературу. Минут через 10–15 Люся с яблоками, предложенными ей для Толи, направилась к нему. По расплывшемуся от счастья лицу

увидела, что у него все в порядке. С комичным ужасом шепчет: «Люся, я штаны сжег».

В первую минуту она подумала, что положение с брюками катастрофическое, и что его ужас вызван тем, что в брюках ехать нельзя. Оказывается, Толя вспомнил, что костюм, в котором он ходит эти годы, не его, а Люсин. И вдруг он основательно прожег брюки папиросой.

Рюкзак, в который Толя сложил литературу, на их глазах стал расплзаться. Что за причина? Оба в недоумении.

— Да ведь я однажды нес в нем аккумулятор после зарядки. Кислота, вероятно... и теперь, набитый литературой, он заканчивает свое существование, — с сожалением, что так получилось, шептал Толя.

Быстро сунули рюкзак с литературой в мешок, предназначенный для яблок. Подошла Тамара, к которой надо идти за яблоками. Втроем направились к ее дому. Она посредине, Толя слева от нее, правой рукой держал велосипед, левой — мешок с литературой. Шли, негромко разговаривая. Приближались к сельскому правлению, к которому в это время подходила легковая машина. Остановились. Из нее вышел немец-офицер. Все встречные низко ему кланялись.

Переглянулись Люся и Толя, охваченные одним и тем же чувством при виде унижения русского человека, обиды за него.

— Кому это кланяются? — удивленно спросила Люся Тамара.

— А это наш комендант, — с горькой улыбкой ответила та.

Многое прочли они в глазах русской женщины, возможно, не раз вынужденной точно так гнуть спину перед «господином комендантом». Хотелось подбодрить ее, но ничего не сказала Люся, помня, зачем они приехали.

Пришли в сад Тамары. Куда брать яблоки? Покажется странным, что приехали за 20 с лишним километров за яблоками без мешка. Пока Тамара ходила в дом за весами, Люся быстро выкинула рюкзак из мешка, положила его в свою шерстяную кофту, так как перегруженный грузом рюкзак мог выдержать небольшое количество литературы. Таким образом мешок для яблок был освобожден. К своему велосипеду Толя привязал яблоки, наган спрятал за пояс, на Люсин нагрузил литературу, прикрыв прорехи на рюкзаке зеленью.

Неизвестно, догадывалась ли о чем Тамара, но только она посоветовала ехать не по шоссе, а проселочной дорогой, объяснив путь. Поблагодарив ее, они направились в обратный путь.

Часто останавливались на привал, завидя немцев или румын. Толя подходил к ним, закуривал, смеялся. Повторялась та же картина, что и по дороге в Кирки. Возвращаясь к Люсе, он задорно улыбался, насвистывая «Я уходил вчера в поход».

Так они благополучно вернулись домой. Люся предупреждала нас всех не верить Толиным километрам и понимать их в двойном размере.

— Толя, скоро?

— Сейчас, Люся, сейчас. Всего километров 12.

— Как?! Да мы уже огороды проехали, а до них около 18 километров, — смеясь, рассказывала Люся, вспоминая Толины 12 километров.

Я проникаюсь верой в Толины слова, что он родился под счастливой звездой: едва закопав литературу, мы увидели немцев, которые пришли к бабушке занимать кухню, где несколько минут назад было полно советской свежей литературы.

— Заметано, — улыбаясь, тихо произнес Толя, в карманах широких брюк которого лежали номера «Комсомольской правды», «Правды».

Пятница

— Нет, кажется, не придется мне больше пить чай с медом, — потирая распухшее колено, болезненно улыбаясь, говорил сегодня Анатолий. Его с «воспалением коленного сустава» возили сегодня на биржу. По коридору биржи он шел, поддерживаемый дедушкой.

— Все, что связано с пчелой, вызывает у меня непреодолимое отвращение, связанное с ужасом перед тем, что доставляет мне это святое, по словам дедушки, насекомое, — продолжал он, вспоминая, что ему приходится переносить от маленькой пчелки.

Каждый раз, чтобы получить право на легальное существование, приходится прибегать к помощи той, которую так недобро известно Толя ругает, забывая, что только ей он обязан, что до сих пор проверка документов не грозит ему быть угнанным на работы.

С утра дедушка сажал одну-двух пчел ему на колено. Укус не так страшен Толе, как его последствия. Минуту жало оставалось на коже, затем дедушка, придавливая, чтобы вошел яд полностью, вытаскивал его. И вот здесь начиналась пытка для Толи, после которой

он приходил в себя через три-четыре часа. Он молниеносно покрывался крупными волдырям величиной с мелкое куриное яйцо. Глаза наливались кровью, нестерпимый зуд охватывал все тело. Облегчение приносила вода, которой в изобилии поливали Толю из ведра. Нога превращалась в бревно. Лишь часа через три-четыре он принимал надлежащий вид: сыпь, скрывавшаяся через час-полтора, его не беспокоила, опухоль на ноге опадала, лишь оставалась на покрасневшем колене. Мы смеялись, зная, что он, терпеливо переносивший любую физическую боль, перед операцией с пчелами пасовал.

Так ко всем полезным свойствам маленького трудолюбивого насекомого прибавилось еще одно — спасать людей от угона на работу, тем самым помогать делу борьбы с врагом.

В паспорте Толи новая пометка: снят с учета по болезни на четыре месяца.

Суббота

— Только что приходил Гриша, — услышал я от Люси, прибежавшей сообщить мне об этом.

— Почему же ты не сказала мне раньше. Мне хотелось посмотреть на того, кто заставил меня, помимо своего желания, пережить тяжелые минутки. Жаль, что не могла видеть его, — говорила я, охваченная сожалением.

— Он пришел и спросил Толю, который, ты знаешь, починял приемник у нас. Гриша напился воды и отошел с Толей к заборчику. О чем-то говорили, и, как видно, Толя пошел его проводить, если его до сих пор нет, — говорила Люся, объясняя, почему я не могла видеть Гришу.

Вскоре показался Анатолий в неизменном выцветшем голубом лыжном костюме. С момента установления настоящей связи его почти не покидает уверенный спокойный вид. Что-то новое прибавилось в его фигуре, он стал мужественнее.

— Был Гриша. Сейчас ухажу к Борису. Хорошо, мама? Ведь уже мы приступили к боевым операциям, а это много значит. Враг узнает, что мы держим твердо свое обещание хорошо работать, которое давали мысленно при получении аттестата, — оживленно говорил он.

Переодевшись, ушел в город. Глядя вслед на его твердую, уверенную походку, я вспомнила, как немецкие холуи на страницах «Го-

лоса Крыма» высмеивали молодежь, слоняющуюся без дела по улицам города, выплевывающую семечки и не понимающую великого значения работы, к которой ее призывает германское командование, окружающее вниманием русскую молодежь.

Стало смешно. Холуи, сами русские, не знали духа русской молодежи, воспитанной в советских школах. Лучшая часть слоняющихся без дела хорошо оценила значение работы, несущей рабство русскому народу. Они по-своему отвечали и отвечают на внимание германского командования.

Открытый с большим торжеством немцами пункт записи в РОА — русскую освободительную армию — заглох с первых дней открытия, несмотря на истошные призывы разных Ширяевых к русской молодежи. Пункт стоял пустым, желающих записаться не было. «Слоняющиеся без дела», к великой злости ширяевцев и их хозяев-захватчиков, оставались в их глазах такими же неисправимыми, как и были.

Да, немцам не удастся исправить нашу молодежь, охваченную ненавистью к ним и беспредельной любовью к Родине.

«Перед лицом своей Родины, перед лицом моего народа клянусь быть до последнего своего дыхания преданным великому делу освобождения моей Родины от немецко-фашистских захватчиков, отдать этому делу все свои силы, а если потребуется — жизнь», — торжественно, с захватывающим дыханием произносил каждый новый член СПО, и таких не «исправить» врагу.

Воскресенье

Что это: счастье ли, или неведомая таинственная сила природы оберегает ребят? Только сейчас я могу более или менее спокойно проанализировать, что произошло. Невольно охватывает дрожь при воспоминании об этом.

Борис, Анатолий и Женя с утра приступили к набору очередного выпуска «Вестей с Родины». Работать пришлось у бабушки, так как у нас находился немец. У бабушки в доме они тоже были, но расположение того дома было иное, чем у нас. У нас, как я называю, круговая система: начиная с кухни, можно обойти весь дом кругом и вернуться в кухню же с другой стороны. У мамы иначе. Комната, где жили немцы, не соприкасалась ни с одной комнатой, она была на отлете, лишь дверь ее выходила в коридор. Находилась она далеко от

той комнаты, где работала типография. Наши комнаты гораздо меньше маминых и все как-то вместе. Кроме этого, сегодня воскресенье, немцы больше находятся по квартирам.

Взвесив все, решили работать у бабушки в самой отдаленной комнате — комнате Люси. Перенесли туда и традиционный патефон, постоянный спутник типографии СПО, разложили необходимые инструменты для ремонта его. Засучив рукава, насвистывая мотив «Священная война», ребята приступили к работе.

Около двенадцати часов на улице среди немцев появилось заметное оживление: собирались группами, возбужденно что-то обсуждали, жестикулировали.

Проносится мысль: услышали хорошее для них, следовательно, плохое для нас. Надо поставить Анатолия, Борю и Женю в известность. Иду и рассказываю, что видела. Выпрямились, казались скорей удивленными, нежели испуганными, недоумевающе посмотрели друг на друга. Решили отправить Женю на разведку.

С утра моросил дождик, но к этому времени просохло, стоял солнечный день. Женя моментально уехал на велосипеде, чтобы ускорить разведку, привезти объяснения необычайного оживления, царившего среди немцев.

Разговор вокруг замеченного заслонил обычную предусмотрительность в период работы типографии: мы все на короткий промежуток времени очутились в столовой, гадая, что произошло у немцев. Мальчики продолжали свою работу. Во дворе никого не было.

Из столовой, почти напротив входной двери в нее, вела дверь в комнату брата, справа из которой вела дверь в комнату, где работали Анатолий с Борисом. Около этой двери на простенке висела большая политическая карта Европы. Напротив окна, откуда открывался вид на Чатыр-Даг. Комната была ярко освещена солнцем, наполнявшим ее своими лучами сквозь большое окно.

И вдруг, совершенно неожиданно для нас, будто какая-то чудодейственная сила занесла его сюда, в столовой перед нами вырос немецкий гауптман. Здесь, где через комнату работала подпольная типография.

Не было времени растеряться. Держаться, держаться, во что бы то ни стало. Ни одного лишнего движения, взгляда, застыть, окаменеть.

Ломанным русским языком он объяснил, что ему нужна комната для русской фрау с родителями, которую он привез с собой из Темрюка.

Задержать на минуту его здесь в столовой, удержать его от осмотра помещения, авось услышат мальчики чужой разговор.

— Вы можете говорить на родном языке, — спокойно говорю я по-немецки.

— О, фрау владеет немецким языком. Это очень хорошо, если русские люди говорят по-немецки. Фрау, возможно, работает переводчицей.

Объясняю, что по состоянию здоровья я не могу работать, снята с учета. Показываю на мою фотографию, стоявшую на небольшой полочке, и указываю, какой я была до войны и как выгляжу теперь. Немец сочувственно качает головой, а в глазах ледяное безразличие, — ему нет дела, как выглядела и выглядит теперь русская фрау, которую они же довели до такого состояния.

Объясняю ему, что в этом доме уже живут немцы, что у нас ребенок, и фрау из Темрюка будет неудобно находиться у нас. Старуюсь говорить громче в надежде, что отдаленный звук всё же проникнет туда, в страшную комнату. В ответ на мои слова немец улыбается и направляется к комнате брата, а там дверь туда, где находятся двое, возможно, еще далекие от предчувствия, что нависла смертельная опасность. Открывает дверь. Комната по-прежнему залита солнцем, лучи которого пали на карту напротив. Остановился, обвел пальцем «выравниваемую по стратегическим соображениям немецкого командования» линию фронта. Люся, показывая на карту, говорит ему, что она родилась и жила здесь... здесь... просит с улыбкой показать, где он родился и жил до войны. Немец тает. Он начинает с пафосом объяснять ландшафт местности, где он жил. Еще минута оттяжки от страшного мига. По ту сторону двери возле карты, где стоит немец, тишина, могильная тишина, страшная своим безмолвием. Глазами умоляю маму крепиться: она стоит как белое изваяние, прижавшись к книжному шкафу возле окна.

Чувствую, что оканчивается описание ландшафта, вида, что он держится уже за ручку той страшной двери, я с отчаянием надежды в душе громким голосом привлекаю его внимание у себе. Показываю на серо-синие горы, виднеющиеся вдали через окно, говорю о

значении реки Салгир, берущей начало в горах. Люся поддерживает меня, оживленно рассказывая, как она — физкультурница — совершала туда экскурсии, описывая цветы, какие растут в наших лесах. Разговор сопровождался жестами, мимикой, что задерживало его и оттягивало страшный миг.

Неожиданно заговорила мама, обращаясь по-русски к немцу, который частично, как видно, понял ее слова, так как стал смотреть в направлении, куда указывала мама. Объясняю ему, что «мутхен» вспомнила о домике, который продается, так как хозяйка уезжает из Симферополя, что домик уютный, с садиком, что «фрау из Темрюка» там будет хорошо, что там одна квартира. Немец заинтересовался, спросил, как пройти к указанному домику, и направился обратно в столовую. Тиски, державшие сердце в этот короткий, но жуткий промежуток времени, ослабли, оно забилось сильнее.

Немец ушел.

Скорей туда, к ним, в закрытую для чужого глаза комнату. Набора уже нет, задвинут под пианино, которое стояло теперь здесь подальше от немецких глаз. Наклонились над патефоном, откручивая какие-то винты.

Углубленные в свою работу, они услышали голоса не сразу. В их глазах недоуменный вопрос, на лице вопросительная улыбка, показывающая, что они уже знают о ликвидации опасности и ждут разъяснения того, что произошло.

Меня, маму, Люсю охватила нервная дрожь. Только теперь мы дали волю нервам, которые выдержали подобное испытание. Проснулся дедушка, который согласен дежурить во дворе все ночи, лишь бы не днем.

— Бог его знает, кто идет, как его спрашивать, — говорил он сегодня после ухода Гриши, и после чего ребята удовлетворили ходатайство, как, смеясь, говорил Боря, и заменили его Люсей. Узнав, что произошло, побледневший дед растерянно погладил лысину, что являлось первым признаком глубокого волнения.

Минут через 20 вновь пришел «гауптман», но уже остался и сидел в столовой. Любезно предложили ему стакан чая — мы должны в его глазах казаться вне подозрения. Вышел Анатолий, руки в карманах, сел за стол, начал вести оживленный разговор с немцем. Вскоре немец ушел, заверяя, что ему приятно встретить русскую семью, где почти все говорят по-немецки.

Что сказал бы немец, если бы узнал, что эта семья мыслит и действует только по-русски. После, к счастью, окончившегося благополучно эпизода, мы уже ни на минуту не покидали двор.

Приехал Женя, рассказала, что произошло.

— Ну и что? — с вспыхнувшим лицом спросил он.

— Ну и все в порядке. Иначе не говорили бы сейчас с тобой, — улыбаясь счастливой улыбкой, ответила я.

Подумав немного, уверенным тоном, с теплым хорошим взглядом своих больших лучистых глаз, он тихо произнес:

— Теперь я тоже верю, что Толик родился под счастливой звездой.

Рассказав, что оживление немцев вызвано сообщением германского командования об уничтожении ими десанта союзников, который высадился в Д., и что «Голос Крыма» уже выпустил по этому поводу экстренный выпуск, Женя добавил:

— Уничтожен десант, но, видимо, попытки союзников уже есть, значит, будет второй фронт, с нетерпением ожидаемый нами.

То, что произошло после 12 часов, заслонило другое, что было до этого: сегодня я познакомилась с Гришей.

С утра, зная, что дедушка дежурил во дворе, следил, чтобы в дом не зашел посторонний, что Люся находилась в столовой, готовая в любой момент прийти на помощь ему «заговаривать зубы» нежелательным посетителям, я ушла к себе. Закончив свою работу, возвратилась обратно.

— Гриша здесь, — шепчет мне Люся.

Гриша. Наконец увижу его, таинственного Гришу, заставившего пережить меня минуты тяжелого раздумья.

Открылась дверь, и в столовую вошел Анатолий с незнакомым человеком, хотя он и говорил со мной однажды.

— Знакомься, мама, — направляясь с незнакомцем ко мне, говорил Толя.

— Гриша, — слышу я и вижу черные глаза, устремленные теперь открытым взором прямо на меня, не бегающие всюду, как было в первую встречу. Сегодня я могла видеть лицо, во что одет и даже руку, характерную для него — не хватало пальца.

Люся принесла кусок пирога, приготовленного бабушкой для Гриши, и он, не задерживаясь, ушел. То, как он вышел из дома, послужило поводом к здоровому заразительному смеху ребят.

Дверь из передней выходит напротив двери из кухни, где живут немцы. Одновременно открылись две двери: из одной вышел партизан, из другой — два немца. У Гриши нет ни тени замешательства, немцы быстро скользнули глазами как по человеку, не живущему здесь. Ничего подозрительного не увидели немцы. Они уступили Грише дорогу, все прошло обычно, как при встрече незнакомых людей возле выхода.

— А представляете, что стало бы с фрицами, знай, с кем они встретились? — не в силах сдерживать смех и падая на диван, хохотал Анатолий.

У меня проносится мысль: «Чем бы закончилось, если бы они потребовали документы Гриши?».

Но я, глядя на смеющихся ребят, одетых в разнообразные костюмы, но с одинаково вымазанными краской руками, понимаю, что нельзя долго задерживаться на промелькнувшей мысли: их здоровый смех гнал все тревожное, хотелось верить, что судьба будет хранить их. И в те минуты никто не предчувствовал из нас, что надвигается нечто жуткое, что только чудо остановит готовую разразиться над всеми нами гибель.

18 октября

Отсутствие боеприпасов не дает возможности шире развернуть борьбу с захватчиками.

— Ребята рвутся на боевые дела, отсутствие боеприпасов тормозит работу, — говорил Толя, задумчиво глядя вверх, как бы желая найти там ответ на мучавший его вопрос. — Мы приступили к изготовлению самодельных мин, но что из этого выйдет — не знаю. Авось, окажемся неплохими пиротехниками. Используем всё, что только имеем. Сейчас Вася и Вова работают над изготовлением мины для минирования железнодорожного пути. То, что я принес из леса, почти израсходовано и израсходовано хорошо. Помнишь, ты меня спросила, почему я тревожно настроен, прислушиваюсь к чему-то. В тот вечер Вася ходил минировать нефтебазу по Евпаторийскому шоссе. Операция прошла отлично. Я не хотел тебя тревожить и отмалчивался на вопросы. Придёт Гриша, передам нашу просьбу командованию о необходимости периодической, через определенный промежуток времени, явки. Будет лучше, а то жди, когда придет Гриша. А еще

мечтаю, мама, о том, чтобы в город прислали человека, к которому можно было обратиться в любую минуту, по любому недоуменному вопросу, — продолжал говорить Толя о том, чем были заняты сейчас его мысли. — Иметь бы несколько автоматов, немецкую форму... Ну, ничего, что-нибудь придумаем, — оживляясь, закончил он.

В глазах не осталось и следа задумчивости, появилась решимость и вера в то, что именно будет так, к чему они стремятся.

Сегодня познакомилась еще с одним из членов СПО, с Яшей Морозовым, племянником Веры Горемыкиной. Простой парень, не блещет красноречием, но в его скупых словах, таких же скупых, как и у Веры, ярко выражалась ненависть к врагу, стремление бороться с ним. Ненависть Яши усугублялась еще и личным горем — немцы угнали сестру и брата в рабство в Германию.

Указав ему, какой опасности он подвергается, а также и вся его семья со вступлением в организацию, Анатолий заметил:

— Подумай, взвесь, если есть хоть небольшое сомнение, не-уверенность в себе — откажись.

— Я знаю, — тихо бросил Яша.

И в коротком ответе, не украшенном цветистыми уверениями, оказался он целиком таким, каким я представила его при первом взгляде на него.

Он рассказал, как находился в поисках связи с людьми, работающими против врага, как, наконец, заговорил с тетей Верой на эту тему, и как она, к его изумлению, обещала помочь ему в этом.

После ухода Яши под впечатлением разговора с ним Толя заметил:

— Растем, мама, растем. И важно, что не только количественно, но и качественно. Чувствуется, что крепкий паренек, как и тетя Вера.

27 октября

Сводки Совинформбюро все больше вливают надежду, что час освобождения близок. Как бы в подтверждение этого, рано утром пришел Элик. По его возбужденному лицу видела, что приход не случайный. Разбудили Толю. Элик рассказал, что немцы эвакуируют скот, хотели отправить его с ним.

Эвакуируют, значит, бегут. Здесь пока ничего не заметно.

— Ты оставайся здесь. Могут нагрянуть за тобой домой с работы, — вскакивая с кровати и одеваясь быстро, возбужденно говорил

Толя. — Я иду к Борису, разнюхаем, в чем дело. Наметим сообща необходимые мероприятия на случай действительного отступления немцев.

— Неужели... — дальше боялись высказывать свои мысли, чтобы не пережить горечь разочарования.

День начался многообещающим, солнечным. Невольно мысль перенеслась к последним дням октября 1941 года. То были дни серые, гнетущие. Вернулся Толя. Сияющий, широкая улыбка не сходила с лица.

28 октября

— Мама, — обратился ко мне Анатолий сегодня, возвратившись часов в 11 от Бориса, — мы, пожалуй, идем в лес. Гриши нет. Того, что имеем, слишком мало для вооруженной борьбы. А сейчас каждый час дорог, — отрывисто, сосредоточенно глядя на меня, бросал он слова.

— Что говорил Гриша относительно следующей встречи, когда обещал вернуться? — спросила я, сама встревоженная отсутствием Гриши.

— Он должен был быть 23, но предупредил, чтобы ждали 2 недели. Если не придет, тогда велел пробираться в лес самим.

— Две недели. Так срок еще не истек. Я не думаю, что до леса не дошли события последних дней. А раз так, они пришлют вам помощь. Может случиться, что вы выйдете в лес, а Гриша в город и, возможно, что вы разминетесь. На дорогу у вас одних уйдет больше времени, чем с Гришей. Нельзя сказать уверенно, что ты запомнил ее. Пожалуй, потеряете поспешностью больше, чем если выждете день-два. Что-то мне подсказывает, что не оставят вас в эти дни с пустыми руками. А каково лично твое мнение? — задала я вопрос, испытующе глядя на него, желая узнать, как он подходит к разрешению данного вопроса: продуманно или, как я называю, сломя голову.

— Да, понимаешь, у меня раздвоенность. С одной стороны, завтра 29, День 25-летия комсомола, надо выпустить листовку с поздравлением и призывом к молодежи. Рассудок говорит, что должны подчиниться наказу Гриши и выждать срок, указанный им. Кроме этого, думали сегодня перед работой типографии заминировать железнодорожный путь, авось, подействуют самодельные мины.

С другой — назревают события, требующие от нас наличия боеприпасов. Я понимаю, что лучше в такие дни находиться в городе, спасти город, но что можем мы сделать с нашими запасами? Сделаем так: сегодня сходим на путь, авось, удастся взрыв, — подарок фрицам от комсомольцев ко Дню юбилея. Ночью напечатаем листовки, завтра распространим, а затем я, Вася и Элик пойдем в лес, если и завтра Гриша не придет, Борис и Женя останутся здесь. В лесу долго не будем. Поговорю в штабе, отдохнем час-другой и обратно. Уйдет максимум два дня. Зато принесем то, что необходимо сейчас иметь. Основное сейчас — боеприпасы и больше вооружения, что мы и надеемся получить в лесу. Что значит наши обрезы по сравнению с хорошо вооруженным противником? — говорил Толя, и с его слов я видела, что ребята продумали всё, не бросаются опрометчиво с пылом, присущим их возрасту. Я забывала, что все они, закаленные ненавистью к врагу, стали старше своих лет.

Пришли Боря и Женя. Втроем приступили к набору готового текста «К молодежи Крыма». Имея уже солидный опыт, улучшив оборудование, они с каждым разом быстрее справлялись с работой. Сядут вокруг стола, посередине наборная масса, возле каждого гранка. Смотришь — только мелькают оголенные руки. Выработался навык брать нужную букву, не поднимая глаз от гранки, вслепую.

Наличие теплых хороших дней позволяло пока мне или кому другому находиться во дворе во время работы типографии, не вызывая подозрения у соседей. Находясь во дворе, скорее увидишь опасность и заранее сможешь предупредить о ней условным сигналом.

Так и сегодня.

Ходила по саду, ближе к дому, с ножницами в руках «обрезала деревья». Заслышав стук в калитку, направилась к ней и, поравнявшись с окнами дома, громко крикнула: «Сейчас» — что служило сигналом мальчикам.

Открыла калитку — стоит полицейский.

— О, как хорошо, что вы пришли. Мне много говорили о Вас как о прекрасном садовнике. Муж мой ничего не понимает в этом деле, а у меня ничего не получается. Поможете мне немного, — с довольной улыбкой, протягивая ему ножницы, говорила я полицейскому, вначале опешившему от моих слов, а затем слушавшему их с улыбкой, говорящей без слов, что он польщен.

Начали обходить сад, кое-где обрезали сухие ветки, между нами шла оживленная беседа. Выслушав поток слов благодарности за оказанную помощь, выкурив предложенную папиросу и обещав принести клубни георгин, он ушел, забыв о цели прихода – проверка домовой книги. Я вздохнула свободно.

Вышел Боря с лукавыми искорками смеха в глазах. Они сквозь окно, закрытое тюлевой занавесью, наблюдали всю сцену «помощи полицаю матери руководителя СПО», как называл ее Женя, любивший всему давать имена.

– Теперь моя очередь посмеяться над Вами, Мария Павловна. Если я мастерски подделываю документы, по вашим словам, то Вы не хуже умеете заговаривать зубы, – смеясь, говорил Боря, довольный, что и ему есть чем платить на мои шутки над ним по поводу подделки документов.

Если бы они знали, какой ценой нервов дается это «заговаривать зубы». Сама себе часто задавала вопрос, откуда берутся нужные мысли, слова в момент опасности. Думаю, что постоянная настороженность выработала способность не теряться, призывать на помощь все самообладание, нервы, которые и подсказывали те или иные мысли.

29 октября

События идут с такой быстротой, что не знаешь, с чего начинать минирование. Вчера минирование своими минами железнодорожного пути не дало никакого результата. Мины не действуют.

– Один результат – убедились, что мы никудышные пиротехники, изобретатели, – с огорчением говорил возвратившийся Толя Борису, который печатал листовки на полу Толиной комнаты.

Женя ушел домой, так как должен был передать что-то Васе. На окнах висели одеяла, заглушая шум станка.

Вскипятили чай, собрали на стол. Не стали долго сидеть за столом Боря и Толя, спешили печатать, чтобы к завтрашнему дню успели листовки, предназначенные для молодежи Крыма в день славного юбилея – 25-летия ВЛКСМ.

«Близок конец мучений. Красная Армия гонит вон с нашей земли фашистских мерзавцев. С каждым днем все дальше и дальше на запад продвигаются наши войска. Бои продолжаются в Крыму,

и недалек день, когда над истерзанным Крымом взвоется Красное Знамя страны Советов.

Комсомольцы, включайтесь в активную борьбу за свободу Родины! Сейчас уже мало ненавидеть врага – надо его бить, и ты бей их, товарищ! Это твой долг перед Родиной, и ты должен его выполнить. Родина и партия никогда не забудут твоей самоотверженной и трудной работы в тылу врага. Да здравствует Советский Крым!» – говорили слова листовки, идущие из глубины души юных патриотов.

Работа типографии прервалась на время работы приемника. Обстановка комнаты такова, что помимо воли останавливаешься на ней. В комнате полумрак. Она освещалась небольшой свечой, стоящей на Толином рабочем столе, где стоял и «старичок-приемник». От него протянуты наушники к Боре и Толе, сидящим рядом, напротив друг друга. Рядом открытая дверь в комнату, где сидит С.М., прислушивающийся к шагам на улице. На Толиной кровати разложены готовые листовки. На полу между кроватью и столом, за которым сидели Боря и Толя, ближе к книжному шкафу – печатный станок, коробка с краской, щетка для краски, щетка для чистки шрифта, тряпка для рук, бутылочка с бензином.

У обывателя волосы поднялись бы дыбом при виде этой картины теперь, когда за найденную листовку, газету людей хватили в гестапо, пытали, расстреливали.

Ты с виду спокойна, но миллион мыслей проносится за ночь в голове. Обдумаешь все, на случай вторжения тех, кто беспощаден к тем, кто с счастливыми лицами сидел за столом, слушая Москву. О себе в эти минуты не думаешь, ты пожила, думаешь только о них, которые во имя Родины тоже не думают о своей юной жизни, объятые желанием бороться и мстить врагу.

Знаешь, что там, в другом доме, не спят, чутко прислушиваясь ко всему извне, в любую минуту готовы бежать сюда, предупредить об опасности. С виду спокойная, ты вся проникнута настороженностью, мыслями, которые и породили умение «заговаривать зубы», как выразился вчера Боря.

Ночь прошла спокойно. Еще одна ночь, после которой впервые за все часы вздохнешь легко, будто сбросив с груди тяжелую броню. Боря, заснув часа на два, рано проснулся и ушел, захватив с собой часть листовок.

Смотришь вслед, пока не скроется за бабушкиным домом, и думаешь: проскочит ли. Когда узнаю, благополучно ли дошел он домой?

Осмотрела вновь комнату, не осталось ли следов работы. Проверила, хорошо ли спрятан разобранный станок, который ребята вынесли из дома сразу после окончания работы. Пришла Вера и унесла наборную кассу к себе, где и закопает ее в саду до следующего раза. «Заметано», — проносится в голове слово, которое не раз слышала от ребят.

Вскоре после ухода Бориса проснулся и Анатолий. Довольно потянулся, зевнул, в глазах сознание, что выполнено то, что требовалось от него.

— Как думаешь, придет сегодня Гриша? — спросил он меня.

— Определенно, — вырвалось у меня, словно желала дать ему возможность побывать в состоянии покоя от нахлынувших мыслей о Грише и всем, что связано с его отсутствием. Мне и на самом деле казалось, что Гриша не сегодня, так завтра должен прийти. Ведь там, в лесу, знают о положении в городе и нуждах организации в эти дни.

Торопливо открылась дверь и вошла Люся.

— Пришел какой-то парень от сапожника. Вызывает Толю. Пришел к нам, постучал в мое окно, — тихо шептала она мне, думая, что Толя спит. Передала услышанное Толе. При первых же словах «пришел от сапожника» он вихрем сорвался с кровати, поспешно оделся и ушел. Минут через сорок вернулся.

— Мама, ты ведьма, — хлопнув меня по плечу, улыбаясь заразной улыбкой, весело крикнул он мне. При виде его сияющего лица, улыбки, способной заразить неживое, я сама не могла удержаться от смеха, но мне непонятно, почему же я ведьма. Читая недоумение в моих глазах, он комично-испуганным тоном, но с прежней улыбкой, торопливо продолжал:

— Нет, я не хотел сказать, что ты настоящая ведьма, ты из тех, хороших, что предсказывают будущее. Ладно, ты не ведьма, ты фея, — все с той же улыбкой прерывающимся от радостного возбуждения голосом закончил он.

Ведьма, фея — все это не объяснило мне причины его бурной радости.

— Мама-а-а, — протянув слово, положив мне руки на плечи, глядя на меня сияющими глазами на счастливом лице говорил Толя, —

ведь пришел тот, кого мы так долго ждали. Ты пойми, только вчера ты говорила, что следует обождать, что в лесу знают о положении в городе, что не оставят нас без помощи, что мы можем разойтись с Гришей и потерять ценные дни. Все как по-писаному. Ну разве ты не ведьма... нет, нет, — быстро поправился Толя, — разве ты не фея? Нет, мама, везет нам здорово. Сейчас бегу к Борису с сообщением, что пришел Гриша.

Идти Толе не пришлось. Пока он завтракал, пришел Борис с сообщением, что в городе паника среди противника. Она чувствуется во всем: в движении машин, суетливой походке солдат, полицейских, в полете самолетов. Нет слов, чтобы полностью передать выражение лиц обоих в это замечательное утро.

Вечером Толя встретился с тем, чей приход вызвал столь бурную радость. Возвратившись домой с серьезным лицом, со следами глубокого внутреннего покоя на нем, Толя сразу лег в кровать, словно желая в тишине, с закрытыми глазами, наедине проанализировать события сегодняшнего дня.

1 ноября

«Наши войска преодолели Турецкий вал и прорвались к Армянску», — эти волнующие, долгожданные слова передала сегодня Москва.

Дежурил сегодня во время передачи Стефан, я прилегла на кровать. Через дверь я не видела Толю с наушниками. Раздался радостный возглас. Через мгновение показалась вытянутая рука в открытую дверь, одновременно услышала выкрик:

— Мама!

Я вскочила, иду к нему молча. Показал карандашом на записанную сводку, туда, где надо читать. На Толю смотреть некогда. Читаю: «На Перекопском перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турецкий вал и прорвались к Армянску. Таким образом, пути отхода по суше для войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками».

Сердце забило. Взглянула на Толю. Он продолжал ловить слова передачи, громко не мог выразить необъятную радость, но нужны движения радости, он должен дать выход ей. Руки заняты,

голова, уши тоже, ноги свободны. И вот Толя, как дети в кино, лишь бесшумно, затопал быстро-быстро ногами. Вышла к Стефану, кинула быстро:

— Наши в Крыму, — и стрелой к деду. От быстрого бега не могла говорить. Наконец, прерывающимся шёпотом выдавила слова:

— Наши в Крыму взяли Турецкий вал, подошли к Армянску.

Как рассказать о той радости, что охватила всех. Поцелуи, вопросы без ответов, смех, слезы радости — все смешалось, закружилось, бабушка крестится.

6 ноября 1943 года

С ясностью встала картина, когда, с болью смотря на Анатолия, я спросила, о чем он задумался. В ответ прозвучали слова, сказанные тихим, придушенным голосом, в котором слышалась глубокая, безысходная тоска: «А завтра седьмое ноября...».

Это было 6 ноября 1941 года. Мы были оторваны от всего, чем жили до той страшной ночи. Были окутаны, придавлены жутью, что надвинулась с ночи 1-го на 2-е ноября. Не было родных, знакомых слов, которые привыкли слышать в этот день — слов вождя. Улицы были наполнены не тем, что вселяло радость и бодрость в любого. Глаз видел чужое, не похожее на то, что было в прошлом году, что видели из года в год. Вместо ярких плакатов, лозунгов, рисующих всю красоту жизни, зовущих творить и работать, стены домов пестрели таблицами с чужими непонятными словами, приказами «запрещается, расстрел под страхом смерти», несущими уничтожение живого, унижение и горе народу; вместо оживленных, украшенных цветами, одетых в яркие одежды колонн демонстрантов, улицы были наполнены надменными лицами, с гордо поднятыми головами, одетыми в непривычную для глаза серовато-зеленую одежду, всем своим видом показывающих, что ты ничто, пылинка, которую они могут сдуть в любую минуту. И только они заполняли улицы.

Сегодня не то. Нет безысходной тоски, что читалась в глазах Анатолия, все с жадностью впитывали в себя слухи, как в трусливой панике мечутся те, кто горделивой походкой ходил по улицам родного города, кто мечтал в ноябре 1941 года шагать по Красной площади нашей столицы — Москвы. Сегодня население не пряталось по домам, оно на улицах, стремилось навсегда запечатлеть карти-

ну, рисующую «непобедимую» армию во всей ее наготе: обьятая ужасом, мечущаяся в неопишуемой панике, она пыталась вывезти «колоссальные трофеи». Всюду машины, груженные домашним скрабом, утварью. Население открыто выражало свою радость, открыто предreshало день освобождения от захватчиков. С нетерпением ждали каждый раз, что скажет Анатолий, снимая наушники с ушей, хотелось скорей услышать то, чем были заняты мысли в эти дни.

Вся семья, Анатолий, Борис, Женя с особым торжественным напряжением ждали слов из Москвы — сегодня будет доклад тов. Сталина. С завистью, который не скрывали, смотрели мы с Борей на Женю и Толю, принимавших передачу. Они понимали наше состояние и теплой улыбкой, казалось, говорили: «Потерпите, сейчас расскажем, потом прослушаете сами».

Их карандаши быстро ходили по бумаге, стараясь записать подробнее передаваемые по эфиру слова вождя. Временами они переглядывались со счастливой улыбкой, не в состоянии удержать обуреваемого чувства восторга, читаемого в их глазах.

Раздался сквозь наушники шум долгих аплодисментов, громкие возгласы показали, что доклад окончен, Толя и Женя со счастливыми, но отсутствующими здесь в этот момент лицами продолжали сидеть неподвижно: они были там, приветствовали вождя. Как бы по уговору никто из нас не отрывал их.

Быстрым движением скинув наушники, Толя прочитал то, что ему удалось записать, дополняя недописанное устной передачей.

— Иди к бабушке. Там ждут. Ты лучше меня передашь то, что слышал, — говорила я Толе, честно признавая за ним выработанную за эти годы способность почти дословно передавать слышимое по радио.

В этот же вечер слышали слова сводки Совинформбюро, где говорилось, что наши войска провели удачную десантную операцию с высадкой войск на восточном берегу Керченского полуострова в районах северо-восточнее и южнее Керчи и овладели рядом укрепленных пунктов. Узнали, что освобождена столица Украины — Киев.

Не у меня одной вспыхнула картина ноября 1941 года. Толя, уже лежа в кровати после разговора с Борисом и Женей о том, что заполняло их целиком, обращаясь ко мне, с глазами, отражающими его мысли, произнес:

— А помнишь, мама, этот день в 1941 году. Какое жуткое чувство оторванности охватило всех нас, какая тоска была в доме и повсюду.

И словно переключаясь в иное, с вновь загоревшимися глазами он продолжал:

— Никогда не забыть тех дней, никогда не простим ничего, враг ответит за все.

— Враг боится уже нас, а это что-нибудь да значит. Он знает, что ему есть за что ждать мести русской молодежи, иначе не выпускал бы лжелистовок за подписью СПО, — приподнимаясь с подушки, проговорил Боря, который не мог простить врагу минут растерянности, охватившей его, когда в руки ему попала лжелистовка, о которой сейчас говорил.

Враг был взбешен выпускаемыми СПО листовками. Он пошел на трюк, добавляющий еще штрих к его гнусному облику: враг стал выпускать лжелистовки от имени СПО. Первая ничего кроме смеха не вызвала у ребят: врага разоблачало содержание выпущенной им листовки. Вторая была составлена хитро: в ней враг от имени СПО обращался к молодежи Крыма тоже с призывом к борьбе с захватчиком, но предлагал на время приостановить боевые действия, так как еще не время, что нужно беречь силы. Вот она и дала минуты растерянности Борису.

1-го ноября днем он пришел к нам. Таким я его давно не видела. Растерянный, в глазах испуг, тревога, смешанная с беспомощностью.

— Читай. Их полно по городу, наверное, и по всему Крыму, — отрывисто, с напряженным лицом говорил он, протягивая сложенный листок и обращаясь к Анатолию, сидевшему за своим письменным столом и углубленного в изучение какой-то подписи на внутренней обложке паспорта.

Толя прочел, подумал минуту—две, смотря с нахмурившимся лбом на листовку.

— Ну и что, чего бояться? Сегодня же выпустим нашу, разоблачающую ложь и трюк врага. Выпустим большим тиражом. Говоришь, по Крыму. А думаешь, наши войска не разойдутся по Крыму? Разойдутся. За Севастополь ручаюсь, в остальные районы дойдут самотеком. В лес дошли, так дойдут и в другие места. А составлена умно. Есть и у них, значит, головы ничего. Борух, не падай духом, — говорил Толя с искорками задора в глазах, повернув голову к Борису,

который стоял, наклонившись возле него, опираясь руками на стол, олицетворяя собой напряженное ожидание.

В ту же ночь была выпущена разоблачающая врага листовка, пытавшегося прикрыться славным именем СПО, была парализована его попытка обмануть, убедить нашу молодежь приостановить на время борьбу.

Сегодня, в день 26-й годовщины Октября, было торжество, радость сознания, что близок конец. И была жгучая ненависть к врагу за все содеянное на нашей земле. Ненависть, которая никогда не потухнет совсем, она будет жить долгие годы в сердцах людей. Ненависть, которая кровью погибших, пеплом и развалинами наших городов выжгла в сердцах людей слова: никогда не простим ничего, враг ответит за все.

18 ноября 1941 года

Разоблаченный в трюке с лжелистовками взбешенный враг в бессильной ярости стал высмеивать и чернить комсомольцев-подпольщиков в передовицах газеты «Голос Крыма», называя их «лихими комсомольцами, не нюхавшими пороха».

Ответом врагу было увеличение тиража выпускаемых листовок и усиление диверсионной работы.

— Мама, я попрошу тебя сохранить эти номера. Интересно потом будет почитать, как фрицы бесновались по поводу листовок СПО. Ведь это замечательно: высмеивают, пишут, что молоко на губах не обсохло, а что же заставляет их посвящать передовицы нам? Своими статьями они сознались, что боятся нас, что мы не даем им спать спокойно, — говорил по приходе домой Толя и после ознакомления нас с содержанием статьи, направленной против «лихих комсомольцев», он, Боря и Женья заразительно смеялись, выбирая, какое из еврейских имен, упомянутых в статье, относится к каждому из них, работавшим в подпольной типографии.

— Только враг просчитался. Нас трое, а враг привел в пример пять имен, — смеясь говорил Женья.

Почти ежедневно, иногда утром и вечером, через Люсю вызывал Анатолия к «сапожнику» Иван, что приходил за ним 29 октября. Раза два он непосредственно прошел к нашему дому, не постучав Люсе, но в дом не зашел, ожидал Толю во дворе. Немного волновала

мысль, не бросится ли в глаза соседям, немцам, живущим у бабушки, частое посещение Ивана, который раньше у нас не бывал. Не покажется подозрительным соседям «сапожник», что к нему зачастил, порой два раза на день «заказчик»? Поговорила на эту тему с Толей.

— Я уже думал об этом. Но «старик» просит давать ему ежедневно сводку, или возникает какой-либо вопрос. До сих пор нас никто не знал лично. Знали, что есть СПО, но и только. Сейчас меня и Бориса уже некоторые знают в лицо. Поговорю со «стариком». Сводку можно давать через 2–3 дня, не ежедневно, — задумчиво говорил Анатолий.

Они, т.е. ребята из СПО, не бросили попыток взорвать железнодорожный путь самодельными минами. Тщательно изучили ребята обстановку, уточнили, через какой промежуток времени встречаются часовые, не упустили ничего. Дедушка и бабушка пока не знали, куда Толя уходил по вечерам.

— На вечеринку ушел, — отвечала я им на вопрос, где Толя, прикрываясь «днем рождения» то одного, то другого соученика по школе. Стефан знал, но его предупредили, что старикам не должен говорить, чтобы не вносить лишней тревоги за внука. Я хотела оградить их от того, что испытывала сама, ожидая мальчиков ночью. Вместе со мной, только у себя дома, ждала их Вера Горемыкина, куда они заходят на обратном пути. Мы с ней не могли еще отрешиться от охватывавшей нас тревоги. Убеждали себя, что много раз уже ходили ребята распространять листовки, пора привыкнуть к этому, и тут же вспыхивало противоречие: на работу с листовками ходили тогда, когда по улицам города еще можно ходить, и уже это умаляло тревогу. При операциях, связанных с поздним часом, опасность грозила с первого шага из дома.

Тихо открываю калитку, прислушиваясь в темноту — нет ли шагов патруля. Слышу, стучит калиткой Вера Горемыкина: значит, путь свободен, о чем и говорит раздавшийся условный стук. Шепчу Толе и Элику: «Можно». И они выходят на улицу. Заходят к Вере, где их ждет Яша, и через Верин садик скрываются в темноте поля.

Долго стоим каждая у себя во дворе, напрягая болезненно слух в сторону, куда они ушли. Прогнонешь, застынешь и идешь домой, где сидишь, овеянная бездумной тревогой за всех, кто стал тебе дорог наравне с сыном.

Сидишь час, другой, третий. Мыслей нет, не рисуются никакие картины. Все внимание сосредоточено на одном: прислушиваешься напряженно в сторону, откуда должен раздаться условный стук. Ничто не достигает слуха, не слышишь даже боя часов, что висят в комнате рядом. Ждешь только стука.

Тихий условный стук, — сигнал, что пришли мальчики, кажется взрывом. Напряжение исчезло, снова ты видишь и слышишь.

— Ну, как? — быстро спрашиваю я.

— Все так же. Разница в том, что нас обстреляли сегодня. Темно, ничего не видно, часовые палили в темноту, не подозревая, что мы лежим под откосом. Постреляв немного и не обнаружив ничего подозрительного, они разошлись в обе стороны, а мы потихоньку стали отползать. Неприятно было, когда пули стали жужжать над тобой, но ничего, привыкнуть можно, — закончил Анатолий со смехом, отвлекшим его от тягостной мысли, что попытки взорвать путь терпели неудачи.

— На этих попытках, оканчивающихся, к счастью, для нас благополучно, мы учимся. Обидно, что не можем сделать того, что намечаем, но мы приобретаем опыт, как действовать в пути во время выполнения задачи. Подмечаем мелочь, а всякая мелочь может принести неожиданные результаты, — говорил Элик, краснея, как и Борис, когда ему приходилось говорить.

Сидя за столом, они разбирали шаг за шагом свой путь, вспоминали и моменты, вызывающие теперь громкий смех, а тогда внушающие мысль, что рядом враг, надо замереть, застыть.

26 ноября 1943 года

Под вечер Толя вернулся из города. Сели обедать. Сидели с ним на кухне, которая служила нам эти годы столовой. Беседуем. Сказал, что справка врача, которую я достала «старика», что у него глаукома, уже не нужна. Оформляют ему «настоящий паспорт» со всеми пометками биржи. Пригодились способности Бориса.

Раздался негромкий стук. Быстрым взглядом обменялись мы с Толей. Кто? — пронеслось в голове у обоих. Он вышел в коридор. Я слышу торопливый придушенный шепот, возню, какая бывает, когда снимают туго сидящие на ногах калоши. Открылась дверь — вошел незнакомый старик, за ним Анатолий. По его лицу, против обыкновения, ничего не могла прочитать. Познакомил меня. Всякое новое лицо заставляло настораживаться, но то, что Анатолий знакомит,

дало уверенность мыслям и возможность разглядеть гостя спокойно. Рыжеватый старик с небольшой бородкой, в очках, в меховой шапчонке, именно шапчонке, а не шапке, ватный старый бушлат серо-грязного цвета. Стоял чуть согнувшись. Толя помог ему раздеться, и мы все сели за стол, тут же на кухне. Минут через 10 пришел Стефан. Глазами спросил, кто это? Незаметно пожала плечами и указала на Анатолия, как бы говоря, что Толя знает, значит бояться нечего.

Вначале разговор шел между Толей и гостем. По тому, о чем они говорили, я поняла, что это и есть «старик». «Никто как бог», «бог поможет», «на бога будем уповать» — такими словами начиналось и кончалось все, о чем говорил «старик», обращаясь ко мне и Стефану. Но через полчаса он был уже не тем, каким пришел к нам: это был уже «Андрей», присланный партией для руководства существующими подпольными организациями и для организации новых патриотических групп. «Андрей» рассказал, что вынужден был срочно оставить квартиру «сапожника» ввиду провала одной крупной подпольной организации, с руководителем которой он был связан. Рассказал о себе, что он старый большевик, что это седьмое его подполье, о своем пребывании при немцах в Керчи. И вскоре разговор шел целиком вокруг борьбы с захватчиком и мерах борьбы с ним.

Толя с огорчением говорил, что отсутствие в достаточной мере боеприпасов тормозит работу диверсионной группы СПО. В пример привел неоднократную попытку минировать путь: с риском для жизни пробирались к полотну, часами лежали возле полотна в ожидании эшелона, закладывали мины под носом у часовых, поезд проходил... Время и работа пропадали даром: мины собственного изготовления не действовали.

— Сколько бы мы уничтожили эшелонов с противником, с боеприпасами, будь у нас необходимые для диверсий на дороге мины, — жаловался на отсутствие последних Толя.

Стефан высказал взгляд, что, пожалуй, лучше дожидаться настоящих мин, не рисковать зря жизнью, а идти наверняка, зная, что взрыв удастся. Эта мысль была не только его мыслью. Однажды Толя говорил мне, что кто-то из ребят высказал подобное же. Долго обсуждали мы с ним этот вопрос на «посидим немного». Сердце матери ухватило за высказанную мысль, несущую освобождение

от лишней тревоги за сына, его товарищей и избавляющую их от риска потерять жизнь. Но сердце матери, связанной с сыном воедино, знающей все его мысли, говорило другое, что надо испытать все, что, в конце концов, они, возможно, добьются цели, что эти операции закаляют ребят, они с каждым разом увереннее чувствуют себя, выходя на путь.

После слов Стефана высказала эту раздвоенность «Андрею». С нескрываемым удивлением он взглянул на меня. Его взгляд, теплая улыбка, с которой он молчаливо смотрел на меня, заставили, не скрывая ничего, рассказать ему о том состоянии, что охватывало меня, когда Анатолий уходил на операции, что я нахожусь вне времени, вне бытия. Не подхожу к часам посмотреть, сколько времени, — а вдруг уже прошел час, когда они должны примерно вернуться, значит погибли. Не слышу боя часов, сижу молча, не думая ни о чем, отрешившись от всего. Призналась я честно, все муки матери раскрыла «Андрею». И вновь заметила удивленный взгляд, устремившийся на меня.

Подумав немного, «Андрей» заговорил. Долго лились его слова в маленькой комнатке, где все мы сидели за столом, освещенные двумя язычками пламени «усовершенствованной» коптилки, висящей на стене сбоку. Под конец он говорил уже стоя.

— Я доволен, что случай привел меня в вашу семью. На вашей семье я убедился, что большая сильная любовь родителей к единственному сыну не служит препятствием к его борьбе с врагом. Вы, родители, и ваши старики благословляете своего сына и внука на великое дело, где на каждом шагу его подстерегает опасность. Вы все стремитесь помочь Анатолию в борьбе с подлым захватчиком, несмотря на большую тревогу за любимого сына, которой вы все объаты за него, которая мешает матери слышать бой часов. Не победить врагу страны, где в семьях царит такое единодушие. Встают сотни, тысячи народных мстителей, которые своей самоотверженной работой в тылу врага помогут Красной Армии победить его. Вы должны гордиться, что воспитали сына в беззаветной любви к Родине. А ты, Анатолий, счастлив, что имеешь мать, мыслящую с тобой одинаково, счастлив, что живешь в семье, где все проникнуто желанием помочь делу борьбы с врагом, — закончил «Андрей», обращаясь с последними словами к Толе.

Было тихо. Серьезно и торжественно было лицо «Андрея» во время лившихся от всего сердца слов. Только один раз, когда я бросила слова, что я самая обыкновенная мать, он оторвался от своих мыслей, произнес тихо и строго:

— Молчите, я знаю, что говорю.

Минуту длилось молчание после слов «Андрея». Что-то новое промелькнуло в глазах Анатолия, когда он взглянул на меня. «Андрей» вскрыл перед ним всю глубину материнской тревоги за сына, которую тщательно я скрывала до сих пор от него.

Вскоре Толя стал принимать сводку Совинформбюро, и «Андрей» впервые увидел крошечный Толин приемник, верно служивший долгое время.

Мы остались одни. Я рассказала «Андрею» о той боли, что испытывали мы, очутившиеся на захваченной врагом территории, узнавая про отдельные единицы, перешедших на сторону врага. С радостным волнением говорила о тех «трудовых пчелках», что всемерно помогают делу борьбы с врагом, не состоя в подпольных группах. Привела в пример людей, фамилий которых не знала, не видела их, через которых Люся доставала бумагу для подпольной типографии СПО. Рассказала ему о Вере Горемыкиной, простом скромном человеке с большим сердцем. О многом переговори мы с ним.

28 ноября 1943 года

«Андрей» видел и говорил с Верой. Я бесконечно рада, что он вынес от встречи с ней впечатление как о крепком человеке. Рада, что не ошиблась я в Вере, советую Толе привлечь ее к работе в СПО.

Разговор между Толей и «Андреем» шел вокруг того, что нужна явочная квартира на случай, если нужно будет кому-либо из командования придти из леса в город. Я высказала свою мысль, что для этой цели наш район самый подходящий, и Верина хатка отвечала всем запросам. Стояла почти на краю, лишь маленький садик отделял ее от поля. Вера — прекрасный, выдержанный товарищ. Обсудили мои слова всесторонне, и «Андрей» попросил пригласить Веру, которая вскоре и пришла.

Внимательно выслушала Вера слова «Андрея» и как тогда, когда заговорили с ней о типографии, спокойно произнесла:

— Хорошо.

Есть люди, которые одним словом раскрывают свой внутренний мир, такая и Вера. Слушая отзывы «Андрея» о Вере, я рассказала ему о семье и бытовых условиях ее, описала ее халупку с земляным полом.

Вскоре пришла связистка Надя, которая работала внутри города, выполняла поручения «Андрея». «Андрей» поручил ей вызвать на завтра О. по адресу Веры Горемыкиной.

Сразу я не остановилась на этом моменте, но потом вспыхнула молнией мысль: ведь эта квартира строго засекреченная. Договорились, что кроме «Андрея», Веры, Анатолия и меня, никто не должен знать о ней. Иду к «Андрею» и говорю ему о появившейся мысли.

— Вы правы, дружок. Я выпустил это из вида. Как же быть теперь? — с улыбкой, говорящей «а ну, как вы выйдете из этого положения?», говорил он, как бы проверяя меня.

— Предупредите Веру, что не должна отвечать на пароль, вот и всё.

Так и сделали. Вера была предупреждена.

Сегодня же «Андрей» познакомился с «Павликом» — Эликом Стауэром. Руководство СПО видело необходимость иметь регулярную связь с лесом через более короткие промежутки времени. Как-то Толя говорил Элику: «Обожди, у меня есть свои планы в отношении тебя». Его план заключался в том, что через Элика будет держаться постоянная связь СПО с лесом. Работа связного как нельзя лучше подходила к нему. В бытность свою пастухом он выработал в себе умение ориентироваться в местности, находить путь по звездам. Он закалился, стал выносливым, мог пройти большое расстояние без той усталости, что возможна у непривычного к большим переходам человека. Теперь через него будет осуществляться связь между лесом и городским подпольным центром. В помощь Элику выделены Яша и Виктор с Геннадием, которых я не знаю. На «встречу» с Гришей, связным от областного центра, Элик и Яша будут выходить от нас в 6 часов вечера, другие ребята от Веры, так как им неизвестен наш дом.

Установление регулярной связи окрылило Анатолия и его товарищей.

Побеседовав с Толей и Эликом, «Андрей» прочитал нам отрывки из своего письма, которое он приготовил в лес: «Нахожусь пока у Анатолия. Ребята хорошие, крепкие. Держу тесную связь с ними».

Сегодня «Андрей» пытался самостоятельно подделать себе паспорт, но получилось неудачно: слишком большое грязное пятно там, он смывал чернила.

29 ноября 1943 год

В глубоком раздумье провела я последнюю ночь. Что-то подсказывало мне, что совместная жизнь «Андрея» и Анатолия, — явление ненормальное. Наш дом — дом на вулкане. С одной стороны, такой дом не может служить безопасным убежищем «Андрею»: придут за одним, раскроют другого; с другой — работа «Андрея» требовала посещения его некоторыми товарищами, как это было ежедневно у «сапожника», по словам «Андрея». Будут приходить в дом, где работает подпольная типография. Долго мысли сменялись одна другой, укрепляя сознание, что нельзя «Андрею» и Толе жить в одном помещении, слишком большой риск для обоих. Риск, которого можно избежать без ущерба работе. Кроме этого возвращался немец, который занимал комнату раньше. В период нахождения его в нашем доме ничто не возбуждало у него относительно нас подозрения. Не возникнет ли оно теперь, когда увидит старика, живущего здесь, но которого он раньше не видел. Правда, мы договорились с «Андреем», что во всех случаях он — плотник, приготавливающий дедушке рамки для ульев. Решила поговорить с Толей, считая, что это серьезный вопрос, о котором нельзя умалчивать. И как только проснулся Анатолий, я высказала все, о чем передумала за ночь.

— Я уже думал об этом, хотел сегодня посоветоваться с ним, — ответил мне он.

Во время завтрака обсудили этот вопрос. «Андрей» и сам видел, что жить им в одном доме нельзя, что надо ему переходить на другую квартиру. К Вере ему переходить невозможно, хотя он и высказал эту мысль. У Веры никто никогда, кроме нас, не бывал, и появление у нее нового человека, безусловно, вызовет недоумение соседей, начнутся расспросы Вериного сынишки. У Веры одна крошечная комнатуха, и у Веры сын 8 лет. При обсуждении вопроса о квартире для представителя из леса решили, что на те дни Вера сынишку будет выводить в город к сестре. На долгий период это было невозможно. Кроме того, к «Андрею» будут ходить ежедневно товарищи, что и может броситься в глаза соседям, которые знали замкнутую

жизнь Веры. Предположение «Андрея» находится на нелегальном положении, т.е. скрываться в сарае у нас, было невозможно: облава может нагрянуть каждую минуту, когда обыскивают чердаки, сарай, погреба. И каждый прятавшийся, будь хотя это человек, скрывающийся от работы, — он партизан. И опять «Андрей» и Анатолий в одном доме. Нужно легальное существование, жить в доме, где можно находиться не скрываясь, быть прописанным, т.е. иметь в паспорте и домовую книгу все соответствующие пометки, хотя бы и фальшивые.

Стали с Толей перебирать в памяти людей, к которым без опасения может перейти «Андрей». Остановились на Л. Люди свои, во дворе, кроме них и старушки — хозяйки дома, никого нет. Двор огорожен высоким каменным забором, калитка всегда на запоре. Высказали свои соображения «Андрею», напомнили, что это те Л., одна из которых просила Толю переправить ее в лес, и на что «Андрей» не дал согласия, мотивируя свой отказ тем, что почему-то Л. до сих пор находилась в городе. Вкратце рассказала я ему биографию обеих Л., не скрывая ничего. «Андрей» должен хорошо знать тех, у кого, возможно, он будет находиться.

— Хорошо, дружок, я всецело полагаюсь на Вас.

Толя ушел. За Л. послали Люсю, чтобы немедленно пришла к нам. Остались с «Андреем» одни. О многом опять, как и в первый вечер, переговорами мы с ним. Говоря о предполагаемом переходе к Л., он указал, что то, что он будет у них жить, им зачтется партией как большая работа, что они приобретают политический капитал, что оправдается их вина, почему они остались здесь. Я объяснила причину, почему Л. не могла эвакуироваться, и что они будут руководствоваться лишь желанием помочь делу борьбы с врагом.

Вскоре пришла Е.Л.

Будучи беспартийной, я хотела оставить их вдвоем: должен произойти разговор между коммунистом, присланным партией возглавить партийное руководство патриотических групп, и коммунистом, находящимся эти годы в оккупации. Не скрывая, я высказала свое мнение «Андрею».

— Нет, нет, дружок, оставайтесь. Поговорим все сообща, — ответил мне он, после чего я села рядом с Л. на диван, а «Андрей» напротив нас за письменным столом Стефана.

Ответ «Андрея», старого коммуниста, молниеносно вызвал в памяти один момент и признал правоту моих слов, сказанных Толе.

Было первое заседание бюро СПО у нас в доме. Зная мои мысли и действия ребят, видя, что они признавали мои советы и часто обращались ко мне с тем или иным вопросом, я и на этот раз вошла в Толину комнату, намереваясь присесть возле них.

— Мама, ты извини, но сейчас бюро. Ты ведь беспартийная, — со смущенной улыбкой произнес Толя.

«Андрей» расспросил Л. о причинах, заставивших ее остаться в городе и о ее жизни здесь, обо всем. Сказал о цели вызова ее к нам.

С радостью, которой она не могла скрыть, согласилась Л. на предложение «Андрея» перейти к ним на квартиру. Она высказала те же соображения, что говорила и я об удобствах этой квартиры. Она предложила, чтобы не вызывать расспросов соседей, фiktивно «женить» для этой цели «Андрея» на хозяйке дома, а если та не согласится, то на ней, т.е. на Е.Л.

Л. ушла подготавливать в доме почву для перехода к ним «Андрея», сказав, что придет за ним сегодня или завтра. Много смеялась я над «Андреем», сбившем бороду и оставившего лишь небольшие усы — ведь он будет, возможно, «мужем» молодой женщины. Я привыкла за эти дни к «Андрею», обращалась с ним как со своим близким человеком, и мои шутки нисколько его не обижали, он лишь ухмылялся в ответ. Я даже срезала ему волосы на ушах, торчавшие пучками, как у настоящего «старика»-плотника.

— Ну знаете, Андрей Иванович, костюм ваш никак теперь не подходит к лицу. Борода, усы, весь ваш вид дополнялся костюмом, а теперь полнейшая оторванность — одно не соответствует другому, — смеясь, говорил вернувшийся из города Толя, рассматривая нового «старика».

Толя стал рассказывать новости, что слышал он в городе. Ходят слухи, что немцы выставили на ул. Кирова трупы немецких солдат, «замученных партизанами». Возле этих слухов растут новые, что это трупы партизан, которых немцы одели в немецкую форму, выдавая их за немцев и этим демонстрируя «зверства партизан».

— Я услышал поздно, не мог зайти проверить правильность слухов, есть ли этот факт на самом деле, — говорил Толя во время разговора вокруг этих слухов спора.

«Андрей» настаивал моментально набрать листовку, разоблачить трюк переодевания, что в действительности «жертвы партизан» являются жертвами озверелого врага. Толя и я придерживались

того мнения, что надо проверить, есть ли сам факт — выставлены ли те или иные трупы.

— Поймите, Андрей Иванович, население ждет правдивого слова, и оно получает его через листовки, присылаемые из леса, с Большой земли, выпускаемые здесь СПО. Листовка о трупах будет читаться ведь здесь. А вдруг этого факта нет. Где же наши правдивые слова, которыми живет народ. Надо проверить сначала. Писать только правду. Мы имеем перед глазами столько жуткой правды, что нам незачем прибегать к способу врага: писать то, чего нет. В том и сила советских листовок, что там правда. Я лично за то, что сообщать честно лишь то, что есть, и таких фактов бесчисленное множество, фактов, от которых чернеет сердце людей, — говорила я «Андрею», который стоял возбужденный возле стола, доказывая Анатолию, что с врагом, не стесняющимся с нами, нечего стесняться и нам.

— Листовки СПО пользуются большой любовью у населения. Их ждут. Мама права, мы будем сообщать лишь о том, что есть. Каждым словом листовка разоблачала и разоблачает лживость врага, его зверства. Кровь стынет, когда вспоминаешь хотя бы некоторые факты, рисующие лицо озверелых захватчиков. И мы говорим о них, скажем и об этом трюке, если он есть в действительности, — в свою очередь доказывал Анатолий, с глазами, в которых мелькало недоумение.

Сегодня к Вере приходила О., за которой вчера посылал «Андрей». Вера рассказывала с большим удивлением в глазах, как О. разыскивала «Андрея», о котором никто из непосвященных не должен знать, догадываться.

Не получив ответа на пароль и удивившись, она стала допытываться у Веры, есть ли у ней племянница с косичками Надя.

— Да нет у меня никакой племянницы, ни сестры.

— Странно. А старик Андрей не живет у вас?

— У меня есть старик-отец. Но его зовут Василий.

— А не знаете, где живет старик Андрей? Ведь вы Вера?

— Да откуда мне знать. Вон там живет Вера.

О. ушла, направляясь на розыски. Постояла в раздумье на дороге возле одного домика, но не вошла в него, потом пошла к другой Вере. Там начала тоже расспрашивать о «капусте и огурцах». Помому это неверно. Та Вера уже приходила к моей сестре, говорила,

что какая-то женщина настойчиво ищет капусту. Соседка, напротив которой стояла О. спрашивала меня, зачем приходила женщина, и почему она стояла посередине дороги, – говорила Вера, осуждая молчаливо О.

– Конечно, О. не должна была действовать так неосмотрительно, – говорил «Андрей».

30 ноября

С утра приходила Л. с сообщением, что все подготовлено к приему «Андрея». Хозяйка уступила комнату, выходящую в коридор Л., и которая совершенно изолирована от других. Это удобно во многих отношениях.

Днем Толя собрался уходить: нужно перебросить мины ребятам в город. Толя спокойно положил их во внутренние карманы пальто и вышел. Это увидел «Андрей» и бросился за ним к двери. Высунулся из нее, быстро, испуганно бросил остановившемуся возле порога Анатолию:

– Анатолий, вернись, тебе говорят, вернись! Да повлияйте же вы на него, Мария Павловна. Убедите, что не должен он сам приносить мины, – обращаясь уже ко мне, но продолжая стоять еще на пороге, говорил «Андрей», и вновь, оборачиваясь с вытянутой вперед рукой, бросил. – О тебе говорят, вернись.

– Ничего, Андрей Иванович, авось пронесет, – и с этими словами Толя повернулся и ушел, оставив меня во власти возмущенного «Андрея».

– Это безобразие. Нести самому мины в город. Он забывает, что он руководитель СПО, – говорил «Андрей», шагая по столовой.

Видела я, что он рассержен, что он ругает Анатолия, но по глазам и по появляющейся нет-нет улыбке видела, что наряду с гневом у него гордость за ребят из СПО.

– Андрей Иванович, голубчик, вы думаете, у меня нет страха за него? Я только стараюсь не выказывать никому, а особенно Толе: пусть будет спокоен от мысли, что мама боится, тревожится. Говорила я с ним на эту тему, и ребята, оберегая его, говорили не раз, что он не должен рисковать собой. И знаете, что он мне ответил?

«С детства мы слышали в школе, на сборах слова: личный пример. Я не могу только руководить, я должен быть с ребятами», – передала я слова Анатолия, сказанные мне однажды.

Андрей стал собираться на новую квартиру. Достал зашитые в пиджак записки, просмотрел их, дополнял новыми записями, и вновь зашил. Я, смеясь, говорила, что первое прикосновение к нему немца разоблачит его: зашуршат зашитые бумажки.

– Нельзя, дружок, это испытанный способ. Молодежь не остерегается, а мы старики – народ ученый. Вот шли мы сюда. Гриша и Женя в кошелках несли куски парашюта, не потрудились спороть даже тесьму. На что это похоже? А ведь по этим кускам сразу можно догадаться, что человек из леса. Я-то успел, еще в лесу всю спорол, – говорил «Андрей» в ответ на мой смех по поводу уймы зашитых бумажек.

Вечером пришла Л. и отвела «Андрея» к себе.

Анатолий предупредил «Андрея», что никому не будем говорить, куда он перешел. Его дело – дать или не дать «явку», когда узнает, кто его спрашивает.

– А знаешь, мама, самолет Ю-52, куда одному из ребят удалось заложить мину, не вернулся обратно. Ребята через немецких летчиков узнали, что он взорвался в воздухе «по неизвестной причине». Вообще, все операции проходят удачно, наводят панику на врага и приносят ему вред. В результате последнего взрыва на ж/д станции уничтожено 3 вагона с горючим, повреждено много вагонов, разрушены железнодорожные мастерские. Это Петина работа. Жаль, что ты не можешь их всех видеть. Замечательные ребята, – рассказывал мне Толя о товарищах.

– Петя всегда начинает заикаться, когда волнуется. Теперь ему приходится работать под открытым небом – мастерские разрушены. Ругает немцев на чем свет стоит: «Не будь их, гадов, не была бы разрушена мастерская, не пришлось бы стоять под дождем», – заикаясь, говорил он нам, в ярости забывая, что не только за это ненавидит он врага.

1 декабря

Приходил сегодня утром «сапожник». Я находилась в столовой. В открытую на кухню дверь был виден Анатолий, с веселым свистом натягивавший сапоги: должен был идти к Борису договориться относительно оформления документов «старика», как продолжает называть «Андрея» Толя. Вдруг свист прервался на незаконченной

мелодии. Оборачиваюсь и вижу широко раскрытые глаза Анатолия, смотрящего с большим недоумением в сторону окна. Пока подошла к нему, открылась из коридора дверь, и вошел высокий человек с палкой в руках. Я растерялась. Это было неожиданно, собака не лаяла, не предупреждала о приходе незнакомого.

— «Старик» у вас? — спросил он Толю, вид которого показывал, что он не пришел еще в себя от изумления.

— Как же так, он сказал, что пошел к «Косте», когда уходил от меня, — продолжал он, узнав, что «старика» у нас нет.

— Да, он жил у нас, и вчера перешел на другую квартиру, но куда — не знаю. Явки у меня еще нет, — отвечал ему Толя.

Во время разговора я разглядела незнакомца. Высокий, смуглый, лицо со следами будто редкой оспы, пронизывающие темные глаза.

— Я вас очень прошу, О.Ф., больше не приходите ко мне. За вашей квартирой могут следить в связи с провалом той организации. Может случиться, что по вашим следам попадут и ко мне, — закончил разговор Анатолий, после чего незнакомец, попрощавшись, ушел.

— Кто это? — встревоженная новым лицом и видом Анатолия, спросила я.

— Это и есть «сапожник». И зачем он пришел? Никто не знал, где я живу, из тех, кто не бывает у меня в доме, — задумчиво произнес он, встревоженный приходом «сапожника».

Декабря 1943 года

Арестован Борис. Стояло прохладное серое утро. Я готовила завтрак — пекла лепешки. Толя сидел тут же на стуле возле печки, уничтожая их и весело рассказывая, как В.Д., его соученик, при встрече с ним рассказывал о взрыве по Витакской.

— Понимаешь, как ловко работают. Подошла машина, выскочило человек 20 партизан, убили часового, сторожа связали, в горячее бросили гранаты. Сгорело много горючего, уничтожено несколько машин, — передавал Толя, смеясь и жуя горячие лепешки.

— А представляешь, мама, его лицо, если бы он узнал, что взрыв произведен нами и не в количестве 20 человек, а лишь троим: я, Элик и Женья, — продолжал он, заразительно заливаясь смехом.

Неожиданно пришел Женья. Его приход говорил о чем-то необычном: Женья не должен был приходить сегодня. Что заставило его придти утром?

Анатолий стоял уже около стола, Женья спиной прислонился к подоконнику, напротив Толи.

— Сегодня забрали сестер Т., приходили за Ш., — услышали мы от Жени, говорившего слова так, как будто он не верил тому, что говорил.

— Борис? — рывком, впиваясь в Женю глазами, стремясь по глазам прочитать ответ раньше слов, спросил Анатолий.

— Я заходил к нему. На двери замок, матери Бориса не видел. Соседей не стал спрашивать.

— Мама, я ухожу. Надо выяснить, что с Борисом, — быстро проговорил Толя, оделся и ушел с Женей.

Все произошло так молниеносно, что я не успела напомнить об осторожности, что не исключена возможность засады в случае ареста Бориса.

Через час вернулся Анатолий.

Устало спустившись на стул, на котором он так заразительно смеялся час-полтора тому назад, с болью в глазах за товарища-друга, он произнес:

— Борис арестован.

Не стала расспрашивать. Пусть соберется с мыслями, в короткий миг передумает о многом.

Минуты через 2–3 он заговорил.

— Как видно, приехали одновременно за Трофименко и Борисом. Лиды не было дома, ушла на работу. Взяли ее сестер. Ее и Шуру удалось предупредить: гестаповцы уже не застали их на работе. За Борисом приехали, когда он был еще в кровати. Обыск произвели поверхностный, ничего не нашли, лишь взяли какую-то книгу в красном переплете. Неужели о красnodонцах? В статуетке лежал его комсомольский билет, который гестаповцы, к счастью, не увидели. Софью Васильевну не тронули.

То, что обыск был поверхностный и не тронули С.В., что не было засады, — дает надежду, что веских улик, обвинений у них нет. В других группах пока спокойно. На всякий случай я сейчас ухожу, домой ночевать не приду. Если будет необходимость, встретимся у

тети Веры. В Борисе я уверен, что он никого и ничего не выдаст, но не зная причины ареста, необходимо срочно принять нужные меры: вывести ребят, которых по прежней работе отдельными группками знала группа Трофименко. Пожалуй, придется перебазировать типографию. Деда предупреди, пусть в другое место спрячет приемник, — закончил Толя твердым голосом, решительно вставая со стула, всем своим видом говоря, что даже потеря товарища не приостановит ни на минуту борьбы с врагом, не внесет растерянности в ряды членов СПО.

И он ушел. Осталась я одна с щемящей тоской за того, кто попал в застенки гестапо, и с тревогой за остальных.

Предупредила дедушку, бабушку, Люсю и Веру об аресте Бориса. Передала наказ деду перепрятать приемник. Мысли у всех попутались. Слова «Борис арестован» заслонили всё. Никто не высказывал даже намек на то, что Боря может выдать кого-либо. Думалось лишь о том, какие пытки придется ему претерпеть, если гестапо напало на след организации и будут стремиться от Бори добиться признания. Вставал перед глазами Борис, каким я знала его раньше, теперь.

Однажды нужно было доставить домой забазированный в поле тол. Ребята ушли, Борис остался дома, к его большому огорчению. Он не был многословным, но лицо всегда ярко выражало его мысли. Так и тогда по лицу читалось его желание быть там, вместе с товарищами.

Мы разговорились.

«Так вот ты каков», — промелькнуло у меня в голове в конце беседы. Застенчивый, часто краснеющий от смущения Борис становился неузнаваемым, когда беседа шла наедине. Слова лились свободно, шли в определенной последовательности. Он рассказал о сокровенной мечте стать коммунистом.

— В эти годы я хорошо изучил программу ВКП(б), — говорил он горящими глазами. — После войны буду учиться. А там буду летать, «чтоб сказку сделать былью».

Вернувшиеся Анатолий и Женя прервали нашу беседу.

И вот сегодня нет Бориса.

9 декабря

Анатолий не ночевал дома. Длинную зимнюю ночь провела я во власти гнетущей тоски. Мысли перескакивали с ребят на Бориса, с Бориса на ребят, и так всю ночь. Остановится ли арест на тех, кого схватили, или распространится дальше, — вот основная дума, что порождала тревогу. А может, уже имеются новые жертвы.

С приходом «Павлика» к тете Вере, узнала, что новых арестов нет. Все, кому мог угрожать арест, не ночевали дома. Вечером Анатолий, Элик, он же теперь «Павлик», Женя ушли в лес. С ними ушли Лидя, Шура, Зоя.

Время шло медленно. Вот и сумерки.

— Толик пришел, — сообщила Вера.

Сердце тревожно забилося. Пошла к старикам и поставила их в известность об уходе в лес Анатолия, просила не тревожиться.

— Мы пойдем простимся с ним, — умоляюще произнесла бабушка.

— Нельзя, мама. Ты не ходишь к Вере. Покажется странным, что ты идешь туда в поздний час. Пойми, что Верин дом должен быть вне всякого подозрения, — уговаривала я ее.

— Ну, возле твоего дома постою, посмотрю на него, когда он выйдет от Веры, — продолжала умолять она.

Могла ли я лишиться ее возможности видеть внука, хотя бы издали, глядя на ее скорбные, умоляющие глаза, на ее выбившиеся белые пряди волос, сама объятая такими же мыслями, что и она.

Вера караулила у себя во дворе. Толя находился в хатке и, стоя возле стола спиной к двери, заряжал револьвер.

— Ничего, мама, — произнес он, обернувшись и увидев меня, — девочек выводим. На их след не напали. Долго в лесу не буду. Надо будет принять меры, чтобы отвлечь подозрение от Бориса. За типографией придут к тете Вере. Пароль я сказал. «Старик» беспокоится, что Борис знает его квартиру, бывал у него. Но я уверен, что Боря не скажет ничего, — говорил Толя, положив револьвер в карман и укладывая в мешок приготовленные в дороге вещи.

Пришел Элик.

— Все собрались. Ждем тебя. Лидя и Шура прохаживаются по Дорожной. Возле нашего дома стоит бабушка.

— А ты подходил к ней? Девочки знают, что это наш дом? — быстрым шепотом спросила я «Павлика».

— Подходил, но без девочек: ни Лиды, ни Шуры не знают, кто стоял и чей дом.

— Мама, а почему бабушка стоит? Что случилось? — настороженно глядя в упор на меня, спросил Толя.

Объяснила ему желание бабушки посмотреть, хотя бы издали на него.

— Попроси ее не волноваться. Поцелуй всех за меня, — улыбнувшись, заметил Толя.

— А почему ты не вывел сразу девочек в ров? Зачем они ходят по улице? Остались минуты до запретного времени. Сейчас же, «Павлик», веди их туда. К бабушке больше не подходи, — говорил он спокойно Элику, стоявшему возле двери — пройти было некуда, настолько мала Верина хатка.

«Павлик», объяснив причину задержки, ушел выводить девочек в ров.

— Ну, иду, мама, — засовывая неторопливыми движениями гранаты в карманы, промолвил Толя, пристально взглянув на меня.

Слов не было больше сказано, но из глаз струилась безмолвная просьба крепиться, верить, что все будет в порядке. Крепкое рукопожатие, которым обменялась я с сыном, было ответом на его немую просьбу.

Попрощавшись с Верой и ее отцом-стариком, молча смотревшим на всё, что происходило в их хатке, Толя ушел туда, где ждали его товарищи.

Мужеством и спокойной уверенностью дышала фигура его. Одетый в черный ватный бушлат, меховую шапку, сапоги, он казался намного старше своих лет. В его движениях не было суетливости, они были проникнуты верой в свои силы, уверенностью в своих действиях.

— Павловна, я вижу, что тебе нелегко. А ты крепись, уповай на бога, что сохранит он тебе сына и всех, кто с ним. Они творят святое дело. Настали дни, когда мать тайком из чужого дома провожает своего ребенка... России, Павловна, таких никому не победить. И в Библии сказано, что люди с запада будут побеждены, — так говорил 80-летний отец Веры Горемыкиной, никогда ни о чем не спрашивающий ни Веру, ни ребят.

— Я помолюсь за него и за всех, кто с ним. А ты верь, верь крепко, что все будет хорошо, что будут они живы.

С этими словами старик поднялся с лежанки, на которой лежал целыми днями, и подошел к углу, где у него лежала гора его книг. Раскрыв одну из них, он стал читать.

Глубокая вера была у старика в то, что он читал: слезы текли из глаз по его морщинистому лицу.

— Верь, Павловна, — проникновенным голосом промолвил он и направился слабой старческой походкой к своей лежанке.

Я вернулась домой. Возле дома по-прежнему стояла бабушка. В наступившей темноте трудно было разглядеть ее лицо, но по голосу было понятно, что она плачет.

— Не надо плакать. Сейчас безопаснее ему находиться вне дома. И он попросил не волноваться. Надо привыкнуть, мама, что опасность подстерегает на каждом шагу, но будем верить, надеяться, что все будет хорошо, — говорила я маме, провожая ее домой.

12 декабря

Сегодня я услышала вопрос, которого я ждала с трепетом каждую минуту с 8 декабря.

В доме жил немец, тот, что должен был приехать, когда у нас находился «Андрей». Рано или поздно он должен был обратить внимание на отсутствие Толи. Я подготовила себя к этому, и все же его вопрос обдал меня жаром, мне казалось, что дыхание выходит горячей струей, обжигает мне рот.

— Мутер, где Толер? — спросил меня немец только сегодня, пристально глядя на меня, словно желая прочесть на лице впечатление от своего вопроса.

Я прижалась к плите, возле которой стояла, чтобы удержать вспыхнувшую в ногах дрожь, усилием воли заставила себя окаменеть.

— Толя? А помните, к нему приходил товарищ пастух Пауль, блондин. Заболел его камрад по работе, шеф сказал, что можно на время заменить заболевшего другим из города. Я долго ссорилась с Толей, не хотела его отпускать, но когда Пауль сказал, что за работу шеф выдаст барашка, я согласилась. Ведь скоро рождество, и у меня теперь будет мясо, — спокойно, с улыбкой говорила я немцу, у которого с моими словами сползло то выжидающее выражение, с которым он смотрел перед этим на меня.

— А когда он вернется? — продолжил он расспросы.

— Вероятно, завтра-послезавтра. Я беспокоюсь, что Толя может простудиться, но мясо, подумайте, на рождество в доме будет мясо, — зажмурив глаза от якобы предстоящего удовольствия полакомиться мясом, закончила я.

Немец удовлетворен. Он достал пару сигарет и подал их мне для Толи. Возьму, немец, возьму. Я должна их взять, чтобы быть вне подозрения.

Закончился наш разговор моими заверениями, что я счастлива, что мой мальчик нравится ему. А если бы он знал, где сейчас Толя?..

Я благодарила случай, толкнувший меня сказать немцу при виде «Павлика», разговаривающего с Толей за столом, что это Толин товарищ, что он работает пастухом, что ему очень хотелось учиться, но война... Элик остался тогда немного недоволен моими словами.

— Зачем вы сказали. Он будет смеяться, что я пастух, — смущенно краснея, говорил он.

— Ну, и что. Зато когда-нибудь, может, поймет, что хотели они сделать с нашим народом, если заставляли быть пастухами тех, кто мечтал о высшей школе.

Чем могла я объяснить длительное отсутствие Толи, не зная немец «Павлика»? Получилось вполне правдоподобное объяснение.

Типографию вынесли от Веры двое ребят, пришедших к ней с паролем от Толи.

— Хорошие ребята. Особенно высокий. Я не могу описать, но знаю, что и Вам, Мария Павловна, понравился бы. Хорошие глаза у него, — говорила Вера после того, как вынесли типографию.

14 декабря

На рассвете вернулся Толя. Сначала я зашла к Вере. Узнав от нее, что в доме все благополучно, что немцу сказали, что он «пас барашек», Толя пришел домой, Элик остался у Веры.

— Ничего не слышно о Борисе? — были первые слова, произнесенные шепотом, как только перешагнул он порог.

Отрицательно качая головой, показала, чтобы он шёл в свою комнату, не раздеваясь: рядом в комнате немец, который не должен знать, в каком часу вернулся Анатолий — ходить еще запрещалось в этот предрассветный час.

— О Борисе ничего не слышно. Ко мне приходили только С. и

Женя. Женя был расстроен, что не смог пройти ко рву к назначенному часу. Вышел на полчаса позже, Вас не застал, сюда ночевать опасался идти, переночевал во рву. Утром пришел ко мне, говорил, что до твоего прихода дома не будет находиться, — рассказывала я Толе.

— Женя не один, кто не смог выйти в лес. Я тебе уже говорил, что Зоя совсем больная девушка. Из города Яша ее довел кое-как до первого ряда. До второго дошла с трудом, а дальше ни шагу. Посоветовались, — она осталась во рву, а мы пошли дальше.

В штабе обсудили вопрос о моем возвращении в город. Седьмого и восьмого не приезжали за мной. Следовательно, нитей ко мне нет. За Бориса я ручаюсь, остальные не знают ни моей фамилии, ни где я живу. Решил возвратиться скорей в город, чтобы мероприятиями по борьбе с врагом отвлечь подозрения от Бориса, как я уже тебе говорил в день ухода в лес, — рассказывал в свою очередь мне Толя.

Тихо разделся и, не умываясь, чтобы не поднимать шума, лег спать.

Было рано, в доме стояла тишина. Спать не хотелось. При виде уснувшего Толи болезненно промелькнула мысль, а что думает сейчас Борис, что с ним в эту минуту. И тут же мысль перескочила на недавние дни, когда Боря был в последний раз в доме у нас.

Далекие от предчувствия, что надвигалась смертельная опасность для одного из них, что остальные будут томиться бессилием вырвать его из рук озверелого врага и испытают глубокую муку потери товарища-друга, они 5-го декабря весело смеялись над Васей, вернее, над его усами, которые он запустил для «конспирации» и с которыми выглядел очень комично: не подходили усы к его невысокой подвижной юношеской фигуре.

— Пойми, Василек, что они и выдадут тебя любому. Уж очень ты приметен с твоими усами, — говорила я, смеясь, лишь разговор переходил на тему об усах.

Диверсия 4 декабря, которую совершил Вася вместе с Вовой Е. и Вовой Л. на железной дороге, заставила его сбрить знаменитые усы, любовно им выращенные.

— Хорошо, что я захватил маску. Лишь узнал, что сторожем в тот момент будет человек, который часто меня встречал, сразу натянул ее. А пришел домой, первое, что сделал — сбрил усы, — смеясь не менее заразительно, чем остальные, говорил Вася.

— Сторожа предупредили после того, как связанного посадили в стороне от водоканализации. Если узнаем, что при допросе начнет описывать нашу наружность, — не останется в живых ни одного часа. Думаю, что будет описывать иным наш вид, чем на самом деле, — добавил он, рассказывая нам ход операции.

Развернувшаяся диверсионная работа, организация регулярной, через каждые четыре дня на пятый, связи с лесом вселили в них бодрость, уверенность в свои силы. Их вид говорил, что теперь никакая сила не лишит их возможности бороться с ненавистным врагом. Разные по наружности, темпераменту, они сливались в одно при разговоре о враге и обсуждении мероприятий, направленных против него.

Борис был скуп на слова, но в немногих словах он раскрывал неисчерпаемую глубину ненависти к захватчикам.

— Слово «немец» звучит как смерть, уничтожение всего живущего на свете. От этого слова тянутся невидимые тебе щупальца, готовые схватить, обвить в любую минуту. Каждая наша диверсия бьет эти щупальца. Они в смертельной судороге пытаются дотянуться до нас, но им не удастся! — говорил Боря, не зная, не предчувствуя, что это последняя встреча.

— А как я рад, М.П., что закончил оформление документов «старика». Ведь я сидел у него целыми днями над работой, которая мне органически противна. Лишь сознание, что это делается во имя борьбы, давало удовлетворение при виде выплывающих из-под твоей руки печатей, подписей, штампов, — делился Боря своей радостью, что пока ему не нужно будет сидеть над постылой работой.

И вот Бори уже нет. Дотянулись до него щупальца, и не было возможности отрубить их, освободить от них Боря.

Оторвавшись от тяжелых дум, я вышла на кухню, куда минут через двадцать вышел и немец.

— Толер сегодня придет?

— Он только что вернулся, устал. Непривычная работа показалаась трудной. Барашки разбегались постоянно у него. Доволен, что комрад поправился, и он смог вернуться пораньше домой. Уснул, как убитый, — рассказывала я немцу со спокойным лицом, не выражающим тех настоящих чувств, которые таились во мне.

Днем Толя уходил в город. Вернувшись, сказал, что Женя завтра уходит в лес. Узнал, что Зоя, переночевав с 8-го на 9-е во рву, вернулась благополучно утром в город, где находится пока в одном доме.

15 декабря 1943 года

«Нас много, а Вы одна».

У меня до сих пор был один сын, который с детства привык делиться со мной радостью, горем, всем, чем был полон в тот или иной момент. Сейчас их несколько у меня. Они не называют меня, как Толя, но отношение их ко мне ничем не отличается от Толиного.

Хорошо переживать вместе с ними радость, надежду, строить планы на будущее. Но, к сожалению, все они, кроме радости, несут тревогу и страх за себя.

Проводила в лес еще одного сына — Женю. Ему небезопасно оставаться в городе. Не видела его с 9 декабря. Сегодня около шести вечера он пришел попрощаться со мной.

— Вы очень изменились, М.П., что с вами, больны? — вместо приветствия начал Женя.

— А Боря? Он не выходит у меня из головы. Разве могу спокойно я думать о нем, — с болью вырвалось у меня.

Эти дни никто не спрашивал меня о причине резкого изменения за неделю, и Женины слова растревожили незакрывшуюся рану, больно напомнили о том, что случилось седьмого декабря. Я заплакала, не смогла сдержать слез. Это была реакция, вызванная словами Жени.

— М.П., ведь нас много, а вы одна, — говорил Женя, присаживаясь на один стул со мной и обхватывая меня рукой, — надолго ли хватит сил, если вы будете переживать так за каждого, — просящим тоном продолжал он.

— Ничего, Женя. Это нервы, мальчик. Сознаю, что плохой пример подаю, не сумев удержать своих слез, но ты уж извини. А вот как ты в своей шапочке пойдешь в такой мороз? — переходя на другую тему, спросила я его. — Так легко и уши отморозить. Обожди, у меня осталась, кажется, еще одна теплая шапка, её и наденешь. А этот узелок возьмешь тоже с собой, там продукты для тебя.

Надев черную меховую шапку, в которой Толя когда-то ходил в школу, Женя стал прощаться, предварительно несколько раз поблагодарив меня «за все, за все», как он выразился.

После того, как я несколько раз поцеловала его, пожелав ему счастливого пути, Женя с милой детской улыбкой, так присущей ему, тихо произнес.

— М.П., вы точно мама меня провожаете.

— Вот и хорошо, милый, что, находясь далеко от мамы, ты смог почувствовать материнскую ласку, любовь. Я рада, что хоть частично смогла заменить ее тебе, — сдерживая волнение, улыбаясь, ответила я. Вновь поцеловав меня, Женя быстро вышел из дома.

«Нас много, а Вы одна», — вспыхнули в памяти его слова. Да, их много, и все они различны по характеру, но любовь к Родине и ненависть к врагу делали их похожими друг на друга.

23 декабря

Сегодня приходила С.В. Хохлова. Нет слов, чтобы описать, как изменилась она с того раза, как я видела ее у себя в начале октября, когда Толя уходил в лес. От нее осталась одна лишь тень. У ней нет слез, которые облегчили бы ее горе. Она, как и я, таит его в себе молча.

Прошло две недели после ареста Бориса. Ничего подозрительного вокруг себя она не замечала.

— Как видно, Бореньку взяли не по делу организации, иначе за мной уже приходили бы. Но если ты, Толечка, услышишь что, уведи меня сразу в лес. Я боюсь, что под пытками я проговорюсь, — говорила она, думая о безысходной печали о тех, кто шел вместе с ее сыном, и кого судьба пока еще хранила от участи попасться в лапы врага. В горе своем она не забывала того, во имя чего ее сын шел по пути, который грозил ежеминутно опасностью и ему, и его товарищам.

— Два раза тебя спрашивал В. Он не знает ни твоей фамилии, ни где ты живешь. Тот, с которым тебя познакомил Боренька. Он говорил, что остался без связи после ареста Бори. И очень хотел тебя видеть, — говорила СВ Толе, как бы продолжая работу Бориса.

— Я буду иногда приходить к Вам, ведь Боренька часто бывал здесь, Вы говорили с ним, знали все его мысли. Буду следить, присматриваться, не идет ли за мной кто, чтобы не привести кого к вам, — говорила она, устремляя на меня глаза полные молчаливой и неизмеримой тоски.

Проводив её, я попала под влияние тоски, читавшейся в глазах С.В. Кто скажет, что несет мне сегодня, что ждет меня завтра?

«Верь крепко, что будут живы», — пришли на помощь слова престарелого старика, отца Веры Горемыкиной. Сколько раз убеждала себя, что должна до последнего дыхания верить лишь в то, что судьба не будет безжалостной, что сохранит всех их. Усилием воли взяла себя в руки, переключила мысли. Заглушала в себе вспыхнувшие вновь мысли и представляла, что произойдет послезавтра ночью, как вернутся с операции «мои сыновья», которые сейчас заняты подготовкой к диверсии в с/х «Красный», где находятся склады противника с боеприпасами. Я уже не думала иначе, мыслила, что вернутся живыми, гордые сознанием выполнения намеченной цели.

Послезавтра у немцев рождество. Они получают подарок от СПО в этот день.

11-го фрицы ездили на машинах в лес за елками. Их сборы говорили о том, что фрицам хорошо известно, кто является настоящим хозяином леса. Накануне немец, что находился в доме, ходил темнее тучи с видом обреченного. Вечером сел писать письма. Я спросила, что, вероятно, он едет на фронт? Фриц безнадежно махнув рукой, ответил:

— Очень плохо, хуже, чем фронт.

До рассвета я услышала осторожные шаги на кухне. Вышла и увидела его в маскировочном зимнем плаще — зелёном с белым — увешанного оружием. От него несло водкой, которую им выдали с вечера, как перед отправкой на фронт. Вернулись они сегодня под вечер с так называемыми елками — жалкими деревцами, что росли на опушке леса, и ветками. Пройти вглубь «непобедимые» побоялись — там страшные для них партизаны.

Мой рассказ ребятам о сборах немца сопровождался взрывами смеха.

— Оказывается, они чувствуют себя хуже, отправляясь в лес, вернее, на опушку его, нежели мы, — с обычным юмором говорил Вася.

— А посмотреть на него, если бы он увидел нас, кого он считает «мирными жителями», в лесу с автоматами, — бросил Элик.

— Чего в лес ходить? Ночью вернуться с операции, да и показаться ему с «пистолями», — перебил его Вова.

— Они знают, что дает им приказ о расстреле 50 русских за одного убитого немца. Не один десяток был бы уничтожен, не будь этого приказа, — с сожалением говорил Анатолий.

Попутно рассказала ребятам, как этот же немец испугался Шуркиного игрушечного нагана.

Надо было сшить кобуру кому-то из ребят. Выработанная за эти годы осторожность подсказала, что надо создать такую обстановку, чтобы наличие кобуры в доме не послужило уликой на тот случай, если она обнаружится. Для этой цели и принесла я Шури «наган», видом очень похожий на настоящий. Сидела на кухне, рядом на столе лежал «наган». Услыхала шаги немца и увидела его входящим на кухню. Поднялась и молча протянула «наган», направленный дулом на него. Он опешил. Короткий миг я упивалась его испуганно-растерянным видом. Затем, как бы не замечая его вида, спокойно сказала, что маленький племянник просит сшить «сумку», а я не умею. Пришел в себя немец, захохотал, стал объяснять, как надо шить. А я, «внимательно» слушая его, в душе ликовала, я видела его страх при виде руки, державшей «наган», хотя и игрушечный.

Хохотали ребята, когда я мимикой изобразила страх и растерянность фрица.

— А ты расскажи Вове, он не знает, как ты у этого немца копировала «секретные» бумаги, — с лукавой усмешкой бросил Анатолий. Пришлось рассказать и еще раз покраснеть за свою техническую безграмотность, над которой вволю потешались Вася и Элик вместе с Анатолием.

Однажды немец оставил в доме полевую сумку. В доме никого, кроме меня, не было. Обрадовалась возможности достать какой-либо документ. Быстрыми нервными движениями доставала и рассматривала бумаги, находящиеся там, прислушиваясь, нет ли шагов. Увидела тетрадный лист, исписанный симметрично столбиками точек, тире, точек. Напряженно, охваченная нетерпением скорей переписать и страхом перед возвращением немца, судорожно скопировала точь-точь, как изображены там все эти черточки, точки. Сделала. Сумка на месте. Иду с радостным возбуждением ребят: авось расшифруют, возможно, это важный документ.

Пришли Элик и Толя. Поспешно объяснила и протянула копию того, что удалось обнаружить. С напряжением смотрела на их лица... и вдруг оглушительный хохот наполнил кухню.

— Мама, — давясь смехом, приседая на стул, бросил Анатолий, — да ведь это азбука Морзе...

Элик громко не может смеяться, и тихое «кудахтанье», как ребята называют его смех, вызвало у него слезы: говорить он не мог...

Вова, услышав мой рассказ, смеялся не менее их.

Мои слова, что в поспешности выпустила из виду азбуку, ни к чему не приводили — ребята продолжали «восхищаться» моей находкой.

29 декабря

Последние дни 1943 года стояла в доме небывалая суета. Но не предпраздничная суета довоенного времени, а суета обычная: в доме набиралась и печаталась новогодняя листовка, готовились подарки в лес, шли шумные разговоры вокруг рождественского подарка фрицам и готовящегося новогоднего.

Отсутствие немца в квартире, уехавшего 27-го в отпуск, позволяло свободнее держать себя в доме.

Ребята готовились к налету на радиоузел, чтобы через микрофон поздравить население Крыма с наступающим Новым годом, годом победы Красной Армии. Тщательно была изучена обстановка: узнали о численности работников, присутствующих во время радиовещания в поздний час, расположение охраны, окружение немцев в районе узла. Но в итоге штабом им было запрещено проводить эту операцию, так как грозило колоссальным риском для жизни юным патриотам. Они были огорчены: пропало время, затраченное на подготовку, сорвалась операция, к которой они так стремились.

Решили сегодня с вечера набрать, а ночью отпечатать листовку, так как завтра Анатолий идет с Эликом в лес. 31-го ребята распространят ее по городу. Типография работала не в прежнем составе: нет Бориса, нет Жени.

— Не могу примириться с мыслью, что нет Бориса. С Женей другое дело: я знаю, что через некоторый промежуток времени он вернется, — задумчиво глядя на наборную кассу, говорил Анатолий.

Работа шла медленнее, чем обычно: у «новичков» не было навыков, не было той сноровки, что выработалась у «квалифицированных» Бориса и Жени. Те могли безошибочно, не смотря на кассу, брать любую нужную букву, умели обращаться с любым предметом оборудования типографии. На отделения с шрифтом наклеила не-

крупную разрезную азбуку, что обычно вкладывается в буквари, чтобы облегчить работу новичков. Толя благодарно улыбнулся, увидев, к какой работе я приступила, чтобы ускорить набор.

— А помнишь, мама, нашу первую работу. Я не забуду нашего радостного возбуждения, когда мы увидели первые набранные слова «дорогие товарищи». Борис вытирал капельки пота, выступившие на лбу, а и Женя отталкивали его со словами: «хватит тебе, дай теперь мы попробуем». Овладел версткой сначала я после Бори, потом Женя, потом опять Боря... Она у нас была одна, не то, что теперь. Оформление листовок желало много лучшего: буквы лезли одна на другую, строки неровные. Но она казалась нам красавицей, — говорил Толя, переносясь мысленно к началу июля.

Он видел перед собой тех, с кем работал тогда.

— Я смотрю на ребят и вижу, что они спокойно набирают. Они привыкли к мысли, что типография есть и работает, а мы с волнующей радостью впервые видели, что наша мечта стала явью... что в руках держим первый оттиск листовки, выпущенной нашей типографией, — немного погодя продолжал он, не в состоянии освободиться от воспоминаний первого дня работы подпольной типографии.

— А я не забуду дня, когда я пришел впервые к тебе с тетей Верой. Ты знаешь, я всю ночь пролежал с открытыми глазами, от радости, что мне удалось встретиться с тобой и что я буду работать. Я вспоминал каждое слово, что ты говорил мне, — вспомнил Яша, поднимая голову от верстки и смотря на Толю с теплой ласковой улыбкой.

— Ну, друзья, если начнете вспоминать счастливые минуты, то боюсь, что к утру не сможете набрать, не то что отпечатать, — произнесла я, охлаждая их пыл воспоминаний.

Некоторое время работа шла молча, лишь изредка раздавались вопросы, касающиеся техники работы. Наклеенная азбука помогла ребятам: они уже не водили пальцами по клеточкам кассы в поисках той или иной буквы.

В этот вечер я узнала подробности диверсии в совхозе «Красный» — рождественского подарка фрицам. Взрывы я видела в ту же ночь через окно, подробности услышала лишь сегодня.

— Стали минировать. Вова Е. в одном месте, Борис Е. в другом. Заминировали. Надо уходить. К яме со штабелями снарядов, в кото-

рой сидел Вова, подошел часовой — ему показалось что-то там подозрительным. Опустил штык в яму, касаясь почти Вовы. По словам Вовы, он ощущал «запах» штыка. В первую минуту у него было желание выстрелить в часового, но сдержал порыв и стал выжидать, затаив дыхание. Мелькала мысль, не закашлял бы Борис. Часовой, не обнаружив ничего подозрительного, пошел дальше, а Вова, выждав момент, выскочил из ямы и стал отходить.

— С Борисом и на этот раз приключилась «история». На территории склада Вова чуть кашлянул. И, о ужас, слышит громкий кашель Бориса. Вова шипит на него, а он в ответ: «Тебе можно, а мне нельзя?». К счастью, часовой находился далеко от этого места, — рассказывал нам Вася.

Я представила картину, чем могло кончиться, не сдержав Вова порыва выстрелить в часового: поднялась бы тревога, и неизвестно, удалось бы им уйти благополучно. Кашель Бориса тоже мог повлечь за собой нежелательные последствия.

— Вот вам лишнее доказательство, что значит выдержка, умение сдерживать себя в нужный момент. О Борисе я много уже слышала от Вас. Таким ребятам мы, учителя, поручали в школе какую-либо ответственную работу. Так и вы попробуйте. Поручите ему выполнение задания, которое имело бы большое значение для организации, чтобы Борис понял, какое доверие сказано ему, «бесшабашному» Борису, как я слышу, вы называете его. Из ваших слов видно, что он хороший смелый парень, только страдает отсутствием внутренней дисциплины. Вот и помогите ему ликвидировать этот недостаток, — говорила я ребятам, желая помочь им и Борису, которого ни разу не видела, но слышала о нем много.

30 декабря

За несколько дней собрали много вещей для леса: носков, рукавиц, теплых шарфов, шапок, мыла, печенья — всего не перечесать. Много подарков прислала «Муся» через «Павлика». Люся достала копировальной бумаги, лент для пишущей машинки, что просили для штаба.

Для Жени был приготовлен отдельный пакет. В нем рукавицы и его любимый черный пряник, испеченный бабушкой специально для него. Все это понесли сегодня ребята в лес.

К вечеру закончилась упаковка подарков: все было разложено равномерно по мешкам. На случай вторжения нежелательных фигур — это выражение появилось в доме, — приготовили ответ: готовим для военнопленных, будем просить «господина коменданта» разрешить передачу к Новому году.

Время подошло к 5 часам. Пришел «Павлик», который принес новые пакеты с подарками. Пришлось развязывать упакованные мешки и вновь укладывать. Два мешка Вера унесла к себе, оттуда их вынесут Яша и Виктор. Два остались для «Павлика» с Толей.

«Павлику» сегодня влетело от меня. Время перед уходом на явку всегда сопряжено с суетой. Он зачастую приносил большой груз, упаковка которого рассчитана на квартал-два, а не на большое расстояние. Кроме того, груз надо было делить равномерно на тяжести. Упаковка груза, прислушивание к звукам со стороны двора, сборы ребят — все это создавало известную нервозность.

— Мария Павловна, пришейте, пожалуйста, мне внутренний большой карман, а то неудобно без него, — проговорил «Павлик», переступая порог.

— Павлик, ведь эту работу можно бы сделать и дома. Остаются минуты до ухода, надо все уложить, а пока я найду материал, да пока пришью руками, его на машинке ведь не пришьешь, — говорила я, искренне возмущенная, что он не позаботился о кармане дома. Возможно, что в другой день я и не обратила бы на это внимания, а взяла бы и спокойно пришла, но в вечер явки, когда все минуты учтены, его просьба заставила меня выйти из обычного равновесия.

Пора выходить. Первым вышел «Павлик», за ним вслед Толя. Стукнула условно калиткой Вера: в поле вышли благополучно.

Дорога в лес стала казаться безопаснее пребывания в городе. Прежней тревоги, охватывающей всех целиком, теперь нет. Но отрешиться от нее совсем — это не в силах человека. Помимо воли мысли неслись туда, к ним, сопровождали каждый их шаг. Представляла их радость по поводу встречи Нового года в лесу. Вставал перед глазами Женя с его милой, застенчивой улыбкой при виде подарка, гордого сознанием, что о нем думают, беспокоятся.

31 декабря

Последний день 1943 года принес с собой неожиданную тревогу, неразрешенный вопрос, разрешить который сможет лишь время.

Ночь прошла, как и все ночи, когда в доме нет тех, за чью жизнь ты находишься в постоянной тревоге. Хочешь уснуть — мысли мешают сомкнуться глазам.

Утром, когда мысленно сопровождала в лесу Анатолия и его товарищей, неожиданно перед глазами вырос Анатолий. Не в мыслях, а наяву, в его обычном походном костюме-бушлате, теплой шапке, в сапогах, но с новым выражением, какого никогда не замечала по возвращении с явки из леса. Его глаза говорили о чем-то неразрешенном, недоумение сквозило в них.

— Где ребята? Что случилось? — с сердцем, готовым разорваться на части от резкой боли, пронзившей его при виде Анатолия, вскрикнула я.

— Они у тети Веры. На явку никто из леса не вышел. Ждали 2 часа. Остаться дальше было невозможно. Факт, что там что-то случилось, что помешало выслать связанных. Мешки базировали возле явки. Но что случилось? Что? — говорил Толя, хмуря брови и стараясь найти мысль, за которую можно уцепиться и от которой потекли бы другие, объясняющие неизвестную причину отсутствия связанных из леса.

Что могло случиться в лесу — могло раскрыть лишь время.

Сосредоточенный, жесткий взгляд потемневших глаз, движения окутаны гнетом неясных, но тревожных мыслей, — таким был Анатолий, раздеваясь возле вешалки, где остановился, как пришел домой. Вскоре пришел Элик. Он тоже не походил на того, каким он обычно возвращался с явки. Вместо радостного возбуждения, удовлетворения во всей его фигуре, поведении читался тот же вопрос, что и у Толи в глазах. Глубокие задумчивые серо-карие глаза Анатолия всегда ярко выражали его внутреннее состояние. Такие же глаза у Вовы Л., Жени, Яши, такие же были у Бориса Хохлова.

У Элика и Васи внутреннее состояние выражалось их общим видом, движением, позой фигур. Несколько минут прошло в молчании. Но и в молчании читались слова, которые, казалось, заполнили всю комнату, где Толя сидел возле стола, подперев голову рукой, устремив вперед задумчивый взгляд, а Элик, в раздумье шагая по ней, — недоумение и тревога, большая глубокая тревога...

— Ну, что же, — отрываясь от дум, медленно произнес Анатолий, — обождём. А пока будем готовиться к новомуднему подарку фрицам.

Поднимем шумок, заставим их опять говорить о «машинах с партизанами».

Вмиг они стали другими: Элик сидел на стуле, у Толи исчезло выражение недоумения с глаз. Они освободились от раздумья, которое не могло дать исчерпывающего ответа на их мысли. Они должны думать о другом. Днем Анатолий ходил к «Андрею» с сообщением о несостоявшейся явке.

2 января

В городе ползли слухи о прочесе леса. Никогда в жизни не приходилось слышать это слово в значении, которым проникнуто оно теперь. В нем таилось что-то жуткое, волнующее, тревожное.

— Идешь и слышишь скрип колес. Подходишь, спрашиваешь: кто? куда? — и из ответов узнаешь, что целые деревни пробираются ночью к партизанам, спасаясь от озверевшего врага. Едут со всем скарбом, скотом... — рассказывал Толя когда-то о встрече ночью в лесу с мирными жителями, стремившимися укрыться у партизан.

Эта картина встала перед глазами, едва услышала слово «прочес». Становится ясным, почему не вышел Гриша на явку 30 декабря. И это еще больше усиливает состояние, вызванное тревогой не только за Гришу, но и за всех, кто в лесу.

Толя с утра ушел в город на встречу с ребятами, еще раз проверить подготовку и готовность к операции нападения на здание панорамы «Штурм Перекопа», где сейчас находятся немцы и добровольцы.

Операция намечена на сегодняшний вечер. Удачное выполнение её даст возможность диверсионной группе иметь немецкую форму, которая необходима для проведения боевых операций в ночное время. Двух комплектов, что были присланы из леса, недостаточно. С этой целью и была предпринята намеченная операция.

Днем отметила тот факт, что у меня не было прежнего смятения перед тем, что может произойти в случае неблагоприятного исхода операции. Или, как говорится, ко всему можно привыкнуть, или, находясь постоянно в окружении молодежи, я обрела их бодрое спокойствие, уверенность в благополучном исходе. Слушая их рассказы о ходе прошедшей операции, сама переключаешься в ту обстановку, в которой они находились недавно. Нет уже тревожного ожидания —

вместе с ними оставляешь листовки в библиотеке, в здании полиции, разбрасываешь их по городу; вместе с ними идешь ночью по улицам города, держа руку в кармане на «тэтэ»; вместе с ними, без единого звука, закладываешь мину в том или ином месте... Тревоги, когда-то заставляющей быть вне бытия, уже нет.

На боевые дела они идут, твердо веря в успешное выполнение намеченной цели. Ни тени сомнения, неуверенности не увидишь на их лицах. Спокойно-торжественно, дышащие мужеством и непоколебимой верой в свои силы, с вспыхивающими искорками задора в глазах, — такими они выходят из нашего дома наносить удар врагу, наводить на него панику.

«Ничего, авось, пройдет», — часто приходилось слышать от них после обсуждения того или иного вопроса. Но слово «авось» приобрело у них иное значение: в нем не звучало и тени намек на то, как принято понимать его. Им высказывалась глубокая вера в успешный исход как результат громадной, продуманной работы, что они проделали перед этим.

Слушая обсуждение того или иного мероприятия, направленного против врага, анализа проделанной работы, я каждый раз останавливалась на том, как возмужали, выросли эти недавние подростки, откуда приобрелись навыки, помогающие успешно вести борьбу. Единственный ответ я находила в ненависти к врагу, целиком заполняющей их юные сердца — она помогала им разобраться и находить правильное решение, да беседы Лугового, Ямпольского, по словам Анатолия и «Павлика», прибавили ума.

Возвращаясь с операций, обсуждая и вспоминая каждый проделанный шаг, вскрывая отрицательные и положительные моменты, они нередко превращались в тех, кем были весной 1941 года. Подтрунивали над неловким движением того или иного, хохотали, вспоминая усилия Бориса Е. удержаться от чихания в критический момент, над рядом других фактов.

— Хорошо Толе — он высокий. Перешагнул через плетень без всякого шума и готово, — сокрушенно говорил Яша, огорчаясь, что его рост лишает его такой же возможности.

— А ты оседлал его верхом — и ни туда, и ни сюда, — открывая свои зубы в широкой улыбке, бросал в свою очередь Толя.

— А ловко нам обер-лейтенант козырнул, когда мы спросили

пароль у него, — комично-мечтательным тоном произносил Вова с задорными искорками в глазах, с лукавой улыбкой на лице.

Смотришь, переходя к разговору о предстоящей работе, они вмиг становились иными — это уже зрелые люди, здесь нет уже лишних слов: четкость, продуманность во всем и отсутствие тени тревожного раздумья, что ждет их в случае неудачи.

Сегодняшняя операция — вооруженное нападение на помещение, где находился превосходящий численностью и вооружением противник — серьезная операция. Но СПО нужна немецкая форма... И я верила, что всё пройдет благополучно, что вернутся живыми...

«Верь, Павловна, крепко верь», — вспоминались слова восьмидесятилетнего отца Веры Горемыкиной.

В пять часов вернулся домой Анатолий. Вглядывалась в его лицо — ничего кроме обычного выражения не видела. Лишь чуть потемневшие глаза быстро скользнули по мне, словно тоже в поисках каких-либо следов.

— Мама, я выйду без четверти шесть, лишь бы успеть до шести к Борису. Вернусь с Василием часов в 10–11. Придется идти отсюда с автоматом. Не знаю, что надеть лучше: пальто или бушлат?.. Пожалуй, пальто. Оно широкое, не очень будет заметно.

Пообедав, переоделась, достал автомат, который был закопан между ступеньками в погреб. Ни я, ни Вера, предупрежденные о месте хранения автомата, не смогли найти ни малейших намеков, где именно он лежал.

— Не заметно? — спросил он меня, прикрывая автомат полой пальто.

— В темноте сойдет, ничего, — стараясь говорить спокойно, отвечала я довольная, что скрыт автомат от моих глаз, казавшийся в домашней обстановке особенно странным и наталкивающий на беспокойную мысль: проскочит ли Толя с ним до дома Бориса.

— Ждите в 10–11. Не волнуйтесь, — бодрым тоном с успокаивающей улыбкой произнес Толя и, кивнув головой, вышел.

Минут через 8–10 пришел Стефан.

— Встретил Толю возле сада Возрождения. Мне бросил на ходу: не останавливайся, не волнуйся. Успеет он дойти до 6 часов? — говорил Стефан, раздеваясь.

— Ничего не заметил странного в его фигуре? — напряженно

спросила я его в надежде услышать ответ, парализующий тревожную мысль.

— Начинает темнеть, он прошел быстро, но ничего не заметил, что бросалось бы сразу в глаза. А что с ним? — с промелькнувшим испугом спросил в свою очередь он.

— Ничего. Он шел с автоматом.

Вышла на порог. Прислушалась в сторону сада, куда ушел Толя: не раздастся ли стрельба, пока он дойдет до Бориса? «Все тихо... Значит, прошел», — облегченно пронеслось в голове.

Теперь я сидела бездумно часами, ожидая их возвращения. Старалась убить чем-либо время, так медленно ползущее. И хотела быть одной: никого не видеть, не слышать. Семья представляла мне эту возможность. Стефан ложился в кровать, не приходили и старики с Люсей, сидели дома с мыслями о тех, кто бесстрашно шагал по улицам города в часы, когда под страхом расстрела им это запрещено. Через промежутки времени выходила на порог. Прислушивалась... Тихо...

Осторожный стук... Но не тот, что я ожидала.

— Вернулись? — беспокойным шепотом спросил дедушка, которого послала бабушка на разведку.

— Рано еще. Иди домой. Не волнуйтесь, — как можно бодрее говорила я.

«И не волнуйтесь?!» Я знала, что это только слова. Как могли не волноваться они, почти семидесятилетние старики, отлично понимающие, какому риску подвергался их внук с товарищами.

Наконец услышала так хорошо знакомые тихие шаги, условный стук. Открыла дверь, и... сердце остановилось — немцы...

Широкая счастливая улыбка, придушенный смех вернули меня к действительности.

— Удачно?

— Как видишь, — с непередаваемой улыбкой, с лицом, отражающим всю необъятную радость успеха, ответил Толя.

Я впервые увидела Толю и Васю в немецкой форме. Кроме того, ведь Толя ушел в своем пальто, и понятен мой испуг, когда передо мной предстали «немцы».

Вася, не раздеваясь, надувшись как надменный фриц, подошел к зеркалу.

— Хорош. Чем не Роберт? Шпрехен зи дойтч, мадам? — дурачась, обратился Вася ко мне.

Я смеюсь и бегу скорей к бабушке успокоить их. Стефан уже знал о приходе «немцев».

Переоделись, вымылись, сели за стол. Кушали с аппетитом здоровых юношей, хорошо поработавших и удовлетворенных своей работой. Смеялись, вспоминая ход операции.

— Постойте, ребята, я не пойму, кого вы отправили в лес «по звездочкам». Вы смеетесь, говорите нечленораздельно, ну ничего не могу понять, — смеясь вместе с ними, говорила я.

— Нет, вы представьте, Мария Павловна, мы подходим к нему, он... — начал Вася.

— Кто он?

— Обожди, Василий, мама ничего не поймет. Надо все по порядку.

— Идем, мама, два «немца»-патруля и трое «задержанных» русских. У встречных немцев, как и полагалось настоящим патрульным, спрашивали пароль:

— Парола?

— Штокхольм.

— Поравнявшись с панорамой, Борис, Вова Е., Вася А. притаились напротив в воротах. Я и Вася подошли к часовому. Просим закурить. Он достал из кармана зажигалку, зажег, протянул прикурить и... о, ужас, увидел направленные на него автомат и наган.

— Давай оружие, — шипит Вася.

— Что вы, братцы, где это видано, чтобы у часового оружие отбирать. Да этого ни в одном уставе не указано, — бормотал ничего не понимающий часовой, принявший нас за таких же «добровольцев», как и он.

Взрыв хохота помешал продолжить Толе.

Из дальнейшего рассказа, прерываемого частым смехом, я узнала все подробности сегодняшней операции.

— Расспросив часового о положении в помещении, я, Вася, Вова, Борис вошли в здание панорамы, а Вася А. встал на месте снятого часового. Вошли в комнату, где находилось 14 человек «добровольцев». Кто спал, кто сидел и играл в карты. Сразу до сознания не дошло, что случилось. Одно удивление читалось в глазах, которое быстро сменилось страхом, растерянностью, трусливо забегали гла-

за, окидывая нас. Некоторые сделали движение выскочить и бежать. Наганы и автомат заставили их присмиреть. Немного понадобилось времени Вове и Борису связать «добровольцев». Я и Вася с оружием следили за теми, кто еще не был связан. Иные крепко спали. Всё происходило в полной тишине, и их сон не нарушался ничем. Толчок автомата будил их. Ошалелый, ничего не выражающий взгляд, проблиски сознания и руки, поднятые вверх... Связанные, они по команде уселись в ряд на пол, возле коек. Взяв, что нужно, предупредили их, что внутренняя и наружная дверь будут заминированы, и что, если они хотят сохранить жизнь, должны сидеть до утра, не пытаясь выйти и терпеливо ожидая, пока их освободят. Дверь была «минирована» Васей ящиком с песком, — закончил, смеясь, Толя.

— А ты не рассказывал, как проводил с ними политзанятия, знакомил их с действительным положением на фронтах и убеждал искупить вину перед Родиной. Знаете, Мария Павловна, он так говорил, что я даже заслушался. Жаль, что надо было уходить. Часовой, что давал нам прикурить, стал проситься с нами. Взяли его, вывели за вокзал, указали путь в лес «по звездочкам» и отпустили. Если у него искреннее желание уйти туда — доберется. Теперь к партизанам попасть легко, не то что в 1942 году, — рассказывал в свою очередь Вася.

Я смеялась не менее их, представляя картину: на полу в белье сидят добровольцы, над ними возвышалась мужественная фигура Анатолия, проводившего с ними беседу. Смеялась и в то же время была полна гордости за советских юношей, комсомольцев, которые, несмотря на серьезную опасность быть обнаруженными, не останавливались ни перед чем, чтобы использовать каждый момент для устной агитации.

Немецкую одежду, в которой пришли Вася и Толя, унес дедушка, чтобы закопать в саду. С глазами, полными изумления, смешанного с радостью, обожанием, слушал дедушка рассказ Васи и Анатолия.

Поговорив о предстоящих делах, о поведении отдельных членов СПО, Толя и Вася легли спать. Вася в столовой на «забронированном для СПО» диване, по меткому выражению Жени, Толя — в своей комнате.

Прошла к нему — лежал с открытыми глазами.

— А я рассказывал тебе, какой жуткий момент я пережил в панораме.

раме? Когда все были связаны, я направился к лестнице, ведущей на второй этаж, на разведку. По словам часового, там было немного немцев. Хотел проверить, чтобы вместе с ребятами обезоружить их. Услыхал сверху шаги и увидел луч фонаря, направленный вдоль площадки лестницы — ты знаешь какой... Я притаился за колонной. Шаги замерли. Осторожно, бесшумно я стал подниматься. На пятой ступеньке меня пронзила мысль — рядом живет «старик»... За каждого убитого немца — пятьдесят русских... Мурашки побежали по телу. Хотелось бежать, выводить скорей ребят. Но по-прежнему тихо, медленно спустился обратно, сказал ребятам об отходе. Они в недоумении на меня посмотрели, особенно Борис. Не говорю ничего, что заставило отложить дальнейшую операцию. Провожу с добровольцами беседу, а у самого сердце готово выскочить. Пришлось ограничиться добровольцами, вернее, их формой... А будет меня ругать «старик» или нет? Пожалуй, нет. Ведь все прошло как нельзя лучше. И достали то, что необходимо иметь для успешной борьбы, да еще и 8 винтовок захватили, — говорил Толя, углубленный сознанием, что нападение на панораму прибавит врагу паники и ужаса перед народными мстителями.

— «Старик» ругает меня за мои слова, что я родился под счастливой звездой, но я и на самом деле начинаю верить, что это так. Ты представляешь, что было бы, не вспомни я об «Андрее»?.. Вспомню — мороз пробегает по коже... — продолжал Толя с глазами, в которых отражалось пережитое там, на пятой ступеньке...

3 января

Интересно наблюдать за распространением слухов, когда знаешь сущность дела, вокруг которого растут они.

С утра поползли слухи, распространяемые «непобедимыми» о налете партизан на панораму в количестве 20 машин. К вечеру число машин выросло до 60. Говорили, что все здание было заминировано. Одними эти слухи передавались с ужасом перед «всесильными партизанами», другими — с нескрываемым восторгом перед отвагой «наших». Слухи ползли, окутывая паникой немцев и их приспешников. Паника лучше слов разоблачала ложь врага об «уничтожении партизан в лесу», о чем они сообщали на страницах «Голоса Крыма», правда, не так хвастливо, как обычно передавали о своих временных успехах.

Днем пришла Е.Л. Была у «Андрея». Он уже слышал о нападении на панораму, но ни «Андрей», ни Е.Л. не знали, кем совершено оно.

— А в городе ходят слухи, что партизаны ночью совершили налет на панораму на 40 машинах. «Андрей» в восторге. Он от удовольствия потирает руки, — сообщила нам Е.Л. новость с блестящими глазами.

— Вот молодцы. Это изумительно. Нагнали панику на немцев. Но кто это сделал? Возможно, действительно приезжали партизаны? — передавала она дальше разговор «Андрея».

— А вы передайте, что это работа ребят из СПО, — лукаво улыбаясь и смотря на нее смеющимися глазами, проговорил Толя.

Е.Л. ошеломленно на него смотрит неподвижными, широко раскрытыми глазами, в которых застыло удивление, смешанное с недоверием к тому, что она услышала.

— Вы? Толя, честное слово, Вы? — вырвалось у нее, когда явилась возможность заговорить.

— Не я, а мы — ребята из СПО, — смеясь над ее изумленно-растерянным видом, пояснил Анатолий и добавил:

— Вы передайте ему об этом. Хотя теперь я и сам пойду, раз он доволен и не ругает никого, а наоборот, называет молодцами. А я, честное слово, боялся идти. Боялся, что получу головомойку, что не согласовал с ним, — по детски вырвалось у Анатолия.

— Толя, голубчик, да вы бы видели его восторг, слышали бы отзывы о тех, кто так удачно провел операцию под носом у врага. Он только не знал, кто это делал. А когда узнает, что это ваша работа, работа комсомольцев, обрадуется еще больше. Он преобразился, говоря об операции... «Ловко, а?» — говорил он, потирая руки и шагая по комнате в радостном возбуждении, — рассказывала Е.Л. Толе.

— Что значит юность, Мария Павловна... Что мы по сравнению с ними. У нас — распространение литературы, агитация и всё. У них борьба, настоящая борьба, беспощадная. Горсточка ребят из СПО делает гораздо больше, чем мы сотни, — говорила Е.Л., обращаясь ко мне с раскрасневшимися от волнения лицом.

— Недаром я люблю нашу школу, где выковываются такие, как ребята из СПО, — закончила она, с гордостью глядя на Анатолия, являвшегося одним из представителей советских школьников.

— Как вы думаете, Е.Л., выйдут пятого на явку связные из леса? Судя по тому, что немцы не очень рекламируют «успехи» борьбы с партизанами, можно надеяться, что встреча произойдет. Наряду с тревогой за всех, кто находится в лесу, беспокоит мысль, что кончатся боеприпасы, нужна литература, — говорил Анатолий, у которого успех операции не мог вытеснить волнующих мыслей о несостоявшейся встрече 30 декабря.

Ни от кого из нас он не мог получить исчерпывающего ответа. Все мы с не меньшим нетерпением ждали рассвета 6 января, когда Элик и Геннадий придут с явки.

Вскоре Е.Л. ушла, на смену ей пришел Вася.

— Ты послушай, что говорят немцы, — начал он, не раздеваясь, — уже подошли 60 машин с партизанами. Все хорошо вооружены. Среди них выделялся высокий командир, который одет лучше всех, брюки галифе... Дисциплина железная... Знаешь, хоть и от врага, а все же приятно слышать, что признают нашу дисциплину. А вот брюки тебе придется больше не носить. Уж очень они приметные у тебя, т.е. брюки, конечно, ты будешь носить, но другие, — со смехом пояснил Вася.

— Скоро придется тебе всю одежду сменить: шапку ты уже не носишь, теперь надо брюки менять, а там, смотришь, и волосы перекрасить придется, — с серьезным лицом, но с глазами полными смеха говорил Вася, ещё неостывший от торжества, что еще раз удалось доказать, как крепко выполняют свое обещание комсомольцы, получавшие аттестат об окончании средней школы весной 1943 года...

Слова Васи о Толиной шапке вызвали в памяти его восторг по поводу приобретения «единственной в мире шапки», как он выразился, примеряя ее перед зеркалом. В «мире», конечно, подобные существовали, но в Симферополе такой я не видела. Не потому, что она хороша, а просто такого приметного материала, из которого она была сшита, я не встречала. Еще в лесу ему посоветовали ее не носить: по описанию шапки легко было разыскать его. Как правило, на операции он не ходил в ней. «Андрей» в один прекрасный день вручил Толе другую, типа теплой милицеевской шапки. Пришлось сменить старую и носить другую. Иногда он, забывая, надевал прежнюю.

— Так ведь эта тоже приметная. Кто носит теперь милицеевскую шапку?.. У кого она и есть, так и тот прячет, — говорил он с сокру-

шением глядя на нее, но все же носил, когда пришлось расстаться с шапкой, которая ему была по душе с 1941 года.

Разговор перешел на предстоящую явку. Ждали 5 января — станет ясным, случайно ли не вышли из леса на прошлую явку, или в результате прочеса?

4 января

— Ничего понять не могу, — проговорил Толя с неопределенной улыбкой по возвращении из города, снимая пальто.

— Был у «старика»... Захожу, немного волнуясь, что вот сейчас он распушит меня за 2 января. А он подходит с расплывшимся в широкую улыбку лицом, обнимает и крепко целует: «Молодец "Костя"», — слышу слова. Отлегло от сердца, пронесло. Начинаю рассказывать. И вдруг его лицо из улыбающегося становится строгим, серьезным. Ничего не понимаю...

— А ты подумай, что мог меня погубить. Почему не согласовал со мной, — обрушился он на меня.

Объяснил, что боялся, что не разрешит нападения на панораму, и что о нем всё же подумал, иначе уничтожили бы находящихся там немцев. И лишь мысль о нем остановила вполне возможное продолжение операции.

— Ты понимаешь мое состояние, когда у А.Т. потребовали домовую книгу? Чем это могло все кончиться? — говорил он мне.

— Я пытался сказать ему, что все кончилось благополучно, но ничего не хотел слушать «старик», — рассказывал мне Анатолий результат свидания с «Андреем».

Немного помолчав, он продолжал:

— А знаешь, мама, мне кажется, что хоть и распушил «старик», но, в основном, он доволен. Иначе почему же он с такой радостью, я бы сказал с гордостью, встретил меня и Е.Л. Помнишь, как она передавала состояние «старика», услышавшего о совершившемся нападении. Он кричал на меня, а в глазах нет-нет да и промелькнет огонек довольной улыбки. Теперь, вероятно, я вместе с ребятами попаду в число «недисциплинированных», — сдвинув брови закончил Анатолий.

Посидев немного с откинутой назад головой, с устремленными вверх в радумьи глазами, он направился в свою комнату готовить текст очередного выпуска «Вестей с Родины». Его внутреннее состо-

яние не могло служить тормозом к выполнению тех задач, которые стояли перед ними. Он знал, с каким нетерпением ждало население «Вестей», с какой верой оно относилось к каждому слову листовки. Я вспомнила случай, который произошел в конце сентября 1943 года. К бабушке пришел его приятель, старый машинист Апальков Н.У., которого я знала с детства. Во время разговора, таинственно оглядываясь, он достал из башмака свернутую бумажку. Читает. Мы слышим:

— «Вести с Родины». Донбасс наш. 8 августа наши войска взяли города: Сталино, Красноармейск... Таким образом, Донбасс полностью освобожден от оккупантов.

Дальше читает:

— Из сообщений Совинформбюро, с 30 августа по 7 сентября 1943 года наши войска, наступающие по побережью Азовского моря, заняли 30 августа Таганрог... За три дня до оставления Орла немецкий комендант издал приказ об эвакуации женщин и детей из Орла. Мужчины были объявлены военнопленными и увозились в тыл. Большинство населения скрылось в пещерах на западном берегу Оки. Фашисты взорвали их... — закончил Н.У.

Я никогда не забуду выражения лица его. Он читал знакомый уже ему текст так, точно хотел впить в себя каждое слово. Волнение слышалось в его голосе, радость светилась в его выглядевших в этот момент молодо, не по возрасту, глазах. Тихим взволнованным голосом он рассказал, что такие листовки в районе вокзала нашли несколько человек и теперь дают их читать, кому они доверяют.

— Почаще бы сбрасывали нам такие листовки. Название «Вести с Родины» говорит, почему теперь все, под страхом быть пойманным, стремятся поднять каждую белеющую бумажку... Каждый при новой встрече друг у друга читает в глазах вопрос: не нашел ли новых «Вестей»? Немцы и их приспешники следят за каждым нашим движением, боятся, что в руки нам попадутся правдивые слова, разоблачающие их ложь, слова, которые, как видно, дошли и до них, — говорил Н.У. Уходя, он обещал, если достанет новую листовку, принести нам почитать. Я рассказала о его словах вернувшемуся из города Толе.

— Мы стремимся во что бы то ни стало добиться увеличения тиража, чтобы полностью охватить население. Как бы ни следил враг,

«Вести» будут доходить до людей, они будут передаваться из рук в руки. Ничто не остановит работы типографии СПО, — говорил Толя, переполненный радостью, что воочию пришлось убедиться, какой популярностью и любовью пользуются выпускаемые ими «Вести с Родины».

13 января

Из леса нет никаких вестей. 5-го и 10-го, в сроки, установленные для встреч, связные ходили к лесу, но оба раза никто не выходил оттуда. Ходил 10-го с ними и Анатолий, стремясь скорей узнать ответ на волнующий вопрос и избежать томительного ожидания возвращения связных.

Обзоры, возвращение с места явки не носили теперь оживленного характера, что наблюдалось прежде. Возвращаясь обратно, все выглядят осунувшимися, утомленными, хотя туда и обратно идут без груза. Не было в глазах всепоглощающего удовлетворения, в них выражалось тягостное бессилие неразрешенного вопроса.

— Будем ходить, пока не встретимся, — решили они твердо 11-го утром, вернувшись безрезультатно домой, хотя «Андрей» предлагал пока воздержаться.

— Рано или поздно выйдут из леса на явку. То, что не встретят наших связных на месте, отянет связь со штабом, которая нам так необходима, — говорили они, остро ощущавшие отсутствие последней.

Их боевая жизнь идет своим чередом: выпускаются листовки, совершаются диверсии. В ночь на 10 января Анатолий покрывал черной краской толовые шашки под уголь, приготавливая их для переброски на вокзал. Получилось удачно. Подсушив, я сложила их в ведро и поставила возле плиты.

— Где ты достала такой чудный уголь, — обрадовано спросила мама, увидев целое ведро «угля».

— Толя достал, — смеясь, ответила я, унося поскорей «уголь» в сарай.

На днях Анатолий пришел домой от «Андрея» расстроенный, с потемневшими глазами. Весь его вид говорил, что он находится в состоянии смятения.

— «Старик» требует, чтобы я передал подпольную типографию

ему, что она должна находиться у него, а не у комсомольцев. Говорит, что и у него найдутся люди, которые смогут работать в типографии. Я понимаю, что если бы мы не справились с работой в ней, если бы она была плохо законспирирована, работала слабо, — тогда иное дело. Типография — детище, рожденное и выращенное комсомольцами задолго до прихода «старика» в город. И вдруг теперь мы должны его отдать... Я понимаю, что она будет и там служить одному и тому же делу — делу борьбы с захватчиком. Но почему ее отбирать от нас, если всё говорит, что мы должны по-прежнему работать в ней, что это наше право. Может быть, причиной послужило то, что «старик» требовал большего количества листовок для ознакомления со сводками Совинформбюро членов всех патриотических групп? «Наши люди должны знать сводки из Москвы», — говорил мне он, а я настоял на меньшем количестве. Я рассуждал так: бумагу мы достаем с трудом. Надо каждую листовку использовать с наибольшей пользой для блага борьбы с врагом, шире охватить ими население, которому мы должны разоблачать фашистскую ложь, помочь ему выйти из окутавшей его паутины немецкой лжи, знакомя с действительным положением на фронтах, с событиями по Советскому Союзу. Мы, кто встал на путь борьбы с врагом, знаем, во имя чего мы боремся, знаем и понимаем цену словам захватчиков, и врагу не удастся окутать нас своими словами. Ведь мы всю душу вложили в типографию... — стараясь говорить спокойно, рассказывал Анатолий, но по голосу было видно, какую волнующую глубокую боль испытал он, юноша, узнав требование «старика».

16 января

Никогда до этих лет мне не приходилось останавливаться на том, что мертвые стены могут отражать настроение людей, находящихся в них. Теперь я вижу, что стены живут... Они как бы впитывают все, чем полны люди: горем, тревогой, тоской — они молчаливы, строги и мрачно спокойны... В радости, в момент торжества, неизмеримой веры и надежды — они растут, делаются выше, светлее, они излучают бодрый покой.

Связные сегодня с явки вернулись торжествующими: Гриша здоров, без единой царапины вышел на встречу. Есть связь... Есть Гриша без следов тяжелого ранения, о чем ходили слухи. Забыты

дни, когда уныло возвращались с несостоявшихся встреч. Они — в настоящем. Дождались связных из леса. Пришла Вера, которая уже знала радостную весть от Элика. Она молча, с чудесной улыбкой глаз, взглянула на всех нас... Проснулся Стефан, вышел в комнату, где мы стояли вразброд, и, не зная еще причины буруеваемых нас чувств, тоже не мог удержаться от улыбки. Стены жили вместе с нами: они стали выше, излучали свет, окружая всех радостным бодрым покоем.

Прошли первые минуты возбуждения, начались расспросы.

— Как Женя себя чувствует?

Что-то неуловимое проскользнуло и окутало всю комнату, пока Элик собирался ответить.

— Погиб.

Замерли все... Сразу стало темнее... Стены, казалось, тяжестью придавили всех нас. Наряду с радостью, Элик принес весть, заставившую Анатолия стиснуть зубы, потемнеть его глаза, меня и Веру поникнуть головой.

«Вы провожаете, точно мама...», — всплыли в памяти слова Жени. Теперь я обьята тоской, точно мать при известии о гибели сына. Скорбь скупа на слова. Молча стояли все, но вид говорил о большом, неподдельном горе. Не хотелось верить, что погиб прекрасный в своей любви к Родине юноша. Мысль не хотела останавливаться на том, что его уже нет. Вставал перед глазами Женя, каким мы все его знали. Казалось, что он стоит здесь напротив. Видишь его стройного, высокого, с лучистыми серыми глазами, так ярко передававшими его внутреннее состояние, откидывающего частым движением головы назад свои светло-русые волосы, падающие ему на глаза.

Аккуратность и вежливость Жени я постоянно приводила в пример всем ребятам, которые отсутствием первой подчас приносили мне много хлопот.

— Уж очень ты вежлив, как я погляжу, — беззлобно посмеивался над Женей Боря Хохлов.

— Ничего, как-нибудь это качество нам тоже пригодится, — с улыбкой отвечал Женя. Женя, которого сейчас уже нет... Но мысль по-прежнему не хочет останавливаться на этих страшных словах, она перебирала в памяти прошлое. Одна за другой вставали карти-

ны, рисующие образ Жени, который уже не присядет ко мне поделиться своими мыслями.

— Давай, Борис, считать сколько раз Женя скажет «благодарю», особенно маме, — бросал реплику Толя. А Женя, застенчиво улыбаясь, взглядывал на меня, как бы извиняясь за шутки товарищей над ним.

— Нет, нет, М.П., я сам уберу со стола. Ведь мы и так много доставляем вам хлопот и забот, — часто приходилось слышать от Жени, стремившегося помочь мне и работе.

— Ты должен беречь себя, Толик, ведь ты — сердце организации, — говорил Женя, готовый отдать жизнь за товарищей во имя борьбы с врагом, которого он ненавидел со всем пылом своей юности.

— А хорошо будет, М.П... Прогоним врага, кончится война и будем учиться. Будем приезжать и по-прежнему собираться у вас, вспоминать эти годы. Они связали нас крепко, на всю жизнь. А сколько я буду рассказывать маме о Вас... Непременно пойду в военную академию, — мечтательно говорил Женя.

— И будешь начальником генерального штаба, — перебивал его веселым смехом Анатолий.

Вставал перед глазами в голубой майке, дышащий радостью торжества по случаю набора первой листовки и прихода Семена из леса...

Уговаривая меня не поддаваться тоске по Борису, он был далек от мысли, что через короткое время сам явится причиной не меньшего горя.

Коля, Семен, Борис, Женя вмиг пронеслись перед глазами, слившись в одно. Время, события как бы притупили горечь сознания гибели их. Известие о Жене растревожило незажившую рану...

— Гриша говорил, что Женя стойко держался во время прочеса, — прервал гнетущее молчание Элик, глядя куда-то вдаль, отрешившись от всего и видя где-то далеко одного только Женю...

— Жаль Евгения, — со вздохом вырвалось у Анатолия, и в этих кратких словах прозвучала глубокая скорбь, которую не в силах выразить множеством слов. Надо скорей сообщить «старик» результат явки, он тоже волнуется, — продолжал он, возвращаясь к мыслям о работе.

— Сегодня же наберем очередной выпуск «Вестей».

Горько заплакала бабушка, когда узнала о гибели Жени. Все ребята стали ей дороги, как и Анатолий. Много выпало на долю старушки, которая недавно жила спокойной старостью. Гибель товарищей Анатолия больно напоминала ей и о сыне, о котором не знала ничего с осени 1941 года.

22 января

Анатолий с товарищами готовится к большой операции — выводу из лазарета военнопленных командиров Красной Армии.

Люся, связавшись с одной патриотической группой, попросила однажды его в начале января пройти с ней к лазарету помочь ей ознакомиться с дорогой. Инструкции, план были переданы в то время пленным в каше одной из патриоток. По инструкции они должны были выйти до 6 часов вечера, т.е. когда еще разрешалось хождение.

Анатолий, ознакомившись с обстановкой, заметил, что без вооруженной силы и до 6 часов ничего не выйдет. Безуспешные попытки вывода пленных подтвердили правильность его суждения. Обсудив вопрос на бюро об освобождении пленных, Анатолий доложил «Андрею» и предложил провести эту операцию силами молодежной организации, на что «Андрей» согласился.

Для проведения взятой на себя задачи Анатолию необходимо было встретиться с «Мусей», у которой была налажена связь с военнопленными.

Встреча «Кости», руководителя молодежной организации, с «Мусей», руководительницей организации, которая безуспешно пыталась вывести военнопленных, произошла у Л. Анатолий просил, чтобы у Л. никого кроме «Муси» не было.

— Представь мое изумление, когда у Л. рядом с незнакомой женщиной, оказавшейся «Мусей», я увидел И.

— А, Толя, старый знакомый, — удивленно протянула И. «Муся» удивленно поглядела на меня, на И., на Л. Она слышала обо мне как о «Косте», и вдруг Толя. И. была далека от мысли, что «Костя» и есть я, которого она знала как внука дедушки. Теперь она узнала, что Толя и «Костя» одно и то же лицо. У меня эта неожиданная встреча, нарушение правил конспирации, договоренности, оставили неприятный осадок.

Договорились, что связь будет поддерживаться с пленными через группу И., остальное – работа СПО, – рассказывал Толя на «посидим немного».

– Знаешь, мама, уж очень «Муся» вся бурно-порывистая, – задумавшись, произнес он, закрывая глаза, как бы во сне желая успокоиться от обуреваемых мыслей.

В штабе уже знали о предстоящей операции, и в день проведения вышлют связных на явку для встречи «Кости» с освобожденными.

25 января

Настал день, которого так ждали там, за колючей проволокой, томящиеся в фашистской неволе голодные, истощенные, перенесшие ранения командиры Красной Армии. День, к которому тщательно готовились юные патриоты, день, который я ждала с тревогой и надеждой. Все было готово: командиры при передаче, которая разрешалась в определенные дни, получили точные указания и план их действий, от них получен ответ о готовности к побегу.

Проникнутые чувством ответственности перед предстоящей операцией, осознавая, что рискуют не только своей жизнью, но и жизнью тех, кто в томительном ожидании ждет их с верой, надеждой на освобождение, Анатолий с товарищами тщательно изучил местность, обстановку, проанализировали каждый шаг предстоящей операции. Днем было проверено, не получено ли каких-либо новых сообщений от пленных, нет ли изменений в расположении часовых. В результате последней проверки «Андрею» было доложено о готовности к операции.

Ждала Толю. К обычным мыслям в такие дни прибавились новые. Проведение операции связано с людьми, которых, по существу, никто не знал. Выдержат ли они в случае провала побега – вот мысль, которую я не могла отогнать. «Андрей» опять назвал бы меня «премудрым пескарем», что однажды пришлось мне услышать в бытность его пребывания у нас в доме. Шел разговор о доверии к людям. Я высказала свою точку зрения, что доверяю лишь людям, которых хорошо знаю, а вообще подхожу очень осторожно. Я и пескарь?.. Было от чего придти в недоумение. Объяснила «Андрею», что сейчас, как никогда, на мой взгляд, нужна осторожность, что малейшая неосторожность может повлечь к гибели многих, следова-

тельно, доверять можно хорошо изученным тобою или другим, кого знаешь и доверяешь. Нет, я пескарь, да и только.

– Не доверяя людям, нельзя вести борьбу с врагом, – бросал мне «Андрей», желая убедить, что я самый настоящий премудрый пескарь.

– Вот именно, во имя этой борьбы я и подхожу с особой осторожностью к людям. Пусть лучше будет меньше, но проверенных, кто не будет внушать ни малейшего подозрения, – говорила в свою очередь я.

Вмешался Анатолий, молча слушавший нашу полемику.

– Нет, Андрей Иванович, тип премудрого пескаря я знаю хорошо. Мы проходили это произведение в школе, но маму я тоже знаю хорошо, и сравнить ее с ним никак невозможно.

Узнай «Андрей» сейчас мои мысли, не миновать бы мне вновь услышать, что я пескарь. Отрешиться же от них я не могла.

Пришел Анатолий. Не спеша разделся.

– Все готово, мама. Сейчас придет Элик. Он посидит здесь с тобой до половины десятого, а затем выйдет в ров, где и встретит нас. Яша в 6 часов выйдет на явку предупредить Гришу о возможном опоздании: ведь с нами будут идти люди истощенные, не оправившиеся от ранений. Виктор заболел, Геннадий не вышел, и Яше необходимо идти одному. Я с Васей выйдем отсюда в 7 часов, пусть дедушка приготовит форму, – спокойно говорил Толя.

– А ты представляешь, мама, какие томительные минуты переживают сейчас в лазарете те, кто ждет нашего условного стука, несущего им избавление от неволи, – задумчиво произнес он, и тотчас же уверенно, бодро, с загоревшимися глазами добавил. – Ничего, скоро выведем их.

Мне ли, пережившей столько минут ожидания их условного стука, не понять состояния тех, о ком он говорил. Тот стук нес освобождения от неволи мне – от тревоги за сына, за всех сыновей...

– А ведь верно, что «Муся» бурно-порывистая. Сегодня при прощании, желая удачи, она с торжественным волнением в голосе говорила: «Сегодня, "Костя", страна смотрит на нас...».

– А интересно, мама, в Москве знают о нашей работе? – вопросительно скороговоркой произнес Анатолий с глазами, полными теплого света, ставшими еще ярче при упоминании дорогого города,

откуда незримо тянулись нити, вливающие в сердце людей веру и бодрость. Он как бы видел ласковую, подбадривающую улыбку того, о ком много раз говорили, сидя здесь же, за столом, готовясь к боевым действиям.

Пришел Элик, принес от «Муси» продукты для пленных. Вскоре пришел и Вася, затем Вера с сообщением, что Яша уже вышел на явку. При взгляде на них, собравшихся вместе, ярче видишь, каким торжественным спокойствием, непоколебимой уверенностью проникнуты они перед предстоящей операцией. Их спокойной уверенностью дышала вся комната, она укреплялась во мне, отгоняя тревожные мысли. Не было торопливой суеты, что обычно наблюдалось в доме при выходах на явку, все было проникнуто бодрым спокойствием: я занялась упаковкой продуктов для пленных, для ребят. Анатолий, Вася и Элик перешли в столовую. Посидев немного и переговорив еще раз о технике проведения операции, Анатолий и Вася стали переодеваться в принесенную бабушкой немецкую форму.

Никак не могла я привыкнуть к их виду в чужой, ненавистной одежде. Они, зная это, посмеивались надо мной, дурачась и пристававшая с вопросами на чужом языке. Сегодня вопросов нет, но Вася не может удержаться, чтобы комично не подмигнуть глазом в сторону Анатолия, уже одетого и засовывавшего «тэтэ» в карман шинели.

— Ты, «Павлик», сегодня вволю наговоришься с мамой о высоких материях, благо, сидеть тебе целых 2 часа, — смеясь, говорил Толя, надевая на себя автомат.

Вот и готовы. При выходе во двор он тихо мне шепнул:

— А ты не волнуйся. Часов в 10 сообщат тебе, что мы идем уже по дороге в лес.

Темно... грязь... Вышла за калитку, прислушалась... Шепнула им: «Идите...». И они скрылись: два «немца» с горячими русскими сердцами.

О многом мы переговорили с Эликом, сидя возле стола в нашей маленькой кухоньке. Вспоминали школу, где они учились, а я работала, остановились на педагогах, которые оставили о себе хороший след в сердцах ребят.

— А здорово получилось, мне рассказывали ребята, как Толя поздравил Драганова с Днем Красной Армии в присутствии всего класса. Он лишь улыбнулся в ответ... — смеясь, вспомнил Элик.

Разговор перешел на борьбу с врагом, о необходимости быть осторожным при разговоре с малознакомыми людьми.

— Помнишь, твоя мама допустила оплошность в начале 1942 года, указывая на Толю и говоря человеку, который сидел у нее: «Это молодой человек, который слушает радио». Ведь Толя не знал его.

— И который впоследствии оказался не на высоте. Я часто напоминаю маме, чтобы она меньше говорила, — перебил меня Элик.

— Значит неслучайно я слышу, как Толя предупреждает всех быть осторожнее в разговорах дома. И это, Элик, называется не отсутствием доверия, а целью оградить всех от последствий неосторожно сказанного слова кем-либо из домашних. И тебе Толя несколько раз говорил об этом, указывая, что ты не должен смотреть на то, что я, мама, в курсе всех событий. Мне невозможно быть в стороне, я тесно связана с вами: приемник, типография, бюро комитета, сборы на явку, выход на операции, вот как сегодня, всё это здесь, всё требует максимального напряжения, слежки за окружающей обстановкой, помощи в нужный момент. Помнишь, ты с ребятами принес много литературы, которую срочно надо было перенести в город. Нагрузили бабушку, Стефана, отправили их, затем «оделись» литературой мы с тобой и, спокойно разговаривая, доставили ее к Д. Я являюсь участником ваших разговоров, обсуждений, это дает мне право давать вам тот или иной совет. Но ты видишь, что при обсуждении особо важных вопросов никого из домашних, кроме меня, не присутствует. А разве Толя им не доверяет? В силу того, что у вас в доме румынское казино, и даже вы, живущие там, входите в дом по пропускам, мама не видит ни одного из ребят, она их не знает, следовательно, о многом ты можешь не говорить. Мама не связана с СПО, она знает лишь тебя, знает, что ты ходишь на явку, ночуешь у нас, остальное проходит вне ее поля зрения. И поверь, в случае опасности ей легче утверждать, что она не знает ничего, если так будет в действительности, — говорила я Элику после его слов, кем оказался тот, кому его мама так доверчиво указала на Анатолия как на слушателя радио.

— Я знаю, М.П., и не все говорю маме. Особенно после того, когда я еще недостаточно был знаком с правилами конспирации, послушал маму и пошел к В. расспрашивать дорогу в лес, сказав ей, что листовки СПО — наши листовки, о чем я тогда же рассказал Толе и Боре, за что мне и досталось.

— Здесь всецело виноват ты, а не мама, — перебила я Элика. — Мама, возможно, не знала еще от тебя, что связь уже есть с лесом, но ты знал это отлично. Ты ведь приходил к нам в тот день, когда Толя вернулся впервые из леса. Тебе незачем было ходить расспрашивать о дороге. Ты знал, что пойдешь не один туда. Хорошо, что дальше этого разговор не пошел, и думаю, что подобных ляпсусов ты уже не повторишь, — говорила я ему, зная, как он мучился сознанием, что нарушил конспирацию.

— А крепкий вы человек, М.П., ведь вы волнуетесь сейчас, думаете о ребятах, а с виду спокойны. Только нет-нет и промелькнет в глазах что-то иное, они на мгновение становятся отсутствующими. Мы разговариваем, смеемся, шутим по-поводу большого количества гороха, что я уничтожил с аппетитом, а я знаю, что вы беспокойны, — вопросительно смотря на меня, говорил потом Элик.

— Элик, милый, какая польза, если я начну высказывать свою тревогу. Мне легче не станет, но тебе передам свое состояние. А ведь и тебе, и Толе, и остальным предстоит проделать трудный путь. Вот и держу себя в руках, а кроме того, верю, мальчик, всегда верю, как и вы все, что будет всё хорошо. То, что ты подметил иное в глазах, и есть то, чем я обьята сейчас: прислушиваюсь, нет ли стрельбы там, где решается вопрос, возможно, жизни людей, — стараясь не выдать волнения, отвечала я Элику.

— Но знаешь, Элик, боюсь что здорово отразятся на мне все эти годы. Постоянное напряжение, стремление держать себя в руках — это жизнь нервами. Ну, ничего, будем надеяться, что осталось недолго, скоро мы будем свободны. Пойду в школу, буду работать — быстро сгладятся эти жуткие годы, — весело закончила я свои слова.

В разговоре незаметно прошло время. Часы гулко пробили один удар.

— М.П., уже половина десятого. Пора идти, — поспешно произнес Элик и стал одеваться.

Тревожнее забилося сердце — через полчаса я буду знать результат операции...

Что-то там промелькнуло в голове у обоих, и что-то прочитали в глазах друг у друга.

Вышли во двор. Открыла калитку. Тихо. Поцеловала его, едва слышно шепнула: удачи, — и он тихо ступает по улице. Его не видно,

но слышны его шаги, шаги идущего по непролазной грязи человека. Не слышно шагов... значит ушел...

Возвращаюсь домой, взойшла на крыльцо и оглянулась вправо наискось, где находился клингородок, стремясь мысленно видеть, что там происходит. И вдруг неожиданно заплесали по небу, куда я глядела, лучи прожектора, вытянули свои щупальца, ползали, опускались ниже, все ниже... застыли... Тишину прорезала автоматная очередь...

— Открыли побег... Их много... Прожектор нащупал.... — проносится у меня в голове. Мысли не шли дальше этих отрывков, остановились на них.

Сколько стояла, не знаю. Прожектор потух. Что еще ждать. Ведь кончено все... нет, стою, на что-то надеюсь...

Вошла в дом, села на свое обычное место, в уголке между столом и умывальником, где сидела всегда, ожидая возвращения Анатолия с товарищами. Ни о чем не думала, не рисовались никакие картины. Охватило ледяное, тупое безразличие, мысли не рождались в голове. Тихий стук в окно вывел меня из оцепенения.

— Кто?

— Вася, — слышу тихий смеющийся голос.

— Живы?

— А почему нет. Даже языков повели в лес, — смеялся Вася, раздеваясь.

Разделся, вымылся, сел за стол, который стал молчаливым участником борьбы с врагом: на нем по ночам набирались листовки, за ним велись оживленные беседы ребят из СПО, за ним в первую очередь шел рассказ о проведенной операции, к нему присаживался любой, кто приносил ту или иную весть, за ним я сидела в ожидании Анатолия и всех, кто должен придти с ним. За этим столом, сидя напротив меня, Вася в немногих словах передал мне, как проходила операция.

— Подошли к лазарету. Часовые спросили пароль. Вместе с паролем они слышали тихо, но внятно произнесенные слова «руки вверх». Один поднял сразу, а другой оказался настырным, начал сопротивляться, но был моментально утихомирен. Быстро связав часовых, мы разрезали колючую проволоку и условным стуком в окно дали знать пленным, которые уже нас ожидали. В первую минуту,

увидев нас в немецкой форме и приняв за немцев, они в испуге отшатнулись от окна, но Толины слова: «Товарищи, мы свои», сказанные им быстрым шепотом, вернули им способность двигаться. Бесшумно вылезли они через окно, и в полном молчании мы стали отходить от лазарета. Вышли в поле, где во рву ожидал нас «Павлик». Сейчас они уже тронулись в путь. Вся операция прошла замечательно, — рассказывал мне Вася, и горящие торжеством и зазором глаза его говорили о радостном возбуждении, которым он объят.

— Хорошо, что выслали связного раньше, так как на явку они придут с большим опозданием, — освобожденные идут медленно, к тому же большая грязь, не подморозило... А я пойду спать, М.П., устал... Завтра идем с Вовой Е. минировать «Красный», надо отдохнуть, — говорил Вася, вставая и потягиваясь, с усталым, но довольным видом.

27 января

Вчера Вася, Вова Е., Толя В. и Вася А. ходили минировать с/х «Красный», где находились склады с боеприпасами противника.

— После минирования я вернусь к Вам. Пусть калитка будет не запертой, — говорил Вася, выходя на улицу, куда я вышла его проводить.

Почти всю ночь просидела я в ожидании его. И он не пришел. Поползли тяжелые мысли, вызывая перед глазами одну картину за другой, образы ранее погибших.

«Неужели прибавятся новые жертвы?» — с тоской проносился вопрос в голове. Перед рассветом забылась тревожным, чутким сном. Чувствуя сквозь сон возле себя присутствие кого-то другого, я открыла глаза: стояла Вера, вид которой говорил, что она пришла неспроста.

— Яша пришел, — быстрым шепотом произнесла она.

— Яша? Ребята?.. стремительно поднимаясь, спросила я Веру, не в состоянии понять, что произошло, почему вернулся Яша, если он должен находиться в лесу.

— Ребята? — переспросила я Веру, впиваясь в нее глазами.

— Он не видел их, разминуся...

— Пусть сейчас же придет ко мне, — говорила я Вере, понимая, что только Яша мог дать исчерпывающий ответ на ряд возникших вопросов, вызванных его неожиданным возвращением.

Оделась. Жду Яшу. Вот показался он по дорожке в саду: Яша — и не Яша. Я привыкла видеть его с поднятой немного головой, улыбающегося, шагающего большими шагами. Теперь он шел, опустив голову, медленной походкой, будто непосильная тяжесть мешала ему идти быстрее. Его вид заставил тревожнее забиться сердце. Вошел в дом. Лицо без тени намека на улыбку, с которой он обычно входил, впавшие глаза. По ним я видела, что у него горе, тоска.

— Ну, рассказывай, — как можно спокойнее говорила я Яше.

И он, с затуманившимися еще более глазами, с глубокой болью, горечью в голосе рассказал:

— Было темно. Ни одной звездочки не было видно. Я шел по компасу. Дошел до кринички. Оставалось километра 2 до явки — я потерял дорогу. Ориентироваться по компасу уже не мог: это состояние, зная, что остаются какие-нибудь шаги, мы с «Павликом» проходили обычно без компаса. Вдвоем легче разыскать потерянную дорогу: один стоит, другой идет на розыски и по тихому свисту возвращается к прежнему месту. Я долго кружил в темноте, не находя места, откуда уходил на поиски, бессильный от отчаяния. Гриша уйдет обратно в лес, не дождавшись никого из нас, и ребятам придется идти по лесу одним без проводника. Эта мысль заставила меня вновь начинать поиски дороги. В конце концов я потерял всякую ориентировку. Прислушивался в надежде уловить малейший намек, что проходят где-то недалеко ребята. Ничего. Стало светать. Остаться больше нельзя, надо возвращаться. Пошел обратно. Лег в ложбине, где и пролежал до вечера. Вечером тронулся в путь и ночью пришел к тете Вере.

Последние слова он говорил отрывистым, с трудом произносимым шепотом.

— Я знаю, Толя не будет кричать, ругать меня, он только посмотрит с укором. Я заслужил его: не выполнил порученного задания. В такой ответственный момент заставил ребят идти без Гриши. Они найдут дорогу, я уверен, но я доставил лишние трудности, — продолжил Яша, и я видела всю глубину его горя, видела с трудом сдерживаемые им слезы отчаяния.

— А ты поплачь, Яша, тебе легче будет. Поплачь, не стесняйся. Говорят, что слезы приносят облегчение, — говорила я ему, видя, что ему необходимо как-то облегчить его состояние, вернуть веру в себя.

Скупые слезинки скатились из глаз у этого крепкого паренька, «трудовой пчелки», как я назвала его когда-то, давая им устные характеристики по их просьбе.

— С каждым, Яша, может случиться. Ты заблудился не по халатности, не из-за отсутствия чувства ответственности перед возложенной на тебе задачей. Пожалуй, лучше бы было отправить «Павлика» вместо тебя, который изучил в совершенстве дорогу.

— Нет, Толик верно распределил нас. С ним должен был идти «Павлик». Они вели слабых людей, шли не одни. Нет, виноват я один, — с тоской продолжал Яша.

— Не ты, а обстоятельства: не заболел Виктор, выйди Геннадий, ты не ушел бы один, и легче бы было дорогу найти.

— Подумать только, ведь оставалось небольшое расстояние... Когда я зашел к Виктору перед уходом на явку, он хотел идти, несмотря на то, что у него была температура 39. Я думал, что пойду с Геннадием.

— Ну, ничего, Яша, будем надеяться, что мальчишки скоро уже придут в штаб, и все будет в порядке. Садись, поешь немного, ты ведь голодный, — переходя на другую тему, говорила я.

— Мысль о еде не приходила в голову. Я все принес целиком, и сейчас не хочу.

— Тогда иди домой, выпишись хорошенько, не убивай себя мыслями о случившемся. Повторяю, что с каждым может случиться, береги силы, они тебе еще пригодятся.

Он ушел с прежней тяжестью, но уже не с тем выражением безысходной тоски, что я видела вначале.

Вскоре после его ухода пришла Е.Л. узнать, как прошла операция, чтобы сообщить «Андрею» и «Мусе».

— Есть сведения, что комендант лазарета только утром сообщил о побеге, боялся ночью выйти из квартиры, чтобы не попасть в руки партизан, — говорила она, смеясь, довольная тем, что я ей рассказала.

— Я все же остаюсь при своем мнении, что горсточка ребят из СПО делают больше, чем мы. Недаром «Андрею» часто напоминают из штаба, чтобы он берег «Костю» с ребятами. Пойду, обрадую его, что мальчишки благополучно совершили и эту операцию.

От Люси узнала, что немцы заложили камнями разрушенный забор, через который ребята проходили, что у женщин, которые, как

обычно, принесли передачу пленным, забрали паспорта. Для отвода глаз была принесена передача и тем, кого уже не было в лазарете. Днем раздался оглушительный взрыв. Над «Красным» поднялись громадные черные столбы. Вернувшиеся из города Стефан, Люся, дедушка рассказали, что силой взрыва в городе открывались двери, вылетали стекла.

Минирование удалось, а Вася не приходил. Узнать не у кого, где живет не знаю, да и бесполезно. Что могут сказать его родные незнакомой женщине.

Мысли шли в двух направлениях: тянутся в лес, желая проследить тяжелый путь без Гриши, и стремятся проникнуть туда, куда уходил Вася с товарищами, проследить его путь.

28 января

Вася не приходил... Около 4-х часов пришел Яша узнать, не вернулся ли Толя. Вижу по глазам, что хочет что-то сказать и мнётся. Думы о Васе натолкнули на разговор о Семёне, Борисе и жене.

— Васю жаль, — нерешительно произнес Яша...

— А что?

Тревога вспыхнула ярче, гулко забилося сердце.

— Да нет... Определенного еще ничего нет, так, слухи... — не смотря в глаза, тянул Яша.

— Говори всё. К каждому слуху надо прислушиваться, возможно, срочно надо принять меры, — решительно бросила я.

Сегодня мать Геннадия рассказала, что она слышала, будто в районе вокзала убит партизан Вася, небольшого роста, черненький.

Вася... небольшого роста... в районе вокзала, неужели наш Вася. Так вот почему он не пришел, как обещал, — пронеслось в голове. Искала за что зацепиться, что дало бы надежду, и ничего не находила. Почему он не пришел, вставал каждый раз вопрос.

И Анатолия нет... Не вернулся сегодня. Буду ждать завтра.

29 января

Вернулся Анатолий с ребятами, пришла с ними радистка, объявился Вася живым... Столько хорошего в один день, что мысли путались, перескакивая с одной на другую.

Было темно. Раздались осторожно шаги возле двери. Калитка в дни возвращения из леса с явок, операций никогда не запиралась. Открылась дверь, вошли Анатолий, Элик и какая-то закутанная женщина. Окоченевшие, с синими лицами, но глазами, излучавшими довольство, радость. Их вошло трое, но Толя и «Павлик» своим торжеством заполнили всё. Казалось, каждый из них троился. Мешки на окне, на полу. «Кто она, откуда?» — читал вопрос в моих глазах Анатолий.

— Это подарок ко дню моего рождения, мама, — с сияющим лицом говорил Анатолий, после чего познакомил меня с закутанной фигурой, которая окоченевшими руками пыталась расстегнуть воротник пальто. Помогла ей раздеться, — и передо мной стоит молодая девушка с серыми глазами, с улыбкой, открывающей ряд ровных зубов.

— Это и есть радистка, которую мы просили столько времени у штаба, — пояснил Анатолий свои слова о «подарке».

Не хотелось омрачать его радостное возбуждение сообщением о Васе, но надо поставить в известность. Рассказала всё, что слышала от Яши, когда в последний раз был Вася, о взрыве в «Красном».

— Вася... не верю, тут что-то не так, — убеждённо говорил он, не допуская мысли, что Вася мог погибнуть.

Пока мылись, переодевались, рассказала о злоключениях Яши, о котором Толя спросил уже у Веры. Просила осторожно отнестись к нему в этом вопросе, так как он болезненно пережил неудачу.

Шура, переодевшись в моё платье, сидела возле печки, накинув на плечи шаль, отогреваясь и рассказывая о тяжёлом пути из леса, пока я готовила завтрак на стол.

— Я убедилась сегодня, какой тяжёлый путь приходится проделывать ребятам, идя в лес и обратно. Под конец я выбилась из сил, ничего уже не несла, да вдобавок пронизывающий насквозь холодный ветер... — закончила она описание проделанного пути.

Сели за стол, Стефан заставил их всех выпить по рюмке водки, чтобы скорей согрелись. Пришла бабушка узнать, вернулся ли Анатолий. Сидели, разговаривали. Если отбросить разговоры, обстановка ничем не напоминала, что сидят вернувшиеся из леса люди, принёсшие с собой многое, что даст возможность усилить борьбу с врагом, что облегчит им работу.

Пришла Вера с просьбой Вовы Л. разрешить ему прийти к нам. Я, смеясь, говорила, что до сих пор он часто непосредственно от Веры шёл домой, а сегодня его тянуло сюда. Их радость так велика, что не нашла в себе силы отказать Вове, и через 5–8 минут он уже был здесь, сидел за столом, переодевшийся и вымывшийся у Веры.

Шура, уставшая более их, легла спать. Вскоре ушли Элик и Вова. Анатолий, воспользовавшись тем, что дедушка и Стефан пошли на работу со своими обычными корзинками, нагрузил их литературой, принесённой из леса, которую они должны занести Е.Л. и передать ей, чтобы она пришла к нам.

Проделав тяжёлый путь, Анатолий не чувствовал усталости. Он переполнен радостным торжеством. Сбылась мечта: имеется рация, прибавились автоматы... Он чистил их тут же у себя в комнате... А Шура-радистка крепко спала рядом в соседней комнате, заботливо укрытая им уже третьим одеялом.

— Толик, надо спрятать скорей, — тревожно напомнила я

— Ничего, мама, я ведь счастливый, да уж очень хочется порадовать Е.Л. их видом. Через час-два сделаю покрывающие и закопаю. А пока не ругай, всё будет хорошо, вот увидишь, — оправдываясь и заразительно улыбаясь счастливой улыбкой, отвечал он мне.

Пришла Е.Л., которую дедушка и Стефан застали ещё в кровати.

— Поздравляю с удачным выполнением операции, Толя — заражаясь его видом и улыбаясь, приветствовала Анатолия Е.Л.

— А какую радость я принёс, — с загадочной улыбкой произнёс Анатолий вместо ответа на прощание.

— Мне? Что же? Лично мне? Письмо от Ямпольского? — быстро спрашивала она.

— Нет, другое, больше письма...

— Но что же, Толя? Говорите скорей.

Вместо ответа он подвёл её к кровати, где, зарывшись в одеяла, спокойным сном спала Шура.

Е.Л., ничего не понимая, вопросительно смотрела на меня, на Толю.

— Это и есть обещанная нам радистка, — шёпотом, стараясь не разбудить Шуру, пояснил Толя Е.Л.

— Вот хорошо. А квартира есть для неё? Как с документами?

— Вы же с Андреем говорили, что уже давно она приготовлена для радистки, я так и в лесу говорил, — недоумевающее глядя на неё, отвечал на вопрос о квартире Анатолий.

— Извините, Толя, я забыла. Квартира есть и даже не одна, — поправились Е.Л.

Толя стал показывать остальное «богатство», как он выразился. Он любовно брал в руки каждый автомат, будто то, что он держал в руках, было живым существом.

Смотря на оружие и обернувшись к Толе, который с автоматом в руках, своей рослой фигурой, ликующим лицом олицетворял мужество, с каким они шли на боевые дела, Е.Л. говорила:

— Автоматы, Толя, держите у себя. Вы с ребятами скорей их используете по деловому, вам они нужнее, чем нам. Нам больше литературы.

Посидев немного, она ушла к «Андрею» с сообщением о возвращении Анатолия и приходе радистки.

Толя, приготовив покрыва для автоматов, на что пошли все мои клеёнки со столов, закопал их в погребе с тем, чтобы завтра перед приходом «Андрея» достать и порадовать его их видом.

— Ты прилёт бы немного, ведь тоже устал, — предложила я ему.

— Устал. Может быть, но не чувствую. Ты знаешь, каждый раз, когда я побываю в лесу, я ощущаю новый прилив силы, бодрости. Эх, если бы одного из них сюда... Ты бы видела их, мама, — знаю, что и у тебя сложилось бы мнение, что и у меня. Они понимают нас, комсомольцев, вникают во все нужды СПО и знают, что все мы готовы отдать жизнь во имя борьбы с врагом. Часто слышу в штабе, чтобы мы берегли себя. И это не формальные слова, за ними чувствуешь искреннюю, отеческую заботу о себе, о ребятах. И о вас думают. Предлагают вывести вас из города, чтобы переправить на большую землю. Много смеялись, когда я стал, загибая пальцы, перечислять всю нашу семью... Мне было бы лучше, если бы вы находились вне города: я был бы свободен от мысли, что ждёт вас в случае моего провала. Слова Лугового и Ямпольского говорят об их желании обезопасить вас от возможной угрозы.

Встреча в штабе, разговор, проводы, напутствия нам — всё проникнуто особенной теплотой, которую читаешь в их глазах, улыбках.

Луговой так заразительно смеется, слушая наши злоключения, что невольно сам начинаешь смеяться, и они начинают казаться уже не такими, какими казались. Рассказывая о «чёрных глазах» К., я говорил им, кто она, где работает, что я ночевал в их доме после ареста Бориса, что она знала, куда я ухожу. В том, как они расспрашивали о ней, не было ничего оскорбительного, не было запугивания. А знаешь, мне начинает казаться, что Н. умышленно сгущает краски вокруг неё, но в каких целях — не знаю. В штабе уже знают о моей вере в «счастливую звезду», под которой я родился, и Ямпольский, слушая отдельные эпизоды, с лукавой улыбкой говорил, что «счастливая звезда» помогла... Хорошие они... — задумчиво вырвались у Толи слова.

Пришел Яша. Радостно вспыхнули глаза его при виде возвратившегося Анатолия.

— Ты поругай меня хорошенько, я заслужил, — смущенно проговорил он, глядя на Толю.

— А зачем? И со мной, и с «Павликом», и с любым могло случиться подобное. Главное, что все обошлось благополучно. Если мы пришли в штаб значительно позднее, то это вызвано не тем, что мы шли без Гриши, а присутствием слабых людей, которые не могли идти на большое расстояние, как ходим мы. В штабе уже думали, что операция не состоялась или прошла неудачно.

— Вася! — вскричала я радостно, изумленно, перебивая Анатолия и подбегая к окну, не веря своим глазам, что видела живым того, кого считала погибшим.

— Я ведь говорил, что не может Василий погибнуть, — спокойно произнес Анатолий, поворачиваясь к двери, в которую входил Вася, растерянный, но смеющийся.

— Вася, милый, ведь я думала, что ты погиб! — смотря на него счастливыми глазами и снимая несуществующие пушинки с его воротника, объятая одним чувством облегчения, говорила я Васе.

— И бабушка говорит это же... Мне пришлось поддержать ее, так как она зашаталась, увидев меня, — смущенно улыбаясь, как бы извиняясь, что помимо желания доставил всем такую тревогу, произнес он.

Стал рассказывать о минировании склада с боеприпасами в совхозе «Красном». Объяснил, почему не пришел в тот вечер ко мне: не хотел оставлять ребят и пошел ночевать к Вове Е.

— Прошедший взрыв днем 27-го показал вам, что операция прошла более чем удачно, и я не приходил. Если бы знал, что заставил вас так тревожиться, в тот же вечер пришел бы.

Вскоре присоединился к ним Элик, отдохнувший после проделанного пути. Хотел было посмеяться над Яшей, но взгляд Анатолия остановил его, смущенно покрасневшего. Удивленно посмотрел он на Анатолия, когда узнал, что тот не ложился отдыхать.

— А я спал беспробудно целый день и проснулся лишь перед уходом к вам, — довольно протянул он с видом действительно хорошо поспавшего человека.

30 января

Сегодня день рождения Анатолия. Быстро пролетели годы. Кажется, недавно, совсем недавно он в клубе Швейпрома, только что одев пионерский галстук, торжественно говорил: «Я, юный пионер, перед лицом своих старших товарищей...».

Помню, глубокое волнение охватило меня, когда я слушала слова клятвы, а затем ответное слово «пионера Толи Косухина», где он от имени всех только что принятых пионеров обещал крепко держать клятву. Помню, как серьезно он подходил к вопросу вступления в ряды комсомола. Теперь, совсем недавно, между нами произошел разговор, показывающий, что он твердо держал в памяти слова клятвы, которую давал, одевая впервые пионерский галстук.

— Мама, я выбран в члены подпольного горкома ВКП(б), — сказал он мне однажды, оставшись со мной наедине в своей комнате. Он произнес эти слова тихим, проникновенно-торжественным голосом, со спокойным лицом, и лишь глаза говорили о необъятном, глубоком волнующем чувстве, во власти которого он находился.

Быстро промчались годы... Промелькнул перед глазами весь жизненный путь Анатолия: от звездочки октябренька по сегодняшний день. Через суровые испытания прошли комсомольцы, на горне борьбы с ненавистными захватчиками ковался их дальнейший путь, по которому они идут во имя любви к Родине.

В 12 часов пришли поздравить Толю «Андрей» и Е.Л. В доме никого, кроме нашей семьи и Шуры-радистки, не было. Сидели за столом, и разговор шел вокруг борьбы с врагом, совсем не похожий на «именинный» разговор. С горячим воодушевлением говорил «Ан-

дрей» о росте патриотических групп, о готовности каждого отдать жизнь во имя Родины. Он просил меня повлиять на Анатолия, чтобы не надеялся слишком на свою «счастливую звезду», на «авось», меньше бы допускал риска.

— Они идут на «авось», а я отвечаю за них. Часто из леса мне напоминают: береги «Костю», ребят. А как их убережешь, если они надеются на «счастливые звезды», на «авось», — недовольно говорил «Андрей», сердито поглядывая на «Костю», с лукавой улыбкой поглощающего свой любимый пирог.

— Об осторожности я напоминаю им ежедневно. Относительно риска, «авось» — затрудняюсь что-либо сказать. Вся их работа говорит о том, что они не идут, безрассудно рискуя жизнью, а идут, тщательно продумав всё. Риск во всём: распространение листовок, переброска литературы, мин, типография, приёмник, то, что вы жили у нас, сейчас вот Шура находится здесь — всё это риск, избежать которого нельзя. Работа типографии в доме — тоже большой риск, но работа, обдуманная всесторонне, идет пока удачно.

Вступление в подпольную организацию — это уже риск, но он не останавливает работы патриотических групп, как вы уже говорили вначале. Я смотрю так, Андрей Иванович, что только тот не подвергается риску, кто окопался в своем доме, прочитал листовку, газету и скорей ее в печку, не думая, что их надо распространять. Да и здесь риск — в момент чтения могут нагрянуть неожиданно немцы, «полицай».

Относительно «авось». Ребята из СПО не говорят это так, что, дескать, можно, ничего не делая, надеяться: авось пройдет. В это слово они вкладывают глубокую веру, что проделанная работа поможет им с честью выйти из положения.

Я тоже, ожидая их с операций, говорю, успокаивая себя: ничего, авось, удачно. И этот «авось», Андрей Иванович, не говорит, что я полагаюсь на это слово в том смысле, как принято его понимать, оно как бы укрепляет мою веру в благополучный исход, — говорила я «Андрею», желая оградить Анатолия и товарищей его от незаслуженного упрека.

— Он чуть не погубил меня нападением на панораму, не подумал, что в этом районе живу я, — не сдавался «Андрей».

— Нет, он с опозданием, но все же подумал, иначе вы не сидели

бы здесь. Он вспомнил, чем могла кончиться так удачно проведенная операция, если был бы убит хоть один немец, и ограничился тем, что было уже сделано. Он рассказывал мне, что испытал, когда вспомнил, что рядом живете вы.

— И тут помогла моя «счастливая звезда», — начал было Анатолий, но был прерван «Андреем».

— Вот видите. Он не уважает меня... Я запрещаю тебе произносить эти слова! — волнуясь, говорил «Андрей».

Вмешалась Е.Л.

— Андрей Иванович, я знаю, что «Костя» уважает вас. Эти слова вырвались у него по привычке.

— Уважает... Я знаю, что уважает, но не слушается. Вот она, — указывая мне на Е.Л., продолжил «Андрей», — слушает меня... Благодаря ей я познакомился с вашей семьёй...

— Андрей Иванович, да ведь вы познакомились с Е.Л. здесь, в нашем доме, — смеясь, бросила я, что также смеясь подтвердила Е.Л., и с чем «Андрей» тотчас согласился, смеясь вместе с нами.

Многое хотелось сказать на это ему, но Анатолий пригласил его в свою комнату показать «богатство» — принесённые из леса автоматы. Широкой улыбкой осветилось лицо «Андрея», но указал, что такие вещи нельзя держать в доме ни минуты. Успокоился, когда услышал, что в доме обычно «чисто», что лишь сегодня, обуреваемый радостью, «Костя» нарушил порядок. Поговорил с Шурой и опять разволновался, узнав, что отправлена была радиограмма на Большую Землю для леса, извещающая, что Шура с ребятами дошла благополучно, что пока остановилась у «Кости».

— Какое право ты имел посылать без моего ведома?! Рация прислана Горкому, а не молодёжной организации, — обрушился он на «Костю», затем, обернувшись к Шуру, строго произнёс:

— А ты, дружок, знай, что находишься в моём ведении, и от него передач не принимай.

Время стало приближаться к четырём часам, когда неожиданно пришла Ч. мать моего бывшего ученика, которая была в этом районе, вспомнила, что где-то здесь живу я, и разыскала наш дом. Посидев ещё немного, «Андрей» и Е.Л. ушли к большому огорчению Е.Л., как она успела шепнуть, так как ей хотелось выпить налитую чашку чая.

Ч. посидела немного, рассказала, где работает, как попала туда, как живёт и, поговорив о родителях других моих учеников, вскоре ушла.

Втроём с Шурой и Верой мы стали наводить порядок к «приёму» Элика, Яши, Вовы Л. и Васи Бабия, т.е. тех, кто бывал постоянно у нас. Хотелось в этот день видеть в доме многих ребят из СПО, но конспирация лишала этой возможности: кроме перечисленных ребят никто не знал, где живёт Анатолий. Не будет никого и из девушек.

— Тебе, родненькая (так любовно называл Толя Шуру, вкладывая в это слово всю радость по поводу наличия теперь рации) придётся быть единственной среди нас, ничего не поделаешь. Следующую годовщину моего рождения повеселимся по-настоящему: она будет проходить уже в иной обстановке, — говорил Толя, засовывая автоматы в чехлы, чтобы вновь закопать их в погреб.

Под вечер собрались все, за исключением Вовы. Минутная стрелка показывала, что вот-вот наступит запретный час. Его всё не было. Не случилось ли чего — проносилась мысль. Стрелка уже на 12-ти...

— Проскочит, — уверенно бросил Вася. И как бы в ответ раздались торопливые шаги возле дома, и вошёл Вова, запыхавшийся, потный, несмотря на холодную погоду. Оказалось, ему хотелось прифрантиться, и тётя заканчивала ему новую белую рубашу, в которой он и пришёл, но которую ему, к огорчению, пришлось снять, так она была будто только что из воды. Стефан сходил за дедушкой, бабушкой, Люсей. Проскочила в темноте через дорогу Вера. Посмеялись, что «ко всему можно привыкнуть». Если раньше с запретным часом мы были оторваны друг от друга до утра, то теперь уже Вера без трепета, выждав, когда пройдут патрули, в любой час вечера и ночи приходила к нам.

Было немного вина, за один приём произносились горячие, идущие из глубины души тосты. За Сталина — были первые слова, за партию, за родную Красную Армию, за молодёжь, что пополняет ряды партии в годы борьбы с врагом, за дедушек и бабушек, за боевую дружбу, за «трудовых пчёл», помощь которых облегчает борьбу — раздавались тихие, но звучащие с силой слова сидевших вокруг стола. Вспомнили и погибших товарищей, гордясь их стойкостью. Разговор перескакивал с одной темы на другую. Я шутя предложила договориться им всем встретиться через несколько лет в этот день,

или в крайнем случае обменяться письмами. С оживлением ухватились все за моё предложение и наметили встречу через 10 лет.

— А возможно, что никого и в живых не останется...— начал Элик, но его слова были прерваны Васей:

— На сегодня мы живы и будем жить. Погибнем — вспомнят те, кто остался цел, но мы должны остаться в живых. За ребят из СПО, за конспирацию, за дисциплину, что поможет нам избежать опасных случайностей, — весело говорил Вася, наливая стакан компота из сухих фруктов и поднимая его вместо вина.

— А теперь потанцуем, потанцуем сегодня вволю, — стали раздаваться задорные голоса Толи, Васи, Вовы.

— Жаль, что «Павлик» и Яша не умеют, — дала реплику я.

— А мы уже научились, — смеются оба.

— Прошлый раз, когда ходили базировать оружие, после базирования танцевали фокстрот. Здорово получалось, — слышим мы от смеющегося Яши.

Представив двух приземистых пареньков, танцующих в поле в темноте фокстрот, никто не мог удержаться от смеха. Впервые с лета 1941 года я видела танцующих у себя дома. То, что на улице доносились звуки музыки, меня не тревожило: «невзначай» в разговоре с соседями я упоминала за несколько дней, что 30-го Толин день рождения. От них знали об этом живущие у них немцы. Знали и немцы, что жили у бабушки. Без устали пришлось танцевать Шуру, сменяя одного партнёра за другим.

В обычный час дедушка принёс приёмник, и Толя сел принимать сводку, что послужило началом конца сегодняшнего праздника. После сводки все перешли в Толину комнату, где разговор шёл на тему, не похожую на то, что слышались 15–20 минут назад. Жизнь шла своим чередом...

Просматривая книги, которые принесли товарищи Анатолию, я оторопело застыла, прочитав надпись на полном собрании Маяковского: «боевому другу-товарищу от Васи 30.01.1944 г. Симферополь».

— Сейчас же берите резинку и уничтожайте эту надпись! Возобновишь, когда немцев не будет здесь. Представьте: обыск, попадает книга им в руки, спросят, что это за Вася боевой друг в 44 году. По-

чему боевой? Эх, ты, конспиратор, — уже смеясь, говорила я Васе, усердно стиравшему надпись.

Ушли дед и бабка, легли спать Шура и Стефан. Долго ещё шёл разговор о боевых делах в комнате Анатолия, но наконец разошлись и они по своим местам и уснули крепким сном юности. Легла и я, оставив на столе посуду как стояла — доказательство, почему в доме собиралась молодежь, на случай неожиданного прихода немцев или полицейских. Знала, что в любую минуту в дом могут нагрянуть они, и каждый раз считала, что это будет неожиданным, хотя днём и ночью находилась в состоянии настороженности.

4 февраля

Перешла от нас Шура на найденную для неё квартиру. Все мы успели привязаться к ласковой со всеми девушке. Ярко запечатлелась она в памяти сидящей с наушниками возле радиоприёмника и мерно выстукивающей тонкие «подскакивающие» звуки.

Сев за передачу впервые у нас в доме, она укутала проводами всю комнату, что лишало возможности, в случае тревоги, моментально скрыть следы работы. Наружных признаков вне дома не было: Толя вышел «сметать снег с подоконников» и абсолютно ничего не слышал, как ни напрягал слух. С этой стороны было спокойно, но провода заставили призадуматься всех.

— Нет, Александра, пожалуй, не подходит. Давай думать, авось придумаем, чтобы обойтись без этих «украшений», — предложил Толя в первый же раз, после чего провода не появлялись. Работала Шура в разное время, обычно в моей комнате в углу, на сундуке, и широкие спинки кроватей закрывали её целиком. Стефан, который был болен в эти дни, смеясь говорил, что Шурино выстукивание успокаивающе действует на него.

Все понимали, что наш дом не может служить Шуру безопасной квартирой, были те же мысли, что в бытность «Андрея» у нас. И всё же когда пришла Е.Л. с сообщением, что квартира найдена, никому не хотелось отпускать её. Особенно бабушке, которая со слезами повторяла:

— Ведь она одна-одинёшенька. Попала в чужой город, да ещё на такую работу... Она что, сирота? Куда она пойдёт к чужим людям, пусть переходит к нам. Дом большой, немцы живут в стороне, к нам

не ходят. Будет она работать в Люсиной комнате, её никто и видеть не будет, — уговаривала бабушка Анатолия, забывая, что недавно мы для Шуры были тоже «чужими» людьми.

Шуру отвела в условленное место Люся, рация пока осталась, её перебросит кто-либо из ребят.

Днём и ночью врагу наносились удары, заставлявшие его метаться в бессильной злобе и панике. Враг усилил число патрулей, охрану объектов. На ж/д станции тщательно обыскивались рабочие, ежедневно в том или ином районе шла проверка документов у населения. Среди немецких солдат ходили слухи о действиях партизан в немецкой одежде. За распространение этих слухов они преследовались, но слухи росли, ширились. Враг делает всё новые и новые попытки раскрыть СПО, но никакими ухищрениями ему не удаётся напасть на её след. Ходят слухи о так называемых «представителях леса», которые ловят неосторожных, чересчур доверчивых людей. Нужна крайняя осторожность, предусмотрительность во всём, чтобы не попасться в лапы озверелого врага, не дать врагу малейшей возможности напасть на след СПО.

— Конспирация и дисциплина — залог успешной борьбы с врагом. Об этом мы должны помнить, и вы вновь должны переговорить со всеми ребятами, нужно довести это до осознания каждого. Геннадия надо убедить, что лихачество — это ненужное явление, он должен помнить о дисциплине. Об этом напишу ему лично, он не должен забывать, к чему призывает нас Родина, — говорил Анатолий на бюро, вновь заостря внимание на строгом соблюдении всех правил конспирации, полнейшей изоляции групп друг от друга и на вопрос о дисциплине.

Враг бессилён остановить работу комсомольцев-патриотов. В ночь на 31 января член группы Вовы Л. удачно минировал вагон с горючим, в результате чего сгорело 20 тонн горючего. 2 февраля Павлик вышел от нас около 8 часов вечера с белым халатом под курткой минировать Феодосийское шоссе, туда же от Веры вышли Яша и Виктор Д. — минировали в трёх местах. Элик вернулся с шоссе к нам. Шура уже спала. Толя, закончив текст очередного выпуска газеты «Вестей с Родины», лёг в кровать со словами:

— Разбудишь, когда Элик придёт.

Сильна была вера его в удачное выполнение задания товарищами, если свои слова он произнёс тоном, не допускающим и тени сомнений, что может случиться иначе.

Элик вернулся около 12 часов. Удивилась я, увидев его в белом халате с револьвером в руках.

— Ты с ума сошёл. В таком виде идти по улице. Напустилась я на него, после того как услышала, что минирование удалось. Но слова Элика, что он надел халат на пороге, желая показаться в боевом виде Шуре, заставили чистосердечно меня извиниться перед ним.

Проснулся Толя, и Элик стал рассказывать о проделанной работе.

— Рубить землю было трудно: замёрзла, стучать нельзя, чтобы не услышали патрульные. Два раза по небу скользил прожектор. Не прошла ни одна машина — бояться ездить по ночам фрицы, тем более, что стоят тёмные ночи, что нам очень кстати. Надо что-либо придумать, чтобы бесшумно рубить землю, а то как ни стараешься прикрывать бушлатом, всё кажется, что удары гулко раздаются вокруг. Виктор готовит коловорот.

— Ну, знаешь, если бы это было в действительности, т.е. что удары слышны, то вам не удалось бы закончить работу, — с довольным смехом, что им удалось беспрепятственно заминировать шоссе, прервала я Элика.

— Нет, правда, в мёртвой тишине кажется, что малейший шорох разносится далеко.

— Ну хорошо, что только кажется...

8 февраля

Шура вновь живёт и работает у бабушки, которая буквально помолодела от радости, что «Шура, всё равно, что сирота» находится у ней. По словам Шуры, ей неудобно находиться там, куда она уходила от нас: двое детей, к хозяйке квартиры многие ходят за молоком.

Решили, что Шура будет всё время находится в самой отдалённой комнате, на воздух будет выходить изредка по вечерам. Рация не будет находиться в квартире — Люся будет её прятать и доставать лишь на время работы. Главное то, что с пребыванием Шуры в доме квартира остаётся никому неизвестной: Шура ни с кем не связана.

9 февраля

Вновь пришлось услышать о прочёсе. 5-го Элик и Яша ходили на явку и от Гриши узнали, что на другой день после выхода их из леса с Шурой немцы начали наступление на лес.

Получая сокрушительные удары Красной Армии на всех фронтах, они хотели создать себе «победу» в тылу. Хвастливо кричал враг все эти дни на страницах «Голоса Крыма» о «полном уничтожении партизан». Смешны попытки врага показать народу свои «блестящие победы». Народ видел «тысячи захваченных партизан»: женщины, старики – те, что уходили в леса, спасаясь от немецкого насилия. Видел народ и «колоссальные трофеи» – вереницы подвод, гружённых домашних скарбом: подушками, одеялами, посудой, швейными машинами, перинами... Своей «блестящей победой» враг показал, на что способна сейчас «непобедимая» армия, если безоружное мирное население она именует партизанами, которые наводят на врага смертельный ужас. Домашний скарб вырос в глазах фрицев в «бесчисленные трофеи, захваченные у партизан». Раздетые, босые, еле передвигающие ноги шли матери, неся на руках малышей, рядом, державшись за платье матери, шли дети постарше...ковыляли старики... Таковы «трофеи» немецкой армии после прочёса.

Сегодня произошёл случай, который мог кончиться гибелью всей семьи Элика.

На вечер намечалось минирование шоссе, куда должны были идти Анатолий и Элик. Я приготовила халаты, и каждый раз беря халаты в руки, невольно останавливалась опять на мысли, сколько незаметных «трудовых пчёлок» помогают в борьбе с врагом, подчас не зная, какую помощь они оказывают делу борьбы. Вот белые халаты. Их нужно несколько штук, а у меня всего один. Перебираю в памяти, к кому обратиться, не внушая подозрения. Остановилась на враче М. Иду к ней. Не стала спрашивать, для чего требуются халаты, лишь попросила не брать мне самой, а зайти после обеда бабушке. К вечеру прибавилось к одному халату ещё 3 – теперь связные были полностью обеспечены ими.

Но возвращаюсь, что произошло сегодня. Оставалось минут 10 до выхода Анатолия и Элика на операцию. Толя чем-то занимался при свече за рабочим столом в своей комнате. Стефан лежал на диване в столовой и разговаривал с бабушкой, которая вскоре ушла. Элик

и я стояли возле стола на кухне: он осматривал дорожные мины, что должны были взять с собой, и которые пять минут назад принесла Вера. Я плохо разбираюсь в терминологии боеприпасов, но знала, что около круглой мины были провода, а что с ними делал Элик, не знала.

Взрыв!.. Прихожу в себя... Темнота, шум, который заглушал мысли... их нет... Наконец, мысль понемногу начала работать, но слова ещё не произносились. «Не слышал ли кто на улице?» – пронеслась первая мысль, отражая постоянное напряжение. Сознание остановилось на том, что рядом должен находиться Элик. Тишину прорезали мои слова: «Надо же осторожнее, Элик», – произнесённые, казалось, не моим голосом.

У Элика тоже уже явилась возможность заговорить после первой промелькнувшей мысли: жив он или нет.

– Я же не нарочно, Мария Павловна, – услышала как будто издадала его голос.

Тишина разрядилась и в других комнатах. Толя выскочил из своей комнаты, пытался зажечь зажигалку. Она, как назло, не горит. Зажёг. Я стояла уже возле окна. Как очутилась там, не могла вспомнить. Почувствовала, что по лицу струилось что-то тёплое, боли не чувствовала.

– Посмотри, что у меня – кровь или слёзы? – обратилась я к Толе.

– Мама, да у тебя всё лицо в крови. «Павка», а у тебя что? Что ты чувствуешь? Мама, а ты глазом левым видишь? – перескакивая с одного на другое, торопливо говорил Анатолий.

Стефан в это время побежал к бабушке за лампой. Оказалось, бабушка слышала взрыв. Она успела дойти лишь до летней кухни. Первой мыслью было желание вернуться к нам, но, представив нас всех убитыми, она не нашла силы заставить себя войти в дом, ушла к себе. При свете лампы стали осматривать следы происшествия: стол пробит, весь пол усыпан мелкими щепками, они залетели и в Толину комнату. У Элика пострадали пальцы, лицо местами в ссадинах. Надо скорей убирать следы. Пришедшие Шура и бабушка быстро ликвидировали последствия взрыва.

– Я, когда пришёл в себя от оглушившего гула, решил, что все погибли, что сейчас ворвутся немцы, и решил лежать, не вставая, – рассказывал Стефан, когда всё было убрано.

Минирование было отложено: Элик не в состоянии был работать раненой рукой, а идти одному Анатолию было рискованно, подобные операции проводили вдвоём.

Все мы вновь пришли к заключению, что счастье сопутствует всем нам, возможно, и здесь помогла Толина «счастливая звезда»: проходи в это время патруль, безусловно, взрыв был бы услышан ими, и гибель нас всех была бы неизбежна. Позднее время заставляло немцев сидеть по домам, улицы были пустынные, патруль, к счастью, был далеко от дома. Никто не явился свидетелем взрыва в небольшом домике, спокойном с виду...

13 февраля

Тревожные дни переживает подпольная комсомольская организация: в группе Вовы Л. начались аресты. Благодаря строгой изоляции групп друг от друга, аресты не перекинулись на другие группы.

— Подумайте ещё раз, не знает ли кто из Вовиной группы кого-либо из вас или членов ваших групп, — говорил сегодня вечером Анатолий товарищам.

— Вспомни, не встречал ли кто из твоих членов тебя с кем-нибудь из нас? Переходи на нелегальное положение. Тётушку уговори уйти в лес, вместе с ней уйдёшь на время и ты, — обращаясь непосредственно к Вове, продолжил Анатолий, не похожий на то, каким он был несколько часов тому назад, вернувшись из города.

— Мама, ты бы видела сейчас Вову Е. и Бориса. Грязные, с традиционными ящичками железнодорожных рабочих в промасленной одежде, руки, лицо в саже. Я не узнал их, да Борис подмигнул глазом, как только он умеет. Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Хороший он парень, долго на него сердиться нельзя, — смеясь, с довольным выражением глаз рассказывал он мне о товарищах, шедших среди дня по заданию комитета произвести взрыв водонапорной башни на станции.

Сейчас, обсуждая создавшееся положение в Вовиной группе, все они олицетворяли волевые натуры, которые не сломить врагу. В глазах твёрдость, лица строго-серьёзные. Аресты членов СПО не могли остановить их борьбы: сегодня вечером Вася, Анатолий, Вова Л., Борис ходили минировать ж.д. нефтебазу. Во время минирования были обнаружены и обстреляны охраной. В результате перестрелки ранен или убит часовой.

От Вовы Е. и Бориса они узнали подробности взрыва водонапорной башни.

— Я тебе уже говорил, что днём встретил Вову и Бориса. Толя Б. оделся не чета им, франтом. Задуманная операция была смела, но ребята блестяще справились с ней. Недалеко помещалась жандармерия, возле входа в башню постоянно стоял часовой. Спокойно, не спеша, подходили они к башне. Воспользовавшись тем, что румын часовой заговорил с какой-то женщиной, ребята под видом рабочих вошли в башню. Дежурного моментально поставили лицом к стенке. Короткие минуты понадобились на то, чтобы связать ему руки и с быстротой молнии взобраться наверх, прикрепить тол, вставить шнур и зажечь. Дежурному сказали, что если ему дорога жизнь, он должен выйти не раньше трёх минут.

«Рабочие» вышли так же спокойно, как и вошли. Словоохотливый часовой продолжал беседовать с женщиной... Не успели ребята отойти за угол, раздался взрыв, — рассказывал Анатолий, радуясь за ребят, удачно проделавших смелую операцию под носом врага в дневные часы, торжествуя, что врагу нанесли удар, усиливающий ещё более панику среди его солдат.

— И знаешь, столкнувшись сейчас со спешившим, как видно, на квартиру немцем, мы слышим от него: «Скорей по домам, в городе партизаны». Дневная операция и вечерняя перестрелка на нефтебазе дала повод немцам думать, что в городе действительно партизаны, — продолжал он под весёлый смех ребят, вызванный напоминанием встречи с немцем, далеким от мысли, что столкнулся именно с одним из тех, от кого он в панике бежал скорей на квартиру.

Поговорив о последних двух операциях, отметив допущенные вчера недочёты в распространении «Вестей с Родины», Анатолий, Вася, Вова, Яша, Элик перешли в Толину комнату обсудить один весьма важный вопрос.

«Андрей» предложил молодёжной организации произвести минирование завода «Первое Мая», но подготовка должна вестись другой организацией. Обсуждение этого вопроса лишний раз показало, что все действия комсомольцев проникнуты продуманностью, что они не идут на операции бесшабашно, рискуя жизнью, что они далеки от романтики и не действуют на «авось» в том смысле, как принято понимать это слово.

Все их высказывания сводились к одному:

— В успешном проведении боевой операции главную роль играет тщательная подготовка к ней, когда всё изучалось и продумывалось, шла детальная разведка объекта: подходы к нему, расположение охраны, отход, распределение нашей силы и т.д. При этом подготовка велась, в целях конспирации, лишь участниками проведения операции. Лишь после этого мы составляли подробный план проведения, и каждый участник знал своё место, обязанности во время операции. Мы отвечали за успех операции лишь в том случае, если проводили подготовку сами, рисковать же чей-то жизнью мы не имели права. Если в освобождении военнопленных мы были связаны с другой организацией, то через неё мы держали лишь связь с пленными, остальное с начала до конца проделано нами. Нет, мы не можем браться за эту операцию, поскольку нам не дают права подготовиться к ней. Взяться за неё — это, действительно, идти на авось, — говорили они, сидя полукругом за письменным столом Анатолия, освещённые мигающим светом копилки. Спокойны и серьёзны были их лица, не было шуток, ненужных реплик. Кончили обсуждение. Поднялся лёгкий шумок.

— Опять тебе достанется от «старика». Нам ничего, а всё обрушится на тебя, — говорил Элик, тепло глядя на Анатолия.

— Ничего, «Павлик», авось выдержу. Но думаю, что и он согласится с нашим мнением, — ответил Толя, слегка улыбнувшись.

Перешли на кухню, сели пить чай. Шутили, смеялись... К концу разговор перешёл на аресты. Вова на работу ходить не будет, сходит домой лишь предупредить тётю, что ей необходимо уйти в лес.

— Смотрите, ребята, попадёмся — надо держаться крепко, не выдавать, — говорила я им, хотя, изучив их, знала, что в случае провала никакие пытки не сломают эту молодёжь, закалённую в борьбе.

— Выдавать? Зачем? Выдавай, не выдавай — всё равно расстреляют. Так уж лучше я один погибну... — произнёс Вова со спокойной улыбкой, поворачивая и поднимая голову ко мне, стоявшей позади его.

— Я не боюсь пыток, а вот гипноза боюсь. Говорят, что в гестапо применяют его. Я не верю в него, а всё же страшно: вдруг под гипнозом начнёшь говорить, — в свою очередь сказал Анатолий.

— Давайте лучше не будем об этом говорить. Будем верить, что судьба сохранит всех, а уж если что случится, думаю, что будем дер-

жаться, — перебила я Анатолия и раскрывшего рот, чтобы начать говорить, Васю.

— Верно, пора спать. Завтра надо набирать и печатать листовку о зверствах немцев в Крыму. 15-го идём в лес. Поведём Зою. Боюсь я за неё, всё труднее и труднее ей скрываться... Прослушаем сводку, ребята, и спать, — направляясь к себе, проговорил Толя.

15 февраля

14-го с вечера набиралась листовка, раскрывающая злодеяния озверелого врага в Крыму: перечислялись сожженные деревни, издевательства над населением, расстрелы, о том, как в дикой злобе потерявший образ человека враг сжигает детей, стариков, женщин.

Тишина, в которой набирались слова листовки, говорила о состоянии тех, кто работал. Даже в движении рук, которые мелькали от верстатки до кассы и обратно, чувствовалось иное: казалось, что рукой, берущей нужную букву, они стремятся раздавить того, кого раскрывают быстро набегавшие буквы.

Закончив набор, прилегли на часок, затем стали печатать. К вечеру вынесли все листовки для распространения по городу, а к 6 часам Анатолий стал собираться в лес. Уходили в лес и Вова с тётей, выводят и Зою.

Пришёл Элик с сообщением, что все собрались во рву. Пожелав им счастливого пути, я проводила, как обычно, их за калитку и ушла к бабушке. Собралась вся семья вокруг стола. Здесь и Шура, которая стала почти членом нашей семьи. Разговор идёт о тех, кто ушёл в лес. У бабушки сердце разрывалось, по её словам, при мысли, что «дети» идут в темноте, под дождём...

Раздался неожиданный стук. Мы переглянулись. Стук повторился.

Подошла к двери.

— Кто?

— Вася.

От неожиданности я не узнала голоса Васи. Знала, что он ушёл с Толей, и вдруг Вася.

— Вася. Что, не узнаете, М.П.?

Быстрым рывком открыла дверь

— Я привёз Зою к вам. Смогла дойти лишь до второго рва. Сидит

у вас еще живая. Анатолий передал вам, чтобы завтра Люся сходила к «Нине». Через «Нину» поставьте «старика» в известность о создавшемся положении. Зое нельзя находиться у вас, ей нужна квартира, — и поспешно передав мне наказ Анатолия, Вася ушёл к ребятам.

Иду домой.

«Вот это и есть Зоя, командир диверсионной группы до ареста Бориса», — пронеслась мысль при взгляде на худенькую небольшую девушку, сидевшую на маленькой скамеечке возле плиты.

Поздоровались. Дала ей тёплые сапоги, накормила. Вначале разговор не клеился, обе не знали, как держать себя. Я даже немного терялась. Возможно, казалось, что обе находились под впечатлением неудачи её выхода в лес.

Разговор о школе послужил толчком к нашей дальнейшей ровной, без натянутости, беседе. Подбодрила, что днями отправят её в лес, что-нибудь да придумают.

У Зои были громадные, тяжёлые русые косы, такие тяжёлые, что, казалось, под их тяжестью голова клонилась назад. А ещё лучше были её глаза: большие, лучистые, которые то темнели, то светлели, обрамлённые густыми ресницами.

Из разговора выяснилось, что Зоя — это и есть та девушка, что приходила весной 1943 г. за Толей в день поездки его за город для встречи с Гришей.

16 февраля

Кроме Зои вернулась ещё и Вовина тётя, о чём я узнала утром от Вовы. По дороге в лес увидели вспышки над лесом, побоялись вести её дальше: возможно, прочёс. Она не хотела возвращаться без Вовы, пришлось вернуться и ему. Пришли к Вере в полночь. Рано утром ушли в город.

В 10 часов пришла «Нина» — Е.Л. Я рассказала ей о положении с Зоей и передала просьбу Анатолия сообщить об этом «Андрею».

— Я передам «Андрею» и ответ принесу часа через три, — ответила Е.Л. и ушла.

Двенадцать, час, три... Её нет.

С особой остротой почувствовала отсутствие Анатолия. Находясь дома, он нашёл бы выход из положения, он нашёл бы квартиру для Зои.

Что делать? Самостоятельно устраивать Зою на квартиру я не имела права. Согласиться на предложение Зои идти ей туда, откуда ушла, — не могу: её могут увидеть на улицах города, она знала нашу квартиру. Что будет, то будет, оставила Зою у себя.

К вечеру пришёл Вова: приходил за мешком с вещами к Вере Горемыкиной — послала тётя.

— Горе мне с тёткой. Ну куда денутся её вещи? Нет, принеси да принеси... Ничего не могу с ней поделаться, — сокрушённо жаловался он мне на тётку, сидя на моей кровати, где я лежала с острым приступом радикулита.

Поговорив о своих взаимоотношениях с тёткой, выслушав мой совет быть помягче с ней, не грубить, Вова ушёл, предупредив, что дома ночевать не будет.

17 февраля

— Нехорошие сны мне всё снятся, — говорил сегодня Вова, придя рано утром и присаживаясь ко мне на кровать.

— Ну, знаешь, мальчик, уж если ты о снах заговорил, то надо тебе брому попить, — стараясь не двигаться, чтобы не вызвать жуткой боли, улыбаясь, бросила я в ответ.

— Нет, М.П., я не думаю о них, а только осадок какой-то тяжёлый с утра.

— А ты не голодный? Пойди на кухню, найдёшь что-нибудь.

— Нет, не хочу. А вам очень больно? — по-детски спросил он меня, зная, что лишь нестерпимая боль может приковать меня к постели.

— Знаешь, Вова, не будь здесь Зои, я не выпустила бы тебя отсюда до Анатолия. А так, что я могу поделаться? Я без движения, Зоя и ты — вместе — это недопустимо. Знаешь, у меня голова кругом идёт, как говорится. Не выполнила наказ Анатолия, оставила Зою у нас... Но у меня не было выхода: тётя твоя вернулась с дороги, подвергая опасности тебя, тревога за тебя... О ребятах в лесу как-то уже не думаешь, им безопаснее там. Скорей бы приходил Анатолий.

— И я жду его. Когда все вместе, яснее работают мысли. Я уйду сейчас, только возьму у тётки Веры сумочку с тёткиными деньгами. Со света сживёт, если не принесу, — горько улынувшись, произнёс

Вова и ушёл, бросив в дверях: — Я завтра зайду, авось, Толик придёт. Сейчас захвачу литературу, что Элик вчера с явки принёс.

Минут через 20 вернулся Анатолий с Яшей. Не задерживались они на этот раз в лесу: 16-го, придя в штаб, переговорив о чём нужно, отдохнув часок-другой, они вышли обратно в город: беспокоили тревожные мысли о Зое, о Вовиной группе.

— А зачем отпустили вы её в город? — спросил Анатолий, узнав, что Вовина тётя ушла домой.

— О том, что она вернулась, я узнала лишь утром, когда уже её не было здесь. Ни Вера, ни Вова ничего не могли поделать с ней, упрямо твердила: пойду и пойду.

«Соседям я говорила, что ухожу на именины, так что моё возвращение не покажется подозрительным», — отвечала она им на их уговоры, — рассказывала я Анатолию всё, что слышала от Веры и Вовы о причине ухода тётки.

— Завтра выведем её в лес. Досадно, что увидели вспышки над лесом. Они подтвердили то, что «Муся» в последнюю минуту сообщила «Павлику» о прочёсе леса, о чём она узнала от румын. Вспышки помешали спокойно продолжать путь: подвергалась опасности попасть в прочёс пожилая больная женщина. А прочёса не было.

Поговорив с Зоей и подбодрив её, чтобы не падала духом по поводу неудачных попыток вывести её из города, Анатолий лёг отдохнуть: сказалась трудная дорога туда и обратно с незначительным отдыхом. По их пути до штаба было километров 40–50.

В пять часов пришёл «Павлик». Мы начали забывать его настоящее имя Элик.

— Ну что за имя для мальчика — Элоизе?..

— Жаль, что ты не мог протестовать, когда тебе его давали, — смеялся как-то Анатолий, и теперь Элик прочно стал «Павликом».

Обведя комнату пустым, безжизненным взглядом, он медленно, с трудом выдавливая слова, которые не хотели вырываться наружу, произнёс:

— Вовину тётку взяли ночью сегодня... Днём схвачен Володя.

Вмиг свинцово потемнели глаза Анатолия.

— Откуда узнал? — впиваясь глазами в Элика и всем своим видом показывая, что он хочет цепляться за всё, чтобы сказали, что это не так, не будет слов, что услышали от Элика, они окажутся слухом, который не подтвердился.

— От Васи. Только что прибежал к нему Толя В. и рассказал, что услышал. Вася направил меня к тебе с сообщением и просьбой дожидаться его: может, узнает что-либо подробнее. Он должен сейчас прийти, вслед за мной; соберёт лишь ребят, может, Вову удастся освободить.

Вскоре пришёл и Вася.

Переспрашивать не было надобности: его серьёзное лицо без следа обычной улыбки подтверждало то, что было сказано «Павликом».

— Трудно понять, нет возможности установить, где схвачен Володя: дома или на улице. Увезли ли его сразу или держат в засаде, — говорил Вася, прислонившись устало к подоконнику, где 7 декабря стоял Женя, сообщая об аресте Бори.

Наша кухонька многое впитала в свои белые холодные стены за эти годы: радость и горе, отчаяние и надежду — все сообщалось впервые здесь, в этой небольшой комнате, а затем уже расплзалось повсюду в квартире.

— Сейчас седьмой час. Если Вова в засаде, сделаем попытку освободить его, — проговорил после короткого раздумья Анатолий, стоя возле стола и устремляя выжидающий взгляд в сторону Васи.

— Мы с ребятами — с Вовой, Борисом, Толей и Петей — говорили об этом. Наш вывод — идти бесполезно. Большинство слухов сводится к тому, что его уже вывели из дома. Возможность засады не исключена, и что даст нам налет на жандармерию, если с ними нет Вовы?

— Провал Вовиной группы говорит, что арест его не случайный... Но кто выдал его? Эх, Вовка, Вовка... — с болью, которую он не в силах был скрыть, вырвались последние слова Анатолия.

И скрывать было незачем: все были объаты тяжестью удара, что принес сегодняшний вечер.

— Тетка могла выдать Володю, — неуверенно проговорил Павлик.

— Не знаю, но мне что-то говорит, что это не так. Если раскрылся её неудачный уход в лес, то, понятно, её будут пытать, где провела она ту ночь. И если допустить, что она выдала Вову, то вполне понятно, что она не умолчала и о Вериной хатке. Ладно, она не знала фамилии Веры, но она от неё уходила утром, когда было светло, и ей не трудно было заметить дорогу, по которой могла бы привезти жан-

дармов и к Вере. У меня тоже промелькнула о ней мысль, но начинаешь раздумывать — она отпадает, — говорила я, болезненно напрягая мысль: кто же выдал Володю?

Ребят его группы я знала лишь по фамилии, мысль ни на ком самостоятельно не могла остановиться, она могла работать, подталкиваемая высказываниями ребят.

— Надо немедленно обезопасить дом тети Веры — вынести все от нее. Надеяться, что тетя не приведет — этого мало. Сказать тете Вере, чтобы вывезла сынишку к сестре в город, от него нельзя было скрыть, что к ним по ночам кто-то приходит, и в случае чего жандармы могут использовать его, — говорил уже твердым голосом Анатолий, сознавая, что надо действовать. Мало предаваться горю, надо думать о безопасности других, о сохранении всего, что хранилось у Веры: оружия, типографии, части немецкой формы.

Решили: всем, кого знал Вова, перейти на другие квартиры.

Ни разу не вставал вопрос: выдержит ли Вова. Все твердо знали, что Вова Ланский останется верен своим словам: лучше погибну один.

22 февраля

Тихо стало в наших обоих домах, но тишина казалась вынужденной, а не той, что создавалась покоем.

Даже в молчании стен чудилось что-то зловещее, что заставляло сжиматься, прислушиваться. Что бы ни делал, куда бы не смотрел, — всюду Вова стоял перед глазами.

18-го лишь возможно стало ходить, Люся по поручению Анатолия ушла к К. договориться относительно квартиры для Зои. Анатолий пошел к «Андрею» поставить в известность об аресте Вовы, о необходимости переправить Шуру на другую квартиру, а также просить помочь достать транспорт для переправки Зои в лес.

Через полчаса Люся вывела Зою к К., где она могла находиться день-два.

Вернувшись домой от «Андрея», Анатолий поручил Люсе вывести Шуру к Северному переулку, где их встретила Е.Л.

— Когда видно будет, что ничего не грозит нашему дому, опять приходи к нам, — говорила бабушка на прощанье Шуру.

— Завтра вынесем рацию, «Андрей» сказал, что квартира имеется.

— А типография, Толик?

— За ней через полчаса придет Яша. Основное — шрифт. Яша вынесет часть от нас, остальную — Виктор от тети Веры. Знаешь, ни на секунду не сомневаюсь в Вове, но опять, как с Борисом, не зная причины его провала, лучше принять все меры предосторожности. Но Вовка... Вовка, — закрывая усталым жестом руки глубоко впавшие за эту ночь глаза, окрашенные чернотой, тихо, задумчиво закончил он.

Я его последние слова поняла как мысль, что вот Вову уже не спрячешь, не спасешь.

— Возможно, ему удалось бы спастись, находишься при нем оружие, но он не взял его у тети Веры... Ходят слухи, что его держали в засаде всю ночь, верно это или нет — сказать трудно, потому что нет никакой возможности узнать точные сведения. Но если это так, то жалею, что не совершил налета с целью его освобождения, — вставая со стула и крупно шагая по комнате, говорил Анатолий, с болью думая, что Вова находился дома еще целую ночь, и его не вырвали из лап жандармов.

— А не принёс бы налёт лишние жертвы? Вовин дом не на окраине, и первый же выстрел собрал бы моментально живущих там немцев, вы не успели бы даже отойти. Кроме того, нет и не было данных — находился ли там он.

Если он действительно находился в доме, то, возможно, ждал нас, что мы освободим его, — говорил Анатолий, смотря неподвижными глазами вперед, как бы видя Вову с жандармами.

«Пусть лучше погибну один», — промелькнули молниеносно слова Вовы, сказанные совсем недавно.

— А может, он, зная все и сознавая бесполезность возможного с вашей стороны налета, боялся этого, боялся, что вместе с ним погибнете и вы.

Приход Яши за шрифтом отвлек его от тяжелых дум о Вове. Через десять минут Яша получил от Толи ученический портфель, набитый шрифтом.

Вид Толи с портфелем в руках вызвал в памяти другую картину, относящуюся к июню 43 года, когда Боря привез шрифт, и Анатолий держал в руках точно такой же портфель. Казалось, что ликующей радостью они обволакивали все окружающее, сама природа, казалось, ликовала с ними. Глаза излучали свет, делавший все более ярким, кипучим.

Сегодня не то. Серьезны и суровы лица Яши и Анатолия, жестким взглядом обмениваются они при коротких словах. И день стоял холодный, суровый.

— Я еще раз приду. Вынесем с Виктором все, — с застывшим лицом, без намека улыбки говорил Яша и быстро ушел. По дорожке он идет с независимым видом, с портфелем под мышкой.

То ли время притупило остроту потери прежде погибших, то ли шире развернувшаяся диверсионная деятельность организации многими минутами опасности еще крепче связала их всех воедино, только все они потерю Вовы Ланского переживали острее. Они не говорили об этом вслух, но по лицам я видела, что Вова все время стоит перед ними.

Вынесли всё и из хатки Веры Горемыкиной, ничего не осталось: форма, оружие, тол, гранаты — всё было перебазировано в другое место.

20-го я впервые после вечера 17 февраля увидела Элика, Яшу, Анатолия и Васю всех вместе: они собрались обсудить вопрос, как переправить в лес Зою. Положение с ней обострилось — нет квартиры, где можно бы было ее скрывать. Сегодня от К. ее переправили к Г., где могут держать ее только день. Транспорта нет. Мыслить, что она дойдет — не приходится. «Андрей» не терял надежды достать лошадь. Но целиком рассчитывать на нее нельзя, любая случайность может изменить положение. Надо придумать другое, что возможно на крайний случай.

— Понесём на носилках. Выхода нет, — решили они.

Завтра уходят в лес: Анатолий, Элик, Вася, Борис К., Толя, Вова К. и с ними Зоя. Обсудили предполагаемое нападение на «казино», которое намечают совершить в первых числах марта. Яше дали указания, как он должен действовать в отсутствие их.

И вновь я увидела, что потеря любимого всеми товарища не смогла отвлечь их от пути, по которому он шел вместе с ними до последнего дня.

Казалось, что Вова незримо присутствовал здесь, незримо принимал участие в обсуждении намечаемых планов.

Вчера с утра Анатолий ушел узнать у «Андрея» относительно транспорта для Зои. Вернулся с надеждой: должен к 5 вечера быть у «Андрея» один из членов патриотической группы, обещал достать лошадь.

— Но на всякий случай пусть дед осмотрит носилки, так или иначе мы должны Зою вывести сегодня.

К 5 часам Люся привела Зою к нам.

— Не знаю, как они доставят ее: она с трудом прошла расстояние до нас, — шепнула мне Люся, бросая полный жалости взгляд на Зою, сидевшую откинувшись на спинке дивана и тяжело дышавшую.

Пришёл Анатолий.

— Транспорта нет... «Андрей» предложил сходить километров за 7 отсюда, возможно, там дадут лошадь. Твердой уверенности, что так будет, ни у него, ни у меня нет. Осталось полчаса времени. Поднялась пурга... Понесём, как наметили.

— Павлик, выводи Зою к тёте Вере. Оттуда Яша и Виктор поведут ее в ров, а ты вернёшься за носилками. Вдвоем они как-нибудь доведут её до рва.

Анатолий стал переодеваться в дорогу, а я вывела на улицу Павлика с Зоей. Метель была такова, что в двух шагах ничего не было видно. Холодный ветер захватывал дыхание.

— Толик, а что, если вывести лошадей с «Возрождения»? — вырвалась у меня не знаю каким путем возникшая мысль, как только я переступила порог после того, как вывела на улицу Зою.

Секунду стояло молчание: неподвижно смотрели друг на друга удивлёнными глазами, словно не доверяя тому, что услышали.

— Тётя Вера, зовите Васю сюда, — поспешно произнёс Анатолий и долгим тёплым взглядом посмотрел на меня, не сказав ничего.

Вася находился у Веры, готовый тронуться в тяжёлый путь в метель. Обременённые тяжестью носилок, должны были они проделать много километров.

— Зою Яша и Виктор уже вывели. Не знаю, Толик, как донесём мы её: боюсь, что замёрзнет.

— Сейчас пойдём за лошадьми, — с надеждой говорил Анатолий Василию, недоумевающе посмотревшему на него.

В кратких словах рассказав, что нужно проделать, он Васю послал за остальными ребятами, что были у Веры, с которыми Вася и должен идти к саду.

Намеченная работа не требовала особенной подготовки: ежедневно проходя через сад «Возрождение», они в совершенстве знали территорию совхоза.

— А собака, которую вы называете «чёртом», далеко от конюшни? — спросила я Толю, вспомнив слова о громадной собаке, что вызвала желание у них пристрелить её каждый раз, когда, возвращаясь по ночам, они слышали её басистый лай, зовущий сторожей и предупреждающий их, что кто-то идёт посторонний.

— Авось удастся зайти в конюшню через задние ворота, — быстро ответил Анатолий и ушёл догонять товарищей.

В 6.05 он вернулся сияющий.

— Целых две, — возбуждённым, радостным тоном бросил он мне с раскрасневшимся от резкого холодного ветра лицом, весь облепленный снегом. Расспрашивать некогда, он спешил. Вывела его за калитку.

— Передай дедушке, что рацию вынесут завтра: «Андрей» обещал. Пусть не волнуется.

Ветер, казалось, стремился душить всё живое, снег лепил глаза, лишая возможности видеть, что происходило рядом с тобой.

— Как дойдут все они? — беспокойно спросила пришедшая бабушка, которая знала уже, что в последнюю минуту достали лошадей.

— Хорошо, что лошади есть. А так не могу и представить... Хотя бы выюга стихла немного.

В тишине, окутавшей дом, слышалось лишь тиканье часов, да порывы мечущегося ветра, беснующегося, что он не в силах проникнуть сюда и окутать леденящим холодом всё живое, находящееся здесь.

Ветер не знал, что тишина, которую он стремился нарушить, равносильна ему: она леденила сердца цепкой хваткой, сжимала мозг, оставив свободной ту часть, что даёт одну лишь тревогу. Сегодня утром, как обычно в дни возвращения, с явки пришёл Яша сказать, что дошли до леса.

— Не знаю, как доvezут Зою. Окоченела, падала с лошади... Горлом пошла кровь. Боюсь, что не выдержит она всего пути, — говорил он задумчиво.

В 10 утра пришла С.Л. узнать, ушёл ли Анатолий с товарищами, вывели ли Зою. Нескрываемое изумление промелькнуло в её глазах, когда она увидела приставленные к стенке носилки, на которых должны были нести Зою.

— Ну что вы, ведь это невыносимо... Надо было транспорт просить у «Андрея».

— Анатолий просил и думаю, что если таковой бы имелся, «Андрей» не отказал бы ребятам из СПО. Вы говорите: невыносимо. Да, С.Л., что невыносимо нам, мыслимо для этих ребят. Я их знаю очень хорошо, их не остановят никакие наши трудности. И не потому, что это какие-то бесшабашные ребята, а потому, что иначе они мыслить не могут, — с волнением говорила я С.Л. о ребятах, на которых сама не раз смотрела с удивлением.

— Зою гестапо разыскивало третий месяц. Дальше скрываться ей невозможно. Нет квартир. Что оставалось делать ребятам? Ни разу с уходом их в лес я не была охвачена такой тревогой, как сейчас: как дойдут они в такую погоду? Легко сбиться с дороги: не было видно стоящего рядом человека. Кроме того, боюсь я за Зою: верхом на лошади в жестокую метель она может замёрзнуть, — высказала свои опасения я ей.

Она ушла, спешив передать сведения о ребятах Е.Л., которая в свою очередь должна сообщить их «Андрею».

Вечером в гнетущей тишине всплыли слова С.Л.: «Это невыносимо», отсюда и потекли мысли, во власти которых я находилась почти до полуночи.

Перед глазами вставали картины, рисующие облик ребят из СПО. Здесь же и Вова. Впервые за эти дни, дни, полные тревожных дум, встал перед глазами Вова таким, каким знала, видела его до ареста.

Не зная точно, где его взяли — в доме или возле него, беспрерывно, сменяя одну за другой, рисовались картины ареста Вовы: я видела его подходившего к дому, чувствовала его взгляд, брошенный вокруг, когда его окружили жандармы... Видела спокойно входившего в дом и набросившихся на него тех, кто, как шакалы, притаившись за дверью, выжидали добычу. Видела Вову в застенках гестапо: высокий, широкоплечий, с прядью белокурых волос. Словно присутствуя с ним, читала и мысли его: нет, не скажу ничего... думаю только о вас... мстите врагу за меня и за всех... и здесь я такой, каким шёл с вами наносить удары врагу... за меня вы не бойтесь — враг не услышит ни слова.

Есть предположение, что Вову захватили с поличным: он нёс взятую у Веры литературу для распространения по городу.

Остановившись на промелькнувшем моменте, когда Вова впервые пришёл в дом, мысль заработала в другом направлении: Вова тут, рядом со мной. Вспоминались всё новые и новые эпизоды из наших с ним встреч.

...Холодный зимний предвечерний час. Стук в окно.

— Я, Вова, — слышу негромкий голос и вижу прижатую к стеклу меховую шапку с ушами, из которой выглядывают смеющиеся большие светлые глаза.

Первые дни я приглядывалась к нему, изучала. И, надо признаться, что первое впечатление было не в его пользу. Всё мне казалось в нём неестественным: и шутливая подвижность, и многословие, с каким он говорил на любую тему, и то, как рассказывал он о своих школьных годах.

— Ты, видно, из тех, паренёк, что немало доставлял хлопот нам, педагогам, — пристально глядя на него, говорила я.

— Так это же было когда?.. — виновато оправдываясь, бросал он.

Его слова показали, каким далёким казалось им всё, что было недавно до тягостных лет оккупации. Не будь её, был бы Володя учеником 9 класса и, кто знает, может, по-прежнему изводил бы своих учителей.

Вскоре первое впечатление стало меняться: за бесшабашной натурой, каким он казался, раскрывался тип одного из тех русских юношей, о которых говорят «душа-человек». Он был храбр беспрдельно; любовь к товарищам, переходящая в обожание некоторых из них, говорила, что за любого он готов отдать свою жизнь.

— Ну как ты не хочешь понять, что должен беречь себя. Зачем ты пойдёшь на нефтебазу? А Вовка Ланской на что? Ты сиди дома. Мы придём и доложим, что так-то и так, товарищ командир, минирование выполнено, через три часа горючее взлетит на воздух, — говорил он, стараясь шутливыми словами прикрыть глубокое чувство привязанности, охватившую тревогу за друга-командира.

«Недисциплинированный» ученик, каким он был по всем данным в школьные годы, превратился в юношу, который после знакомства с ним невольно притягивал к себе, несмотря на имеющиеся недостатки, которых он не скрывал, не пытался маскировать их.

Он был иногда грубоват в выражениях. Помню, однажды он, Толя и Элик перед вечером сидели в Толиной комнате, не зная, что я находилась в комнате рядом с ними. Разговор у них шёл о девушках, забывших всё русское, превратившихся в «фрау немецких». Говорили, осуждая последних. Вова, как обычно, принимал горячее участие в разговоре и, забывшись, в нелестных нелитературных выражениях дал характеристику этих девиц. Зашла, обойдя столовую, кухню, к ним. По моему лицу им было непонятно, слышала я или нет. Вова настороженно смотрел и ждал моих слов. Я молчала, будто ничего не слыхала.

— Мария Павловна, очень прошу, сдерживайте меня, когда я говорю или делаю неверно. Я не могу ещё избавиться от дурной привычки сгоряча говорить некультурно. Помогите мне, во мне иногда говорит ещё прежний Вовка, — говорил он мне тем же вечером по возвращении с операции, глядя на меня просительными глазами, с выражением провинившегося школьника.

— А если бы я не слыхала, сказал бы ты мне, о чём просишь?

— Так вы слыхали. Тем лучше, вы убедились, какой я на самом деле.

— Ты не в меру горяч. И с этим борись. Остальное придёт само собой.

Преображался Вова, когда говорил о матери, погибшей во время бомбёжки врагом Севастополя в 1942 г. Исчезал его беззаботный, непринуждённый вид. Лицо вмиг становилось одухотворённым, дышало печалью, тоской. Глаза темневшие, когда вспоминал мучения её после ранений, светилось тихим, грустным светом, глубокое волнение охватывало его, когда рассказывал о ней, какой была она в жизни.

Горяч он был не в меру, как я ему говорила, и с этим приходилось бороться всем. Он в любую минуту готов был ринуться на врага, если бы не сдерживала его дисциплина, которая царила во круг организации, но в ответственные минуты, когда требовались выдержка и спокойствие, Вова ничем не отличался от других.

Мечтал быть моряком.

— Море — моя стихия. Я вырос в Севастополе. Я ненавижу врага и за Севастополь, свой родной город, и за тех, кого он похоронил под развалинами домов, — говорил он с потемневшими глазами, из-

лучавшими ненависть и желание броситься на врага в этот миг, не откладывая.

И опять вставал перед глазами Вова: сильный в гневе своём, грозный в мучениях, что выпали на долю его.

27 февраля

Вернулись из леса Элик и Вася. Анатолий, Вова Е., Толя Б., Борис Е. остались по приказу командования в лесу на несколько дней.

— Я не хотел уходить без записки от Толи для вас. Знал, что вы волноваться бы стали, — улыбаясь довольной улыбкой и протягивая мне небольшую бумажку, говорил Элик по приходе из леса.

Сегодня с утра раздался оглушительный взрыв в направлении города. Район, где поднялись клубы чёрного дыма, говорил, что операция, которую проводили Вася, Петя и ещё один паренёк Д., фамилию которого я иногда слышал от ребят, проведена удачно.

— Слыхали, — с расплывшимся в довольную счастливую улыбку проговорил Яша, открывая дверь и говоря о взрыве на Феодосийской улице.

Вскоре пришёл Элик — их тянуло сюда, где они свободно говорили о том, чем были полны их юные горячие сердца, где встречали тепло со стороны «общей» матери, как говорили они.

— А здорово испугались тогда, — со смехом кивнул он Яше, сидевшему в столовой на диване.

— Знаешь, шутка твоя могла кончиться плохо, — серьёзно ответил Яша.

Мне был непонятен их разговор.

— Я не хотел говорить вам, М.П., о том, как «Павка» умеет шутить, теперь при нём я могу рассказать.

21 мы с Виктором вызвели Зою — взяли от тёти Веры, куда привёл её «Павлик». С трудом добралась она до первого рва. Решили оставить её, чтобы дальше нести на носилках, которые должен был вынести в ров «Павлик». Сами поспешили на явку, чтобы Гриша не ушёл обратно, как было 25 января. Пришли на явку, предупредили Гришу о возможном опоздании ребят, и скорей в обратный путь, помочь ребятам нести Зою: ведь мы не знали ничего о лошадях. Отошли километров пять, метель немного стала стихать. Вдруг в полной тишине и темноте шагах в пяти выросла группа людей с лошадьми. Нарвались, — проносится у обоих мысль. Лошади ввели нас в заблу-

ждение. Мы знали, что в момент вывода Зои лошадей у нас не было, и вопрос стоял о носилках. Слышим, грубый голос бросил в темноту: «Стой, руки вверх...». Молниеносно направили автоматы на них, ещё миг, и случилось бы непоправимое: мы дали бы очередь по группе наших товарищей, — рассказывал Яша с лицом, побледневшим при последних словах.

— Счастье не оставило нас и здесь: Борис, услышав слова «Павлика», произнесённые изменённым до неузнаваемости голосом, рассмеялся. Только это спасло всех. До сих пор, вспоминая, как мы готовы были спустить курки, я чувствую, что леденеет кровь в жилах, — закончил он рассказ, в негодовании смотря на Элика, который сразу же на месте осознал неуместность подобной шутки и все вытекающие из неё последствия: погибли бы все идущие из города, а также Яша и Виктор — стрельба привлекла бы румын с заставы.

— Ну, знаешь, «Павлик», этого не ожидала я от тебя: шутить, да ещё как шутить, в такой момент... — едва собравшись с духом после промелькнувшей картины последствий «шутки», говорила я Павлику.

— Или вот ещё одна его «шутка». На второй или третий день ареста Вовы я должен был встретиться в городе с Толиком. Жду 10, 20 минут — его нет. Жду ещё 5 минут — нет. Дальше ждать не имею права — приказ: прошло 25 минут — уходить, чтобы не возбудить подозрений. Иду с мыслями: что случилось, почему он не вышел?

Дни были тревожные... Встречаю вот его, — кидая суровый взгляд на Павлика, рассказывал Яша голосом, который показывал, что пережил он тогда, — кидаясь к нему, стараясь внешне сохранить спокойствие. Спрашиваю: ты знаешь, что с Толиком? Почему он не вышел на встречу?

— Погорел, — слышу короткий ответ.

— Мария Павловна, у меня сердце остановилось, дыхания не стало. Смотрю, он удивлённо глядит на меня и смеётся. Ты знаешь, я готов был избить тебя, и скажи ты мне это там, где никого не было, я не сдержал бы себя. Ты понимал, какие те были дни. Я поверил тебе и по-настоящему пережил известие об аресте Толи... — закончил Яша, волнуясь, с глазами, говорящими лучше слов, что действительно он сообщение Элика пережил по-настоящему.

Признаться, и у меня было подобное желание, что и у Яши.

— И как ты мог так необдуманно шутить? Чем шутить и когда? Когда каждому твои слова могли звучать явью. Возможно, в иные дни Яша отнёсся бы к ним так же, как Анатолий, когда услышал от меня о слухах вокруг гибели Васи, но в эти дни, «Павлик», твоё сообщение могло быть действительностью. На вашу долю и так достаточно выпало минут, которые останутся незабываемыми, так надо же беречь друг друга и не давать повод другому беспричинно трепать нервы. Не зная тебя, можно было бы заподозрить в своеобразной жестокости: видеть удовольствие в том, что близкий тебе человек переживает тягостные минуты. Нехорошо, «Павлик», и ты не должен впредь допускать подобных шуток. Оба факта говорят, что ты заставил ребят пережить два страшных момента. Зачем? Один ответ: необдуманная поспешность.

— Я и сам увидел, что оба раза поступил более чем глупо. Обещаю, что больше этого не будет, — говорил Элик с серьёзным лицом. И я видела, что так оно и будет.

— Ну, ничего. Значит, Толик никогда не будет схвачен: говорят, кого считают ошибочно умершим, тот долго живёт, — с бодрой улыбкой закончил разговор на эту тему Яша.

Пришедший Вася рассказал о ходе проведения операций.

— Минировали вечером. Двор, где находились бочки с горючим, был небольшой. Работу облегчало то, что не было часового. Какой-то старик, возможно, сторож, обрушился на Петю: «Чего лазишь здесь? Много горючего, ещё спичку обронишь». Но, увидев немецкую форму, он замолчал.

Пришёл Стефан. Не раздеваясь, сразу стал рассказывать, как случайно он оказался свидетелем взрыва.

— Утром иду по тротуару по Феодосийской. Иду не спеша. Поравнился с следующим домиком... гул... вижу себя на мостовой, на ногах еле держусь. Ничего не соображаю. Затем является мысль: был взрыв, сейчас прибегут немцы, румыны... надо уходить — трудно доказать, что это не я или другой, что шёл на полшага впереди меня. Могут задержать... будет обыск дома... С такими мыслями, опять не спеша, я перешёл на другую сторону и тут уже постарался поскорей убраться от страшного места.

Сознание, что он остался жив и благополучно ушёл оттуда, где его могли задержать, дало нам возможность разразиться хохотом, представляя, как он приходил в себя от оглушительного взрыва.

— Это, Толик, ваша звезда сохраняет вас, она помогла вам, — говорила бабушка, убеждённая, что оно так и есть в действительности.

29 февраля

Вернулся из леса Анатолий с товарищами, что оставались там вместе с ним. Ходили встречать их Павлик и Яша. Зоя, при её состоянии здоровья, не выдержала тяжёлого пути и погибла. Путь, что пришлось проделать им в этот раз, мог выдержать лишь здоровый человек, а не она, больная девочка. Не расспрашивая мальчиков, видела, что им тяжела потеря товарища, которого они стремились спасти.

Удивился Анатолий, узнав от Элика, что рация до сих пор находится у деда.

— Жаль, что с рацией получилось так, она бездействует с 18 февраля. Дай «Андрей» нам право её перебазировать, её вынесли бы ребята одновременно с типографией. Хорошо, что Вова оказался таким, каким мы его знаем — стойким, преданным партии, родине, иначе операция могла бы провалиться, а вместе с ней погибли бы вы все... Все мероприятия, проведённые организацией после аресты Вовы, штабом признаны правильными. Ребята перейдут на нелегальное положение. «Андрей» поможет их всех обеспечить надёжными квартирами, на этот счёт он получил указания, — говорил мне Анатолий перед приходом ребят. Все эти дни всех нас не покидала тревога за рацию, но Элик и Яша не могли её вынести, не получая указаний от «Андрея». Никто из нас не скрывал тревоги, что пройдёт, если враг нападёт на след рации.

— «Павлик», не лучше перенести её на нашу территорию? Если суждено, пусть удар обрушится на нас, а не на стариков, — говорила я Элику.

— Обождём 2–3 дня. С приходом «Кости» разрешится вопрос о рации, а возможно, «Андрей» даст распоряжение вынести её до его прихода.

Не скрyla я своих дум и от стариков.

— Чему быть, того не миновать. Будем надеяться на бога, верю я, что поможет он... — отвечал дед с глубокой верой в голосе.

Признаюсь, в такие минуты, откидывая своё мировоззрение, не рассуждая, мне тоже хотелось иметь эту глубокую веру, которой были объаты сердца стариков. К вечеру пришли Вася, Яша и Элик, нет только Вовы.

Вася сообщил разведданные, что вёл он вокруг готовящегося нападения на казино с целью захвата живыми одного-двух офицеров для штаба. Риск большой, но они надеются, что тщательная подготовка к операции поможет им справиться с ней.

Переговорив о делах организации, перешли из Толиной комнаты в столовую. Анатолий рассказывал о жизни в лесу. Эти дни показались ему и ребятам вечностью. Борис собирался уйти самовольно, за что и получил выговор от Ямпольского.

— Отсутствие внутренней дисциплины у Бориса особенно сказывалось там, в лесу. Здесь: подготовка к операциям, выполнение их, работа по распространению литературы, все это является сдерживающим звеном. А там он «распоясался». Своим видом в немецкой форме поднимал тревогу, и в конце концов ему было запрещено ходить вне отряда. Обратно шли в город — мы еле поспевали за ним, он рвался в город, где ждала его работа.

— А о матери так ничего и не слышно? — спросила я ребят.

— Погибла.

Мать Бориса, доверчиво попавшись на удочку «представителей леса», которых враг, как ходили слухи, в большом количестве запустил на улицы города с провокационной целью, пожертвовала собой во имя спасения сына и его товарищей. Сама явилась в гестапо с заявлением, что её вербовали в партизаны. Враг, очевидно, понял, что его игра раскрыта, не в его интересах было выпускать свидетеля его уловок, и мать Бориса погибла, она не вернулась обратно.

После случая с матерью Бориса Анатолий ещё раз напомнил нам всем, что кроме Гриши или связных СПО никто не может быть прислан к нам из леса, о чём его предупредили в штабе.

— А помните, М.П., как вы насторожились, когда мы принесли несколько пар часов для починки и сказали, что есть свой часовщик? — начал Павлик.

— И что ты хочешь сказать?

— Что вы как-то в один миг умеете окинуть мыслями многое. Вот как тогда...

Встала перед глазами картина «тогда». При словах Элика: «Есть свой часовщик» у меня молниеносно пронеслось в голове, как часто я слышала от соседки слово «часовщик» и всё, что было связано с ним.

— Обождите, ребята. Если это тот, о котором я часто слышу, то нет гарантии, что соседи не узнают о вашей работе. До сих пор они стыдят меня, что Толя «барчук, который, сидит на шее отца и матери». Пусть в глазах их он будет таким, а вы — товарищами «барчука».

В разговоре с соседкой «случайно» узнала, где живёт их часовщик. Пришедшей на другой день Л. я высказала свои мысли. Оказалось одно и то же лицо. Возможно, «Андрей» опять бы назвал меня пескарём, но я считала, что я должна была сказать ребятам свои предположения. То, что я узнала позже, подтвердило мои размышления.

— Я уже не раз говорила вам, что постоянная настороженность выработала какую-то своеобразную способность, как ты говоришь, схватывать многое. Ручаться, что меня не удалось бы ввести в заблуждение «представителям леса», нельзя, «Павлик». Достаточно, по-моему, одной секунды, когда не уследишь за собой, — и всё может рухнуть. Это сознание и заставляет меня быть постоянно настороже. Боюсь одного, что не выдержат нервы в конце концов такого напряжения, — говорила я Элику в ответ на его слова.

— Ничего, мама, прогоним врага, кончится война, ты отдохнёшь, мы поедем учиться...

— И приедете ко мне опять все вместе, но только в новых синих костюмах и поделитесь со мной шоколадом, — прервала я Толю, глядя на всех их с улыбкой.

В один из вечеров, незадолго до ареста Вовы, вернувшись с диверсии, они вот так же сидели за столом, пили чай. За эти годы они пообносились изрядно.

— Кончится война, выстроят «ребят из СПО» в ряд, осмотрят критическим взглядом их костюмы: «Выдать всем по костюму из синего сукна, — непременно из синего, оно идёт мне, — изорвали ребята из СПО свои в ямах со штабелями, перелезая через заборы, проползая на животах по 300–400 метров там, где они потом ходили бесстрашно».

Смех ребят прервал говорившего с серьёзным видом Анатолия.

— Прочитали в глазах ребят из СПО желание вволю полакомиться шоколадом... Выдать по пуду каждому — слышим приказ.

Это одна картина, а вот другая.

Страна ликует. Крым полностью освобождён от захватчиков. В городе митинг...

— За свободу и независимость нашей Родины боролись славные комсомольцы, не щадя своей жизни... Перед нами 18 холмиков, принявших прах ребят из СПО, отдавших жизнь за счастье народа... Вот Элоизе Стауэр...

— Ну, нет... шоколад первыми получаете вы, а холмик — Статуэр, — поспешно перебивает Элик, после чего Толя с комичной уступчивостью соглашается быть обладателем первого холмика.

Так сидели они в тот вечер после обсуждения проделанной работы. Разителен контраст в этих ребятах из СПО: во время обсуждения того или иного вопроса — это зрелые люди, обладающие, казалось, опытом, навыками, помогающими им успешно бороться с врагом. В минуты отдыха — это группа школьников, что сидела весной 1941 г. верхом на стульях в саду, беззаботно кружилась на баскетбольной площадке. Представляешь их всех не спокойно идущими в здание школы, а в два шага проскочивших любые ступеньки, вихрастых, с расстегнутыми воротами. Они могут бросить шутливое слово, но когда разговор идёт о враге, не увидишь улыбки ни на одном лице. Лица суровы, один краснеет, иной темнеет, третий бледнеет... И только глаза одинаково излучают жгучую ненависть, желание мстить врагу.

3 марта

Рация пока ещё находится у деда. «Андрей» поручил Анатолию осмотреть квартиру, где могла бы находиться она. Из разговора Анатолия с хозяином квартиры стало ясно, что тот далёк от желания держать рацию у себя в доме.

— Я не могу... У меня дочь отличница, к ней ходят товарищи... — к чему-то привёл он в оправдание свою дочь. Наличие площади, по словам Анатолия, позволяло находиться в доме рации.

— Меня возмутило то, что он обманул «Андрея», ведь «Андрей» верил ему и был убеждён, что квартира для рации есть, — говорил Анатолий, вспоминая свой разговор с тем, кто сболтнул о готовности предоставить квартиру, а на самом деле трусливо доказывал другое.

Поступили сведения, что один из арестованных из Вовиной группы, тот, что, говорили, был схвачен по дороге в лес, выпущен из гестапо и работает по-прежнему на железной дороге. Анатолий поручил старому железнодорожнику, что когда-то приносил нам чи-

тать листовки СПО, выяснить, верно ли это. Сведения подтвердились. Закрадывается подозрение, не он ли выдал Вову, которого знал как командира группы. Если это так, то видишь результат строгой изоляции групп друг от друга: аресты не перекинулись на других.

Подобные слухи ярче подчёркивают величие души Вовы-комсомольца. Он знал руководство организации, местонахождение типографии, приёмника, места базировки оружия, засекреченную дорогу в лес, место явки и ничего не рассказал врагу.

7 марта

Дошли до ребят и другие слухи, которые влили тревогу большую той, что вызвана освобождением арестованного из Вовиной группы — тот не знал никого из ребят. Арестованы К. и Д. из организации «Муси».

К. знал Васю, Толно Б., Вову Е. раньше, но не знал, что они состоят в подпольной организации. Последний раз, когда все они находились в лесу, К. встретил их там, и ему стало очевидно, что они связаны с лесом.

Кроме, того у Анатолия и Элика свеж ещё момент, над которым они долго размышляли.

Однажды, в феврале этого года, Е.Л. передала Анатолию просьбу «Муси» вывести из города К. и Д., которые ранее работали связными у «Муси». Эта просьба вызвала недоумение у Анатолия и Элика. К. и Д., будучи в своё время, по словам Е.Л., связными, прекрасно знали дорогу в лес сами. Анатолий категорически отказал, мотивируя свой отказ тем, что не может указать дорогу, которая была строго засекречена и известна лишь молодёжной организации, Грише, Жене и «Андрею». «Муся» обратилась за разрешением к «Андрею», который дал указание «Павлику» вывести К. и Д.

В день явки Элик обычно заходил перед вечером к Е.Л. за письмами в штаб от «Андрея» и «Муси». К. и Д. должны были в тот вечер ждать его у Е.Л., откуда он окольными путями выведет их в ров. Анатолий заранее договорился с Эликом, что тот выведет К. и Д. не на обычное место во рву, а немного в сторону.

К удивлению Элика, К. и Д. не оказалось у Е.Л. — они уже ушли. То, как осматривали Элик и Анатолий перед уходом на явку оружие, говорили яснее слов о закрывшейся в них тревоге. К. и Д. в поле не

оказалось, как ни вели разведку ребята. Кто должен был выводить их в лес, ни К., ни Д. не знали.

«Муся» говорила Павлику, что К. и Д. останутся в лесу, больше не вернутся в город, но 1 или 2 марта встревоженный Вася сообщил, что видел К. в городе.

Ни один арест членов СПО не вызвал такой тревоги, как арест К. хотя он не был членом молодёжной организации и лишь после 21 февраля узнал, что ребята, которых он знал, связаны с партизанами.

После ареста Семёна, Бориса, Вовы принимались меры предосторожности, но все были уверены в выдержке и стойкости товарищей. Сейчас одна тревога: трудно сказать, как будет держать себя К.

Сегодня день явки. Элик и Виктор ушли с большим грузом — понесли подарки женщинам-партизанкам ко дню 8 Марта, любовно приготовленные патристическими группами. Они по поручению «Андрея» вывели из города двух товарищей, которым угрожает опасность, — одного с семьёй. Трудна работа связных. В дождь, пургу, в непролазную грязь идут они в определённые дни на явку. За плечами всегда тяжёлый груз, в лес несут то, в чём ощущается там нужда, обратно идут, сгибаясь под тяжестью того, что ждут с нетерпением в городе: боеприпасы, литература. Идут, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, в темноте, сливающей небо и землю в одно. «Павлик» безошибочно выходит на определённое место. Он неутомим. Виктор, которого я ещё ни разу не видела, но от Веры часто слыхала; Яша, которого изучила уже хорошо, зачастую прямо идут к Вере, берут приготовленный груз и в 6 часов выходят на явку. Возвращаясь с рассветом, моются, чистятся и идут опять на работу. Ни разу ни от кого из них я не слыхала о тяжести проделанного пути. Единственная жалоба — на собак деревень, мимо которых проходят: поднимают лай, который может возбудить подозрение врага.

Связной — одна из центральных фигур организации. От работы связного, его выносливости зависело бесперебойное снабжение города тем, что было необходимо, в лес доставлялись сведения, которые добывались здесь.

Мы с Верой строго следили за тем, чтобы к приходу связных с «явки» всегда имелась горячая вода, сухие носки и одежда. Зачастую они возвращались, не имея, что называется, сухой нитки, и с доволь-

ным видом натягивали сухую рубашку, носки. Останутся в памяти моменты, когда Элик убеждал Анатолия беречь себя.

— Ты руководитель и должен беречь себя.

Со связным, если его схватят в дороге, разговор короткий — он полон улик: в мешках полно литературы, мины, гранаты... письма в штаб, в город. И связные «Павлик», Яша, Виктор бесстрашно шли вперёд, неся груз, который ждут с надеждой и нетерпением в городе.

Казалось, я изучила ребят, и всё же часто я смотрела на них с удивлением, с ещё большей материнской любовью, которую они ясно читали в моих глазах.

8 марта

Ничто не предвещало, что надвигается новый удар. В ранний утренний час Элик вернулся с явки уставший, но со счастливым лицом: принесли два мешка литературы.

— Будет работы сегодня ребятам, — вытирая лицо и окидывая нас смеющимися глазами, говорил Толя, обращаясь к Элику.

— А знаешь, я никак не могу забыть той сцены. Ну и противно же было... — передёргивая плечами, кривя в презрительной улыбке губы, проговорил Элик.

За столом во время еды Элик рассказал, что произошло вчера.

— Я должен был вывести из города одного больного и другого с семьёй. Всё шло хорошо. На красной горке показалась группа людей. Ну, люди как люди. Мало ли ходят. Тот, что с семьёй, бросил бушлат или кожух, оставил жену, ребёнка и быстро скрылся из глаз. Жена поняла, что он их бросил. Пришли в ров. Его нет. Темно уже стало, надо идти, а как уйдёшь без него: ведь «Андрей» поручил его вывести.

Оставили его семью с другим товарищем, с Виктором пошли искать его во рву. Смотрим, темнеет что-то. Подходим.

— Братцы, не убивайте... — слышим мы и видим, что это «что-то» падает на колени.

— Кто вы? Откуда? — спрашивает Виктор.

— Братцы, не убивайте, я жить хочу, — твердит фигура.

— Да не бойтесь, только скажите, кто вы? — продолжает биться над ним Виктор.

— Я жить хочу... — твердит тот, хватая нас за ноги.

— Чёрт возьми, вы кто? Ну кто — Юра?

Это «что-то» замерло, потом скороговоркой заговорило:

— Да, да... я Юра.

— Обождите, это ещё не всё, — проговорил Элик, заметив выражение наших лиц. — Виктор сходил за его женой с ребёнком и другим.

Идём. Стало холодно. Он спрашивает кожух у жены. Его не оказалось. В темноте она его потеряла. Послышалась самая отборная брань на бедную женщину, хотел даже ударить её. Ну, мы не выдержали. Приказали ему замолчать, напомнили, что он сам бросил кожух, значит он не нужен ему. Теперь он обрушился на нас.

Идёт, бубнит, что мы пацаны. Ну, думаем, пусть ругает, лишь бы жену не трогал.

Смотрим, зажигает зажигалку. Виктор хватить его за руку.

— Вы думаете, где вы идёте? — спрашиваю я его, — Хотите погубить всех?

— Пацаны, молокососы, вы учить ещё меня будете... Я с 1942 года работаю подпольно... меня «Андрей» знает...

Ну тут уж Виктор не выдержал.

— Если скажешь ещё одно слово — пристрелю, — зашипел он, направляя на него наган.

Присмирел. Но всю дорогу хныкал, что устал, тяжело. Жене с ребёнком даже не помог. Чтобы не скулил, приходилось часто останавливаться, давать даже курить при каждом удобном случае. Я много раз ходил на явку, но это был самый тяжёлый путь. Вдохнули, когда передали его связным из леса. Устал, будто прошли не одну сотню километров.

— Да, попадись такой врагу, всё бы выложил, что знал. Он ведь не видел, кто подошёл к нему, и — «братцы, не убивайте». Хорошо, что вывели его в лес, безопаснее для всех, с кем он был связан, — с суровой задумчивостью вымолвил Анатолий.

По глазам обоих я видела их возмущение, граничащее с отвращением к этому человеку, вымаливающему на коленях себе жизнь у тех, кого он, по-видимому, принял в темноте за врага.

— Ладно, ребята. Таких не много. Счастье, что подошли вы, а не враг: раскрыл бы дорогу, «Андрея», раз он его знает. В «стойкости» его, конечно, не приходится сомневаться.

Люсе Анатолий поручил перенести часть литературы и мин к Л., к чему она и приступила тотчас же. Элик и Анатолий перешли в Толину комнату, я осталась на кухне. Вскоре пришла бабушка.

— Нина пришла и говорит, что арестована какая-то учительница Волошина ночью сегодня.

Анатолий и Павлик при последних словах бабушки появились в раме двери и, будто окаменев, устремили на бабушку неподвижный взгляд широко раскрытых глаз. Они слились в одно, их обобщало одно выражение, вызванное тем, что услышали.

— Где Нина? — спросил Анатолий у бабушки.

— Сидит у меня.

— Мама, сходи разузнай...

Ничего дополнительного от Нины я не узнала, кроме того, что сказала она бабушке. Об арестах незнакомых людей совсем посторонние люди всегда говорили с болью: арестовывались русские люди врагом, который беспощаден к тем, кого он хватает. Скрыть аресты враг был бессилён, слухи о них проникали повсюду.

Пришла Софья Лазаревна, которая должна была взять часть литературы.

— Правда? — спросили мы разом её.

— Сейчас по дороге мы с Люсей узнали об этом. Это ужасно. Только вчера она была у нас. Было заметно возбуждённое беспокойство. Часто повторяла, что её арестуют. Просила к ней не заходить. Муж её был у нас и тоже отмечал, что она очень нервничала.

— С.Л., скажите честно, «Муся» знала фамилию Толи? — задала я вполне понятный вопрос, поскольку знала, что встречи «Муси» и «Кости» происходили у Л.

— Нет, за это ручаюсь.

— Идите домой, С.Л. Надо вынести из вашего дома всё, что имеется. Е.Л. пусть немедленно сообщит об этом «Андрею». Мы забазирuem принесённую сегодня литературу, распространим чуть позже, — проговорил Анатолий, обращаясь к С.Л.

10 марта

Столько событий произошло в эти дни, что чувствую, что теряю почву, впервые меня охватило состояние растерянности перед создавшимся положением.

С 7 на 8 гестаповцы нагрянули к родным Васи Бабия, который уже перешёл на нелегальное положение. Перед этим он, находясь больше дома, имел отдельную квартиру, где и был прописан. Это спасло родных Васи: они указали жандармам, что сын не живёт с ними — собрался жениться, поссорился с семьёй и живёт самостоятельно. Спросили, где живёт, где работает, где живёт его невеста и ушли, узнав лишь его квартиру, которую родные не боялись указать, так как знали, что Вася там уже не бывает.

Вася, увидев 8-го утром в окно выставленную стеклянную банку, в дом не зашёл — банка служила сигналом, что в доме угроза. Встречи Васи с отцом происходили в Ленинском садике, где они встретились и в то утро. Договорились, что необходимо им всем уходить. Явка должна состояться 9-го, тогда же выведут всю семью в лес. К четырём часам в доме находилась одна только мать в пальто, готовая выйти туда, где были отец и брат Васи.

— Скорей бегите, — услышала Васина мать слова соседки, увидевшей остановившуюся машину.

Пока жандармы шли через двор, Васина мать через парадное чужой квартиры выскочила на улицу.

Ночью приезжали за Борисом Е. и Вовой Енджиян. Враг протянул свои шупальца к организации.

Вечером 8 марта Анатолий ушёл к Борису, сказав мне, что скоро вернётся. Жду час, другой, его нет. Стала закрадываться тревога, связываясь с мыслями о жандармах в доме Васи, толи Б., за которым они приезжали в тот же вечер, что и за Васей, и который в это время не жил уже дома.

Около одиннадцати часов вечера Анатолий вернулся в носках, неся резиновые сапоги в руках.

— Мама, сейчас ухожу. Возле окопов ждёт меня Вася... Приезжали за Борисом. Мне и Васе удалось уйти, Бориса не было дома, — поспешно говорил он, меняя мокрые носки на сухие.

И ушёл, коротко бросив:

— Иди, не волнуйся.

Часы пробили двенадцать... час... два... его нет.

— Погибли мальчики, — бесстрастно шепчу я Стефану, который тоже не спал, ожидая Анатолия.

Тихие шаги — и вижу Анатолия со строгим лицом, которое говорило, что произошло что-то неожиданное за эти часы. В глазах

светилось торжество, но не то, что я наблюдала в них после удачных диверсий, а новое: оно смешивалось с недоумением, казалось, что он, решив трудную задачу, ещё не может понять, как случилось, что она решена.

— Мамуся, — быстро проговорил он, подходя ко мне, и это обращение обычно служило признаком, что он находится в ином состоянии, чем я привыкла его видеть, — собери всё, что в доме есть съестного. Через полчаса я вернусь.

Не стала расспрашивать, молча сложила всё в узёл, молча протянула ему — привыкла я видеть, что не поступают они сгоряча, и если уходит из дома в четвёртом часу утра — значит, так надо... Минут через сорок он вернулся с Васей.

— Мама, иди к бабке, нужна твоя помощь: там Вовина сестра, она ранена.

Расспрашивать некогда: надо спешить.

В столовой на диване сидит девочка с бледным лицом, с возбуждёнными, покрытыми лихорадочным блеском глазами. Возле неё хлопочет уже Туся: обмывает лицо, руки. Рядом стоят бабушка и бабушка с растерянными и испуганными лицами: приход Анатолия и Васи с незнакомой девушкой, которую они привели на рассвете, ошеломило стариков, они не знали, что Толи не было дома.

Уложила Тусю, у которой ноги, что плети, будто костей они не имели. Рана на голове оказалась поверхностной, не вызывала тревоги, ноги заставили призадуматься всех — не сможет ходить она скоро.

Вернулась домой, где Вася и Толя обсуждали создавшееся положение.

— Ты завтра, вернее, сегодня, ведь скоро уже совсем рассветёт, уходишь с ребятами в лес. Выведем всех: твою, Вовину семью и всех остальных. Знаю, что тяжело уходить, но ты должен понять необходимость этой меры. Пройдёт время, успокоится немного положение, и ты вернёшься сюда. Мне, «Павлику», Яше и Виктору как будто не грозит опасность — нас не знает ни Р., ни К., никто из арестованных из Вовиной группы. «Муся» не знает ни моей фамилии, ни где я живу. В Вове я, да и все вы, уверены, он не выдаст. Утром схожу к «Андрею», сообщу о событиях, попрошу квартиру для Туси, её нельзя оставлять у деда: вдруг какой-либо след приведёт врага к нам — она неизбежно погибнет.

— Как чувствует она себя, мама? — обратился он непосредственно ко мне.

— С ногами беда... А так, говорит, ничего.

Вкратце они рассказали, что произошло ночью.

Анатолий пришёл к Борису и никого из ребят не застал: Борис, Петя Б., Вася, переодевшись в немецкую форму, ушли, надеясь отобрать у встречного немца оружие, что им иногда удавалось. Удалось и на этот раз — вернулись с немецким пистолетом.

Вторично ушли с этой целью и так же в немецкой форме Петя, Борис, Демченко или Дымченко, я не знаю, как правильно, и подошедший к этому времени Толя Б., мать которого уже была арестована. Анатолий и Вася остались у Бориса: чистили в комнатухе, заменяющей кладовую, оружие. Предварительно Вася спрятал одежду ребят, разбросанную на столе, и положил документы, лежащие тут же, себе в карман.

Услышали лай собаки, чужие голоса во дворе. Быстро потушили свечу.

— Где ваш брат? — слышат вопрос, обращённый к сестре Бориса.

Та не растерялась, стала говорить о Борисе как об отъявленном хулигане, который не живёт дома ни днём, ни ночью и, подойдя к кладовке, несколько раз громко позвала брата. Затем, выйдя на порог, вновь стала кричать: Борис, Борька где ты...

Немцы подошли к кладовке, приоткрыли дверь, постояли мгновение и ушли. Они пошли с сестрой Бориса к Вове Е.

Толя и Вася, прислушавшись, не раздадутся ли в тишине шаги, с предосторожностью вышли из дома и быстрым шагом скорей ушли от места, где они находились на волосок от гибели. Через Салгир перешли брод, вот почему Анатолий и пришёл в носках: набравшаяся вода хлопала и давала громкий звук. Пришлось снять сапоги. На кирпичном заводе спрятали документы ребят. Не доходя до окопа, они увидели в стороне силуэты людей, спешивших к полю. Это, как узнали они после, была семья Вовы Е.

Возвращаясь обратно, захватив второй автомат, они услышали стрельбу в том направлении, куда шли. Вскоре увидели спешивших людей в направлении рва. Решив, что это ребята, они поспешно пошли к ним. Те, увидев это, с неменьшей поспешностью ринулись в сторону. Потом выяснилось, что ребята, приняв Васю и Толю за

немцев, решили изменить направление, чтобы не провалить явку во рву. Анатолий и Вася, решив, что если это ребята, то они так или иначе придут в ров, направились туда. Там они вскоре и встретились все, после чего разыскали в поле Вовину семью.

Оставив всех там, Анатолий пришёл домой за продуктами, после чего он и Вася привели Тусю к бабушке. От ребят они узнали продолжение того, что было в доме у Ериговых.

Вова собрался идти к Борису, куда должны вернуться ребята. Вышел во двор, услышав окрик: стой. Сказав быстро Тусе: «Держи дверь», захлопнул её и бесшумно проскользнул в сад. Пока немцы ломались в дверь, семья выскочила через окно в соседский сад и стала пробираться в поле. Увидев, что семья ушла, выждав момент, Туся открыла дверь и сразу услышала: «Руки вверх». Допрашивали, где Борис и Вова. Она твердила: «Не знаю». Её ударили, связали руки. Не зная, что жандармы уже были у Бориса и боясь, что после они пойдут туда, Вова решил предупредить сестру Бориса. Встретившись с Петей, Толей Б., Борисом и Д. недалеко от дома Бориса, сообщил о случившемся. Решили ребята отбить Тусю. Бесшумно подойдя к дому, окружили его. Под сильным ударом распахнулись ставни в окне, выходящем в чужой двор, автоматная очередь окутала комнату, свалился немец, другой, упала и Туся. Выскочившие во двор жандармы были встречены огнём товарищей Вовы. Схватив за руки Тусю, ребята стали быстрее отходить.

— Сколько же людей они расстреляют теперь?... — вырвалось у меня после рассказа ребят, когда раскрылась картина того, что произошло на Речной.

— Будем надеяться, что побег всей семьи спасёт население. Картина ясна, кто убил немцев, — вопросительно глядя на нас, произнёс Вася.

Вася ушёл к себе на квартиру, чтобы вечером вывести из города родных, Анатолий стремился к «Андрею» сообщить ему о событиях.

Днём узнали от бабушки, что к ним на работу приезжали жандармы за И., что неожиданно присутствовала при встрече Анатолия с «Мусей», и которая знала теперь, что «Костя» и Толя одно и то же лицо. Ведь это она наладила связь с военнопленными командирами Красной Армии, которых вывели из фашистского плена «ребята» из СПО.

К вечеру уже знала, что «Павлик» выводит её в лес вместе с партией тех, кому угрожает тоже гестапо.

— Квартира для Туси будет завтра. «Андрей» передаст через Евгению Лазаревну. Она придёт утром. Счастье, что Иванову на работе не застали жандармы, вечером выведем её в лес. Уговариваю Васю, а и самому тяжело — уходит в лес вся особая диверсионная группа, замрёт на время боевая работа. Иначе нельзя, враг нащупал её. Но ничего, ему не удалось никого из них вырвать, не удалось нанести нам удар. Пройдёт немного времени, и дивгруппа по-прежнему будет тревожить его, — говорил Анатолий, которому предстояло расстаться с товарищами, с которыми были связаны неразрывно пережитыми вместе минутами опасности, ненавистью к захватчикам и жгучим желанием видеть Родину, освобождённой от них.

Пришёл Вася. Видом своим он напомнил мне Яшу, когда тот шёл ко мне 27 января утром, не найдя место явки. Будто тяжесть давила Васину голову, постоянно поднятую с весёлой улыбкой, с задором в глазах.

Я видела, что нелегко ему было, да и кто бы видел другое, глядя на его подёрнутые предательским блеском глаза, устремлённые с печальной мольбой на стоявшего перед ним Анатолия, и в которых читалось: «Ну скажи, что смогу я остаться...».

Прощаясь со мной, он говорил:

— Спасибо за всё... Я всегда вспоминать буду о вас...

— Вспоминают, Василёк, когда долго не видят, а я верю, что вернётесь вы скоро, и снова я увижу тебя у себя. Скажем спасибо судьбе, что помогла вам всем уйти от опасности.

— А Толину «звёздочку» будем просить помочь нам вернуться обратно, — перебил меня Вася с промелькнувшей улыбкой, не подходившей к его глазам.

И он ушёл нетвёрдой походкой в направлении бабушкиного дома. Анатолий вышел через нашу калитку.

Вечер принёс новую тревогу: И. не оказалось во рву. Закружились мысли: почему так случилось, неужели врагу удалось схватить прежде, чем явилась возможность выйти из города.

11 марта

— Мама, пожалуй, Иванову лучше к нам привести. Боюсь, что не выдержит пыток она, если схватят её. И я не уверен, что будет сидеть

она, не выходя никуда. Нет гарантии, что гестапо не нагрянет в поисках её туда, где она часто бывала и где находится сейчас. Вообще, мне кажется, что лучше уйти в лес и тем, с кем Иванова была связана, раз пришли за ней, значит, напали на след, и кто знает, может этот след приведёт и к остальным из её группы. К нам безопаснее её привести: никто из арестованных не знает меня. «Муся» знает «Костю» и только, — говорил вчера Анатолий, узнав от Люси, которую с утра он послал на разведку, что И. находится у Екатерины Степановны, агронома контрольно-семенной лаборатории, где работала И.

На том и решили. Люся пошла за Ивановыми, так как они не знали, где живём мы. Анатолий ушёл, и Люся вскоре привела И. От деда я часто слыхала, когда у него разговор заходил о сотрудниках лаборатории, что И. — настойчивый, энергичный человек. Сегодня я увидела растерявшуюся женщину, которая, бессильно спустившись на диван, пугливо осматривалась.

От неё я тоже узнала, что «Муся» не знает фамилии Толи, да и Иванова знает его лишь как внука Павла Лаврентьевича.

— Что же с квартирой для Туси? — спросила я вернувшегося вечером Анатолия. — Е.Л. не приходила. Тусе нужна врачебная помощь. Всё, что могли, мы сделали с Люсей, но этого мало. У неё появилась сонливость, ноги не действуют совсем.

— Опять говорил я с «Андреем». Знаешь, мама, решили с «Андреем» Лазаревых вывести в лес. Они тесно были связаны с «Мусей», она почти ежедневно была у них в доме. Бывала у них и Иванова. Вместе с ними уйдёт и другая сестра Е.Л. Она, по-видимому, знает о их работе. Помнишь, как мы удивились, когда Софья Лазаревна пришла к ним за литературой с ней. Я говорил об этом «Андрею», и он согласен, что её необходимо вывести из города, — говорил Анатолий.

У Туси сегодня поднялась температура. С утра Люся пошла за Евгенией Лазаревной. Вместо неё пришла её сестра С.Л.

— Женя никуда не пойдёт. Она перешла на нелегальное положение, что нужно сказать, говорите мне. Я и она — это одно.

Я привыкла к постановке такого вопроса относиться иначе, находясь в общении с «ребятами из СПО». У них то, что мог знать лишь командир группы, не могло стать достоянием члена её.

Что могла я говорить Е.Л. как члену горкома, о том не могла сказать С.Л., при всём уважении к ней.

— Анатолию срочно нужна квартира, об этом передайте Е.Л., — говорила я С.Л., не раскрывая причин, для кого нужно помещение.

— Ещё раз говорю: ей угрожает опасность, и выходить она не будет никуда.

Так и остался вопрос о квартире для Туси открытым, а с ним не разрешённый вопрос о враче.

Мы надеялись, что с переездом Туси на другую квартиру смогут к ней пригласить кого-либо из врачей из патриотических групп — Е.Л. ещё в феврале говорила, что такие имеются.

С решимостью отчаяния пригласили районного врача М. осмотреть «температурившего по вечерам Шуру и попутно оказать помощь девушке из Сергеевки, которую ударила рогом корова».

Не знаю, догадалась ли М. о чём-то другом, но никаких вопросов она не задавала ни Тусе, ни нам. Это была та женщина-врач, к которой я обращалась за больничными листками для «ребят из СПО», уходивших в лес, и которым нужен был оправдательный документ для работы.

— Вы знаете меня? — спросила я тогда М.

— Знаю, что на бесчестный поступок вы не способны, — ответила М.

— Мне нужны листки для здоровых людей.

Минуту подумала М.

— Хорошо. Но прошу, фамилию напишете вы. Я не хочу знать фамилии их. Я научу вас заполнять листки, подпись свою и печать я даю, — серьёзно говорила М., прямо смотря мне в глаза.

Помощь Тусе была оказана. Тяжесть спала с души. Остались одни волнующие мысли, что будет, если раскроют пребывание Ивановых в доме у нас. Надеялись лишь на то, что мой дом никто из сотрудников лаборатории не знал, и Ивановы ни разу не были ни у нас, ни у деда. Каждый из нас с облегчением думал о том, что рации в доме в эти дни уже не было: её в два приёма вынесла Люся к Л., откуда сразу переправили на другую квартиру.

12 марта

Бывают дни, слышала я часто, когда ты хочешь подвести итог всему, что было в течение дня и не можешь с ясностью схватить всех

событий этого дня. Так и со мною сегодня. Хочу остановиться на одном, оно уплывает, тускнеющее перед тем, что дальше идёт. Одно только ясно: сегодня вывезли Тусю.

— Приедет на линейке Виктор в одиннадцать часов. Выведешь Тусю, — говорил с утра Анатолий. Так и не дождавшись квартиры от Е.Л., решили Тусю пока поместить к Виктору.

Впервые увидела я того, кто, как говорила не раз Вера, «вам понравится», о ком тепло отзывались и Толя, и Яша, и «Павлик».

В кожаной куртке спортивного типа, в кепке, сдвинутой слегка на затылок и открывшей русый чуб, зачёсанный вверх, стоял передо мной шустрый мальчонка, с открытым лицом, на котором светились улыбкой серо-голубые глаза.

— Ей будет неплохо, — шепнул он, не смотря на меня: возле линейки стоял чужой человек, кучер.

Сели рядом: он «орлёнок» и Туся с обвязанной щекой, будто зубы болят, и поехали на другой конец города.

К вечеру вернулся из города Толя. По лицу было видно, что он озабочен. Обычно я ждала, когда он первый заговорит о том, что таит в себе. Сегодня я изменила привычке, думая, что это относится к пребыванию Ивановых у нас.

— Я не в состоянии понять того, что услышали от Ольги. Она передала указание «Андрея» вывести сегодня какую-то Людмилу, будто она провокатор. При чём Ольга сказала, что она направила Л. к шести часам во второй ров, т.е. к часу, когда мы выходим на «встречу» со связными или в лес. Как могли указать район нашей явки?! И сегодня, когда выводим столько людей, и нас только трое — я, Яша и Виктор! Поручили бы встретить её в городе, как бывало с другими, и если она провокатор, угроза висела бы над кем-либо из нас, кто её встретит. Теперь меня беспокоят люди: возможна засада. С «Андреем» не могу связаться — переменял квартиру, и боюсь, мама, крепко я за него. Жандармы рыщут по городу, хватают людей. Большие аресты на железной дороге. Гибнут люди, которых я не знаю, которые не знают меня. Но мы знаем, что это люди, идущие по одному пути с «Андреем», с нами, со всеми, кто ведёт борьбу беспощадную с врагом. Сейчас надо спасать людей, выводить их из города, а мы не знаем, где их найти. Говорят, арестован какой-то Ефремов из организации «Муси». Надо было вывести его тотчас после

ареста «Муси», как делали мы: выводили всех, кого знал арестованный, хотя мы и были уверены, что не выдаст он ничего. «Андрей» говорил, что у «Муси» работала неплохо «больничная группа», спасала людей, снабжала медикаментами лес. Помнишь, несколько раз «Павлик» приносил их для отправки в лес. Возможно, там лежал и Касько. Говорят, что он лежал в какой-то больнице. Ясно, что надо вывести всю группу в лес. В последнюю встречу я говорил об этом «Андрею». Он махнул рукой, ответил: «Делай, что хочешь». А с кем связаться – ничего не сказал, – говорил Анатолий перед уходом в лес, куда ведут Ивановых и членов их группы.

Вот чем они и сильны, «ребята из СПО»: что, сознавая опасность, грозившую им, они не думают о себе, о спасении только своей жизни, а думают обо всех, кому грозит попасться в лапы озверелого врага, напавшего на нити, которые ведут их к тем, кого не удалось врагу покорить, кто наводит на него ужас и страх.

Время подошло к шести часам. Люся вывела Ивановых через бабушкин двор в ров, где находились и другие, кто спасался от врага. После девяти часов неожиданно пришёл Анатолий.

– Засада?

– Нет. Потерялся муж Колесниковой с детьми. Его с мальчиком видели по Директорской, затем в темноте потеряли. Тревога усилилась тем, что дальше во втором рву должна находиться с детьми та, о которой сообщила Ольга. Что ждало нас там, никто из людей, кроме нас троих, не знал. С предосторожностью, какая только возможна, направилась разведка туда. Там никого не оказалось. Обошли вокруг, проползли по и над рвом – никого. Вернулись обратно – Данова нет. Тревожил он нас, да и его жена решила остаться: не могла уйти, не зная, что с ним и детьми. Что оставалось нам делать? Вдобавок грызла мысль, почему не вышла Людмила. Необходимо предупредить «Андрея» через Ольгу о том, что её не оказалось во рву. Может, они срочно примут какие-либо меры, вдруг через неё будет грозить опасность «Андрею». Отпустить от себя людей, бывших на нашей «явке», я не могу. Знаю, мама, что риск большой, но мы должны привести их сюда. Выхода нет, оставить их до следующего вечера в поле невозможно. Единственно, что мы решили – всех к нам и деду. К Вере тоже нельзя – узнают другую «явку», – говорил Анатолий, положив мне руки на плечи и молча ожидая ответа.

Что могла я сказать, глядя на его строгое лицо, слушая его голос, показывающий, что и сейчас они не растерялись, а обдумали всё. Риск, если они, т.е. те, кто должен был сегодня уйти, останутся в поле, где случайно их могут увидеть, риск и в том, что они вернутся сюда. Так лучше сюда, где они будут закрыты от глаз людей. На работе никто их не хватится сразу: все они были агрономами и часто по роду деятельности не находились в конторе.

Стал Яша выводить их по двое из рва. Вывели всех. У меня остались опять Ивановы, к деду пошли остальные. Анатолий и Яша вернулись к Виктору в поле ещё раз проверить, нет ли Людмилы, может, увидят пропавшего Данова.

Тяжёлые мысли ползли в голову, когда я сидела, ожидая Анатолия с Яшей – Виктор должен был оставаться у Веры. Каждый день слышишь об аресте всё новых и новых людей. Кажется, воздух пропитан словами: схвачен, арестован, расстрелян. Что ждёт нас, если узнают, сколько людей скрывается здесь?

Впервые пожалела, пишу не скрывая, ничуть не стыдясь, что старики знали о работе внука. Что придётся им претерпеть на старости лет, если откроют, что и они не безучастны в борьбе с теми, от кого скрывают столько людей, что и выдаст их с головой. Зачем мы рискуем их жизнью.

Но, вспоминая готовность деда, с какой брался за любое поручение внука, его возмущение тем, что он видел и слышал на улицах города, я понимала, что должна забыть, что это отец, а видеть лишь человека, вставшего на путь борьбы с врагом, чтобы скорее вернуться к тому привычному, чем все жили до июня 1941 г.

А бабушка – разве не она благословляла внука в низенькой кухоньке, впервые уходившего в лес, и этим ставшая его соучастницей. Разве не она окружила материнской заботой Шуру-радистку, работавшую у них в доме: ведь она упрашивала Анатолия поселить Шуру у них.

Нет, не надо сожалеть. Они так же боролись с врагом, если не в той мере, что внук, то со стремлением и желанием одним.

Риск. Риск во всём. Надо и сейчас обдумать, наметить всё, что говорить, как держать себя, если увидят людей у дедушки в доме. Ясно, что побег не раскроется сразу. Вот если нагрянут... Ничего мы не знали, пригласили как сослуживцев деда отпраздновать 45-лет-

нюю годовщину совместной жизни бабушки с дедушкой. Намечала я, что говорить в случае провала, стараясь теперь не думать о том, выдержат ли все эти люди, которых фактически никто из нас не знает, за исключением деда и Люси.

Часа через два пришли Анатолий и Яша. Людмилы и никаких следов пребывания её там не нашли. Нет и Данова с сыном и девочкой.

14 марта

Аресты в городе приняли колоссальный размер. Видишь результат частого напоминания Анатолию в штабе не связываться с другими патристическими группами. Такое указание получил и «Андрей» в отношении молодёжной организации — не связывать комсомольцев ни с кем, о чём он говорил, когда находился у нас.

Никто из вновь арестованных не знает «ребят из СПО», есть надежда, что врагу не удастся дотянуться до них. Выдержка Вовы, стойкость, горячая любовь к товарищам, которые, он знал, будут ожесточённо бороться с врагом, желая отомстить ему за него, принятые меры помогли комсомольцам спасти типографию, приёмник, оружие, людей. СПО не прекратит своей боевой работы, комсомольцы отомстят врагу за всех тех, кого он схватил и держит в застенках гестапо.

— Толя, уходи, родной, в лес, — говорила я, когда услышала от него, что уходит «Андрей», которому чудом удалось утром сегодня уйти из дома, в котором была засада.

— Нет, мама. Меня ведь не знает никто. «Мусе», ты знаешь, неизвестно, где я живу, моя фамилия. Она узнала, что я Толя, но Толей в городе много. Сейчас помимо вооружённой борьбы встала задача спасать людей, не дать врагу схватить их. «Андрей» тоже считает, что я должен остаться. Ничего, мама, будем надеяться, что конспирация поможет нам и дальше сохранить организацию. Вот вам бы я советовал уйти: мне, возможно, придётся тоже перейти на нелегальное положение, и мысль о вас всех будет тревожить меня, — говорил Толя, присаживаясь рядом со мной на диван. Ничего не сказала я Анатолию на его слова о нашем уходе: знала одно, что никакие силы не смогут заставить меня оставить его здесь, где в дикой злобе мечется враг.

Ждали вечера, когда разрядится то напряжение, что было в обоих домах эти дни. Данова, заблудившегося в вечерней темноте, разыскали утром. Он пролежал длинную ночь с детьми на дне рва, и их привели к деду в дом.

День прошёл, пора выходить.

Горячо благодарили все дедушку, бабушку, которые не побоялись дать им приют, зная, какой опасности они подвергаются, скрывая людей, прячущихся от жандармов. Распрощались тепло, и Люся стала выводить их по двое.

— Толя, прошу об одном: если враг обнаружит и будет стремиться нас захватить, застрелите сразу меня, лишь бы мне не попасться ему, — говорила агроном Киселёва, предпочитая смерть, но не сдаваться врагу. Больше 30 человек уходило сегодня. Уходили те, кому угрожал гестапо.

— Женя передаёт тебе горячий привет, благодарит за всё, что ты делаешь в помощь делу борьбы с врагом, за всё, что присылала ты ей туда в лес, — передавала мне Люся от Жени привет, которую я ни разу не видела, но приветы получала частенько. Однажды получила даже письмо, полное бодрости, веры, что близок день освобождения, когда все мы увидимся.

Анатолий, «Павлик», Яша и Виктор уйдут с людьми в лес, чтобы дня через три вернуться и приступить к дальнейшей работе в беспощадной борьбе с теми, кто заставляет людей под покровом ночи уходить из родного города.

15 марта

Сегодня впервые к нам пришла мать «Павлика». Когда-то мы работали с ней в одной школе, раньше я знала её как мать Толиного соученика в младших классах.

Удивилась она происшедшей во мне перемене с осени 41-го.

— Узнать вас нельзя, — говорила она, всматриваясь в моё лицо, словно желая отыскать малейший след того, что было прежде.

— И неудивительно, Элик много рассказывал мне о вас в эти годы. Он говорил, что своими советами вы помогаете им. Много рассказывал о вашей находчивости в трудный момент, и я бываю спокойна, когда он у вас. Как у вас хватает силы выдержать всё? И Элик говорит, что вы спокойны всегда, — продолжала Е.А.

Что могла я ответить? Мой вид лучше слов говорил, какой ценой дались мне эти тяжёлые годы.

Поговорив с «ребятами из СПО», она перешла к цели своего прихода.

— Не знаю, что делать: уходить в лес или нет? Элик не живёт дома, нашей квартиры никто не знает, в доме казино румынское, так что дом вне подозрения, но боюсь, что вдруг нагрянут за Эликом. Не знаю, на что решиться. Вещи понемногу разношу знакомым под видом, что собираюсь на весенние каникулы в деревню. Отнесла пальто, постель и другие вещи. А вы думаете уходить? Вдруг будут угонять население, — спросила Е.А. меня.

— Нет, я твёрдо решила оставаться в городе по причине, о которой я говорила ещё зимой Анатолию. Кроме того, не могу оставить стариков, а мама ни за что не дойдёт. Буду надеяться, что счастье по-прежнему будет сопутствовать нам.

Переговорив о ряде других вопросов, я высказалась о необходимости соблюдать ей осторожность при переноске вещей, а также воздержаться без ведома сына ставить того или иного в известность, что он может вывести в лес, как она сделала это в отсутствие «Павлика».

— Этим нарушается конспирация, которая помогала до сих пор СПО сохранить свои силы. Вы должны были сказать «Павлику» об этих людях, но не действовать самостоятельно, — говорила я, встревоженная не на шутку оплошностью Е.Л.

19 марта

Тяжёлые дни настали для СПО: нет с ними «Андрея», который хотя и бранил их подчас, но любил эту молодёжь, давал указания. Не стало испытанных товарищей — диверсионной группы Васи Бабия. Остались Анатолий, «Павлик», Яша и Виктор. Затихла на время диверсионная работа. Но ни растерянности, ни безнадёжного бессилия перед создавшимся положением не видно на них. Только реже видишь улыбку, не слышишь оживлённых бесед.

Оставшись одни, они были проникнуты той громадной ответственностью, которой облекло их доверие партии, поручившей им спасение людей, находящихся под угрозой ареста. О себе они не думали, все мысли были заняты тем, как бы спасти побольше людей.

24 марта

— Вернутся ли они благополучно из города? — думала я, провожая глазами мелькавшие по извилистой крутой тропинке среди опущенных снегом деревьев фигуры Анатолия и Павлика.

Они уходят туда, откуда нам удалось бежать 22 марта, обманув врага, который в ярости разыскивает того, кого не удалось ему схватить, лишит возможности наносить ему удары, кто скрылся сам и вывел с боевыми друзьями семью и целый ряд товарищей, которым грозила та же опасность, что и ему.

...18 марта. Анатолий, «Павлик», Яша и Виктор вернулись из леса. Рассказали, что все они дошли хорошо, было тепло, сухо. Устали, особенно Е.Л., но сознание, что ушли от врага, вливало бодрость в людей.

Анатолий и «Павлик» связались с людьми, которых необходимо вывести из города, и 21-го должны были вновь уходить в лес.

20-го утром, наметив, что нужно выполнить в городе, Толя ушёл с Павликом, предупредив меня, что если не зайдут в кино, вернутся домой в два часа. Мне всегда было не по себе, когда знала, что они бывают там, где большое скопление людей: вставала перед глазами картина облавы.

— Ты должна понять, что иногда это необходимо. Мне часто предлагают бывшие соученики пойти с ними в театр, кино. Постоянные отказы заставят их говорить, почему я, ранее любивший всё это, теперь не хожу совершенно, — говорил он мне как-то.

Я не могла не согласиться с ним, но тревога не оставляла меня, особенно после того, как распространился слух, что при выходе из кино схвачены жандармами две девушки.

Они ушли, а я решила напечь коржей им на дорогу в лес и Васе с товарищами. Надеюсь, что Толя и Павлик в кино не пойдут, спешила закончить работу скорей. Был второй час. Яростно залаяла собака. Оглянувшись назад, через окно увидела спешивших к дому по дорожке в саду двух немцев, уже поравнявшихся с летней кухней.

В том, как бесшумно они вступили на порог, открыли дверь, в том, что один стремительно прошмыгнул в комнату Анатолия, находящуюся против входной двери, а другой направился, твёрдо ступая, ко мне, стоявшей в дверях своей комнаты, во взгляде, который был прикован ко мне, было что-то особенное. Комната наполнилась жут-

кой, волнующей тишиной. «За Анатолием», — пронеслось в голове. Сердце тревожно забилося, всё исчезло. Я видела лишь устремлённый в упор на меня взгляд холодных, бесцветных глаз. К нему присоединился сверлящий кошачий взгляд другого, моментально вернувшегося из Толиной комнаты.

— Анатолий Смирнов живёт здесь? — спросил высокий чистым русским языком, лишь с заметным оттенком твёрдости произношения.

— Нет, — протяжно ответила я, отрицательно качая головой.

— Кто живёт здесь? — отрывисто бросает он, по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Я, муж, сын.

— Где они?

— Муж на работе, сын в школе.

— Как называется школа? Где помещается?

— Право не знаю, как она теперь называется, знаю, что где-то к вокзалу.

— Фамилия?

— Чья? Директора школы? Моя — Вергили.

— Имя сына?

Этот вопрос молниеносно заставил пронестись мысли: могут спросить домовую книгу, проверить правильность слов. Сразу раскроют обман, если им назову я имя другое. Отвечать сейчас правду.

— Анатолий.

После моего ответа они многозначительно переглянулись.

— Когда он вернётся?

— Трудно сказать. В разное время приходит домой: то в час, то в два, иногда позже.

— Когда ушёл?

— Примерно около семи.

— В этом районе живут Смирновы?

Сделала вид, что припоминаю, а мысли сменяются одна другой, ищу выход, как ответить на заданный вопрос, будто какая-то сила толкает мне их на помощь. О дедушке не спрашивают, сама не должна называть его имя. На следующей улице проживают Смирновы. Они обыватели, нет взрослых детей, приход к ним гестапо не грозит им ничем, проносятся мысли.

— Кажется где-то живут. Слыхала, что работает он подводчиком.

— Где живут?

— А вот на этот вопрос не смогу вам ответить: знаю, что где-то здесь, но где, я не знаю, — спокойно и как бы стараясь припомнить, ответила я.

Постояв минуту в раздумье, немцы молча ушли в направлении сада.

«За Анатолием», — эта мысль сверлит мозг, голова окутана туманом, шум в ушах мешает родиться другой мысли. Усилием воли заставляю мысль работать в другом направлении: надо окаменеть, застыть. Они вернутся, они разыщут других Смирновых, и те, не подозревая ничего, могут сказать, что по Трамвайной, 17 живёт Смирнов, у которого есть внук Анатолий.

Надо наметить, как держать себя дальше, чтобы не возбудить подозрений. Что я знаю о работе сына, рисовать домашнюю обстановку такой, что она не позволяла знать мне мысли и действия сына. Наметить, кого назвать, кто бывает у сына. Должна показать, что меня не пугает их присутствие. Исправить оплошность о школе. Рассчитывать, что произошла ошибка, нельзя: на красной горке нет Анатолия Смирнова. Толпо многие знают как Смирнова, по фамилии деда... Кто знает, когда они вернутся?.. Надо взять себя в руки, чтобы ни один вопрос не застал врасплох, как было, когда спросили, где он сейчас. Воспользоваться тем, что несовпадение фамилий заставило их выйти из дома, оставить меня одну, — лихорадочно бегали мысли, помогая мне овладеть собой, глубже спрятать то, чем охвачено всё существо.

Что-то подсказывало, что я не должна бежать к старикам: возможна засада в саду, а всё должно говорить, что я не придавала значения приходу жандармов, что я не поняла, что это они. Я должна быть наружно спокойной, прикинуться наивной простушкой, недалёкой женщиной. Бежать через свой ход. Погибнут родные... В любую минуту могут вернуться Толя и «Павлик», не подозревая, что одного из них ищут... Нет, необходимо остаться. Сжалось сердце, когда вновь услышала лай собаки и через окно увидела ватагу немцев, идущих по дорожке к дому.

Вмиг я очутилась в кухне возле стола, заканчиваю резать коржики — я должна казаться спокойной, не подозревающей ничего. Тех двух, что были уже, я не увидела.

— Вы хотите квартиру? — с улыбкой спросила я, вытирая руки о фартук.

— Да, да... квартира, — и с этими словами они рассыпались по всем комнатам. Бегло осмотрев их, они вышли во двор и направились навстречу тем, что были раньше в доме. Остановились, о чём-то говоря и указывая на дом. Смеются те, что только вышли оттуда. Возможно, их насмешил мой вопрос о квартире. Если это так, значит встала на правильный путь, — промелькнуло в голове и тотчас же исчезло: к дому направились те двое, что были первыми, остальные вернулись во двор.

— Фамилия отца? — спросил высокий.

— Чьего? Моего? Смирнов.

Как и тогда, когда услышали имя сына, переглянулись. Лгать бесполезно. Им, наверное, она уже известна, они могли узнать у тех Смирновых, к которым, по-видимому, уже успели сходить. Опять вышли во двор. Вышла на порог и я.

— Лестницу, — лаконично бросил высокий.

Объяснила, что она стоит у матери.

— Принести, — таким же тоном произносит он и направляется вслед за мной по дорожке.

Бабушка стоит во дворе — в глазах испуг и вопрос. Что могла сказать я ей при немце, прекрасно говорившем по-русски?

— Не знаю, зачем-то нужна лестница, — с недоумённой улыбкой говорю я ей, чувствуя на себе взгляд жандарма, и глазами умоляя её держать себя крепче. Несу тяжёлую лестницу, но тяжести нет.

— А может, сын украл что? — остановившись на дорожке, испуганно бросила я. — Война так испортила детей! — с сокрушением продолжала я, но немец молчал.

Полезли на чердак. Те двое опять куда-то ушли. Ушла и я «допекать коржики». Минут через 5–7 вернулись. Их шаги гулко раздались по кирпичной дорожке — им незачем теперь скрываться, заглушать их.

— Чьё пальто? — стремительно подходя к Толиному коричневому пальто, спросил невысокий.

— А это наше общее пальто, рабочее. Когда муж копает огород — он надевает, когда сын — сын, когда я занята работой по дому — ношу уголь, воду — я одеваю. Семейное пальто, — с улыбкой закончила я.

— Где комната сына?

Показываю и иду за ними туда, где всё было пропитано мыслями Анатолия, где незримо я ощущала присутствие его, когда он находился вне дома.

— Фотографию сына? — бросил высокий, осматривая книги, лежащие на Толином письменном столе. Другой читал его письменную работу по немецкому языку от декабря 42 г., которую я постоянно держала на столе, лишь кляксой прикрыв 42 г.

С готовностью выношу все альбомы, зная, что не найдут там фото того, кого ищут: месяцев 6–7 прошло, как я вынесла их все из дома.

— Это кто? Это...

— Знакомый... сын мужа... брат...

— Где живут?

— До войны в Харькове... Москве. Теперь не знаю: русские люди сейчас не могут получать письма... Брат в армии... И знаете, как убивается мама, что не имеет известий о нём. О, это злая война, скорей бы кончилась она. Как вы думаете, скоро будет конец? — наивно глядя на них, с печалью в голосе спросила я, но ответа не получила.

— Почему нет карточки сына? — в упор смотря на меня, бросает высокий.

— Много боли причиняет мне то, что нет у меня его фотографии. Я должна раскрыть вам свою личную жизнь: я ушла от мужа и ничего не взяла из вещей. У него остались и карточки сына, он не дал их мне. Последние годы сын не любил фотографироваться.

— Паспорт он имеет. Почему нет той карточки?

— Да, и он вышел замечательно. Но, к сожалению, мне не досталось ни одной: мама занимает уже не первое место, подарил на память товарищам по школе, подруге. Он очень изменился за последние пять лет. Раньше всегда делился своими мыслями, в доме у нас всегда царил мир и веселье. Потом я увидела, что он становится замкнутым, отдаляется от меня. Между мужем и им вечно ссоры. И я догадываюсь почему: он ревнует меня к мужу, с которым мы живём очень дружно. Вот и вчера они крупно поссорились, в результате чего муж заявил, что сын должен выполнять определённые обязательства или пусть уходит на все четыре стороны. Я — мать. Мне

сына жаль, но и мужа жаль... Это пройдёт, как вы думаете? Анатолий с нами почти не разговаривает: или молча лежит на диване, или мечтает, — грустно закончила я, мешая русскую речь с немецкой и не обращая внимания, что они тщательно обыскивают ящики и тумбочку сына, за которым столько раз велись оживлённые разговоры «ребят из СПО». Обычно я не боялась: знала что ничего не найдут, в доме всегда было «чисто». Как бы вспомнив, я говорю оживлённо:

— Извините, я вспомнила, у меня есть карточка сына.

Стремительно обернулись жандармы, услышав мои слова. Иду в свою комнату, где на столе под стеклом лежит фото Анатолия. Они поспешной походкой — туда же.

— Не годится, — разочарованно протянул высокий, увидев карточку ребёнка 3—4 лет.

Я ликовала. Теперь они видят, что я в «наивной» простоте не понимаю, зачем нужен им Анатолий, зачем им нужна его карточка, если сама предлагаю её.

— Так он не ночевал сегодня дома? — неожиданно спросил высокий.

— Как? Я уже говорила, что он в школу утром ушёл, — с возмущённым удивлением воскликнула я, как бы говоря: разве можно забыть такую вещь.

— Говорите правду, — стукнув ладонью по столу, крикнул он, пронизывая меня глазами. Казалось, он вот-вот ударит меня.

Спокойствие... Во что бы то ни стало спокойствие... убеждала себя.

— А почему я должна говорить неправду? — с изумлением спросила я, будто не замечая ни стука, ни тона. А мозг сверлит мысль: лишь бы не пришёл Анатолий.

— Что он взял с собой?

— Как что?

— Сумку, книги? Что было в руках? Узелок?

Неуверенно, будто припоминая, говорю, что кажется без книг. И тут же пользуясь моментом, спешу исправить допущенную ошибку о школе.

— И знаете, я не верю, что учится он. Я — учительница и знаю, что ученики ежедневно ходят в школу, готовят уроки, а он их не учит, по два-три дня сидит дома. Мне стыдно справляться в школе о

великовозрастном сыне... И думаю, что обманывает он нас и в школу не ходит.

Обыск продолжался в Толиной комнате. Осмотрели платяной шкаф, рабочий стол, книжный шкаф. Увидев там фотоаппарат, который Стефан подарил Анатолию на Новый год, когда тот был в седьмом классе, положили его в мешок. Невысокий подошёл к кровати, завернул матрац; откинул к стенке, взявшись за углы нижней подушки, обе подушки, покрытые большой накидкой, осмотрели затем мою комнату. Невысокий вышел во двор, высокий вернулся вновь в Толину комнату.

Стук с улицы, в окно моей комнаты. Ожгла мысль: пришёл Анатолий, стучит, чтобы открыла калитку — он иногда возвращался с Дорожной.

Замереть, застыть, чтобы ничего не прочитал немец на лице матери, перед глазами которой встанет ужас того, что произойдёт...

Неторопливой походкой подхожу к окну, в котором раздался стук: стоит Вера. Дать знать, чтобы уходила скорей, не могу: немец в щель косяка сверлит меня взглядом.

— Вы пришли помочь мне? Не надо, придёте позже. Коржики я почти все испекла, пол мыть не будем, — непринуждённо громким голосом говорила я и, оборачиваясь в сторону двери, стараюсь не смотреть в щель косяка, будто не видела там никого, громко пояснила немцу, чтобы Вера догадалась, что я не одна.

— Стучит бедная фрау, которая помогает мне по хозяйству, хотела мыть пол, но он чистый. Очень бедная фрау, — закончила я, отходя от окна.

Высокий вышел во двор, на смену вышел другой и занялся столовой, а я продолжала работу на кухне.

— Почему лежит здесь? — слышу вопрос из столовой, обращённый ко мне по-немецки.

Иду к двери и вижу: немец достал из портфеля, лежащего на стуле возле трубы, брюки-галифе Павлика, бутылочку масла и небольшой узелок, где было с полкило сахара — всё, что Павлик приготовил с собой в лес.

Объясняю, что сыну давно хотелось иметь такие брюки, но не было денег для покупки их, и торопливо, возмущённым тоном добавила:

— Подумайте, за такие старые брюки заплатила две тысячи... Это очень дорого.

Своим ответом я хотела дать ему понять, что немецкие «почему» я поняла как русское «почём». Жандарм при помощи жестов старается разъяснить свой вопрос, в одной руке держа брюки, другой указывая на стул, где лежал злополучный портфель.

— Я говорила уже, что вчера в доме был крупный скандал. Вернувшись с рынка и услышав крик, я бросила портфель вот сюда на стул. Он там и остался лежать, мне было не до него. Так хочется, чтобы в доме было спокойно и тихо, а редкий день не слышу я ссоры, — отвечала я жандарму на интересующий его вопрос, благодаря судьбу, толкнувшую «Павлика» вложить продукты в портфель вместе с брюками: слова о рынке подтверждались наличием масла и сахара.

И вдруг мозг пронзила мысль: между подушками у Толи револьвер. Он, уходя утром в город, предупредил меня о нём и просил отнести его к Вере. Не сделав этого сразу, я впервые забыла выполнить данное мне поручение, окунувшись в приготовление мальчиков к лесу — печенье коржей, починка бушлатов обоим — я совершенно упустила из памяти его слова. Возможно, их вызвало в памяти то, что я стояла в двери, где слушала утром Анатолия. На секунду — две я как бы потеряла сознание: в глазах потемнело, вот-вот упаду. Прижалась к двери, усилием воли заставила себя твёрже стоять на ногах. Сознание уцепилось за мысль: окаменеть... Только спокойствие, выдержка могут помочь. Сжалась вся...

Вернулась на кухню, погрохотала противнем, что стоял в духовой, и молнией в Толину комнату. Схватив револьвер, спрятала его на себе: платье на мне висело мешком и скрывало незаметно то страшное, что находилось под ним. Проносится мысль: а вдруг заряжен?..

Вышла во двор, обратилась с застенчивой улыбкой с вопросом к высокому: могу ли пройти в уборную? Получив разрешение, не ускоряя шага ни на секунду, спокойно, как подходила к жандарму, иду по дорожке. А в ушах стоит шум, сердце вот-вот разорвётся. Погрузила револьвер в уборной, постояла немного и вышла.

Увидела, что обыск идёт на летней кухне. Беспокойно забегали мысли: там мешок из-под рации со штампом г. Баку 1942 г. и громадные серые валенки, что прислали мне из леса. То, что в валенках

полно было листьев, могло натолкнуть жандармов на мысль, откуда они. Жалеть, что не уничтожила сразу мешок, не выбросила литья из сапог, уже поздно, не исправишь оплошности.

Приготовила ответ, если спросят: купила у румын после прочёса леса, они охотно продавали русским всё, что им было не нужно, что было награблено у русских людей.

В калитку раздался стук. Я стояла уже на пороге, готовясь открыть дверь в квартиру. Калитка мне не была видна, но виден напротив сарай и там немцы с высоким.

Ринулись к калитке трое. Среди них и высокий.

«Всё пропало... Толик без оружия», — вяло проносится в моей голове. Обмякла вся, а на лице один лишь покой наивной, недалёкой женщины: на меня из сарая смотрят жандармы. Эти минуты были страшнее тех, что с револьвером. — «Тогда гибель грозила только мне, сейчас гибнет мой мальчик... мой единственный мальчик, а может и «Павлик» пришёл. Вот увижу сейчас из-за поворота дорогие мне лица... Что прочитаю я в них?» — медленно текут мысли.

Показался Витя, Верин сын. На лице испуг, растерянность. Подошёл ко мне.

— Тётя Маня, а меня немцы не пускают домой.

Немцы, что ринулись к калитке, спросили о чём-то тех, что остались в сарае, и смотрят на нас.

— Киндер испугался, говорит, что пришёл за мамой, той бедной фразой, что стучала в окно, — со смехом говорю я им и спрашиваю, может ли Витя идти домой или должен остаться здесь?

Спокойно, стараясь не видеть нетерпения, с каким ждала ответа, смотрела на них, положив руку Вите на голову.

Высокий махнул рукой в сторону калитки, и я передала Вите разрешение уходить, не сказав ему больше ни слова: немец смотрел на меня, у него не должно быть подозрения, что я передаю что-либо Вите, кроме того, он мог спросить об этом у Вити.

Радостью озарилось лицо ребёнка, когда он услышал мои слова, с суетливой поспешностью он отошёл от меня.

Не найдя ничего, гестаповцы вскоре ушли, оставив в доме жандарма, который и сел на кухне возле окна рядом с дверью.

Собираясь уходить, жандармы коротко бросили мне:

— Калитку не запирать.

— Я, когда одна в доме, всегда держу её на запоре: боюсь, что войдут грабители в дом.

— С вами останется немецкий солдат.

— О, тогда я спокойна, — с довольной улыбкой ответила я.

Спокойна... Если бы смогли они уловить, как еле сдерживаемая боль пронзила сердце, всё существо: ведь через калитку может прийти Анатолий. Но сердце не видно, лицо же говорило, как я довольна, что меня «охраняет» немецкий солдат. Тут же цепляюсь за промелькнувшую мысль: Толе покажется странным, почему открыта калитка, авось догадается, что что-то неладно, и мимо пройдёт, тем более, что ставень к забору целиком, что и служило знаком, что в доме опасность.

Думая лишь о том, чтобы ни одним взглядом, ни одним движением не выдать обуреваемых мыслей, неизмеримой тоски, что в любую минуту может прийти Анатолий, занялась работой тут же на кухне. Необходимо расположить жандарма к беседе, надо создать благоприятную обстановку для этого, приходит неожиданно новая мысль.

— Возможно, вы хотите кушать? — спрашиваю я с приветливой улыбкой и, не дожидаясь ответа, ставлю на стол кофе, коржики, что готовила мальчикам в лес.

Видя «приветливую» хозяйшку, которую не волнует ни обыск, ни расспросы о сыне, ни то, что он находится с оружием в доме, немец растаял. Заметив, что угощение подействовало, а после высказанного сожаления, что война оторвала его от семьи, спросила:

— А для чего нужен вам мой сын?

— На свете много плохих людей. Сейчас у нас есть один плохой человек, который говорит, что ваш сын делает много плохого, и что он один из главных, кто делает плохо.

— Мой сын? — изумлённо спрашиваю я.

— Он говорит, что был один раз в доме у вашего сына.

Движением плеч, с выражением недоумения на лице показываю, что не помню, кто был в доме один раз.

— Не знаю... Возможно в моё отсутствие? — вопросительно и припоминая, но спокойно говорила я. А мысль работает, бежит назад, перебирая в памяти людей, бывших у нас в доме. Ни на ком не останавливается, как ни напрягаю я память, не могу вспомнить, кто был один раз у Анатолия.

— А какой это человек?

— Высокий, тёмный, лицо вот так... — и немец пальцами, сложенными в щепотку, провёл по щекам, подбородку, как бы пудрив после бритья.

Немец на моём лице видел искреннее, неподдельное недоумение.

— Не знаю... А сколько ему лет?

Немец замаялся, затем скороговоркой произнёс:

— Возможно 22.

Кто? Кто выдал Анатолия? — этот вопрос сверлит мозг и ответа на него не находит память.

— Он, возможно, говорит фальшь, и вашему сыну ничего плохого не будет, — продолжает словоохотливый жандарм.

Радостно забило сердце от сознания, что моя игра удаётся, что я заронила сомнение в слова того, кто предал Анатолия. Ни на один миг не выходить из принятой на себя роли, не поддаваться слабости, усилием воли скрывать настоящие мысли...

— Скажите, пожалуйста, я могу выходить?

— Да, да... Но не к соседям.

— Нет, мне только по хозяйству. Вот набрать угля, — указывая на пустое ведро, говорила я жандарму с вспыхнувшей надеждой, что смогу пробежать к маме.

— Будете суп кушать? — спрашиваю его, отодвигая кастрюлю и, как первый раз, не дожидаясь ответа, наливаю ему тарелку и ставлю на окно, надеясь, что еда отвлечёт его от мысли взглянуть, куда я иду, а стена против окна помешает ему видеть меня по дорожке сада. Сидя возле стола, он мог бы видеть, что я поверну в сторону сада, стена же возле окна закрывала двор, сад. На лице жандарма яснее слов читалось: ну, что за прелесть эта русская фраза.

Лишь бы забежать к старикам, авось удастся им предупредить Анатолия, достать револьвер... Если у мамы засада, скажу, что это один двор, и я иду за углём, вихрем пронесётся мысль, лишь взяла в руки ведро.

Спокойно выхожу на порог, где ещё может видеть меня немец, и заворачиваю за летнюю кухню. Теперь можно на время ослабить то напряжение, в котором находилась с половины второго. Быстрым шагом иду по дорожке, по которой столько раз проходил Анатолий, ребята.

«Сапожник»... Он шёл здесь, опираясь на палку, он только раз был в доме у Толи, он похож на того, кого описал мне жандарм, вспыхнула внезапно догадка.

— Мама, родная, пришли за Анатолием. Сделайте всё, чтобы его предупредить, — торопливо, отрывисто говорила я маме, стоя в коридоре и судорожно прижимая руки к груди, сдерживая готовое выскочить сердце.

— Успокойся, ну успокойся немного. Дедушка всё уже сделал. Люся, Вера и Нина пошли по дорогам, где Толя обычно идёт. У нас спрашивали, где внук, комнаты обошли, осмотрели. Шуру отвела Люся к Нине.

— В уборной револьвер. Пусть Вера достанет и спрячет. Если меня увезут, передай через Веру ребятам, что по описанию жандарма того, кто привёл к нам гестапо, подходит «сапожник».

Так дедушка видел Ивана в машине и слышал, как тот говорил переводчику: «высокий в коричневом пальто»...

Иван. Сын «сапожника». Так вот почему спросили жандармы о пальто, когда вернулись последний раз в дом... Но некогда думать, надо скорей возвращаться с углём.

— Иду, мама. Помогите Толе, если со мной что-то случится, а ему удастся спастись, — бросаю я маме.

— Побудь ещё немного... Ну, уходи, убегай...

— Не могу, родная. Хочу, но не могу. Надо отвести подозрения от Толи. Уйду — возьмут вас, расстреляют. Нет, не могу я уйти. Будем надеяться, что удастся их провести. Помолись, тебе будет легче, — говорила я матери-старухе, смотревшей в тоске на меня, после чего поспешила обратно.

Со спокойным лицом вошла я домой. Села штопать носки. Завела разговор о бытовых трудностях, вызванных войной.

Часто приходилось слышать и говорить с сожалением о том, что не имеем возможности читать мысли других. Теперь я благословляла эту возможность: жандарму трудно понять, о чём думает «приветливая» фрау, спокойно штопающая носки мужу и сыну, за которым приехали они.

Впервые за всю свою жизнь я с болезненной остротой поняла, как тяжело, мучительно трудно скрывать свои мысли под маской

спокойствия в минуты отчаяния, горя: надо их прятать, следить за собой минуты, часы, которые кажутся вечностью. Мысли идут одна за другой, но одна прочно сидит в голове: лишь бы не пришли Анатолий и Павлик.

Остановилась другая: вернётся Стефан, старики начнут убеждать его в дом не идти, уходить. У врага может возникнуть подозрение, что ему известно о засаде, чего-то боится, раз не пришёл домой. Заработала мысль, стремясь вырваться наружу. Держаться, держаться во чтобы то ни стало ради своего спасения, спасения семьи, не дать проскользнуть этой мысли в глазах.

— Можно отнести кроликам морковь, я совсем забыла о них? — быстро вставая, скороговоркой обратилась я к немцу. Тут же со смехом рассказываю, как муж немецкое «кролик» понял как русское «конь». Получив разрешение, бегу опять к маме.

— Мама, Стефан придёт, передай, что я умоляю его идти домой. Это нужно, иначе у жандармов возникает вопрос, почему не пришёл. Скажи, что я прошу не поддаваться страху, только выдержка может спасти. Пусть помнит, что он и Толя живут недружно, вчера был скандал, и Толю он выгнал — так говорила я немцам. Он не знает, кто бывает у Толи, так как поздно приходит домой. Не забудь ничего. Должен держать себя так, будто ему неизвестно, что в доме засада, — торопливо бросала я маме, которая не в состоянии была больше крепиться, и слезы отчаяния текли у ней по лицу.

— Маруся, уходи скорей. Немец не хватится сразу, иди к Николаю А., — убеждала она, обьятая страхом перед тем, что может случиться.

— Нельзя, родная, нельзя, — напрягая всю волю, чтобы не выдать жгучего желания бежать, не возвращаться туда, где ждёт меня гибель.

Но я не одна, я должна думать о них, моих стариках, которые, забывая свой возраст, всем, чем могли, помогали внуку бороться с врагом. Скорей идти в дом, чтобы не поддается влечению.

Подожёл вечер. Толи нет. Появилась надежда, авось, сумели его предупредить. Раздались шаги. Жандарм настороженно смотрит на меня, вставая со стула. Мне шаги подсказали, что это не Толя, а Стефан вернулся домой. Вошёл. Поздоровался с немцем, протянул, как обычно, сумку с хлебом, разделся, умылся, сел за стол.

— Камрад жить здесь? Квартира? — указывая на жандарма и ведя рукой кухню, спросил он у меня.

Объяснила немцу, что спрашивает муж у него и, преследуя цель показать, что без его разрешения я ничего не скажу, таинственным шёпотом добавляю:

— Я могу сообщить мужу, что нужен зачем-то наш сын? — на что он утвердительно кивнул головой. Налила ему вновь чашку кофе, поставила на окно. Вдруг открывается дверь, и видим мы Веру. Немец вопросительно на неё посмотрел. Говорю ему то, что говорила высокому: очень бедная фрау, мужа нет, семья... Живёт тем, что помогает мне по хозяйству, что это мать того мальчика, что днём приходил.

Чувствую, что Вера пришла не зря, должна что-то сказать. Вот как это сделать, чтобы не возбудить подозрения у жандарма? Супом, кофе, хлебом, коржиками заняты руки у Веры так, что дверь открыть она уже не сможет...

— Я могу открыть фрау дверь? — обращаюсь я к немцу, желая и здесь показать, что без него ничего не сделаю, не скажу, стремясь уловить момент, чтобы Вера смогла мне шепнуть. Не допускала я мысли, чтобы Вера пришла в дом, где засада, без определённой задачи. Открыла дверь в коридор, получив разрешение, с порога протянула левую руку вправо на крючок входной двери, дёргая его, наклонив голову влево, чтобы поближе быть к Вере. Крючок не снимался никак.

— Толя во рву. Ждёт вас до половины восьмого, потом идёт в лес, — услышала слова, наполнившие меня небывалым, чему названия подобрать не могу. Мальчик спасён — эти слова заполнили всё. Крючок быстро поддался. Вера ушла.

— Толя предупреждён, — читает Стефан в моих глазах.

— Будем обедать? — полувопросительно спрашивает он, положив руку мне на плечо, надавливая на него и этим предупреждая, что я не должна выдавать свою радость, — он понял, какую игру я веду.

Толя спасён... спасён — ликует всё моё существо.

Гнёт, что неимоверной тяжестью давил все часы, исчез. Нет настороженного прислушивания, которое приходилось прятать, прикрываясь улыбкой ничего не выражающим лицом.

Сдержала желание пойти к Стефану в столовую, чтобы передать ему слова Анатолия. Пусть немец видит, что мы спокойны, что нам не о чем говорить наедине. Стала резать хлеб на буфете. Стефан стоял, облокотившись тут же возле буфета. Повернула к нему улыбающееся лицо и передала то, что услышала от Веры. Немцу тотчас «перевела», что спросила у мужа: не будет ли он сердиться, если сын сейчас вернётся домой.

— Я вижу, фрау дружно живёт с мужем, только сын даёт много заботы, — в ответ говорит жандарм.

Нет, фриц, сын даёт мне много радости, необъятной радости. Предлагай-ка, «приветливая фрау», ему суп. На этот раз он отказывается.

— Нельзя, служба. Сейчас приедет шеф, — неуверенно, с явным сожалением произносит он, посматривая на стол, где Стефан поставил тарелки.

— Фрау настоящая мать, — слышу дальше слова.

Да, фриц, я — мать. Русская мать, у которой вы хотите отнять её сына за то, что он любит свою Родину, свой народ. И сила материнской любви помогает мне не дрогнуть ни одним мускулом, когда сердце истекает кровью, поможет мне не выходить из принятой на себя роли...

Не успели взяться за ложки, услышали топот многих сапог. Открылась дверь, и кухня заполнилась вооружёнными автоматами немцами. Среди них выделялся один, вокруг которого почтительно сторонились другие.

Он быстро, что лишало возможности разобрать и понять, что говорил, стал спрашивать того, что оставался со мной. Жандарм, стоя на вытяжку, отвечал, указывая глазами то на меня, то на Стефана. Быстрое произношение превращало слова в одно тягучее слово: ничего не могла уловить из их разговора.

— Приходил Анатолий? — спросил высокий, который тоже был с ним.

— Нет, — с грустью ответила я.

— Возможно, у бабушки он?

— А вот это я не знаю... Я не ходила туда... Мне выходить запретили.

— Возможно, позже придёт? — словно испытывая меня, допрашивал он.

— Нет, ходить уж нельзя. Наверное, остался где-либо. Большое несчастье, что единственный сын не приходит домой. О, как мне хочется, чтобы они смогли понять друг друга и жили дружно.

— Где ваш сын? — внезапно поворачиваясь к сидевшему за столом Стефану, с угрозой в голосе спросил высокий. Что ответит он? Совпадут ли наши слова?

— Это её сын... не мой, её спрашивайте, я не знаю, — поспешно ответил Стефан, указывая рукой на меня, жестикуюлируя.

Поблагодарила я вновь судьбу, давшую мне мысль и возможность предупредить маму, как должен держать себя Стефан. Своими словами он подтвердил «правдивость» моих слов о взаимоотношениях между Толей и им.

Ничего больше не спросил высокий. Направился в Толину комнату, где, приоткрыв дверь, находились трое, среди них был и тот, перед которым почтительно расступались.

О чём говорят? Что делают там?

Достаю из буфета другие тарелки, ставлю на стол и быстро открываю дверь, «приглашая обедать». Высокий вскочил, махнув руками, что я не должна заходить, быстро за мной захлопнул дверь. Ничего не успела я разглядеть, видела только, что сидели все вместе, возле высокого лежала бумага.

Оставшимся в кухне со смущённой улыбкой я пояснила, что хотела «камрадам» предложить обед.

Минут через 20 все четверо вышли оттуда. Высокий вновь начал вопрос:

— Фамилия Анатолия? Сколько лет?

— Косухин, 19 лет, — ответила я, создавая, что сейчас лгать бесполезно, ложь может испортить всё дело.

— Вы днём говорили другую фамилию... — угрожающе крикнул высокий.

— Нет, я ответила правду. Моя и мужа — Вергили.

Повернувшись к сидевшему возле окна шефу, он разъяснил, что Анатолий носит другую фамилию, не ту, что мать и отец.

— В коричневом пальто он ходит в город, — продолжался вопрос.

— Когда было новое, да, а теперь — я уже говорила — оно стало рабочим.

— Кто к нему ходит?

— Почти никого. Кому приятно ходить в дом, где постоянно скандалы. Раньше почти ежедневно бывали двое, но один из них, Леон, немец по национальности, уехал в декабре-январе в Германию, а другой тоже не ходит давно, — отвечала я заранее приготовленный ответ, понимая, что заверениями, будто никто не бывает у сына, никто не поверит. Надо назвать, но назвать только тех, кого нет в городе, кого не смогут спросить, проверить. Нахвать тех, кто, знаю, не состоят членами патриотических групп и когда-то были у Толи — нельзя, могут случайно, во время допроса назвать ту или иную фамилию тех, кто ведёт борьбу с захватчиками.

«Счастливая звезда» Анатолия помогла мне и здесь. До войны он учился с М. и К. Теперь, в годы оккупации, один работал в жандармерии, другой в полиции. Оба при приближении Красной Армии к Крыму «эвакуировались» в Германию с семьями. Их не страшно назвать, их нет здесь.

— Фамилии их? Где живут?

— Тот, что уехал в Германию — М. Он учился с Анатолием в одном классе и ежедневно бывал у нас, но тоже обманывал родных: не ходил в школу, а сидел у нас. Другой — русский полицейский, тоже учился с ним. Его я не видела давно, возможно, и приходил, когда меня не было дома. Фамилия К.

Ухватились немцы за полицейского, не зная, что его тоже нет в городе, уехал, объятый страхом, что близится день, когда он ответит перед страной за помощь врагу.

— Имя полицейский?

Сделав вид, что припоминаю его, в раздумье вслух перебираю ряд мужских имён:

— ...Нет, не то... а-а-а, вспомнила, — сосредоточенно сдвинув брови, оживлённо вскрикнула я, — Серж, Сергей...

— Где живёт?

— Не знаю. Знаю, что много раз меняли квартиру: их выселяли и до войны, и теперь.

— Но где, где? Здесь, в этом районе или в центре? — нетерпеливо бросает слова переводчик.

— Это знаю: в центре.

— Бывали случаи, что Анатолий возвращался домой позже 10 часов вечера?

— Что вы! — раскрывая в ужасе глаза, отвечала я. — Ходить можно только до 6, а раньше только до 5. Его могли задержать и расстрелять.

— А бывали случаи, что он не приходил по 5–6 дней домой?

— Никогда, — твёрдым, уверенным тоном, не допускающим сомнений, ответила я. Обычно после ссоры с отцом не приходит день—два. Два редко, а больше один.

— Почему не работает?

— С детства увлекался физкультурой, и в 6 классе ушиб сильно колено, теперь у него какая-то мудрёная болезнь: ходить много он не может, а мы живём далеко от центра.

— Пометка биржи есть?

— А как же. Хотите, я завтра принесу карточку вам. Я надеюсь, что завтра он будет дома. И ещё, я верю, что он поправится и будет работать, — говорила я, напрягая нечеловеческие усилия воли казаться спокойной, стремясь показать, что я далека от мысли, что расспросы их таят в себе зловещую угрозу: ведь я была недалёкая, наивная простушка, с лица которой не сходила улыбка, которая, казалось, за эти часы прилипла к лицу.

То, что допрашивали в доме, подсказывало, вселяло надежду, что, авось, не уведут нас с собой.

Ушли. Двое остались. Сели, вытянув ноги на стулья: один у окна возле двери, другой возле стола. Старший по чину дверь запер на ключ и положил его рядом с собой. Из кармана достал книгу, читал, а возможно, делая вид, что читает, исподтишка наблюдал за нами. На коленях у них автоматы. Хозяева... Их вид говорил, что мне не удастся втянуть их в беседу.

Попытки завязать разговор терпели неудачу: в ответ я слышала произносимые нехотя «да», «нет». Иногда я совсем не получала ответа. От кофе они отказались, но я не сдавалась, я должна им показать, что «фрау» спокойна.

Взяла шерсть, связала шнурок метра два, повернула обратно... Стефан сидит рядом со мной, «углубившись» в чтение книги — обстановка вечернего отдыха мирной семьи.

Мозг сверлит мысль: будем ли в комнате ночью находиться одни... Надо придумать что-то такое, что не даст подозрения, если закроется дверь, когда пойдём спать. Несколько раз, прикрывая дверь за собой туда и обратно, выходила я в свою комнату.

Тишина, царившая в доме, казалась зловещей, она напомнила ту, что окутала нас с Анатолием в ночь с 1 на 2 ноября 41 г.

— Я могу готовить постель? — спросила я у сидящего возле окна.

— Да. Смешные русские люди ложатся спать рано, — услышала я первую фразу, вместо коротких «да», «нет», произнесённую с презрительной едкой усмешкой.

Я ухватилась за фразу, сделала вид, что не слышу насмешки, мне важно показать, чтобы видели фрицы, что присутствие их не тревожит меня.

— До войны мы жили иначе: ходили к знакомым, кино и в театр. Читали интересные книги, ложились в час—два. Теперь мы можем ходить до пяти—шести часов вечера, а работать, читать при свете копилки вредно для глаз. Кончится война — заживём мы по-прежнему, — с улыбкой, не сходявшей с лица, ответила фрицу на его слова о русских людях.

Как ненавидела я эту улыбку. Я напоминала «человека, который смеётся» В. Гюго. Разница та, что он глазами свободно мог выражать всё, что пряталось за вечной улыбкой, а мои глаза напряжением воли подчинялись улыбке, которой я стремилась прикрыть настоящие чувства.

Пришла к себе, раскрыла кровати. Вернулась обратно.

— Мне очень трудно переводить немецкие книги, — говорила я жандарму, показывая на книгу, которую держала в руках.

Минут пять с снисходительной улыбкой слушали фрицы мои рассуждения о немецкой грамматике, но сами молчали.

Ушла «спать». Вслед за мной ушёл и Стефан, прикрыв за собой дверь. Легли. С замиранием сердца ждали, раздадутся ли приближающиеся шаги. Тихо... 5, 10 минут — тишина. Часы пробили полчас — никого, слышишь лишь шум в голове. Затем услышали шаги... Замерла вся, зря прошла подготовка, не смогу переговорить со Стефаном...

Шаги направились в Толину комнату, кто-то из фрицев разбирает кровать... Жаром окинуло всю от чувства боли, обиды гнева, что враг ляжет там, где мы с Толей часто сидели по ночам, ведя разговоры, связывающие нас воедино. Ляжет там, где лежали Борис, «Павлик», Яша, Вова, Толя и Вася. Сквозь зубы, шёпотом, медленно, чтобы впиталось каждое слово, говорила я Стефану всё, что он должен отвечать на предполагаемые вопросы жандармов, если нас увезут.

— Повтори, что скажешь, — говорила несколько раз ему.

— Обидно погибнуть. Отец умер в этом же возрасте, — шептал он мне немного погодя.

— На эту минуту мы ещё живы, удалось оттянуть страшный миг. Будем надеяться, что удастся довести до конца взятую на себя роль. Главное, что Анатолий избежал засады, мы пожили с тобой, подбодряй себя этой мыслью, мне она помогает. Спи, не думай, что будет завтра, — шептала я, желая подбодрить его.

Странное состояние охватило меня: я лежала с открытыми глазами, но не ощущала себя, ни того, что лежу. Я как бы попала в невесомое пространство, я — пустота и нахожусь в пустоте. Лишь сверху как бы видела висящие в воздухе мысли. Ясности, что ждало завтра, не было в стоящих перед глазами мыслях, которые, казалось, исходили не от меня, не вырисовывались картины, что будет завтра. Возможно, сознание, что удалось отвратить опасность от Анатолия, теперь, когда можно не следить за собой, не надо находиться в состоянии непрерывного колоссального напряжения, заслонило собой всё, парализовало остальные клеточки мозга.

Доносился смех немцев, ложившихся по очереди в Толину кровать, но он казался мне далёким, их присутствие в Толиной комнате уже не трогало меня, моё сознание отрешилось от всего, я была вне бытия.

Мрак ночи нарушился бледной полоской, просвечивающей сквозь ставни. Она медленно светлела, светлела. Постепенно я стала обретать своё тело, а с ним медленно поползли мысли, они росли, цепляясь одна за другую. Стала проявляться одна, она ширилась, заполняла собой целиком всё сознание: надо продолжать роль ничем не обеспокоенного человека.

Встала. Вышла на кухню, поздоровалась с немцами, сидящими за столом и возле окна. Тот, что возле окна, опять сидел с книгой.

Умылась, затопила плиту, поставила кофе варить. Как дать знать старикам, что мы ещё дома? Что передумали они в эту ночь? Ухватила за мысль об уборной, авось, удастся оттуда пробежать к старикам. С первых же слов, как обратилась за разрешением выйти в уборную, стало ясным, что если накануне удалось провести мне жандарма, то теперь ничто не могло мне помочь: лишь стала я говорить тому, кто сидел возле окна (это был унтер), как другой поднял-

ся, открыл дверь и, пропустив, пошёл вслед за мной с автоматом. По дорожке я шла одна, солдат остановился возле угла летней кухни, но идти к старикам было нельзя: место было открытое, от солдата не скрыться.

В окне увидела мать, как оказалось, просидевшую там целую ночь, облокотившись на подоконник. Тоскливой жалостью прониклось всё существо при виде белой её головы. Чуть приметно кивнула ей головой, желая сказать, что мы ещё дома, крепись и надейся.

«Увижу ли всех их?» — вспыхнула мысль. И тут же гоню её прочь: она может ослабить меня, вызвать реакцию.

Вернулась домой. Налила Стефану кофе, завернула лепёшку в бумагу, положила рядом на стол. Не забыла и немцев: извинившись, что нет молока, перед каждым одновременно поставила по чашке. Жандармы опять отказались, несмотря на мои «уговоры» и слова, что дома по утрам ведь пили они кофе. Спросила, может ли муж идти на работу, иначе это будет считаться прогулом.

Переглянувшись, они усмехнулись при этом: нелепым показался мой вопрос. Им, как видно, стало смешно, что «фрау» не понимает своего положения.

— Нет, скоро придёт шеф, тогда будет известно.

Резко ударило сердце: сейчас решится судьба. В окно постучала Вера. Снова сердца удар, а вдруг задержат её...

— Сын её приходил, когда были камрады. Это бедная фрау, она помогает мне по хозяйству, — говорила я сидевшему возле окна, с вспыхнувшей радостью замечая, что другой утвердительно кивает головой, слушая мои слова о Вере. Значит, он был среди вчерашних и видит, что я говорю «правду».

Получив разрешение, отсчитав деньги у них на глазах, я передала с облегчением их Вере, которая минут через 10–15 вернулась с молоком и, вручив мне оставшиеся деньги, хотела уходить.

— Могу попросить я фрау прийти вымыть полы? Вчера много камрадов было, пол затоптали.

Пожал плечами немец, ничего не ответил, а я, повернувшись к Вере, с улыбкой сказала:

— Придёте позже вымыть полы.

И Вера ушла, захватив вёдра для воды, возможно не сознавая, как мучителен был для меня её приход, не сознавая, какой опасности она сама подвергалась.

Вскоре кухня заполнилась жандармами, среди них был и тот, которого почтительно сторонились вчера остальные. Тут же высокий и низкий.

— Приходил Анатолий? — был первый вопрос высокого.

— Что вы. Как же мог он прийти... Ведь вчера были в седьмом уже часу, а ходить разрешается лишь до шести, — с наивным удивлением ответила я.

Мне казалось, что жандармы, а их было 7–10–15 — я не могла осознать, впивались глазами в меня. Хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть фигур как бы сжимающихся вокруг меня в кольцо. Вновь говорила, что переживаю каждый раз, когда сын не дома ночует после ссоры с отцом.

— Где он бывает тогда? Вы знаете, где он ночует?

— О, если бы я знала, то вчера сказала бы вам, вы привезли бы его... Он почти не разговаривает с нами, я уже говорила об этом... — с сокрушением, прижимая руки к груди, ответила я, и тут же с улыбкой, появившейся на смену выражению сожаления на лице, говорила:

— Теперь я знаю, что вы жандармы, но я не боюсь совсем вас. Почему я должна бояться. Я не делаю ничего плохого, мой сын, думаю, тоже. Одно он делает плохо: курит и ссорится с отцом.

— Нет, нам известно, что сын ваш делает много плохого, — чеканя слова, не сводя с меня немигающих глаз, говорил мне высокий.

— Мой сын? Тогда вы обязаны его разыскать и наказать, раз он делает плохо, — твёрдо, «возмущённая» тем, что, оказывается, мой сын делает плохо, бросала я немцу, устремив на него широко раскрытые глаза, в которых он видел изумление, возмущение, негодование и больше ничего. Страха, тревоги ему не удалось обнаружить, как бы ни впивался он взором в меня.

Шеф, высокий, с другим, который спрашивал о Толином пальто, ушли в его комнату. Негромко о чём-то там говорили. Я вышла в столовую к Стефану, теперь уже всё равно: возникнет или нет у них подозрение. Сейчас, возможно, решают вопрос, забрать нас или нет.

— Как ты думаешь, возьмут нас сейчас? — тихо спросил меня Стефан. На что я могла пожалать лишь плечами.

— Скажите, пожалуйста, я должна готовить продукты, бельё? — неожиданно спросила я, выходя на кухню, где стоял уже и высокий.

— Кому? — стремительно поворачиваясь и впиваясь в меня глазами, бросил высокий.

— А мне и мужу. Ведь по закону родители отвечают за поступки детей. Раз не застали сына дома, значит нас увезёте, — авторитетно промолвила я.

Жандармы, находящиеся на кухне, переглянулись, будто говоря друг другу: «Вот непочатый край русской глупости».

Я стояла, словно не замечала того впечатления, что было вызвано моими словами.

— Нет, по германским законам родители не отвечают за поступки детей, — услышала я.

— Сейчас мы уедем. Не говорите соседям, что мы были у вас, — продолжал высокий.

— Так они же, наверное, видели вас... Как быть? — с испугом, с растерянным видом спросила я, оглядывая их всех.

— Ничего. Скажите, что были солдаты, которые стояли на квартире у вас и пришли навестить. Когда придёт сын — задержите, скажите, что нам нужно его только кое о чём спросить.

— Теперь я его не выпущу, накажу за то, что заставил маму тревожиться так. Когда придёте опять, скажите ему, что нехорошо так огорчать мать, — с просьбой в голосе закончила я и быстро добавила вновь:

— А камрад останется здесь?

— Нет.

— И я могу выходить, идти к маме?

— Да.

И они ушли, ещё раз напомнив, чтобы я задержала им сына, но не должна говорить, что он нужен жандармам.

Назовите имя немецкого солдата, который у вас когда-нибудь жил. Какой же глупой казалась я им, если они говорили такие слова. В первые минуты до сознания не дошло, что я одна дома, жандармов уже нет. Я находилась во власти того напряжения, что испытала, стояла на кухне, по-прежнему видя их всех. Даже то, что жандармы увезли мужа, казалось, прошло мимо, мысли теперь не останавливались на этом.

— Где помещается контора? Мы отвезём вас туда, — ответил переводчик, когда Стефан спросил, может ли он уже идти на работу.

«Это уловка, увезут на допрос. Вдруг Стефан собьётся, забудет, что шептала я ночью ему, не совпадут наши слова», — ползли леденящие мысли тогда, а на лице довольная улыбка, что теперь ему не страшно идти на работу, за опоздание с ним ничего не случится.

Затем наступила реакция: слабость и страх овладели мной целиком, неудержимая дрожь охватила меня. Бежать отсюда, скорей, лишь бы не быть в доме, где всё напоминало мне их.

Вышла из дома, хотела идти быстрее, но не могла, ноги не шли. Всплеснула мама руками, увидев меня: она не знала, что в доме снята засада. Слезы хлынули ручьём у неё. Что передумала она за эту жуткую ночь в тревоге за внука, за дочь и за всех?..

— Я думала, что тебя уже нет... Решила, что вывели раньше, чем Стефана. Что с ним? Забрали? — вспыхивая, говорила мать, охватив меня руками.

— Не знаю, мама, не знаю. Говорили, что повезут на работу...

Ни отвечать, ни спрашивать я не могла — силы оставляли меня. Весь день находилась во власти ужаса и животного страха.

Крупная дрожь, как во время сильнейшего озноба, не покидала меня. Первый же шум проходившей машины свёл судорогой лицо, она застыла маской на нём. Мелькавшие фигуры врага заставляли судорожно хвататься за мать, словно искала в ней я спасения.

Я не боялась, что пытки заставят меня говорить то, что нужно врагу — я боялась физической боли, не стыжусь в этом признаться. Вставал ужас, какие нечеловеческие муки придётся мне претерпеть, если врагу удастся раскрыть, что всё моё поведение ни что иное, как продуманная хитрость, что я не та наивная, глупая женщина, что была перед ними.

— Одевайся, уходи. Вера сходит к ребятам, «Павлик» выведет тебя вечером в лес. Нам ничего не будет, на что мы врагу — старики. Одевайся скорее, пересидишь где-нибудь, а вечером выйдешь и Толю встретишь в лесу, — убеждала мама, видя моё состояние.

— Они схватят вас, — твердила одно я в ответ.

Под вечер видела Люсю — вернулась из города. Радостным светом озарилось лицо, когда увидела меня в доме у мамы. Целует и шепчет тихо на ухо:

— Толя в городе. Он с ребятами, успокойся, Маруся. Мне и Вере удалось встретить его по Шаховской улице. Переночевали во рву, рано утром он уже встретился с ними. И он, и Яша, и «Павлик» — все

они вместе. Вчера же он дал мне задание связаться с людьми, которых надо вывести в лес.

Понемногу её слова дошли до сознания. Свободен... все вместе... готовят налёт... Медленно ползут мысли, и вдруг ярко вспыхнули другие, заставили твёрже стоять на ногах: скорей предупредить Анатолия.

— Передай ему, что я прошу и приказываю не делать налёта. Сейчас нет жандармов, а вечером не знаю, что будет. Лучше погибну одна, но спасу стариков и соседей, которым грозит верная смерть, если будет налёт. Скорей передай, успеешь дойти, — поспешно говорила я Люсе, и без моих слов торопливо собиравшей бельё для Толи, спешившей успеть до 6 вечера.

— Толя не знает, что жандармы уехали и велел при первой возможности тебе передать, чтобы искала случай выйти из дома, а Вера ему передаст, — вспомнила Люся слова Анатолия, выпавшие из памяти при известии, что жандармы уехали.

— Вот, видишь, и Толя говорит, что и я. Уходи, уходи вместе с Люсей. Она проследит, как дойдёшь ты до города. Не бойся за нас. Мы старики, — ухватила бабушка за слова, что услышала от Люси.

Люся ушла с тем, что сегодня же Анатолия встретит.

Прошёл день, в течение которого я металась между жгучим желанием поддаться уговорам старухи-матери и мучительным сознанием, что мой уход принесёт им гибель. Пришёл Стефан, стал рассказывать, как его привезли жандармы к конторе, но его слова мельком доходили у меня до сознания — я была во власти ужаса, парализующего всякую мысль.

Вскоре после ухода Люси мимо прошла машина и остановилась возле соседнего дома.

— Пошли к тебе те двое, что первыми пришли вчера, — шёпотом, будто боясь быть услышанной ими, сказала мама, и я через окно увидела направляющихся к дому жандармов.

Судорожно ухватила за маму. Выхода нет, надо идти туда к ним, и нет сил идти. Чувствую, если не смогу взять себя в руки, они могут застать меня, объятую страхом. Медленно шла по дорожке, усилием воли заставляла себя спрятать обуреваемые чувства, сжаться, застыть, чтобы ничего не смогли прочитать жандармы у меня на лице.

— Приходил Анатолий? — как вчера вечером и сегодня утром спросил высокий, глядя в упор на меня, и мне казалось, что взгляд его глаз сверлит мозг, что не смогу спрятать того, что должно быть скрыто от них.

— Нет, я задержала бы непременно его.

При этих словах высокий, сжав губы, переглянулся с другим.

— Помогите мне разыскать его. Вы должны понять, как я страдаю, не зная, где он и с кем. Муж завтра заявит в полицию о розыске сына, — говорила я, не в силах сдержать хлынувших слёз, которые сказали, что я больше не в состоянии продолжать игру, стоившую неизмеримого напряжения, и что после наступившей реакции мне труднее вести взятую роль, но в данный момент слёзы подходили к словам и последствий дать не могли. Они подтверждали моё беспокойство о сыне, которого отец выгнал из дома.

— Если придёт, задержите, — резко, со зло прищуренными жестокими глазами, устремлёнными по-прежнему в упор на меня, бросил высокий, — завтра приедем ещё.

И поспешно ушли.

Вслед за ними медленно пошла и я к старикам.

— Ну, что?

— Завтра приедут опять... Значит, уже заберут, — с вновь появившейся судорогой ответила я старикам.

Опять уговоры бежать мне скорее.

— Да поймите же, что не могу я без вас, — не могу оставить на верную гибель, — как в беспамятстве твердила я.

— Ну, отец, дети наши, и мы должны делить с ними радость и горе... Давай собираться, — спокойно и просто проговорила мама, обращаясь к деду, который сидел на кровати напротив неё.

Ни тени колебания, раздумья не прозвучало в её словах. Она произнесла их так, словно не было уговоров с её стороны уходить мне одной, будто этот вопрос давно был ею решён, его и обсуждать не нужно. Можно ли словами передать то, что я испытала, услышав слова матери, увидев торжественный взгляд, устремлённый на деда. От её белых волос, казалось, исходило величие.

— Да, мать, мы должны уходить вместе с ними, — в тон ей ответил отец.

Был седьмой час, и ходить уже запрещалось. Кроме того, не

было гарантий, что не следили за домом. Спать я не могла, лежать тоже. Нужны были движения, в них я искала облегчения от мысли, что в любую минуту нагрянут жандармы.

Я ходила по комнатам, и они казались иными. Казалось, что пол, где я ходила, поднимался всё выше, и я сверху смотрела на всё. Я знала, что теряю, что вижу, к чему привык глаз, всё, с чем связано много волнующих воспоминаний, но меня не трогало это. В Толину комнату я не ходила — вид помятой постели напоминал о жандармах, что спали на ней.

С рассветом пришла мама.

— Спрячь хотя бы постель, сними покрывала, занавеси, дай мне одежду, бельё, я спрячу, — говорила она, обведя глазами и видя всё как было всегда.

— Нельзя, мама. Через 10–15 минут мы со Стефаном выйдем. Не исключена возможность, что жандармы, как и вчера, приедут с утра и по изменившейся обстановке в доме догадаются сразу, что я скрылась от них. Не забывай, что вы выйдете часа через два–полтора, а они могут направиться к вам. Необходимо, чтобы всё говорило о том, что я отлучилась на короткое время.

Я понимала, что старикам труднее покидать дом, где каждый гвоздь говорил о многолетней трудовой жизни, и лишить их стремления хоть немного спасти из того, что имели они, я не могла. Вот почему они выходили позже немного. Чтобы обезопасить их, мне необходимо было у себя в доме оставить всё, как было вчера.

В коридоре поставила лохань с бельём — хозяйка готовится к стирке. В столовой на столе три чашки, ваза с сухарями. К входной двери приколотла записку: «Толик, я ушла в город. Вернусь часа в три. После рынка зайду к Н.Д. Дождись моего прихода, мне нужно с тобой поговорить. Не бойся, папа не сердится. Ключ в обычном месте. Мама».

Из этой записки жандармы увидят, что ссора была, что главное я «помню» их наказ задержать Анатолия.

В последнюю минуту недели по второй смене белья и вышли из дома «на базар» — Стефан с обычной сумкой, а я с чёрным баулом в руках. Вера заранее вынесла шаль и небольшую подушку, что зовут «думкой», для мамы.

Собрались мы все у бабушки Зотовой, где и сидели до вечера. Сюда же дедушка принёс и Толин приёмник, который перед этим был ночью закопан в соседнем саду, а теперь будет храниться у восьмидесятилетней старушки, когда-то сказавшей: «И где это видано, чтобы Рассею кто победил...».

Растеряно смотрел Шурик на всех, но ни о чем никого не спрашивал. Большому риску подвергалась бабушка Зотова, и она не скрывала тревоги. Тревожно бились и наши сердца: мог зайти любой немецкий солдат.

Больно было смотреть на стариков, которым в их возрасте выпало такое испытание. Беспокоила мысль: дойдёт ли мама с её здоровьем, больными ногами после того, что пережила в эти годы, в последние дни. Стало темнеть. Стал накрапывать дождь, пора выходить, время не ждёт.

Тепло попрощались мы с бабушкой Зотовой, не отказавшей дать нам приют. Первыми вышли Стефан и Люся, которая знала место во рву, куда нужно идти, и где ожидал нас Анатолий с товарищами. Затем вышел дедушка, вслед за ним мама, Шурик и я. До конца Красной Горки в стороне сопровождал нас Юра, бабушкин внук, которому она поручила следить, благополучно ли всё выйдет.

В стороне, уже в поле, справа от дороги, возле дома увидели немца. Затаили дыхание, будто оно мешало нам скрыться. Не было мыслей, лишь шум в голове. Прошли. По этой дороге ходили жители Красной Горки, и немец, возможно, принял нас за людей, идущих с работы домой.

Вышли за Красную Горку. В ров пришли уже в полной темноте. Никого не видели, но чувствовали присутствие многих людей. Выросла перед нами высокая фигура.

— Сынура, — прошептала я трепетно, забывая всё от мгновенной радости, что мы опять вместе.

— Тише, мама, — спокойно шепнул Анатолий, на сотую долю секунды прижимая меня к себе. И отошёл. Кто-то обнял меня — в темноте не видать.

— Это я, Шура... А бабушка где? — услышала знакомый я шёпот. Вторично забило сердце: здесь с нами и Шура, которую мы не видели с 18 февраля, с момента ареста Вовы.

Минут через 20–30 тронулись в путь. Шли в полном молчании, гуськом, чтобы не сбиться с дороги. В первые минуты не думалось

о том, что может нас встретить в дороге, хотелось лишь скорей уйти от города, дальше, туда, в темноту ночи. Это желание захлестнуло все мысли. Шли поспешно, то поднимаясь, то опускаясь с холмов.

— Потом пойдём тише, — шепнул подошедший ко мне Яша, чтобы узнать, как чувствует себя бабушка.

Небо прорезали лучи прожектора, прыгают, меняя своё направление. Ложимся... встаём... идём... опять ложимся. Отряд замыкают поочерёдно: то Витя, то Яша, иногда к нам подходит Анатолий. «Павлик» идёт впереди. Устал шестилетний Шурик.

— Ты будешь моим помощником, поведёшь отряд, — приседая возле него на корточки, ласково шепчет ему Анатолий и отводит его за ручонку вперёд.

Остановка. Отошли Анатолий, «Павлик», Яша и Виктор, о чём-то тихо шептались... Разошлись в разные стороны. Сколько отсутствовали — пять, десять, пятнадцать минут — трудно сказать: нас окружила тьма и безмолвие. Тихий, короткий свист, другой, третий. Опять собрались мальчики вместе, опять отошли в сторону.

— «Павка» компас забыл, об этом узнал я в последнюю минуту, исправить ошибку уже было невозможно. Люди не должны знать об этом, чтобы не возбудить лишней тревоги. Дорогу потеряли, но «Павлик» справится, найдём и без компаса. Не волнуйся, скоро пойдём, — тихо шептал мне Анатолий, чтобы не услышала бабушка, которая шла всю дорогу поддерживаемая мной.

И вновь разошлись, оставив с нами Яшу, который и указывал тихим свистом возвращающимся с разведки ребятам направление. В кромешной тьме, без малейших признаков жизни легко было потерять место стоянки. Тревожно было на сердце, хотя и верила словам Анатолия, знала, что не для простого успокоения сказал он мне: «"Павлик" справится, найдём и без компаса». А всё же тревожно. Пронеслось в голове, как, собирая всех их на явку, в лес, напоминала им каждую мелочь.

Долго нет «Павлика». Позывной приглушённый свист оставался без ответа. Проходили минуты томительного ожидания. Наконец донёсся его ответный свист.

— Всё в порядке, — слышу тихие слова Анатолия, подошедшего ко мне, — сейчас тронемся. Яша и Виктор возвращаются обратно в город: им надо успеть к рассвету добраться туда.

Распрощалась я здесь с Яшей и Виктором, у которых не стало квартир, куда они пробирались ночами, с рассветом после явок? Верина квартира не могла сейчас служить им безопасным местом: кто знает, может, врагу удалось и туда протянуть свои шупальца. Теперь они будут ждать незапретного часа во рву.

— Скоро увидимся, М.П... О нас не беспокойтесь. Вот бабушке будет трудно идти, — стараясь казаться спокойным, говорил Яша, но волнующие нотки выдавали его.

— Будьте осторожны, — шептала я, охваченная волнением, что расстанусь с теми, кто вошёл в мою жизнь наравне с Анатолием.

Что ждёт их в городе, где беснуется враг?

Анатолий и Элик обошли всех, предупреждая соблюдать максимальную осторожность при переходе через шоссе. Прошли. Вдохнули свободно.

Тяжела была дорога по мокрой пахоте: земля приставала к ногам, тяжестью притягивая их к себе.

— Скоро отдохнёте, — подбадривали Элик и Толя всех.

В предрассветной рассеивающейся темноте уже вырисовываются фигуры людей, видишь, что есть и дети. Идёт мать, как узнала потом, с отмороженными ногами, ведя за руку четырёхлетнего сына, который всю дорогу шёл сам. Молча взяла его на руки, поручив бабушку Шуре-радикте, хотелось хоть немножко облегчить малышу тяжёлый путь, непосильный иному взрослому. Оставалось пройти немного до места следующей остановки. С ужасом чувствую, что бабушка сделалась грузной, повисла у меня на руке.

— Потерпи немного... Сейчас сядешь, — шептала я, обхватывая её руками, поддерживая и подталкивая её вперёд.

— Ничего... дойду... где Шурик... Толя?

С трудом прошла она 10–15 метров заплетающимися шагами, поддерживаемая мной и Шурой. Усадили её на мешок. Она побелела, стала клониться, вытягиваться.

Кто поймёт, что я испытала в этот миг? Мысль, что ценой её жизни я расплачиваюсь за своё спасение, леденящим ужасом охватила меня. Ей влили глоток водки, расстегнули пальто, кто-то тёр руки. Открыла глаза.

— Ничего, дойду как-нибудь. Теперь хорошо, — бессильно и невнятно, словно в бреду, шептала она. Кто-то дал ей кусок шоколада,

но она не могла его есть. Второй глоток водки привёл её окончательно в чувство. Она заговорила более ясно. Надо было спешить, уже рассветало. До опушки леса оставалось немного, скорей уйти туда, под охрану, хотя и негустого пока леса, но всё же леса. Дальше от открытого места, где недалеко вырисовывается в предрассветной мгле силуэт деревни.

Рассвет застал нас уже входящими в лес. Сознание, что пройден и оставлен позади путь, где опасность могла грозить в любую минуту, заставляло на время забыть усталость, не думать, что предстоит ещё тяжёлый переход: он нёс физические трудности, но зато нас ожидала свобода.

Раннее утро, встретившее нас в лесу, располагало к тому, что назад не оглядывался никто, находясь во власти покоя и отдыха. Справа и слева высились окутанные синевой горы. Они, казалось, как грозные стражи охраняли наш короткий отдых. Со всех сторон доносились голоса птиц, словно приветствовавших наш приход. Из-под прошлогодних листьев выглядывали первые лесные цветы, и дети, которые наравне со взрослыми одолели оставленный путь, рвали их тут же поблизости.

— Дед, устал? — обратилась к деду бабушка, так напугавшая всех, и теперь хотя и выглядела уставшей, бодро смотрела вокруг.

— Устал, мать, но ничего, зато мы все вместе, — ответил он.

Много смеялись, когда Шурик, подбежав ко мне, таинственно прошептал, указывая на мать «Павлика»:

— Тётя Маня, а я думал это ведьма...

Эти слова объяснили странное его поведение в пути. Стоило к нам подойти Е.А. с той стороны, где шёл Шурик, как он стремительно, с испуганной поспешностью переходил на другую сторону, судорожно хватая ручонкой мою или Люсину руку. Тогда мы объясняли это тем, что у него уставала рука, и он, помня наказ держаться всё время за руку, спешил переменить одну на другую. Непонятным лишь был его вопрос: «А в поле есть ведьмы?».

Оказывается мальчуган, помимо непосильного перехода, перенёс ещё и детский страх перед ведьмой, которую создала фантазия при виде Е.А., укутанной во всё тёмное. Слушая наши объяснения, что это мать «Павлика», которого он знал хорошо, Шурик вначале

недоверчиво поглядывал на Е.А., словно не желая расставаться с созданным образом «ведьмы».

Опять идём... Казалось, не будет конца.

Бабушка крепится, но по её белому, обескровленному лицу видно, что путь непосилен ей.

— Дойду, не думайте обо мне, и вы все устали. Я представляю вид немцев, когда они увидят, что ты ускользнула от них, узнают, что и нас-то уж нет, и мне легче идти, — говорила она с кроткой улыбкой, вспыхнувшей на оживившемся при последних словах лице.

— Пожалеют, что не увезли сразу «приветливую фразу», — в тон ей ответила я, не раз в дороге думавшая об этом.

Сознание, что враг увидит, как провела их, считающих себя выше всех, «недалёкая русская глупая женщина», какой прикинулась я, придавало и мне силы в пути, я представляла их ярость, когда им станет ясным, что Анатолий, который «ссорится с отцом, курит, не ходит в школу, обманывает нас, не разговаривает с нами» и есть тот, кто «делает плохо», что мы знали о его «плохих делах», знали, что Анатолий Смирнов и есть тот, за кем они пришли.

По пути встречались места, где, казалось, промчалось чудовище, оголяя деревья, в ярости срывая с них могучие вершины. Всюду расщепленные, местами обуглившиеся стволы деревьев, в суровом недоумении поднимавшие свои искаленные остатки к небу — это следы прочёса. Вновь пришлось столкнуться со значением этого слова, и жуть, которая когда-то таилась за ним, стала реальной, её встречали на улицах города, когда враг гнал раздетых, обессиленных женщин, детей, стариков, и увидели здесь.

— Теперь уже скоро... Подтянитесь. Пойдём медленнее, чтобы не дать ослабевшим отстать. Скоро будет застава, а там и отряд, откуда будет недалеко и до гражданского лагеря, — говорили «Павлик» и Толя, подбадривая утомлённых людей.

Прошли аэродром, т.е. небольшую поляну, куда опускались самолёты с Большой Земли. На поляне стоял неисправный самолёт, который, возможно, доставил с Большой Земли литературу, часть которой ребята недавно доставили в город.

Наконец, впереди показалась фигура вооружённого человека, вышедшего из-за деревьев на край поляны, тянувшейся на большом расстоянии вправо от лесного массива, возле которого мы шли.

Издали мы рассмотрели красную полосу на его пилотке, которая заставила шибче забиться сердца людей, вспыхнуть запавшие глаза на истомлённых лицах. Ведь это был первый за эти годы человек, на ком открыто прикреплённая красная полоска говорила о символе свободы.

— Ну, теперь скоро отряд. Пройдём этот лесок, потом поляну, а за тем холмом и отряд, — бодро шагая, говорил «Павлик», указывая на видневшийся вдали холм.

Все мы привыкли к смысловому значению «скоро» по-городскому. В лесу это слово понимается иначе: 4–5 километров — это тоже «скоро»...

Вот и отряд, расположенный в небольшой ложине, по которой протекает речка, справа и слева поднимаются горы. Разбросаны шалаши, откуда при нашем появлении стали выходить женщины, мужчины, тепло приветствовавшие нас и заботливо спрашивавшие, устали ли мы.

Возле ближнего шалаша сидела девушка, одетая по-мужскому в ватные брюки, такую же куртку и чистила картофель. Дети попросили напиться. Моментажно кто-то принёс ведро воды, и все утолили жажду. Анатолия отвёл в сторону товарищ, вышедший одним из первых при нашем появлении из шалаша, что находился рядом с тропинкой. Шепчет что-то, кидая взгляды в сторону пришедших. Затем переписали всех, и опять разговор в стороне.

Через несколько минут подошёл Анатолий.

— Здесь мы расстанемся, мама. Я, «Павлик» и Шура идём в штаб. Вас всех проводник отведёт до места. Отдохните, потом пойдёте в гражданский лагерь. Мы с «Павкой» завтра придём к вам в гости, — весело закончил он, пожимая мне руку, и ушёл, поднимаясь вместе с Шурой и «Павликом» вверх по тропинке.

С вечера Вера отнесла к себе продукты, термос с горячим чаем, носки для тех ребят, что останавливаются у нее. Кажется, что никогда я не ожидала Анатолия с таким нетерпением, как в этот раз, он поможет выяснить причину отсутствия Васи.

Ахнула бабушка, узнав, что внук ушел, не простившись с ней. Только на другой день я узнала, почему Анатолий так поступил.

Пришел проводник, стал поспешно нас выводить из отряда. Увидели, что из шалашей повсюду стали выбегать партизаны, на ходу одевая автоматы, винтовки.

— Что это? Тревога? — испуганно спросила бабушка.

— Ну что ты, откуда тревога. Ученье, — искренне отвечала я, не подозревая, что в отряде был дан сигнал тревоги.

При переходе через речку тут же в отряде неожиданно встретили товарища брата, который обрадовано подбежал, узнав бабушку, дедушку, Люсю. Помог перейти старикам через переброшенное бревно, предупредив, что высившейся перед нами подъем — самый тяжелый, и больше таких не будет.

И вот начался тяжелый подъем. Он, да ожидавшая нас пурга на открытой местности — это самые тяжелые этапы пути, и без того нелегкого. Вверх поднималась узкая крутая тропинка. Таявший снег затруднял передвижение. Люди скользили назад, не было возможности твердо стоять на ослабевших ногах, мы спотыкались, карабкались вверх, стараясь ухватиться за ветки, а ноги, словно насмехаясь над выбившимися из силы людьми, тянули назад.

До середины подъема я шла рядом с бабушкой, вернее, на полшага сзади, сбоку поддерживая ее рукой, и трудно сказать, кто кого вел: то ей приходилось хвататься за ближе повиснувшую ветку, ствол дерева, делать большой шаг и, упираясь ногой в неровность тропинки, подтягивать меня за собой, то точно такие же движения приходилось проделывать мне, и мама поднималась на 2–3 шага. Люся, неся свой груз и тот, что до сих пор нес Анатолий, вела за руку Шуру, повторяя те же движения, что делали все. Дедушка и Стефан отстали немного ниже. Наконец не стало возможности поддерживать друг друга рукой. Как акробаты, изворачиваясь туловищем, хватаясь за первую ветку, протягивая другому вниз палку, шаг за шагом одолевали мы этот подъем.

Скоро вершина, но никто не чувствовал холода, хотелось сбросить одежду.

Деревья стали все реже, все труднее и труднее найти в них опору. Шурик, где-то на четвереньках, карабкается уже один. Иногда концом палки удавалось поддерживать его в спину. Никогда, никогда не забыть выражение лица шестилетнего Шурки и четырехлетнего Гаррика при подъеме на вершину этой горы. Хмурые, постаревшие на глазах личики, серьезные глаза, в которых не было ничего детского, плотно сжатые губы говорили о том, какой ценой дается им этот подъем. Постоят миг, передохнут и опять карабкаются вверх.

Не слышно слов: впереди и сзади поднимались таким же путем готовые упасть люди. Поднялись еще немного выше. В разветвлении отвода, будто природой поставленного здесь для отдыха обессиленного путника, сидит Н. К нему подтягивается М., проделавший путь на руках с трехлетним ребенком. Всем казалось, что Н. даст возможность присесть еле державшемуся на ногах М. И велико было изумление людей, когда Н. ответил на просьбу М отказом.

— Деревьев много растет, найдите себе, — слышали мы холодные, бесстрастные слова.

Оставались шаги, но какими мучительными были они! Как в забытии шептала я маме:

— Сейчас... потерпи... ничего... доберемся.

Вот и достигнута цель. Стоять невозможно: холод пронзил молниеносно. Потные, с мокрыми ногами мы попали во власть горного холодного ветра. Окоченевшие, тронулись дальше, но уже по ровной тропе. Навстречу показался юноша. Поравнявшись со мной, улыбнулся, приветливо поздоровавшись.

— Не узнаете, — произнес он, видя мое недоумение, и прошел дальше.

Думать, кто он, нет сил: шли, механически передвигая ноги.

По дороге показался шалаш, там грелись добравшиеся сюда раньше. Стояли и ждали отставшую К. 10–15–20 минут. Уйти нельзя, заблудится. С непередаваемым ужасом смотрела на мать: она не дойдет, упадет... Синяя, с неподвижным окоченевшим лицом, в мокрых сандалиях, в мокрых чулках, скованных теперь морозом, с глазами, полными бессилия и мольбы, когда же кончатся эти муки — такой она стояла, ожидая, как и все, отставшую женщину. Зайти в шалаш она отказалась: не хватило бы силы подняться и идти дальше.

Поднялась пурга. Идти надо было открытой большой высокогорной поляной. Резкий ветер валил с ног. Снег, превращавшийся моментально в миллиарды острых льдинок, резал, царапал лицо. Раздалась команда проводника идти лишь гуськом — минное поле. Впервые заплакал Шурик, не выдержавший этой пытки. Казалось, что не будет конца открытой поляне. Наконец она позади. Опять ждали отставшую женщину. Все окоченели, на мать боялась смотреть. Сняла с себя платок, закутала Шурку, кто-то на меня накиннул косынку. Сознание мутнело, но тотчас напрягали последние усилия, заставляли работать мысль.

— Нужен выход, товарищи. Так мы замерзнем. Я иду встречать отставшую, буду ее вести, а вы помогайте бабушке. Люсе ее и Шурика трудно вести, — с этими словами я ушла обратно, навстречу отставшей.

Почти до самого лагеря вела я терявшую силы К., уговаривая ее не поддаваться слабости, убеждать себя, что нужно идти, как когда-то говорила своим ученикам или малолетнему Толе, когда перед ними вставали трудности, которых им, казалось, не преодолеть. Два раза падала бабушка, не имея возле себя поддержки.

— Только глоточек горячей воды, — шептала она побелевшими губами, и я обещала ей, поддакивала...

На этом переходе убедились, что значат «партизанские километры»: их надо понимать в двойном, тройном размере.

Добрались, наконец, измученные, ооченевшие, с застывшими мыслями люди до лагеря. Разбрелись по шалашам, лишь бы скорее сесть, забыться от того, что преодолели. Надо срочно действовать, чтобы шалаш приспособить к жилью.

А как действовать, если все валимся с ног, поспать бы, забыться бы крепким сном.

Дедушка, шатаясь, стоял посредине. Люся, не в состоянии бороться с охватившим ее бессилием, спустилась на землю, и слезы бегут по лицу. Поодаль сидит Стефан, в изнеможении свесив голову на колени. Опустившись на землю, они находились во власти бессилия, у них не хватило сил уже подняться. А бабушка... Она села на мешок, судорожно прижав к себе Шурика, закрывши глаза, с плотно сжатыми губами, с желтым как у мертвеца лицом. Казалось, что дыхание оставляло ее.

Короткий миг, сотую долю секунды боролась я с желанием опуститься возле нее, прижаться к ней и в слезах найти облегчение, не чувствовать усталости, холода, забыться на время. Вспыхнули и поплыли мысли: взять себя в руки не поддаваться слабости, перебороть ее.

— Папа, скорее надо «хмыза» набрать, чтобы уложить маму и Шуру, — сказала я отцу, который, вероятно, как и я, боролся с желанием присесть на минутку.

Уложили мать, бросив на землю все, что было в мешках. Рядом с ней прикорнул, съевшись, уснувший моментально непробудным сном Шурик.

Мать, что мертвец. Страх потерять ее, проделавшую непосильный для ее возраста путь, во имя моего спасения, заставлял меня позабыть свое состояние, влил в меня силу.

— Люся, скорей растирать ноги ей водкой. Стефан и папа, тащите сухие сучья, надо согреть хотя бы кружку воды, — говорила я, снимая с маминых ног замерзшие чулки. Глоток водки понес тепло по маминому телу. Укрыли ее и Шуру всем, что имелось.

— Теперь хорошо, — прошептала она и уснула.

Присел отдохнуть и дед, занявшись сушкой маминых сандалий и Шуриных сапог, которые он благополучно и сжег, хотя костер и напоминал игрушечный, не было умения разводить большой, какой я видела в других шалашах.

Что дам поесть, когда проснутся, что дать бабушке? Единственные наши запасы — крошки, оставшиеся от коржей и немного масла. Рыбу, что была в мешке, хлеб смели во время остановки возле елочек. Мешок, в котором находилось полхлеба, «Павлик» или Анатолий ошибочно взяли с собой. Решили крошки и масло беречь для бабушки и бабушки, Шуры. Можно заваривать по чайной ложке крошек и добавить понемногу масла. Мы помолоче, выдержим как-нибудь, — советовались мы с Люсей.

Кусок лепешки, что дала мать «Павлика» для стариков, показался дороже изысканного блюда в домашней обстановке.

— Ты отдыхала? — первое, что спросила бабушка, открывая глаза.

— Я не чувствую усталости, — искренне, не обманывая ее, ответила я.

Сознание, что я должна быть на ногах ради всех, поддержало меня, укрепило волю. Я понимала, что, присядь я хоть на минуту, реакция не заставила бы себя долго ждать. И я крепилась, не замечая ни усталости, ни замерзших ног.

К вечеру нас приняли к себе в большой шалаш М, у которых горел большой костер, излучая тепло, делавшее шалаш обжитым, я бы сказала, уютным. А так хотелось тепла и хотя бы немного относительного отдыха: ведь я не садилась еще ни на минуту, боясь, что не встану.

Ночь... Горит костер, ярким пламенем освещая лежащие, сидящие скорчившись, полулежа фигуры людей; деда, подбрасывающего дрова в огонь. На всю жизнь запомнится лицо старика, бездумно

смотревшего на огонь, на лице которого застыло вопрошающее недоумение.

Глядя на его осунувшееся лицо, сгорбленную фигуру, на бабушку, лежавшую в пальто и изредка стонавшую, я впервые растерянно остановилась на мысли. Хорошо ли я сделала, что не пожертвовала собой и с безумной радостью ухватила за то, что они пошли в лес. Эта мысль не оставляла меня всю ночь. Ее отражение чудилось в пламени костра, в завывании ветра, в столах старухи-матери, в согнувшейся фигуре отца.

Медленно спускалось утро, словно желая продлить мое пленение навязчивой мыслью, и не желая дать мне возможности отрешиться от нее.

— Тетя Маня, а кушать скоро будем? — слышу слова проснувшегося Шурика, который не знает, что тетя Маня может дать ему только чайную ложку крошек с горячей водой.

Проснулась и мама. Непосильная дорога сделала свое дело: она подняться уже не могла. Неотвязная ночная мысль, под влиянием услышанного, прорвалась наружу.

— А разве я выжила бы, если бы тебя забрали в гестапо? Легко ли было бы мне видеть, как тебя уводят они? А здесь мы все вместе и живы. Отдохну от дороги, все и пройдет, — в волнении говорила она, когда услышала вырвавшиеся у меня слова, не дававшие мне покоя целую ночь.

Утром узнали, что вскоре предстоит переход в гражданский лагерь, до которого, говорят, 12–15 километров. Всем было ясно, что бабушка не сможет идти, если она не в состоянии даже подняться.

Пришли, как обещали, Анатолий и «Павлик», с ними двое, которые оказались тт. Овдиенко и Захаровым. Порывисто бросилась я к Анатолию в надежде найти помощь и выход из создавшегося положения.

— Надо уходить. Там будете находиться под охраной, получать еду, а здесь останетесь совершенно одни. Может случиться, что кому-нибудь понадобится врачебная помощь, как вы дадите об этом знать куда-либо? А там будете жить не одни, — говорил Анатолий.

Посидев возле бабушки, поговорив с ней немного, он стал собираться. Я вышла его проводить.

— Мама, я не стал говорить при деде и бабке, вам лучше уйти. Вчера, когда мы подходили к отряду, тревога была. На этот раз, к сча-

стью, ложная. Кто знает, что несет сегодня, завтра... Вы останетесь одни, без охраны... Все меры принять, но вывести бабуку. Я схожу в ближний отряд, авось, лошадь достану. Еще не стал говорить я при бабке, я и «Павлик» уходим в город. Яша и Виктор нас встретят. Очень прошу, не задерживайтесь здесь. Ты должна понять, что находиться одним не совсем безопасно, — стараясь не смотреть мне в глаза, чтобы не видеть целиком своей тревоги за нее, говорил он, стоя на свежей тропинке между высокими оголенными деревьями.

Идут туда, где свирепствует разгул врага, где, возможно, не оставлена попытка его разыскать...

— Необходимо идти? — коротко спросила я.

— Да, командование запретило мне находиться в городе и предложило руководить из леса. Мне необходимо встретиться с Яшей и Виктором, чтобы договориться о дальнейшем.

И ушел по тропинке вперед, чтобы встретиться с «Павликом», провожаемый моим взглядом и тяжелыми мыслями: не последняя ли это встреча.

— Что говорил тебе Толя? — спросила бабушка.

— Советует уходить, боится, что будем голодать, — спокойно ответила я.

— Я отдохнула, ничего, дойду помаленьку, — говорила она в ответ на наши сомнения.

Сборы к переходу семьи М., возможно, имели значение, бабушка старалась держаться бодрее. Стали выходить из шалаша к месту сбора, и она упала в глубоком обмороке, показавшемся нам всем концом. Нас обступили. Мнение всех — ей идти невозможно.

— Что с бабушкой? — услышали слова и увидели поспешно подходивших Анатолия и «Павлика», которым кто-то сказал по дороге о случившемся с бабушкой.

— Да, не дойдет, — задумчиво произнес Анатолий, выслушав короткие слова и глядя на бабушку.

— Оставляйтесь. Попрошу в штабе сани, авось, найдутся какие. Продукты пришлют вам сегодня. Вчера лишь узнали, что вы пришли в лес, было дано распоряжение перебросить вам муки, мяса, картошки. Сегодня бабушка отдохнет, а завтра, возможно, будут и сани.

Вместе с нами осталась и семья М. Все перешли в большой шалаш, принесли доски из другого шалаша, устроили что-то вроде низ-

ких нар. Разожгли костер. Анатолий и «Павлик» принесли откуда-то мяса, чтобы сварить бабушке бульон.

Радость, что она в сознании, сквозила во всем. Люди, которых никто из нас, кроме Анатолия, не знал, которые не знали нас, выражали ее наравне с нами. Даже в веселом потрескивании, а порой ба-систом шипении костра, казалось, отражалась наша общая радость.

Анатолий и «Павлик» ушли. Долго смотрела я им вслед, бу-реваемая тревогой о них и страхом, что остались одни.

К вечеру поднялась пурга. Ветер свистел, гудели деревья, из шалаша выходить невозможно. Под жаром костра таял снег, пада-вший на шалаш, всюду капала вода. Едкий дым разъедал всем гла-за. С этого вечера слова «дым костра» будут неразрывно связаны с представлением тех мук, что мы испытали тогда. Мы не могли ни лежать, ни сидеть. Обычно дым ровно поднимался вверх, стремясь выйти наружу, а в этот вечер, когда разыгралась горная пурга, мы увидели, что костер помимо тепла несет нечто другое, что, казалось, лишит нас глаз. Дрова горели, наполняя шалаш едким густым ды-мом, который, не находя выхода, в ярости окутывал нас всех, ста-новясь все чернее и чернее. Даже то, что мы лежали вниз лицом, не спасало глаз, из них лились слезы ручьями. Казалось, что глаз уже нет, остались лишь впадины, из которых и льются неудержимо пото-ки. Возможно, наши глаза не привыкли еще к тому, что было частым спутником тех, кто находился длительный период в лесу.

26 марта

Пурга начинает стихать. Вчера неожиданно пришли, облеплен-ные снегом, Анатолий и «Павлик». Пурга не позволила им попасть в город. Выйдя из леса, они увидели, что дальше идти невозможно, и пришлось им вернуться обратно. Остались у нас ночевать. Дым по-прежнему выедал нам глаза.

— Помойте чаем скорее, — посоветовали Толя и «Павлик», забы-вая, что его у нас нет.

Хотелось скрыть от них, как дается нам эта пытка, но не было сил выдержать стойко ее. Дым разъедал глаза, он не давал говорить, проникая всем в горло.

Легли спать. Напротив меня, прислонив автоматы к стене, нога-ми к костру, нахлобучив шапки поглубже, улеглись «Павлик» и «Ко-стя», как иначе называл теперь Шурик Толю.

Лежа можно было кое-как с трудом держать глаза открытыми. Неотрывно глядела я на лица моментально уснувших ребят. Вста-вали картины, когда я встречала их дома вот точно такими, какими опять они здесь: в теплых шапках, Толю в бушлате, «Павлика» то в его зеленом ватнике, то в пальто, только лица были иными. Там при встречах привыкла я видеть их радостно-возбужденными, даже в спящих я читала продолжение того, чем они были полны: удовлет-ворение и спокойная уверенность от результата их похода в лес не заставит себя долго ждать. Население будет читать советскую лите-ратуру, враг — доказательство, что ничем не сломить ему воли наро-да, воли, которую он безуспешно пытался покорить.

Здесь лица иные. В спящих чертах их читалась суровость: сдви-нутые во сне брови говорили о том, что сон не снял тяжелые думы.

С утра непогода стала стихать. Дым меньше резал глаза. Все рано проснулись. Закипела шалашная жизнь: кто ушел в поисках су-хих дров, кто носил снег, кто месил лепешки из принесенной вчера ребятами муки. Малыши, Шурик и Гарик, как зверьки из норок по-глядывали снизу на приставленные к стене автоматы: велико иску-шение их надеть на себя. Не преодолев понятного для их возраста желания, они потихоньку подобрались к ним.

— Вы куда? Он заряжен, — с нарочитой суровостью вскрикнул Анатолий, наблюдавший за ними.

Как мышата юркнули дети по своим местам. Все рассмеялись.

— Ну, ладно, идите сюда, — смеясь и вынимая патроны, произнес Анатолий.

С трудом уговорили Анатолия и «Павлика» съесть по лепешке. Глаза говорили, что они непрочь съесть десяток таких, а слова вы-ражали другое.

Не стали задерживаться Толя и «Павлик», спешили уйти, им предстоял путь в штаб, затем, после короткого отдыха, в город. По-года говорила за то, что сегодня смогут они выйти туда, принести нам ответ на тревожные мысли. Что с Верой, Люсиными родными, не нащупал ли враг других членов СПО? Мысль, что соседи, если жандармы нагрянут к Люсиным родным, подтвердят, что они не бы-вали в доме отца, давала надежду, что ни мать, ни сестру Люсину не тронут.

Положение Веры очень беспокоило всех. Анатолий, узнав, что сын «сапожника» сидел в машине, в которой приехали жандармы,

дал Вере приказ уходить ей в лес. И Вера должна была уходить вместе с нами, но в последний час ее восьмидесятилетний отец, еле передвигавший ноги, категорически отказался и посылал Веру с сынишкой. Вера, как и я, не могла оставить старика. Решили, что она сразу после нашего ухода уйдет с отцом и сыном в город, и если жандармы нагрянут к ней на квартиру, ее из города Яша и Виктор выведут в лес. Что с ними со всеми, мы до сих пор не знали, и это давало повод к тяжелым думам.

Шурик и Гарик, раздобыв ствол старой винтовки, стали играть в «Костю и Павлика». Шурик, меньший по росту, Павлик – проводник. Ничего, что голодные, зато свободно говорят то, о чем втихомолку думали по-детски в городе. Мы, по словам Шурики, находились в царстве снежной королевы, о которой он знал из прочитанной ему сказки.

Сверкавший снег покрыл пушистой пеленой землю, деревья, шалаши. Нигде не увидишь темнеющих пятен: всюду белое-белое. Намело большие сугробы. Приходилось смотреть, прикрывая глаза рукой. Стоило покинуть шалаш, как режущая боль появлялась в опухших глазах. Из них, как и от дыма, струились обильные слезы. Не знали, что легче: едкий дым или снег, заставлявший нас не смотреть на него. Успокаивали друг друга, что постепенно привыкнем.

Поздно вечером услышали голоса возле шалаша. Вышла туда, вижу очертания фигур людей, лошадей.

– А это, наверное, «Костина» мама, – услышала обращенные к Стефану слова, который находился возле шалаша, и кто-то, обхватив меня, крепко целует. Не могу придти в себя от изумления, слыша слова, обращенные с другой стороны непосредственно ко мне:

– Не узнаете?

– Гриша, – вырвалось у меня и, бросившись к нему, я крепко его расцеловала.

– А я Женя, – раздался женский голос.

И Женя здесь, Женя, которой я столько раз посылала печенье, и которое редко-редко до нее доходило, ребята и Гриша уничтожали его, не оставляя для Жени. Женя, о которой мне много рассказывали Павлик и Толя. Обняла ее, и вошли в шалаш вместе с тем, кто первый расцеловал меня.

– Это Ямпольский, – шепчет Люся при входе.

Так вот это кто. Это и есть Петр Романович, о котором я столько слышала от ребят, о котором говорил мне и «Андрей».

– А где же «Костина» бабушка? – обводя шалаш глазами, спросил П.Р.

Познакомились все. Завязался оживленный разговор. Расспрашивал о Вере Горемыкиной. С исключительной теплотой говорил Ямпольский о «ребятах из СПО», отмечая их стойкость, храбрость горячую любовь к Родине.

– А вы, М.П., слышите теперь бой часов, провожая мальчиков на диверсии? – лукаво улыбаясь, спросил он меня.

Я оторопела: откуда ему известно, ведь я не говорила об этом Толе. Рассмеявшись, поправила его, что теперь если и буду провожать мальчиков на боевые дела, то при всем желании не смогу слышать часов, ведь в шалаше таковых не имеется.

П.Р. обещал с установлением погоды прислать сани, добавив, что с ними не получится так, как с продуктами, бросив взгляд на Гришу, который успел мне шепнуть, что П.Р. «здорово его распустил» за то, что продукты не были отправлены вовремя.

Долго длилась наша беседа в шалаше у костра. П.Р. подтвердил, что «Костя» и «Павлик» ушли, что это последний выход «Кости» в город, что в целях безопасности он не будет показываться туда, где разыскивает его гестапо.

– «Костя» и «Павлик» сумеют прийти незамеченными и 29-го будут снова в лесу. И мы начинаем верить, что «Костя» родился под счастливой звездой, как он неоднократно нам говорил, – смеясь, закончил Ямпольский.

Стали прощаться, час был уже поздний. Гриша обещал привезти Шурке компас для наглядной его роли проводника в игре в «Костю» и «Павлика». Взялись починить ему сапоги, которые дедушка так удачно сжег на первом же лесном костре. Шурка оставался без обуви все эти дни, одевая то мои сапоги, то другие.

28 марта

Опять метет снег, опять разъедает дым глаза.

«Лучше голод», – говорили мы, и тут же возражали своим словам: хорошо говорить, когда съели по две картошки и целой лепешке, правда, тонкой, но все же лепешке.

Сейчас хорошо с продуктами: есть мука, мясо, картофель, кукуруза. Кроме того, что было доставлено 26-го, вчера Гриша и Жена привезли еще. На 10 человек, что у нас в шалаше, и при том продовольственном режиме, что царит, хватит на продолжительный срок. Ежедневно из своей порции лепешек оставляла часть, чтобы в промежутках между утренней и вечерней едой давать по кусочку деду, бабушке и Шурке.

Заходили иногда в шалаш погреться проходившие по дороге партизаны. Пока был табак, без их слов давали им закурить, сознавая, как дорого курево в такую погоду для курящих людей. Сверх всякого ожидания получила записку от Васи Бабия, переданную Люсе партизаном, от которого Вася узнал, что последний пойдет по нашей дороге.

— А нет у вас женщины, которая была вместо матери в городе хлопцам? — спросил он у Люси, стоявшей возле дороги.

Прочитала и увидела внизу: Ваш Вася Б. Теплом повеяло от Вазиных слов, вспоминали меня ребята.

Перед вечером слышали шум голосов и шагов возле шалаша на дороге. Вышли и увидели группу восточного типа людей в шинелях, с ними несколько вооруженных партизан. Что-то неуловимо странное было во взгляде некоторых из этих людей.

«Волчий взгляд», — подумала я, уловив недобрый взгляд одного из них, брошенный в нашу сторону.

Такого же мнения были и все, кто стоял возле дороги.

Сегодня получили из гражданского лагеря от тех, кто уходил от нас 14 марта, привет с сообщением, что нас там ждут, готовят шалаш.

30 марта

Вот мы и встретились снова с теми, кто уходил 14 марта в лес, кто шел вместе с нами.

Вчера около десяти часов утра подъехали сани. Усадили бабушку и детей, тронулись в путь.

Радость, что не будем находиться больше одни наотлете, что нет-нет да и внушало тревогу, омрачалась сознанием, что оттянется приход Анатолия и «Павлика» к нам, если им суждено будет благополучно вернуться из города. По дороге, конечно, устали, но разве можно сравнить эту усталость с той, что испытали 23 марта. Добра-

лись без приключений, если не считать, что вмиг бабушка очутилась с половиной саней на дороге, а другая половина с Шуркой продолжала свой путь. Шурка, как и мы, растерянно смотрел на оторванную часть саней. Быстро починили, и путь продолжался. Навстречу нам вышел Д., который помог бабушке одолеть крутой подъем.

Повторилась та же картина, что и при приходе всех нас 23-го в отряд, где Толя и «Павлик» расстались с нами.

После безлюдья, в котором мы находились последние дни, гражданский лагерь мог казаться нам городом, тем более, что всюду виднелись знакомые лица. Из разбросанных в беспорядке шалашей выходили люди, здоровались с нами, расспрашивали. Кто предлагал умыться теплой водой, кто — снять скорей мокрую обувь, кто торопил скорее садиться обедать. Бабушка при виде тех, кто уходил из их дома, всплакнула: вид этих людей напомнил ей дом. Поместили нас в шалаш агрономов, с нами стало в нем 13 человек.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде, — вятским говорком шутила Маруся, у которой жил Вася Б. перед уходом в лес.

Вечером, сидя на нарах, при свете пламени «бандуры» как окрестили мы бочку из-под бензина, заменявшую печь, мы рассказывали о нашей жизни в лесу, когда оставались одни. В ответ на наши слова о людях с волчьим взглядом мы услышали, что это «добровольцы», посланные врагом под видом сдавшихся партизанам добровольно.

Разговор перешел на те дни, когда обитатели шалаша вот также, все вместе, сидели вечером у деда «на праздновании 45-летней совместной жизни стариков». Но разве можно сравнить состояние нас всех тогда и теперь. Тогда ни на секунду не оставляла мысль, что в любую минуту может разразиться удар, здесь все тяжести шалашной жизни окутаны сознанием, что никакая опасность не может грозить нам, не было мыслей даже о прочесе леса. Сознание безопасности омрачалось лишь мыслями о Толе и «Павлике». Нет-нет, и мелькало в голове: вернулись ли благополучно с оставшимися в городе?

31 марта

Мальчиков нет. Была надежда, что усталость, дальность расстояния от штаба до гражданского лагеря могла являться причиной того, что они не приходили сюда, а теперь эта надежда пропала: под вечер прибыл связной из штаба, через которого Д. узнал, что «Кости» в штабе нет.

И без его слов было ясно, что мальчиков нет, иначе Анатолий прислал бы записку: он знал отлично, как должно волновать всех отсутствие их.

1 апреля

Если можно было бы зарисовать на бумаге сегодняшний день в виде диаграммы, он выглядел бы так: день ясный, солнечный был бы покрыт густой черной краской, а наступившие сумерки озарялись бы лучами яркого, неудержимо лившего тепло солнца.

Всю ночь провела я без сна, находясь во власти мучительных мыслей о мальчиках. Утро усилило тревогу о них: тревога, ясно сквозившая у всех на лице, не могла служить успокаивающим звеном, она вселяла уверенность, что не только ты как мать тревожно настроена, а что в таком состоянии все, знавшие «Костю» и «Павлика».

С утра написала записку Ямпольскому с просьбой сообщить, что слышно о «Косте» и «Павлике», не скрывая от меня правды, лишь бы она не дошла до стариков. Записку взялся доставить связной, что находился с вечера в лагере.

— М. вернулся из города, он и его товарищи у коменданта, — сообщила мне Люся и направилась в соседний шалаш. Я тихо направилась к шалашу коменданта, возле которого стояли люди, в том числе и М., который помог бабушке при переходе через речку 23 марта, который знал Анатолия.

М. и другой с ним оказавшийся Л.И. направились вниз, навстречу им поднялась я. Они знали меня, но по тому, как они медленно подходили ко мне, видно было, что им не хотелось встретить меня, что несут они недобрые вести.

— Что слышно о «Косте»? — сразу спросила я М.

— Ничего, — поспешно в один голос ответили оба, отводя глаза в сторону и стараясь не смотреть на меня.

Их ответ, поведение утвердило мое предположение, появившееся при виде их, подходивших ко мне.

— Я прошу сказать правду. Я могу смотреть правде в глаза, какой бы она ни была. Возможно, другой матери вы не должны говорить, а мне вы обязаны сказать, что слышно о «Косте».

Подошедшая Люся, услышав мои слова, добавила:

— Петя, ты можешь сказать М.П., даже если есть что плохое. Она сможет держаться, и она знает о работе Толи.

— Толик схвачен гестапо...

В первый миг слова не дошли до сознания, я смотрела на них широко открытыми глазами. Лишь после того, как я повторила вслух услышанные слова и увидела, как бы впервые, лица М. и Л., я поняла, что случилось.

Толик схвачен гестапо...

То, что Петя назвал его не «Костя», а так, как звал его в детстве, возможно, послужило толчком к тому, что вмиг в памяти встал не теперешний «Костя», а именно Толик, каким я повела его в первый класс: челка, белый матросский костюм, короткие штанишки, белые носочки, сандалии. Он неотвязно вставал таким перед глазами.

В первую минуту слова не выходили наружу.

Прислонившись к дереву, я мысленно шептала одни и те же слова: «крошка моя...». Наконец они шепотом прорвались наружу. Слез, приносящих облегчение, не было, только скупые слезинки скатились из глаз, смотревших с тоской на Петю и Леню и подошедшего к нам третьего их товарища.

— Как хотелось бы, чтобы ты выжил... — прошептала я, продолжая по-прежнему смотреть на них и видя перед глазами своего мальчика таким, каким он встал перед моими глазами при чудовищном известии.

— И нам всем хотелось, чтобы Толик был жив, — с тоской в голосе, в глазах говорил Леня.

Мысли зашевелились, мелькал где-то вдали Толик последних лет, но первоначальный образ вытеснял другие. Когда поняла со всей ясностью, со всем ужасом, что произошло, нервная дрожь схватила меня всю целиком. Какие же пытки придется ему вынести от врага, которому наш побег раскрыл настоящее лицо Анатолия, доказательства теперь у врага налицо. И я молила бога, судьбу о смерти своего единственного ребенка, лишь бы он нашел способ умереть ему самому, без пыток, которые он, может быть, уже терпел.

— Не отчаивайтесь, М.П., может, удастся Толику спастись, может, сведения неверные, — говорили Петя и Леня, видя мою немую тоску.

Что могло его спасти, как сведения могут оказаться неверными, если он должен прийти 29-го, а сегодня уже 1-е, а их все нет и нет?

Попросила я М. скорей уйти из лагеря, чтобы не встретили его бабушка и дедушка, не стали бы спрашивать о Толе и по виду его не догадались бы о случившемся.

Оставшись с Люсей, я острее почувствовала, что произошло: вот мы с ней стоим здесь, а он там, в застенках, его уже не увидим мы больше.

— Ты понимаешь, что случилось? — шептала я, прислонившись к дереву, возле которого все время стояли.

— О, Маруся, — стоном вырвалось у нее, и слезы полились у обеих.

Говорить мы с ней не могли, слова не выходили наружу, да их и не могло быть: мысли не рождались в голове, стоял только ужас того, что случилось.

Сколько стояли мы с нею, объятые горем неизмеримым, прижавшись к стволу высокого дерева, не знаю.

— Я не могу идти в шалаш, не выдержу взгляда стариков, а обманывать их сейчас не хватит сил у меня. От них надо скрыть, — говорила я Люсе, когда поняла, что не в состоянии вернуться в шалаш, где меня сразу же встретят словами: не слышно ли о Толе. Хватит ли силы лгать, о ком спрашивают, кто постоянно живет в их сердцах наравне с твоим?

Люся принесла ведра, и мы пошли вниз. Поднимаясь обратно, увидели спускавшихся к нам М., Лёню, которые по дороге увидели нас и вернулись помочь внести ведра на гору.

— Лёня, скажи, родной, как услышали вы об этом?

— 27-го рано утром, когда пришли в город, нам сказали, что несколько дней назад схвачен Толик Косухин.

— А другого называли или сказали только о нём?

— Только о нём.

Завертели мысли, уцепились за одну, давшую толчок к другим...

Однообразие лесной жизни, последнее известие, заслонившее собой всё, перепутало числа, дни: я не могла уточнить, когда ушли Толик и «Павлик».

— Когда ушли они в город, 24-го? Нет. 25-го, 26-го? Когда? — лихорадочно спрашивала я Люсю, пытаясь уяснить, когда же Толя попал в город.

Общими усилиями припомнили, что вышли они в город 26-го, следовательно, только рано утром 27-го могли попасть туда. Они шли вдвоем вместе, как могло случиться, что схвачен один и не назвали другого? Вспыхнула надежда.

— Родные... Ведь Толя ушел в город, а вам 27-го сказали, что несколько дней как он схвачен... — порывисто говорила я, уцепившись за промелькнувшую мысль.

Но почему их нет до сих пор?

Вернулись с водой в шалаш. Молчала, но старики, как и другие обитатели шалаша, не знавшие последнего сообщения, понимали, что отсутствие Толи тревожит меня.

— Маруся, понимаешь, не чует мое сердце плохого, нет предчувствия, что с ним случилось беда, — говорила бабушка, думая, что меня тревожат мысли, что были вчера, позавчера.

— Мама, а если даже случится несчастье, что же делать. На фронте гибнут миллионы людей. Толя на таком же фронте и может погибнуть любую минуту. Будем, конечно, надеяться на лучшее, но если погибнет, то что делать, — отвечала я ей, стараясь говорить спокойно, но голос выдавал мои муки. Смотреть в глаза матери я не могла и говорила, опустив голову вниз, перебирая что-то в мешке.

Шалаш всех давил. Д. старался не заходить в него, у некоторых мелькала предательская слеза, которую они спешили спрятать. И только 14-летняя Катюша не пыталась скрыть своих слез, которые временами появлялись у ней.

В соседнем шалаше та же картина.

— Е.А. очень убивается, что до сих пор нет «Павлика», — услышала я от К.Л.

Ее слова прозвучали для меня укором. В горе своем я забыла, что рядом другая мать так же тревожиться о сыне, хотя она счастливее меня, она не знала того, что пришлось мне услышать.

Пошла к ней. Говорила слова надежды, что, вероятно, погода задержала мальчиков в городе, возможно, собирают людей, которых необходимо вывести в лес.

— Идут, идут!.. — услышали радостный возглас С.Л.

Вскочила, сердце молотом бьется в груди, смотрю на дорогу, но мальчиков нет. Где же они? Вижу фигуры девочек-подростков, а больше никого.

— Да не мальчики, а девочки идут, которых ждем уже несколько часов, — пояснила С.Л., видя нетерпение, с каким смотрели мы на дорогу.

Резкий переход от радостного волнения к прежним мыслям был настолько тяжелым, что нервы не выдержали, и я, упав головой на колени матери «Павлика», разразилась молчаливыми слезами. Теперь она утешала меня.

Так и сидели мы, прижавшись друг к другу, в тоске о сыновьях. Но одна из нас знала, что произошло то страшное, о чём другая лишь предполагала.

Вечер... Уже стемнело. Все сидели в шалаше, где не было того оживления, что было первые дни. Даже Шура и Вова, что провёл длинную ночь во рву, не затевали обычные ссоры.

Раздались шаги лошади, слышим, кто-то спросил меня по фамилии. Записка из штаба. Что несет она нам? Какой ответ написал мне Ямпольский? Хватит ли силы скрыть от стариков — роem проносятся мысли. Прыгающими руками развернула небольшой бумажный квадрат:

— Мама, я жив и здоров. Из города вернулся сегодня. С Верой все в порядке...

Запрыгало всё перед глазами, смотрела на всех непонимающими глазами.

— Мама, кто пишет?

— Ну, Толя, наш Толя, — прочитав записку, произнесла бабушка, и слезы радости тихо струились по ее морщинистому лицу.

Криком вырвались у меня слова:

— Ведь мне сказали, будто он арестован? — после чего я дала волю слезам, упав матери на колени.

— Успокойся... ну, успокойся, все прошло, — глядя меня по голове, как в детстве, уговаривала меня мать.

Прошел бурный момент, тихая радость охватила всех. Вновь перечитала записку: «Мама, я жив и здоров. Из города вернулся сегодня. С Верой все в порядке. Приду, когда немного отдохну. Скажи родным "Павлика". Привет от Шуры. Толя».

— Завтра проведём генеральную уборку, будем ждать Толю в гости, — с сияющим лицом заговорила Катюша, когда прочитала записку.

5 апреля

Заболел дедушка. По всем признакам — воспаление легких, но без врача трудно установить диагноз. Первое время он слышать не хотел об отправке на большую землю, а теперь сам просил, чтобы его отправили первым самолетом. Сильно осунулся старик за последние дни: болезнь, известие из города, что немцы вместе со своими «фру» выносят вещи из наших домов, — всё это сказалось на нем.

— Пчёл жаль, — вздыхал он, когда услышал, что были попытки разграбить ульи. Но пчёлы так искушали одного из фрицев, что его отправили в больницу.

И вот тут бабушка, которая не раз вспоминала с тоской дом, горюя, что все пропало, убедительным тоном уговаривала деда, что жалеть не о чем.

— Главное, живы остались. Нам с тобой не много надо. Бог даст, Сережа живым вернётся, опять наживем, что надо. Не горюй, дед, поправляйся скорей, а то скоро домой возвращаться. А ты расхворался.

Мысль, что скоро вернёмся домой, была у всех. Она с каждым днем крепла всё больше и больше, её укрепляли сводки Совинформбюро, что стали доходить и до гражданского лагеря.

Все эти дни лагерь жил обычной жизнью, которая мирно текла по установленному порядку. С утра все знали свои обязанности на день: кто отправлялся на поиски продуктов, оставленных на месте прежних гражданских лагерей, кто был разводящим, кто караульным. Каждое утро повторялось одно и то же: ночной разводящий сдавал дежурство дневному, который всех ставил в известность о предстоящей работе на день. Внутри шалашей царил коллективный труд: кто носил воду, кто искал сухие дрова, кто молот кукурузу, готовил еду, пек лепешки.

С лепешками было уже больше, чем хорошо. Недалеко от лагеря обнаружили забазированную пшеницу в большом количестве. Правда, дух от нее был таков, что стоять возле нее было трудновато, но голод — не тетка. Приноровились пшеницу промывать в решете, молотить на мясорубке и печь прекрасные лепешки, которые даже отдавали запахом голландского сыра. Иногда приходилось по 5–6 лепешек на человека. Стало проще их печь, когда заменили сковороду «бандурой». Горячую печь обкладывали лепешками, что и ускорило процесс печения, и наша «бандура» переименовалась в «коломби-

ну». С кухонной утварью было неплохо, ее приносили с походов за продуктами. Говорили, что там есть и швейные машинки, велосипеды, всевозможная домашняя утварь. Иногда попадала литература, тогда устраивались коллективные читки.

Анатолий и «Павлик» еще не приходили, все ждали их с нетерпением. Из второй, более подробной, записки узнали, что жандармы заходили к соседям, Люсиным родным, после нашего ухода, но что все обошлось благополучно, никого не тронули. Все пришли к заключению, что неполадки моих стариков и Люсиных родных, в результате которых они перешли на другую квартиру и не ходили друг к другу, явились большой помощью для родных Люси.

8 апреля

— Толин приход исцелил меня, — говорил сегодня дедушка после ухода Анатолия обратно в штаб.

Вчера с утра стали поджидать Анатолия и «Павлика». Дедушка вызвался быть караульным на дальнем посту, чтобы встретить внука первым. Катюша бегала поминутно глядеть, не покажутся ли вдали фигуры тех, кто, помимо воли, доставил всем столько волнения. Оба шалаша деятельно готовились к встрече ребят. Комендант выдал лишнюю порцию мяса, и каждый шалаш стремился угостить хорошим обедом обоих. Обед 7 апреля служил предметом глубокого обсуждения кухарок, дежуривших в этот день.

Наконец пришли и они, наши долгожданные гости, с ними и Вася Бабий. Поцелуи, расспросы, смех. У бабушки слезы радости. Узнали, что в городе большие аресты. У Люсиной матери повторное воспаление легких (когда мы уходили, она была больна), наши дома заняты немцами. В городе на другой же день распространился слух, что все мы схвачены гестапо. Этот слух, вероятно, и послужил поводом к донесению разведки, что «Костя» арестован.

— Знаешь, приходим с «Павкой» из города, заходим в шалаш, там Луговой с Ямпольским о чем-то громко спорят. Увидели меня и застыли, смотря немигающими глазами... Мне как-то неловко стало. Подумал, что, возможно, в одежде какой-нибудь беспорядок. Окинул себя бегло — ничего. У них оцепенение прошло, П.Р. обнимает, целует меня, Н.Д. стянул с себя сапоги, заставляет их надеть, я даже смутился. Крупный спор, что я слышал, и был вызван сообщени-

ем разведки о моем аресте. Один упрекал другого, зачем разрешили мне идти в город. А что же ты, бедная, передумала, когда узнала об этом... — со скрытым волнением, которое читалось в глазах, закончил он.

— Молила судьбу дать тебе возможность умереть самому без пыток, — тихо ответила я, вспоминая с нервным подергиванием тот день.

— Ну, значит, жить буду долго...

Ночью произошло событие, рассмешившее всех.

Кто-то поспешно подошел к нашему шалашу, открыл дверь:

— «Костя», в лагере появился посторонний человек... Тревога!

Вмиг вскочил Анатолий, схватил автомат, в бушлате как спал, без сапог, в одних носках ринулся из шалаша, Вася за ним.

Оказалось, что М., которого из гражданского лагеря перевели в партизанский отряд, пришел к семье, на оклик караульного не ответил. В темноте его не узнали, чем и была вызвана тревога.

Утром Анатолий, «Павлик» и Вася ушли обратно. Я пошла их проводить.

— Мама, вид деда мне не нравится, он здорово сдал, боюсь я за него. Если будет самолет, его лучше отправить на Б.З., — задумчиво говорил Анатолий по дороге.

Вася рвется в город. Теперь в силу создавшегося положения работа будет проходить иначе: оставшиеся в городе будут вести подготовку к диверсиям, затем будет приходиться в город Васина группа.

— Ребята тоже хотят скорей приступить к работе, — рассказывал Вася о своих ребятах, с которыми совершал диверсии в городе.

Проводив их до спуска в горы, я вернулась к тем, кто поджидал меня, предоставив возможность побыть с ребятами наедине. Долго провожали глазами удалявшиеся фигуры, изредка махавшие нам руками.

Когда передала старикам совет Анатолия отправить деда на Б.З., не замедлила получить ответ, который показал, что ни у кого из них нет мысли последовать совету старшего внука.

— Я уже поправился и опять буду стоять на посту. Ведь я ходил туда, когда мне было плохо, а теперь надо вот дрова сухие кухарке готовить...

— Да, зачем отправлять. Я говорила и говорю, что на Пасху мы с

дедом в церковь пойдем. Вот посмотрите, прогонят немцев на Пасху, — убежденно говорила бабушка, высказывавшая эту мысль неоднократно.

Вечером неожиданно приехал Ямпольский. Привез бабушке, матери и сестре «Павлика» «модельные», как он, смеясь, говорил, башмаки. У этой тройки положение с обувью было катастрофическим: остались босыми, и «модельные» были кстати. С ним приехал и командир партизанской бригады Федоренко, который пользовался большой популярностью среди партизан своей храбростью, умением наносить неожиданные удары врагу, о чем узнали от П.Р.

10 апреля

Одесса освобождена.

Значит, немцы мечутся в Крыму, очутившись в полной мышеловке. Все, казалось, помолодели на много лет, когда услышали это сообщение. Забывали о еде, о неизбежных лепешках на «коломбине», хотелось говорить, упиваться словами, повторять их, передавая другому, слышать их вновь.

12 апреля

Лагерь жил необычной жизнью, не было знакомых картин, говорящих об однообразии лагерной жизни. Все возбуждены, поминутно бегая к комендантскому шалашу в надежде услышать еще что-либо новое.

Джанкой освобожден, наши войска гонят врага. Теперь понятны летевшие на Севастополь вражеские самолеты, что мы наблюдали с утра, и которые вселяли тревогу, что будут бомбить нас.

Не верилось, но мелькала мысль о прочесе, о котором с ужасом вспоминали жители лагеря, перенесшие зимний прочес.

— Пусть бомбят, стреляют, но лишь бы не попасть к ним, лучше погибнуть от бомбы, — говорила одна молодая женщина, выглядевшая старухой. Спрятавшись с ребенком, она из своего убежища видела, как изувер сбросил ее отца со скалы во время прочеса...

Говорили, что Симферополь горит.

О, как мы жалели, что не могли видеть отступающего, бегущего в панике врага. Запомнить бы на всю жизнь облик «победоносной» армии, в страхе мечущейся теперь по улицам родного города, где они гордо ходили в ноябре 1941 года и кричали: «Москва капут».

Как хотелось видеть искаженные страхом физиономии тех, кто верил в «непобедимость» германской армии, для которых озверелый враг казался олицетворением «культуры».

— Ничего бы так не хотела, как встретить среди пленных тех, кто приезжал к тебе, я бы узнала тех двух, что первыми пришли, особенно высокого. И подумать только, оставалось три недели всего, и из-за них, проклятых, пришлось идти в такую дорогу, бросить все, — гневно говорила бабушка.

— А что бы ты сделала с ними, бабушка? — задал вопрос Шурик.

— Ну, что. Плонула бы им в глаза, — с сердцем крикнула бабушка.

13 апреля

В лесу стали появляться нежеланные «гости», и это заставляло всех насторожиться. Было похоже на то, что партизаны выступили уже из леса, оставались лишь мы, гражданское население.

Сегодня пришел «сдаваться партизанам» румын. Вначале его приход служил поводом к смеху: «грозный» вояка взят гражданским лагерем, значит, есть и у нас трофеи. Затем посмотрели вперед: в лесу будут искать пристанище, укрытие те, кто не может честным открытым взором встретить нашу армию-освободительницу, будут стремиться укрыться в лесу особенно теперь, когда узнают, что партизаны вышли из леса. Сюда же могут попасть и отряды врага, судорожно хватаясь за короткую оттяжку времени перед тем, что их ждет. Что могли сделать мы, невооруженные люди? Да если бы и было оружие, много ли найдется среди нас владеющих им? Сегодня впервые за все время пребывания в лесу, особенно после прихода румына, мы почувствовали тревогу. Усилили караульную службу. Ложились спать со смутной тревогой и вопросом, что принесет нам завтра.

14 апреля

Утро. Ночь прошла спокойно. Я была назначена дневной разводящей. Посты были все на местах. Люся стояла на верхнем посту, т.е. вверху на горе, откуда далеко открывался вид вперед. Стефан пошел собирать сухие сучья. Точных сведений пока не было, но все уверенно говорили, что Симферополь освобожден. Ждали подтверждения и приказа о выходе в город. Все были готовы выступить в любую ми-

нуту. Смотрим, о ужас, Люся стремглав несется с горы: показались фигуры немцев. Ее сообщение передали коменданту, а она также поспешно убежала на свой пост. Ждали выяснения тревоги. Направилась я к дороге. Из-за верхнего шалаша показалось сияющее лицо В., шапка съехала набок, глаза, их сравнить ни с чем невозможно...

— Приказ... идем домой, — отрывисто, радость не давала юноше возможности выговорить эти слова сразу, бросил он мне.

Молниеносно вся полянка, на которой группировались шалаша среди голых деревьев, покрылась людьми. Кто-то побегал в нижний лагерь, скорей сообщить лелеянную два с половиной года мечту, превратившуюся в действительность.

Все спешили к палатке коменданта, по дороге поздравляя тех, кому не успели сказать лично: каждый хотел радостную весть передать другому, хотя этот другой уже слышал ее не от одного товарища.

Лес разделял нашу радость. Деревья, которых поздняя весна не успела еще одеть зеленью, земля, уже освобожденная от снега, но тоже еще не успевшая покрыться зеленым покровом — все это казалось другим, излучающим тепло, жизнь, готовую бурным потоком войти в свои права, и все это вместе с собирающимися в палатке людьми окружалось сиянием лучей, в изобилии посылаемых весенним солнцем.

Митинг... Многие не в силах сдержать обуреваемые, волнующие чувства торжества, радости, вернувшейся свободы. Слезы бегут из глаз, но их никто не чувствует.

«Немцы», которые так напугали Люсю, оказались товарищами, которые принесли нам эту незабываемую радостную весть, и которых Володя К. встретил по дороге, после чего и поспешил в лагерь, оставив «немцев» позади.

Митинг окончен. Объявлен приказ: в 10 утра выходим из леса.

Забыты тяжелый путь в лес, пурга, дождь, просачивавшийся сквозь листья, которыми утеплялся наш шалаш и делавший подчас невыносимой жизнь в шалаше. Забыт дым, грозивший оставить без глаз, забыта кукуруза, хруст которой раздавался по вечерам на зубах недоедавших людей. Все видели только шалаш, ставший за короткое время родным, близким, живым. Искорки грусти быстро сменились беспредельным выражением радости: ведь мы идем в Симферополь, в наш Симферополь, освобожденный город.

Шли другой дорогой, не надо было делать большую дугу. Лесом пришлось идти недолго, шли больше открытой степью.

При выходе из леса проводники заметили большую группу людей, спешивших к лесу.

Кто мог стремиться в лес? Те, кого гнала Красная Армия, кто боялся мести народа.

Нам было опасно встретиться с ними: мы имели 1 или 2 винтовки на отряд, который преимущественно состоял из женщин и детей, в лес же спешили, по всей вероятности, вооруженные люди. Из-за этих людей пришлось сделать круг, чтобы подобные встречи не повторялись.

По пути иногда над нами пролетал вражеский самолет, направлявшийся на аэродром, где еще недавно он был хозяином и куда теперь пробирался с опаской.

На полпути нас встретили подводы, посланные городом, на которые посадили больных, стариков и детей, сложили мешки.

Сжались сердца, вмиг у всех, кого могли видеть, лица стали суровыми, замолкли голоса.

«Что сделал враг с городом?» — читался вопрос на лицах у всех.

Проходили деревни, в которых не было ни одной живой души, лишь стояли разрушенные, обгоревшие остовы домов когда-то зажиточных деревень, теперь превратившихся в руины.

Проходили деревни, где имелись целые дома, и из них выходили навстречу нам люди, протягивая хлеб, предлагая напиток. Сумерки застали нас в Мамаке. Предложили переночевать в этой деревне, но все отказались: хотелось скорее попасть в Симферополь, даже название которого теперь звучало иначе, в нем чудилось что-то живое, зовущее, манящее и притягивающее к себе.

Часто приходилось останавливаться, так как дорога была запружена частями Красной Армии, танками, артиллерией. Мы упивались звуками родной речи, слушая выкрики из гущи бойцов, даже ржанье лошадей. Сами лошади нам казались иными, чем мы видели за эти годы. Иногда по команде командира непрерывающийся поток солдат, машин останавливался и давал нам возможность двигаться дальше.

Вот и город... Лишь поравнявшись с 1-й советской больницей, я поняла, где мы идем. Все были окутаны радостным, волнующим туманом, шли мы по улице родного освобожденного города. Бойцы

подходили, расспрашивали, помогали починить соскочившее колесо, советовали скорей добираться до пункта, возможна бомбежка. И как бы в ответ стал доноситься все ближе и ближе ноющий гул. Захлопали зенитки. Моментально очутилась я возле мамы.

— Ничего, мама, теперь уже не страшно, мы уже дома, — говорила я бабушке, веря, что теперь мы не можем погибнуть.

Зенитки замолчали, и мы тронулись к пункту по Фонтанной улице, где должны были нас ожидать, как говорил командир нашего отряда. Возле пединститута опять остановка: в стороне взрывы бомб, звуки зениток и нудный, воющий гул самолета.

Опять все замолкло. Мы на Фонтанной. Куда идти, никто не знал.

— Вас ждали завтра... — слышу я голос, отвечавший кому-то из пришедших из леса.

— Товарищ... — начала было я, — Яша! — вырвался радостный крик, когда в том, к кому обращалась, узнала я Яшу — Яшу, «пчелку трудовую».

— А мы ждали вас завтра. Машины должны были вас встретить.

— Где Толя? Где все? — перебивая его и с бьющимся сердцем ожидая ответа, спросила я Яшу.

— Все живы... Только что был с ними со всеми.

— Мама, дед... Толя жив и мальчики живы, — спешила я сообщить радостную весть старикам.

Встал вопрос, куда разместить людей. Был двенадцатый час ночи, никто из прибывших не знал, где находится штаб.

— Товарищ Лукьянов, я пойду с товарищем сына туда, авось и Анатолия увижу, — предложила я командиру отряда.

Никакие уговоры бабушки не могли меня остановить, мне хотелось видеть Анатолия, с ним разделить радость, которой объаты.

Быстрым шагом, почти бегом, шли Яша, Люся и я в темноте по Фонтанной к штабу, который помещался по Пушкинской улице. Шли по знакомой улице, по груде камней, встречавшихся часто на нашем пути, колочей проволоке, пересекавшей подчас дорогу, — все это подсказывало, что завтра с рассветом перед нами предстанет другая улица, не та, что привыкли видеть до войны. И она ли одна? Что увидим при дневном свете, что сделал враг с нашим городом, какие раны нанес он ему?

Возле улицы Горького услышали гул приближающихся вражеских самолетов. Забили зенитки. Бежать скорей. Взрывы бомб... Зенитки... Возле Крымгиза сознание накрыло свистом бомбы: вот-вот упадет, и наступит конец.

— Ложитесь на землю... скорей... — крикнул Яша.

Взрыв... В первую минуту не соображаешь ничего от гула в ушах, бомба разорвалась на противоположной стороне, мы усыпаны осколками стекол.

Опять бежали, через каждые 10–15 шагов падая на землю.

В штабе никого не застали. Опять услышали свист, и теперь уже я кричала Яше и стоявшему рядом бойцу:

— Ложитесь!

Но они смеялись в ответ:

— Эта нам не страшна, — услышала я спокойный голос бойца, в то время, когда я ухватилась в страхе за Яшу, впервые переживала такую бомбежку, не подозревая, что предстоит пережить еще более страшную

— Идемте к Луговому. Возможно, Толик у него, — предложил Яша, понимая, что моя дрожь вызвана не только страхом, но и мыслями об Анатолии, неужели погибнет теперь, от бомбежки... Лугового я знала лишь по рассказам Анатолия и ребят. Узнав от него, что Анатолий находился вместе с Захаровым и Овдиенко, которых я видела однажды в лесу, и договорившись с Луговым о размещении на ночь вернувшихся из леса людей, мы с Яшей и Люсей поспешили обратно на Фонтанную.

— Остановитесь, М.П., куда вы пойдете? Морозов сходит туда, — убеждал Луговой вместе с В.М., у которого он жил и которого знала вся наша семья.

Но я теперь рвалась к матери. Что с ней? Что со всеми? В гуле зениток, грохоте разрывов трудно было понять, где падали бомбы.

— Ну, знаете, мы не думали вас всех видеть живыми... Бабушку все уговаривали, что бомбы рвутся в другой стороне. Идите скорей к ней, они все в подвале, — облегченно говорили встретившие нас.

Около 30 человек Яша повел к себе на квартиру. Счастливыми слезами, крепкими поцелуями встретила всех Яшина мать. От волнующей радости, от пережитого только что страха, как во сне доносились слова радости, что кончены муки, дождалась наконец и мы освобождения.

Улеглись первые минуты радостной встречи, овеванной дымкой печали воспоминаний о погибших. Рассказала Яшина мать, как волновались они с Верой, узнав от Яши, что Анатолий и «Павлик» не вышли на встречу с Яшей и Виктором после ухода в лес 22 марта.

— А сколько радости было, когда через день или два, утром, услышав стук в наши ворота, я в подворотне увидела две пары грязных сапог... Сразу догадалась, что это они, а раз они целы, то и вы живы. Радость большая, но много и страха: а вдруг облава, вдруг попадутся ребята. Первый и второй день прошли благополучно, если не считать, что меня обругали соседки несознательной, жадной. В первый же день одна из соседок спросила, кто это к нам приходит? А к нам часто заходили приезжавшие на базар колхозники. Я и назвала мальчиков колхозниками.

— Что привезли?

— Масло, мед... Вот мне немного меду оставили, — говорила я, указывая на стоявшую на столе банку с медом. На беду зашли мальчики. Соседка спросила, почему продают они масло. Слышу, Толя тихо шепчет «Павлику»: «Почем масло на рынке?». Поспешила соседку спросить, нет ли у ней соды, чтобы дать мальчикам сообразить, что ответить. Они назвали низкую цену. Ну и досталось мне от нее: и что я думаю лишь о себе, что забываю соседей. Толя вступился, пояснил расходившейся соседке, что масло они продали дорогой, им нужны были деньги. Перед вечером им надо было уходить по делу, а она опять пришла.

— Тетя Рахиль, мы сходим «осмотрим лошадей», потом в карты будем играть, — говорили мальчики, одеваясь.

Вечером играли в карты, соседи пришли. Одна рассказала, что в городе говорят, будто из какой-то деревни партизаны увели коменданта.

— Хотя бы посмотреть, какие они, партизаны, — закончила она свой рассказ. Мальчики не шевельнулись, не переглянулись, а меня смех душил при мысли, какое лицо стало бы у ней, если бы услыжала, что рядом с ней сидят партизаны.

На третий день я ушла на работу, в доме остались мальчики и дети. Соседка услышала стук в окно другой квартиры. Не знаю уж, догадалась ли она тогда, кто мальчики, или просто понимала, что мужчин надо прятать от жандармов, но она быстро закрыла общую дверь, Толю и «Павлика» заперла в отдельную комнату, спрятав их

в шкаф, а Яшу уложила в кровать, обвязав ему лицо, будто зубы болят. Вскоре жандармы стали стучать в нашу общую дверь и окно. Валюшка начала плакать, соседка прижала ее к себе. Немец постучал-постучал, выругался и ушел. Вскоре услышали вновь стук, но в другое окно из садика. Замерли все, но не выходили, что будет, то будет.

— Да откройте же, — услышали громкий голос. На этот раз кричала Вера в окно.

На другой день около 12 часов Вера убирала посуду со стола. Открылась дверь, и Вера увидела жандарма с автоматом, который направился к ней. Спросил ее фамилию, посмотрел паспорт и вышел в коридор. Мальчики стали одеваться, чтобы скорей уйти со двора, куда зачастили жандармы. Не успели одеться, как открылась вновь дверь, и вошел тот же жандарм. Стал спрашивать, когда вернется соседка Катя. После его ухода Толик и «Павлик», не задерживаясь ни на минуту, ушли на другую квартиру. Вера потом перенесла им их вещи.

Я в это время, как жандармы были во дворе, шла домой. Увидела возле ворот жандарма. Верите, ноги подкосились. Жаром обдало всю: мальчики погибли, погибли мои малыши.

— Где ты живешь? Фамилия? — спросил жандарм. И как раз увидела бежавшего и крикнувшего: «Мама» Тёму. Отпала мысль, что забрали детей, легче стало дышать. Жандарм, услышав мою фамилию и увидев, что у меня есть дети, пропустил меня во двор. Они искали женщину, у которой детей не было, — рассказала нам Яшина мама с лицом, которое яснее слов говорило, что пережили они в тот день.

Последние слова она произнесла, устремив взгляд, сияющий материнским теплом, на спавших троих малышей, словно желая еще раз убедиться, что они с ней.

Много смеялись, когда Яшина мама рассказала, какое удивление прочитали они в глазах Вериного отца, когда тот, проснувшись, в изумлении открыл глаза, увидев только что пришедших Толю и «Павлика». По-прежнему, как и дома, ничего не спросил, не сказал старик, но, наверное, подумал, что никуда ему не уйти от ребят.

От Яшиной мамы и Яши узнали, что наши дома разграблены, но целые, их не взорвали, чего очень боялась бабушка. Последние дни в лесу она не раз говорила о том, что хотя бы стены остались.

С нетерпением ждала я утра, когда увижу Анатолия, а пока слушала Яшу, лежавшего рядом со мной на полу.

...Вышли на явку 21 марта – не встретили. Вкралось подозрение, дошли ли все вы до леса. В тот раз, когда вас проводили, возвращаясь, услышали стрельбу, замелькали мысли, что вы обнаружены. Еле дождались 24-го. На явке ждали часа два – нет Толи и «Павлика». Вернулись обратно, успокаивали себя тем, что большой снег помешал им выйти из леса. 27-го утром Толя и «Павлик» пришли прямо к нам. Принесли много литературы. «Павлик» тогда связан меня с «Онодием». Толя дал указания в дальнейшей работе. Они вернулись в лес, мы должны были с Виктором выйти на явку третьего, но не дошли: глубокий снег, заблудились. Счастье, что были в халатах, иначе могли бы погореть: наскочили на караульных. В следующую явку получили уйму литературы. Вообще, в это время литература распространялась почти ежедневно. От Толи получил указания, что на меня возлагается задача организовать распространение литературы и руководить оставшимися группами, что через меня будет держаться связь между группами и лесом. Через несколько дней встретили на явке Васю: его послали проводить подготовку к диверсии. Он должен был связать меня с ребятами на железной дороге, чтобы я мог там организовать группу. 10-го я и встретился с теми ребятами, 10-го же увидели, что немцы сворачиваются. Искали мотоцикл, чтобы срочно предупредить штаб, но не удалось нигде найти. Указания, что делать группам в случае отступления врага, Толей были даны, и мы срочно выпустили листовку, в которой призывали население спасать город, не дать врагу возможности поджигать здания, вывозить продовольствие. Набирали и печатали ночью у Виктора. Вспоминал, как работали у вас в доме. Хорошо, что Толя меня познакомил с работой типографии – теперь пригодилось. В 5 часов утра листовки были уже распространены. Наблюдали на улице Субхи, что люди стояли группками и читали листовку вслух. 12-го, выполняя указания Толи, дал приказ по группам собраться вечером за Красной Горкой с оружием, куда придет и Толя со всеми ребятами. «Онодий» достал две немецкие формы. Я, Виктор и Вася в немецкой форме пошли в немецкий лазарет, откуда уже всех эвакуировали. Набрали винтовок, гранат, переправили все это на Красную Горку. К 7 часам собрались все во рву. «Онодия» не было – ему было дано задание следить за

зданиями его района, особенно за 13-й школой. Разбились на 3 группы. Одна во главе с Васей пошла на Севастопольское шоссе, другая на мельницу, где надо было спасти 70 т муки, что и удалось. Третья группа – на разминирование мостов и зданий. Захватив немецкую машину, поехали за ребятами. 13-го утром от тети Веры пошли уже в немецкой форме. Я с Виктором заводил машину, смотрю – наши танки. Бросили мы с ним машину и форму, бежали навстречу им... Красота, Мария Павловна, – расплываясь в широкой улыбке, говорил неторопливо Яша, не отличавшийся красноречием, но за скупыми словами которого всегда скрывалось глубокое чувство.

Полежав минут 5 без слов, с лицом, с которого не сходила счастливая улыбка, Яша сладко зевнул и моментально уснул.

Не стала тревожить его, пусть поспит радостным сном, я и без слов понимала, чем они были полны эти дни.

Не видя еще Анатолия, я через Яшу ощущала его близость. Все они, кто были вместе эти годы, стали родными и близкими. Завтра увижу Петю Б., Вову Е., Толю Б., о которых много говорили ребята, но которых я ни разу не видела.

15 апреля

Настало для нас первое утро в освобожденном городе. Все находились в радостно-возбужденном состоянии, принялись приводить себя в порядок, каждому хотелось придать своей одежде праздничный вид. Постепенно стали все расходиться. Осталась наша семья и еще несколько человек.

Вскоре пришел Анатолий. В первую минуту я не узнала его: в полумраке темной прихожей, в пилотке, в чужом незнакомом костюме... И глаза... Только мать могла подметить с первого взгляда что-то неуловимое, делавшее его глаза далекими. Глаза Анатолия лучше слов всегда выражали его состояние. Сегодня не то, сегодня они молчали, не отражали того, что он говорил, чем было полно его существо.

– Болит голова, – ответил он на мои слова о его странных глазах.

– Мама, а не лучше бабушке пока не ходить домой? Пусть побудут у Яши немного. Дома голые стены... Даже мне стало не по себе, когда ночью с ребятами зашли мы туда... Ты подготовь ее постепенно, – шептал мне Анатолий, стремясь, чтобы бабушка не услышала его шепота.

— Она, сынок, знает уже все и ни за что не останется здесь, давно бы ушла, да тебя поджидала. Рвется домой, к тому же завтра у ней Пасха. Она со слезами благодарила Яшину маму, что та приготовила ей две маленьких пасхи и несколько крашенных яиц. Оказывается, все это должен был принести Яша вам на явку для бабушки.

Пришел «Павлик», пьяный от радости, что опять мы все вместе, что то, чем жили эти годы, стало явью, не сном, не мечтами. И он беспокоился, как бабушка войдет в дом, выдержит ли она картину опустошения там, где еще недавно было все так, как привыкла она за свою жизнь.

Они ушли, а вслед за ним пришла Вера, «человек большого сердца», как звали ее ребята, я и все, кто знал Веру близко. Скупая на слезы, Вера не смогла скрыть выступивших слез радости, здороваясь с нами.

Бабушке не терпелось попасть скорей домой, и мы, поблагодарив Яшину маму за помощь, оказанную «Павлику» с Толей в дни пребывания их в городе, за теплый прием, каким она встретила всех, кого привел Яша вчера к ним на квартиру, направились к себе на Красную Горку.

Летали вражеские самолеты, били зенитки, окутывая страхом, что можем погибнуть теперь, когда свободно шли по улицам города, где совсем недавно ходили с опаской, стараясь избегать взгляда чужих, ненавистных глаз, словно боясь, что они на лице прочитают затаенные мысли.

Шли городским садом, где не была с весны 41 года. Что же сделали варвары с нашим уютным садом, манящим, бывало, любого в тенистые аллеи отдохнуть от палящего зноя на располагающих к отдыху скамьях, густо расставленных повсюду. Где красавицы ели? Где скамьи, эстрада, киоски? Ничего уже нет. Картины такого сада навевают тихую грусть, быстро уходящую. Куда ни кидали мы взоры, всюду встречали следы жестокого разрушения, стремления уничтожить все живое, искромсать, изувечить.

Феодосийская улица... Здесь, что ни шаг, следы хозяйничанья захватчиков: разрушенные здания, выбитые стекла в домах. По дороге валялись бочки с бензином, как видно, приготовленные врагом для определенных целей, но не использованные им ввиду стремительного бегства перед настигающей их расправой.

Вот мы и дома. Пусть голые стены встретили нас, пепел во дворе стариков, груда битой посуды у меня во дворе, всюду следы опустошения — но я счастлива. И счастье во всем, что видели глаза, излучающие неисчерпаемую радость: в покрытых молодой зеленью кустах сирени, в залитом солнцем дворе, по дорожкам которого не будем ходить, напряженно всматриваясь вдоль сада и прислушиваясь в сторону калитки на Дорожную улицу, в раскрытых настежь окнах, через которые вливается в дом весенний воздух, стремясь поскорей выветрить малейший намек на пребывание там тех, о ком долгие годы будем вспоминать с содроганием.

В опьяняющей радости ходила я взад и вперед, то к старикам, то к себе. Приходили знакомые, узнав о нашем возвращении домой, поздравляли с освобождением, сочувствовали, что остались мы разоренными. Во мне же все пело: мы живы, мы дома, врага уже нет... Жалела лишь книги. Отец с детства привил нам любовь к книге. Занимавшийся самообразованием, он много выписывал различной литературы. Подросли мы, дети, он из скудной зарплаты уделял всегда сумму на приобретение книг для нас. Со временем у меня проявилась эта черта, и я собрала неплохую библиотеку. Вот потерю ее, да шкатулки, в которой хранились детские Толины вещи, одна-две его первых игрушки, некоторые записки из детской жизни его, мне было тяжело сознавать.

— Вам не повезло. На нашей улице уходили в лес Л., от них я и узнал, что вы тоже вернулись: там сохранилось всё, как было оставлено, — говорил деду его знакомый.

Не повезло. Нет, мы живы, мы дома — это ли не счастье! Мы не видим тех, кто мечтал сделать всех нас рабами. Мы свободны! Нам не нужно прятать своих мыслей — мы свободны!

23 апреля

— Рассудок спасен, — прозвучали слова врача.

И в них торжество сдержанной победы жизни над смертью.

Рассудок спасен, и с ним возвращалась жизнь к Анатолию. Жизнь, которую пыталась в течении этих жутких дней отнять беспощадная смерть, отступившая перед всепобеждающим натиском жизни.

О, эти дни!

Дни, когда отчаяние сменялось надеждой, вслед за которой опять приходили непостижимые минуты его. В эти дни я видела неподдельное горе, тоску в глазах юношей, любовь, перемежающуюся с бессильным возмущением перед случившимся, в глазах более старших.

— Ой, мама, умру, не выдержу боли, — говорил 16-го днем Анатолий, вцепившись обеими руками в волосы, словно желая вырвать невыносимую боль, делавшую его глаза безумными, чужими. В них мелькало то, неуловимое, что подметила я утром 16-го. Значит, не обмануло сердце матери, подсказавшее при первом же взгляде на сына смутную тревогу, что другими рассматривалось чрезмерным беспокойством.

И в результате — эти ужасные дни... Страшная болезнь, дающая минимальный процент выздоровления, кралась к нему. Она была в нем, когда он 15-го коротко бросил: «Болит голова». Она стремилась уничтожить того, кому удалось неоднократно избежать смертельной опасности.

5 суток возле постели Анатолия, находившегося без памяти, шла мертвая схватка между никого не щадящей смертью и жизнью, поддерживаемой неугасаемой верой, что должен жить «Костя».

— Доктор, не скрывайте от меня истины, — с мольбой говорила я 17 апреля врачу Авчуковой В.С. после осмотра лежавшего без памяти Анатолия.

— Менингит...

Нечто большее, чем мольба матери, прочла она в глазах, устремленных на нее в немой тоске, в застывшем лице, если без лишних слов, без оговорок произнесла жуткое слово.

Менингит... Откуда продиралась жестокая болезнь? Результат ли простуды, инфекции, или не выдержала юная голова того, что пришлось передумать ей в эти кошмарные годы?

— Будет ли жив, пока трудно сказать. Будем надеяться, что это не туберкулезная форма, — огнем отпечатались дальше слова врача, произносимые не бесстрастным холодным голосом, а проникающими в душу, призывающими к выдержке.

Да, и я буду твердо держаться, какой бы цены это не стоило, буду верить, что сила материнской любви вновь поможет вырвать его от смерти, что за перенесенные ранее муки матери судьба сжалится надо мной и не отнимет его у меня.

О, эти дни... жуткие дни...

15-го он пришел поздно домой, когда уже не ждали его. Пришел уставший, но радостно-возбужденный тем, что видел и слышал повсюду.

И опять, как прежде, при свете копилки тихо лилась наша беседа, будто не было страшных дней 20-го марта, 1-го апреля, не видела, что лежала в пустой совершенно квартире: вставали перед глазами картины того, о чем говорил Анатолий, что происходило в последние дни.

—...Я сидел в шалаше, слушал радиопередачу... Бригада ушла на аэродром встречать Северского... Вдруг слышу приказ о прорыве Перекопа и Сиваша. Кричу, не помня себя от радости, что я услышал. Выбежали все из шалашей... В эту же ночь с «Павликом» вышли на явку к Яше и Виктору. Дал указание собрать ребят, договорились встретиться на следующий день — думал со всеми ребятами выйти из леса. Командование не разрешило, так как намечался план совместных действий, должны были выступить все вместе. На следующей явке ребята сообщили, что в городе заметно оживление среди противника. Послал с Яшей приказ по группам, что делать на случай отступления врага... Вася уже в это время был в городе, отправлен был проводить подготовку к намеченной диверсии. Договорились опять встретиться на следующий день. Вышли вчетвером: я, «Павлик», Петя и Вова. Могло случиться, что срочно надо будет выслать в город кого-либо из них Васе на помощь. Хорошо, что поступили именно так. Разведка донесла, что город горит, группы просят подмогу. Срочно послал Вову к Ямпольскому с донесением и просьбой собрать и подготовить к моему возвращению ребят к выходу в город. Яша дал указание собраться всем группам вечером на другой день во рву, куда мы выйдем с ребятами. Петя ушел с ними в город. Вернулись с явки в 12 ч. дня, — ребята все были готовы к выходу, я ведь просил об этом П.Р. Не стали ни отдыхать, ни есть — скорей в обратный путь. Устали я, «Павлик» и Вова очень, но никто об этом не говорил, не думал. Нам дали минера, который помог бы нам в разминировании объектов. По дороге в шалаше нашли несколько сухарей, подкрепились, вернее, заморили червячка чуть-чуть... Все эти дни проходили без сна. Мы спали на ходу с открытыми глазами. Подходим к деревне, в которой по донесению разведки имел-

ся вооруженный противник. Нет силы бороться с охватившим нас сном... Кое-как сознание уцепилось за мысль, что опасность грозит. Последним усилием стряхнули с себя состояние, какого никогда в жизни не испытывал, заработала мысль...

Во рву на машине встретили нас ребята. Доложили о положении в городе, о проделанной работе. Направились к Вере. Вера была первым человеком в городе, кто увидел первого нашего бойца-минера Ваню. Она привыкла видеть нас в штатском или в немецкой форме — и вдруг один из нас в форме бойца, да еще с погонами.

— Ты, дочка, счастливая, тебе суждено было увидеть первой красноармейца, пришедшего освобождать нас от злыдней, — говорил Верин отец.

Утром направились в город, а в 11 ч. 20 минут встретились с передовыми частями Красной Армии. Около 3 часов, на углу Пушкинской и Советской, с проходившей машины я услышал радостный возглас: «Костя!». Вмиг очутился в объятиях Лугового, Ямпольского.

Жаль, что вам не удалось видеть незабываемых минут встречи партизан с частями Красной Армии и населением. Жители бежали на мостовую, обнимали, плакали, зазывали в доме отдохнуть, помыться. Окна стояли все настежь, оттуда неслись потоки приветствий. А что делает радость с людьми: всюду встречали знакомые лица, которые привыкли в эти годы видеть суровыми, в глазах которых всегда стояло выжидательное выражение, смешанное со страхом, а теперь эти лица стали иными: счастье, понимаешь, мама, счастье исходило от них, — рассказывал мне Анатолий в ту ночь.

Через 30 часов он был уже в беспомыслии.

За час-полтора до приезда Петра Романовича, вопреки уговорам врачей, с лихорадочным блеском в глазах, странной походкой он вышел из дома и начал копать землю в саду, в надежде найти коробку с документами СПО.

Это небольшая металлическая коробка постоянно закапывалась либо в нашем саду, либо у Веры. Вынималась на 5–10 минут в дни работы типографии, чтобы вложить в нее образцы новой листовки, или когда нужно было спрятать какой-либо документ. В последний раз она вынималась в тяжелые дни февраля, когда был арестован Ланский Володя, когда нужно было прятать Зою Жильцову. В лес надо было передать образцы всех выпущенных листовок. В эти же дни очищалась Верина квартира, в целях обычной профилактики

после ареста знавшего ту или иную квартиру. Тогда вынесли всё, что являлось прямой уликой участия Веры в подпольной борьбе: оружие, литературу, немецкую форму. Все эти события затемнили момент последней базировки коробки. Кто закопал — дед или Вера? Где именно закопали, в каком месте? — никто не мог вспомнить, как ни напрягали все память. Возможно, по свежим следам легче удалось бы припомнить тому, кто ее закопал. Теперь же все в бессилии ломали головы и ни за что не могли зацепиться. В больном уже воображении Толи промелькнула мысль, где ее надо искать. Он начал копать, но зашатался, и его отвели в дом. Поиски коробки дедом не увенчались успехом.

5 дней его больной мозг раскрывал тяжелый путь, который пришлось вынести советскому юноше, находившемуся в оккупации, вставшему на путь борьбы с врагом с шестнадцатилетнего возраста.

Теперь, когда знаешь, что миновала опасность, что рассудок спасен, анализируешь период беспомыслия и делишь его на этапы:

1. Ужас и ненависть. 2. Стремление найти связь с партизанами. 3. Путь борьбы. 4. Последние дни оккупации и 5. Торжество освобождения.

С первых минут потери сознания в широко раскрытых безумных глазах стоял ужас, он дико кричал, отталкивал кого-то невидимыми руками, с кем-то боролся. Постепенно ужас переходил в злобную, нечеловеческую в ярой ненависти маску, крики сменялись отдельными судорожными выкриками. Затем наступил самый жуткий период, в котором он находился четверо суток и освободился от него за несколько часов до возвращения первых проблесков сознания.

Четверо суток в строгой последовательности неудержимым потоком лились слова. Врачи, видевшие немало страданий больного, не в силах были сдерживать волнение, слушая слова, раскрывавшие путь, по которому шли комсомольцы в годы борьбы с врагом. Врач-психиатр не скрывал своих слез... А ему ли не приходилось видеть и слышать больных. Всё рассказал, начиная с осени 41 года, кончая весной 44 года, смотря вперед ничего теперь уже не выражавшими глазами.

— Борис... я слушаю сводки... приходи, — слушали мы таинственный шепот.

— Ничего... связь найдем... сами пойдем, Боря... мама... в деревню иди... нет связи... найдем... будет оружие... ребята... под-

тянитесь... мы в город идем... вон группа румын... ее надо окружить... машины сдадим... Красная Армия близко... Сергей... не заставляй меня пить... пусть я мальчик... ну, смейся... что мальчик... «Павлик», скоро маму увижу... — гулко раздавались слова...

И так четверо суток, мучительных суток.

— Будем верить, что «Костя» поправится, вытянет и тут его «счастливая звездочка», — говорил Н.Д. Луговой, склонившись над Анатолием, всматриваясь в осунувшееся лицо, в широко раскрытые глаза, надеясь уловить хотя бы малейшую искорку сознания.

На всю жизнь запечатлелось лицо комиссара Лугового, склонившегося над неумолкавшим ни на секунду Анатолием. Казалось, что болезнь не выдержит силы любви, что струилась от старшего к меньшему, она уступит. Но она цепко держалась, не желая выпустить того, кого ей удалось захватить.

— Лучше смерть, чем на всю жизнь остаться таким без рассудка, — со стоном вырвалось у меня к концу последних суток, когда я вышла к ребятам, бессменно находившимся все эти дни в доме, не в силах сдержать охватившее отчаяние перед неумолимой судьбой, молившая ее об одном, чтобы дала Толе возможность помолчать 5—10 минут, дала бы отдых и без того воспаленному мозгу.

— Анатолий поправится... Вот увидите, М.П., он будет, он должен жить. Не может Толик погибнуть... — с силой, словно бросая вызов притаившейся смерти, громко выкрикнул Вася.

Все, поддаваясь силе, с какой были сказаны эти слова, твердили одно — он поправится, он будет жить.

И жизнь победила!..

Победила жизнь, зовущая творить и работать, отдавая силы на новом послевоенном поприще!

Письмо А.Н. Косухина в ЦК КПСС

Центральный Комитет КПСС.

В период временной оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками / 1941-1944 г.г. / в городе Симферополе действовала комсомольско-молодежная подпольная организация. Организация имела радиоприемник, подпольную типографию, базы диверсионных групп и веда агитационную, разведывательную и диверсионную работу. Деятельность этой подпольной организации широко освещена в послевоенной печати: "В Крымском подполье" И.А. Козлова; "Повесть о молодых подпольщиках" А.П. Куанецова и Н.Н. Панюшкина; "Тайный гарнизон" Н.Н. Мальникова.

После освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, многие члены организации были представлены к правительственным наградам.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 года "О награждении орденами СССР членов подпольных партийных организаций Крымской области" мы, Косухин Анатолий Николаевич, заместитель секретаря подпольного горкома партии, руководитель комсомольско-молодежной подпольной организации и, Бабий Василий Иванович, командир особой диверсионной группы были награждены орденами Ленина.

Мы приносим Центральному Комитету партии нашу глубокую благодарность за столь высокую оценку нашей работы. Вместе с тем мы не можем скрыть огорчения, которое испытываем узнав, что деятельность всех остальных наших товарищей по подполью осталась совершенно не отмеченой.

Вместе со своими товарищами мы были рядом когда печатали и распространяли листовки, вместе участвовали в диверсионных операциях, вместе верили и ждали счастливого часа освобождения родного края от гитлеровских оккупантов.

Как бывшие руководители комсомольско-молодежной подпольной организации, действовавшей в период войны в городе Симферополе, просим Центральный Комитет партии рассмотреть вопрос о награждении участников комсомольского подполья гор. Симферополя.

Приводим краткие сведения о наиболее активных членах комсомольского подполья г. Симферополя.

1. Хохлов Борис Иванович, 1924 года рождения, — комиссар подпольной организации, один из организаторов подпольной типографии, в декабре 1943 года схвачен гестаповцами; погиб; мать Хохлова Б.И. проживает в г. Симферополе, ул. Пушкинская, ; отец погиб в период Великой Отечественной войны.

2. Кусакин Семен Николаевич, 1924 года рождения, один из организаторов комсомольского подполья; первым проник в лес и установил связь с партизанами; по возвращении из леса в результате предательства был схвачен гестаповцами; погиб; родственники проживают в г. Симферополе, ул. Дзюбанова, .

3. Ланский Владлен Владимирович, 1926 года рождения, член комитета организации, командир диверсионной группы; работал в подпольной типографии, участник ряда диверсий; в 1944 году схвачен гестаповцами; погиб; родные неизвестны.

4. Трофименко Лидия Михайловна, 1923 года рождения, член комитета организации, командир агитационно-разведовательной группы; в настоящее время проживает в г. Симферополе, ул. Гагарина, , работает на Гормолзаводе.

5. Морозов Яков Азарович, 1924 года рождения, член Комитета организации, работал в подпольной типографии, ответственный связанной Симферопольского подпольного горкома партии, с ноября 1943 года через каждые пять дней выходил из города на встречу с партизанами в 25-30 км. от города; в период провалов в городской подпольной организации принимал участие в спасении подпольщиков, вывел в лес более 100 подпольщиков, которым арест; руководил действиями против отступающего противника

в период освобождения Симферополя; в настоящее время проживает в г. Симферополе, ул. Самокица, , работает инженером авто-транспортной колонны 2201.

6. Долетов Виктор Стенанович, 1925 года рождения, ответственный связанной подпольного горкома партии; с ноября 1943 года через каждые пять дней выходил на встречу с партизанами; в период провалов вывел в лес более 100 подпольщиков, которым угрожал арест; в течение 2-х месяцев на квартире Долетова была подпольная типография; принимал участие в действиях против отступающего противника; в настоящее время проживает в гор. Симферополе, Днепронетровский переулок, , работает главным врачом областной стоматологической поликлиники.

7. Стацер Элизе Вильгельмович, 1925 года рождения, командир группы связанных, через каждые пять дней с ноября 1943 года выходил из города на встречу с партизанами; в период провалов вывел из города более 100 подпольщиков, которым угрожал арест; работал в подпольной типографии; в настоящее время живет в гор. Днепронетровске, ул. Гагарина, , работает научным сотрудником Днепронетровского госуниверситета.

8. Енджеян Владимир Иванович, 1924 года рождения, член диверсионной группы; участник многих диверсионных операций, в том числе: взрыв склада боеприпасов на территории совхоза "Красный", взрыв водонапорной башни на ст. Симферополь; освобождение советских офицеров из лагеря для военнопленных; налет на немецкую казарму; действовал переодеваясь в немецкую форму; организатор уничтожения немецкой засады; в настоящее время живет в Крымской области, в совхозе "Таврида", работает управляющим совхоза.

9. Алтухов Василий Матвеевич, 1924 года рождения, член диверсионной группы; участник ряда диверсий, в том числе: взрыв склада боеприпасов в совхозе "Красный", освобождение советских офицеров из лагеря для военнопленных, налет на немецкую казарму; действовал переодеваясь в немецкую форму; по заданию организации работал в полиции, снабжал организацию паролем для проведения диверсий в ночное время; в настоящее время живет в городе

Симферополе, ул. Толстого, , работает в Крамвинтресте .

10. Басс Анатолий Акимович, 1924 года рождения; член диверсионной группы; действовал переодеваясь в немецкую форму; участник ряда диверсий, в том числе: взрыв водонапорной башни на ст. Симферополь, взрыв склада боеприпасов, освобождение советских офицеров из лагеря для военнопленных; в настоящее время проживает в г. Алушта, Ленина, , работает в Алуштинской геологической партии.

11. Скиляров Дмитрий Ильич, 1924 года рождения; член диверсионной группы; руководитель ряда диверсий на жел.дор. станции Симферополь, в настоящее время проживает в г. Симферополе, Шелковичный проезд, , работает шофером в Автопарке.

12. Нечипас Иван Федорович, 1924 года рождения; один из организаторов подпольной типографии, при ее создании похитил шрифт из немецкой типографии; в настоящее время живет в гор. Симферополе, ул. Кирова, , работает главным инженером областного управления печати.

13. Еригов Борис Артемович, 1926 года рождения; член диверсионной группы; участник многих диверсий, в том числе: налет на немецкую казарму, уничтожение водонапорной башни на ст. Симферополь, освобождение советских офицеров из лагеря для военнопленных, взрыв склада боеприпасов; в квартире Еригова находилась база особой диверсионной группы; принимал участие в уничтожении засады находившейся в его доме, при этом в перестрелке погибла семья Еригова; Еригов убит под Варшавой.

14. Жильцова Зоя Дмитриевна, 1926 года рождения, член комитета организации, командир диверсионной группы, действовавшей на железнодорожном узле; погибла при уходе в лес в связи с угрозой ареста; родных нет.

15. Рухадзе Зоя Матвеевна, 1916 года рождения, член агитационной группы; схвачена гестаповцами; погибла; после освобождения Симферополя обнаружено изуродованное тело; родные проживают в гор. Симферополе.

16. Долетов Николай Григорьевич, 1923 года рождения; один

из организаторов комсомольского подполья; участвовал в изготовлении радиоприемника; погиб в гестапо в 1942 году; родственники проживают в г. Симферополе, Днепропетровский пер. .

Рос
Косухин Анатолий Николаевич, член КПСС с 1943 года, ректор Тюменского индустриального института. г. Тюмень, ул. Ленина, № , кв. .

18. Мит.
Басий Василий Еванович, член КПСС с 1944 года, старший научный сотрудник Всесоюзного теплотехнического института. г. Москва, ул. Лух Ленинцев, , корп. , кв. .

Приложение 2

Личное дело А.Н. Косухина

Отечественной войны

86
391 - II

Личное дело

Косухина А.Н., руководителем
подпольной комсомольско-молодежной орга-
низации г. Симферополя

Налато 1942.

Окончено 1944.

На 56 листах

П- 156
1
98

156
1
98

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество КОСУХИН Александр Иванович
2. Звание не имеет Должность, член ОКМВ
3. Место рождения г. Симферополь Организация и член подпольной комсомольско-молодежной организации
4. Год рождения 1925 5. Национальность русский 6. Партизанский чл. 1942
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях на территории СССР и Отечества (где, когда) не участвовал
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии не служил
10. С какого времени в партизанском отряде с июля 1943
11. Чем ранее награжден (за какие отличия и когда) не награждался
12. Постоянный домашний адрес представляемого и награждаемого и адрес его семьи г. Симферополь, Травяная, 11.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Руководитель Симферопольской подпольной комсомольской организации, действовавшей с июля 1943 г. по день освобождения Симферополя. Организация состояла из 51 человека, которые все активно работали на освобождение города. За этот период организацией проведена большая политическая и диверсионная работа. Начиная с июля 1943 г. организация регулярно принимала по радио авроры Овинформбюро, печатала в своей подпольной типографии в городе листовки под заголовком "Вести с Родины" и распространяла их по городу и районам Крыма. Таких листовок было выпущено 21 номер, общим тиражом 15.000 экземпляров. Кроме того, организацией распространено свыше 25 тысяч советских листовок и газет, полученных ею из леса, от подпольного областного центра.

Ни радиоприемник, ни типография, ни склады литературы ни разу немцами не были найдены. Большую работу проделала организация и по развешивании устной пропаганды. Организацией проведена большая диверсионная работа. В Симферополе ею было совершено 1 диверсионный акт, в результате которых уничтожено 123 тонны горючего, взорвано 8 штабелей 17 вагонов, артиллерийских, один складские помещения с боеприпасами 12 вагонов, склад с авиационными 12 вагонов, взорван 1 бронетранспортер, один трактор тягач, 1 пулеметчик, подбито и сожжено 20 автомашин и один автобус, сожжено и подбито 41 ж.д. вагона, подорван и сожжен из строя главный бак водонапорной башни ж.д. станции Симферополь, взорваны воздушные компрессоры депо, лопаты трубопровода.

Первая страница наградного листа, кем-то перечеркнутая

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество: Косухин Анатолий Николаевич
2. Звание: не имеет
3. Должность, часть: руководитель подпольной молодёжной организации и член подпольного ГК ВКП(б) города Симферополя
Представляется к: званию Героя Советского Союза
4. Год рождения: 1925
5. Национальность: русский
6. Партийность: член ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда): не участвовал
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне: не имеет
9. С какого времени в Красной армии: не служил
10. С какого времени в партизанском отряде: с июля 1943 года
11. Чем ранее награжден (за какие отличия и когда): не награждался
11. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: г. Симферополь, Трамвайная, 17.

1. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Руководитель Симферопольской подпольной комсомольской организации, действовавшей с июля 1943 года по день освобождения Симферополя. Организация состояла из 51 человека, которые все активно работали.

За этот период организацией проведена большая политическая и диверсионная работа. Начиная с июля 1943 г. организация регулярно принимала по радио сводки Совинформбюро, печатала в своей подпольной типографии в городе листовки под заголовком «Вести с Родины» и распространяла их по городу и районам Крыма. Таких листовок было выпущено 21 номер, общим тиражом в 15000 экземпляров. Кроме того, организацией распространено свыше 25000 советских листовок и газет, полученных ею из леса, от подпольного Областного центра.

Ни радиоприёмник, ни типография, ни склады литературы ни разу немцами не были найдены.

Большую работу проделала организация и по развертыванию устной пропаганды. Организацией проведена большая диверсионная работа. В Симферополе ею было совершено 16 диверсионных актов, в результате которых было уничтожено 133 тонны горючего, взорвано 8 штабелей (17 вагонов), артснарядов, одно складское помещение с боеприпасами (2 вагона), склад с авиабомбами (2 вагона), взорваны 1 бронетранспортер, один трактор тягач (гусеничный). Подбито и сожжено 20 автомашин и 1 автобус, сожжено и подорвано 41 ж.д. вагон, подорван и совершенно выведен из строя главный бак водонапорной башни ж.д. станции Симферополь, взорваны воздушные компрессоры депо, побиты трубопроводы и водонасосные машины водокачки. В результате эти объекты ж.д. станции и депо выводились из строя несколько раз и не работали по 4 суток.

Сожжены динамо и мотор на авторемонтном заводе. Электросварочный агрегат выведен из строя.

Заминирован на симферопольском аэродроме и взорвался в воздухе самолёт Ю-52 W9, 8 раз повреждены телефонные кабели по улице Луговой, Почтовому переулку и в районе вокзала. Проведена большая работа по порче телефонно-телеграфного оборудования, отправляемого немцами в Германию и по выводу из строя линий связи. В период с 5 по 13 апреля 1944 года линии связи Джанкой-Симферополь, Перекоп-Симферополь, Симферополь-Севастополь были полностью выведены из строя. В Крымшелке уничтожено 7 тонн шелковичного кокона, убито 89 немецких солдат и офицеров.

Наиболее крупные из диверсий следующие:

1. 17 февраля 1944 года на симферопольской нефтебазе заминированы 7 баков. В результате взрывов выпущено бензина свыше 500 тонн.

2. 25 ноября на станции Симферополь путём минирования взорвано и сгорело 3 цистерны с бензином. Уничтожено 60 тонн. Кроме того, сгорели вагоно-ремонтная мастерская, 12 вагонов с грузом и 22 пустых товарных вагонов.

3. В октябре 1943 года на складе горючего по Битакской взорвано и подожжено 6 тонн бензина и 4 тонны автола, сгорело 3 автомашины.

4. 27 января 1944 года в совхозе «Красный» взорвано 5 штабелей (10 вагонов) снарядов, штабель (2 вагона) авиабомб, один бак (20 тонн) с бензином, сожжено 10 автомашин, разрушено 7 заданий, убитого 70 немцев и румын. В результате 3-х налетов на ж.д. станцию Симферополь, проводившихся систематически (4 декабря 1943 года, 4 февраля 1944 года и 13 февраля 1944 года) были выведены из строя: водонапорная башня, водонасосная станция и воздухоудувки депо. Эти агрегаты не работали по четыре дня. Главный бак водонапорной башни совершенно выведен из строя.

1) 17 января 1944 года на ж.д. станции Симферополь путём минирования взорвано 2 вагона с горючим (40 тонн), при этом сгорел ещё один вагон с продовольствием.

Кроме указанных диверсий боевыми группами организации совершено 6 нападений на солдат и офицеров противника. Наиболее крупные из них следующие:

26 января 1944 года взято в плен два добровольца из числа охраны военного госпиталя. Освобождено из госпиталя 8 военнопленных советских офицеров. Все они доставлены в лес, в штаб Северного соединения. 5 из них были отправлены на Большую землю (майор, 2 капитана, военврачи).

2) 2 января 1944 года при нападении на казарму, в здании бывшей панорамы «Штурм Перекопа» обезоружено 13 добровольцев и 3 немцев, взято 6 комплектов обмундирования.

3. При попытке произвести арест подпольщика гестаповцами, на последних напала подросевшая группа подпольщиков, В перестрелке было убито 3 гитлеровца, в их числе начальник криминальной полиции.

В течение всего периода своей деятельности организация проводила большую работу по войсковой и агентурной разведке.

Областному подпольному центру систематически доставлялись в лес ценные разведанные о дислокации войск и складов, о передвижениях частей, о мероприятиях противника, о тайной агентуре врага и т.п. Кроме того, организация доставляла центру почту других городских организаций, групп, так как осуществляла

главные связи центра со всем подпольем Симферополя. В марте и апреле 1944 года своими связными организация вывела из Симферополя в лес 103 человека подпольщиков и их семей, которым угрожали аресты и расстрелы. В этот напряженный период по заданию центра тов. Косухин работал в городе по перестройке работы всех организаций и групп связи с усилением террора.

В период освобождения Симферополя организация работала в городе. В ночь на 12 апреля боевые группы подпольщиков совершили 2 нападения на автоколонны противника на Севастопольском шоссе. Подошли с автоматами и уничтожили 15 солдат и одного румынского подполковника.

Движение было прервано на несколько часов. Захвачено, затем передано частям Красной Армии 16 грузовых и одна легковая автомашина и 3 тонны бензина.

Днём 12 апреля путём нападения на факельщиков, действующих на 2й госмельнице взято в плен 2 румына, подрыв мельницы предотвращен.

В ночь с 11 на 12 апреля 1944 года, перерезаны все кабели и провода, идущие под мостом по Феодосийской (возле новой бани) и Архивной улицам. Оба моста остались невзорванными. Заряды извлечены 13 апреля нашими командами.

В эту же ночь группой подпольщиков извлечены заряды из-под 20 телефонных столбов (минированы столбы были не подряд). Вся линия от центральной телефонной станции до вокзала по улице Р. Люксембург сохранена.

Утром 13 апреля потушен пожар на центральной телефонной станции, полностью спасены резервная электростанция, генераторное и аккумуляторное отделение. Сохранено много материалов (телефонные аппараты МБ, измерительные приборы, кабельная масса, олово, капсулы, шнуры и т.п.).

Тов. Косухин лично сам добыл радиоприёмник и работал на нём. Руководил организацией типографии, редактировал листовки и участвовал в наборе, печатании и распространении.

Приёмник и типография продолжительное время находились на его квартире.

Осуществлял личное руководство следующими диверсионными и боевыми операциями:

Тов. Косухин заслуживает присвоения звания Героя Советского Союза.

[illegible]

Валя!

В этот раз вам послышим много различной литературы. Особенно большое внимание обратите на распространение румынских листовок, т.к. это в данный момент имеет огромное значение в деле разложения румынской армии.

Мы имеем сведения, что с 1-го апреля введены новые удостоверения /по месту работы или личности, мы не знаем/. Постарайтесь это разузнать, а то возможности добыть несколько чистых бланков. Один из них затолчите по соответствующему образцу, если сможете скопировать печать, то сделайте это обязательно. Печать переведите через копировальную бумагу на белый листок.

Указания для группы "С" послышатся особо. Личным оружием они будут снабжены, но когда увидим, что они действительно будут работать. Как дела с г-ом? Если еще ничего не сделал, то займитесь этим делом более энергично. Оно не терпит. Усиьте разведку. В основном же о том. Подробно давайте обстановку в городе. Как дела с картой. Учти - при малейшей угрозе этому человеку он должен быть переправлен в лес. По возможности, конечно, захватив документы. Базу для группы "С" постарайтесь оборудовать сами или совместно с Яней.

5/IV - 44г. С приветом Толя.

Машинная распечатка текста записки со стр. 331

Родился в 1925 году в г. Симферополе. Сначала жил в Симферополе, затем в г. Саки, тоже в Крыму, там прожил до 1929 года. Затем снова жил в г. Симферополе. Отец - техник-строитель, мать - домашняя хозяйка.

В 1932 году пошел в школу. Со второго класса активно участвовал в пионерской работе, был октябренок, а потом пионером, был председателем базы, отряда. Когда я был в 4 классе, мать стала учительницей, пошла работать.

Начиная с 7-го класса, отрываюсь от пионерской работы, особой активностью в общественной работе не отличался, но очень увлекался спортом, особенно баскетболом.

Так продолжалось до 1941 года, т.е. до начала войны, когда я окончил 9 классов. Учился я хорошо, в каждый класс переходил с похвальной грамотой.

Как началась война, я сразу пошел в военкомат, подал заявление в авиационное училище. Меня не приняли. Подал заявление добровольцем в армию. Тоже не приняли, мне было только 16 лет. По мобилизации обкома комсомола направляют, вместе со всеми школьниками, в деревню на сельскохозяйственные работы, где мы работаем весь июль. Затем опять возвратились в город, где я вступил в комсомол. После этого опять поехали в колхозы и были там до 28 сентября 1941 года. После приезда опять учился в школе в 10 классе, а в начале ноября 1941 года в город вступили немцы.

Не эвакуировался из города, потому что в семье у нас двое стариков - бабушка и дед. Они эвакуироваться не могли, а мать их не хотела оставить. А я без матери не мог эвакуироваться. Вообще же мы думали, что в случае отступления наших войск я уйду вместе с частями Красной Армии. Но это не сбылось, так как через наш город отступавшие части не проходили и, кроме того, было такое состояние, что опомнился я только тогда, когда увидел первого немца. Так я и остался в городе.

В первые дни оккупации нашего города я ничем не занимался, но потом, уже в декабре, стал прислушиваться и каждому слову о положении на фронтах. Немцы тогда писали, что Москва уже взята, что идут бои на окраине Москвы и т.д. Поэтому мы жадно ловили

каждое слово о том, что делается на нашей территории. Иногда прилетали наши самолеты и сбрасывали листовки, но это тоже было не регулярно. В то время мы никак не думали, что Крым будет находиться у немцев два с половиной года, рассчитывали, что они только месяца три будут там, а потом снова наши придут.

Итак, мы пользовались разными отрывочными сведениями и, конечно, они нас не удовлетворяли. В конце концов, в декабре 1941 года, я собрал небольшой приемник. Раньше я увлекался радио, делал и более сложные приемники, но здесь собрал очень простой приемник, но который хорошо работал, брал замечательно Москву. Вначале знала об этом только моя семья, но в конце концов я посвятил в это дело и своих друзей. Как-то раз я вышел в город и встретил Бориса Хохлова. Он мне говорит: «Я сегодня слушал Москву». Тогда я ему сказал, что уже две недели как слушаю Москву. После этого Борис стал частым гостем у меня, зачастую мы просиживали целые вечера, слушали радио, Москву. Вскоре после этого узнали и другие ребята о том, что у меня есть приемник, это те ребята, с которыми я раньше учился вместе или встречался на детской технической станции, в различных кружках и т.д.

Таким образом, часто мы собирались у меня, слушали приемник. После этого каждый из ребят старался, в свою очередь, кому-нибудь рассказать услышанное. Потом, в конце концов, мы начали от руки переписывать сводки, но, конечно, не в большом количестве экземпляров. Написанные сводки разбрасывали на улице, раздавали знакомым.

Вот так у нас получилась небольшая группка, в которой были: я, Борис Хохлов, Женя Семняков, братья Долетовы – Виктор и Николай, Стауэр. Эта группа и дала начало нашей организации. Потом к ней присоединились другие ребята, меньше нам знакомые. В скором времени сюда присоединились Ничепас, Батаев, эти были хорошо нам знакомы.

Затем Борис Хохлов встретился с одной знакомой девушкой – Лидой Трофименко, у нее тоже была небольшая группка, которая занималась тем же, чем и мы, но разница была в том, что у них не было приемника, однако они переписывали листовки и распространяли их. Слились мы в одну группу. Здесь были Лида. Трофименко, Жильцова, Цурюпа, Галанина. Как теперь

выяснилось, такие группы из молодежи существовали и кроме нашей. Вот, например, группа Василия Бабия. Эта группа состояла из ребят, работающих на железной дороге, и работу они проводили, в основном, также на железной дороге. Их основная работа заключалась в агитации среди иностранных рабочих, которые были на станции Симферополь. Они переписывали советские листовки, распространяли их, но, в основном, они устно опровергали ту ложь, которую пропагандировали немцы среди рабочих. Они рассказывали правду о советских рабочих, рассказывали, как они живут, как могут учиться и т.д. Эти рассказы оказывали большое влияние на иностранных рабочих. Немцы же в то время рассказывали всякие небылицы о Советском Союзе, они говорили, что молодежь у нас не могла учиться выше 7-ми классов и т.д.

Обе эти группы, как наша, так и группа Бабия, искали связи с лесом. Мы ставили основную задачу – связаться с лесом и включиться в активную борьбу о немецкими захватчиками. Но это было очень трудно в то время, так как партизанских отрядов в тылу еще не было, были только небольшие группы, а потом они очень часто меняли свои места, и найти их было очень трудно. Кроме того, все мы очень плохо знали дорогу в лес. Все наши попытки связаться с лесом оканчивались неудачей. Правда, один раз нам – нашей группе – удалось связаться с лесом. Отец Николая Долетова был партизан. Как-то раз его встретил Борис Хохлов. Он назначил ему явку на определенный день, час и в определенное место. Но на явку он не пришел, так как погиб при выполнении боевого задания. Так нам и не удалось тогда связаться с лесом.

Так наша работа продолжается до 1943 года. Правда, были у нас попытки расширить нашу работу. Мастерили мы гектограф для размножения листовок, но до конца это дело не довели. Он давал очень мало экземпляров, так что не было смысла на нем работать, мы от руки больше делали. Так продолжалось до мая 1943 года. В мае мы встретились с одним пареньком. Это был знакомый Лиды Трофименко. Этот паренек сказал, что он представитель леса и связан с подпольной организацией и предложил нам работать в ней. Мы очень ухватились за это, это было как раз то, что мы искали два года. Однако нас постигло разочарование. Мы убедились, что этот паренек просто пустозвон, и в конце концов узнали, что никакой связи с лесом у него нет. Единственно, чем он нам помог, это

познакомил нас с одним взрослым человеком – Гришей Гузий. Гузий тоже сказал нам, что он партизан и предложил нам идти в лес. Семен Кусакин пошел с ним один, имея своей целью связать нашу группу с областным подпольным центром. Это было 20 июня 1943 года.

К этому времени в нашей группе было более 20 человек. Оставшиеся не прекращают свою работу. Хотя работа была не большая, но все-таки она давала большую пользу.

В это время к нашей группе присоединился паренек, который работал в немецкой городской типографии – Ваня Ничепас.

Мы решили через него попытаться достать для себя типографию. Поговорили с ним, он согласился. Постепенно начали вытаскивать шрифт и другие принадлежности. Таким образом, к июню мы смогли собрать небольшую портативную типографию. Мы – я, Борис и Семняков – занялись этим делом.

Это была алюминиевая дощечка, на которую ставился шрифт. Были верстаки, шрифт набирали, закрепляли и ставили на дощечку. Краску намазывали сначала пальцами, а затем достали щеточку. Таким образом, типография была готова.

Я и Борис составили первый текст листовки, это было обращение к населению. Нам в руки попал приказ немецкого командования о мобилизации населения на Кубань. Этому мы и посвятили нашу первую листовку. В ней мы писали о том, что готовят немцы нашему народу, писали о положении угнанных в Германию советских людей, писали о том, что, вероятно, в скором времени будет объявлена мобилизация в немецкую армию, а поэтому призывали население прятаться, уходить в леса. Мы писали: «Помните, что вы – русские люди, а русские никогда не предавали своей родины». Заканчивалась листовка лозунгом: «Смерть немецким захватчикам!».

8-го июля 1943 года вышла наша листовка. В этот день явился из леса Семен Кусакин. Как оказалось, человек, с которым он пошел, был таким же, как и мы, т.е. искал связь с партизанами. Но он хорошо знал лес, и благодаря этому они сумели связаться с партизанами. Семен должен был нас связать с находящимися в городе подпольщиками, но сделать это ему не удалось, так как 13 июля он был арестован. Его выдал один партизан, который оказался предателем.

Когда Семен пошел на свидание с ним, то вместо него его встретили гестаповцы. Таким образом, на этот раз нам не

удалось наладить связь с подпольщиками. Семен являлся одним из организаторов нашей группы, он знал членов группы, знал местонахождение типографии, а типография как раз в то время находилась у меня, т.к. мой дом наиболее подходил для этого. Кроме того, моя мать знала о том, что мы работаем, а во время работы она следила, чтобы в дом никто не зашел чужой. Несколько раз были случаи опасности, и если бы не она, то мы, пожалуй, давно бы погибли.

Конечно, не каждый мог выдержать все, чему подвергалось гестапо, опасались мы и за Семена. Но он выдержал.

После некоторого времени, которое мы провели вне дома, мы убедились, что Семен не предает. К этому времени у нас были все предпосылки к тому, чтобы мы начали работать активней, даже не имея связи с лесом – у нас был приемник, типография, довольно большое количество людей, примерно около 30 человек.

Руководили нашей организацией, в основном, я, Борис и Женя. Уже началась какая-то конспирация. Вначале было так, что мы все знали друг друга, разговаривали обо всем вместе, если один человек знал о чем-либо, то узнавали это и все. Теперь местонахождение типографии знаем только мы трое, в целях конспирации работаем там только мы.

Мы сами и редактировали листовки, и набирали, и размножали, и распространяли. Теперь уже, если в нашу группу вступает новый член, то мы его не посвящаем в курс наших дел, он имеет связь только с одним из группы, а остальных членов группы он не знает.

В июле через одного из членов группы нам удастся установить связь с группой Бабия, которая к этому времени насчитывала 9 человек. Мы предлагаем Бабию работать с нами. Он требует доказательств, что мы действительно подпольщики. Вначале с ним говорили Женя и Борис, но дело не ладилось. Бабий соглашается работать только в том случае, если ему представят доказательства, что мы действительно те самые, за кого себя выдаем. Потом с Бабием встретился я. Встреча произошла на улице. Я обрисовал все положение, рассказал, какие у нас перспективы и какие задачи. Он со мной согласился. Таким образом он вошел в нашу организацию. Я сказал ему, что нам нужно связаться с лесом. Бабия мы знали раньше, я учился с ним вместе, уже при немцах, знали по спортплощадке.

Теперь наша группа распирилась. Начинает регулярно работать типография, начинаем периодически выпускать листовки, которые выходят примерно один раз в декаду.

Название листовки: «Вести с родины», в ней печатаются сводки, освещаются важнейшие события в Советском Союзе, призывы к борьбе. Листовки распространялись по городу.

В середине июля собрался первый комитет нашей организации. В комитет вошли — Трофименко, Жильцова, Бабий, я, Хохлов и Семняков. На комитете было избрано руководство организации. Руководство организацией поручалось бюро организации, состоящему из трех человек. Руководителем организации, т.е. секретарем, был избран я.

Борису Хохлову поручалась агитационная деятельность, Жене Семнякову — диверсионная деятельность. Члены комитета были назначены руководителями групп, так, Трофименко — руководителем агитационной группы, Жильцова — руководителем диверсионной группы, Бабий — тоже диверсионной группы. Кроме того, еще была агитационная группа, которой руководил Борис Хохлов. Интересно рассказать — почему такое разделение групп. Например, взять группу Жильцовой. Она была связана с ребятами, которые, в основном, работали на железной дороге. Ясно, что у них были предпосылки к диверсионной работе на железной дороге. В группе Бабия тоже собрались ребята, которые работали на железной дороге, кроме того, это были почти все парни и, насколько мы их знали, ребята были отчаянные. В группе Трофименко в основном были девушки, которые работали по предприятиям, в учреждениях и столовых. Ясно, что здесь диверсионной работы не могло быть, а поэтому эти люди были объединены в одну особую группу.

На комитете был первым поставлен вопрос о структуре нашей организации. Основная наша задача была — борьба с немецкими захватчиками любыми средствами и способами, но нам приходилось считаться с тем, чем мы располагаем. Поэтому ясно, что наша борьба, в основном, сводилась к агитационной деятельности.

На комитете также был поставлен вопрос о конспирации. Комитет решил, что руководство организации никто, кроме командиров группы, знать не должен. В группах старались, чтобы бойцы не были между собой знакомы, это было только в том случае, если была необходимость. Особенно большое внимание было

обращено на изоляцию групп одна от другой. Я имел в виду, что в случае чего провал не может произойти всех групп сразу. Допустим, если одна группа провалится, то нам гораздо легче будет спасти остальные группы. Каждому командиру группы, в отдельности, было дано задание. Например, Бабью было дано задание начать добывать оружие, остальным командирам групп было дано задание, в основном, увеличивать количество членов групп и шире развернуть агитационную работу.

Так у нас продолжается до сентября. К этому времени организация уже насчитывает свыше 40 человек, распределяются они примерно так: 10 человек у Бабия, 6 чел. у Жильцовой, остальные падают на группу Трофименко и Хохлова.

В сентябре из леса пришел товарищ, который ушел туда вместе с Семеном. Вначале мы отнеслись к нему с недоверием. Дело в том, что когда мы узнали, что Семена выдал партизан Гриша, то мы особенно отнеслись к нему с недоверием, а его как раз тоже звали Гришей. Этот Гриша через знакомого парня назначил нам свидание с лесом.

Мы к этому предложению отнеслись очень осторожно, но все же решили использовать. У нас была знакомая девушка, которая видела Гришу, выдавшего Кусакина. Девушку эту звали Люся Сокол. Была назначена встреча с Гришей, пошли я и Борис, а также взяли с собой эту девушку. Встретились, пошли все вместе, и по дороге Люся сумела сказать нам, что этот Гриша совсем не тот, что предал Семена. Таким образом у нас установилась связь с лесом.

В конце сентября я вместе с Гришей пошел в лес. Там я встретился с руководителями партийного центра, где получил директивы об усилении агитационной и диверсионной работы. К этому времени у нас диверсионная работа велась, но это был, скорей, саботаж, нежели диверсия. В основном эту работу вели ребята-железнодорожники.

От партийного центра я получил указание о том, как построить нашу работу. Особое внимание в лесу обратили на нашу конспирацию и сказали, что конспирацию необходимо усилить. Уходя, меня снабдили боеприпасами, дали несколько винтовок, пистолетов, гранат. Но самое главное, что нам дали, это печатный станок, благодаря которому мы смогли увеличить тираж листовок до 1000 экземпляров. С этого времени работа пошла веселей.

На очередном комитете было принято решение немедленно приступить к активной диверсионной деятельности. Я поручаю Бабю оборудовать базу для хранения оружия и боеприпасов, и не только для хранения, но и для того, чтобы мы могли ее использовать в случае боевых операций. Пункт расположения базы было поручено выбрать на окраине города, в какой стороне безразлично, но чтобы это был частный домик.

Группа Бабя в это время ведет работу по добыче оружия.

Оно покупается у румын, потом на железной дороге был склад поломанного оружия, так вот оттуда тащили винтовки, чинили их, для удобства делали обрезы из них. Постепенно у нас накапливается оружие, которого достаточно для проведения боевых операций.

Первую операцию мы проводим 14 октября 1943 года. Операцию проводит часть группы Бабя, а именно: Бабий, Енджеян, Басс и Ланский. Цель операций – уничтожение горючего и нефтебазы по Евпаторийскому шоссе. Под вечер группа подходит к нефтебазе. Все вооружены пистолетами, имеют по две магнитки. Благополучно перелезли через стену, миновали часовых, подползли к бочкам. Через некоторое время раздался взрыв. Было уничтожено 2 тонны 20 кг горючего.

Итак, мы приступаем к боевой деятельности. В основном операции производят две группы: группа Жильцовой, которая выполняет спецзадания по минированию, и группа Бабя, которая выполняет спецзадания по уничтожению военных баз и складов внутри города.

В первое время мы испытывали большую нужду в боеприпасах и оружии, а с обрезами действовать было очень трудно, но в конце концов постепенно все налаживается.

В октябре нам удается связаться еще с одной группой – группой Гаршина. Связь поддерживается через Хохлова, остальных Гаршин никого не знает. Этой группе поручается агитационная деятельность, но особенный упор предлагается сделать на разведдеятельность, т.к. у них было много парней, да и вообще были перспективы к разведке, т.к. ряд ее членов работали на довольно ответственных постах.

Так продолжается работа, она приобретает все большую и большую активность. Тираж листовок поднимается все выше и выше, они разбрасываются и расклеиваются по всему городу. Город был разбит на отдельные районы. Начинается диверсионная

деятельность. Тогда немцы всполошились. Они почувствовали, что в городе работает сильная организация, стали предпринимать ряд мер, чтобы обнаружить эту организацию.

В город брошено много шпиков, по улицам патрулируют полицейские, начинается проверка документов, облавы, обыски. Листовки, выпускаемые нашей типографией, пользуется огромным успехом у населения, дело доходит до того, что их начинают продавать от 30 до 100 рублей за экземпляр. Я был свидетелем, когда один старый машинист железнодорожной станции рассказывал, каким успехом пользуются наши листовки у населения. Он сказал: «Это как раз то, что нам надо». Мой товарищ Стауэр был свидетелем такой картины: он шел по улице, ему встретился старик, который держал в руках листовку. Видимо, этот старик или не умел читать, или был слеп, но только он подошел в какому-то парню, подал листовку и сказал: «Прочти, что здесь написано». Парень взял листовку, но когда начал читать и понял, что это листовка, он сразу же вытащил и кармана 30 рублей, отдал их старику и убежал от него.

Наша пропаганда давала себя чувствовать. На фабриках, заводах начался саботаж. Немцы также стали выпускать листовку, которая тоже называлась «Вести с родины», в которой они старались подделаться под нашу листовку, но подводили они под нее совсем другую подкладку. Однако эта листовка не достигла своей цели, она была просто смешна. Затем пошли более умные листовки с их стороны.

К 25-й годовщине ВЛКСМ мы выпустили листовку «К молодежи Крыма», в которой мы поздравляли молодежь с годовщиной ВЛКСМ и призывали активно бороться с немецкими захватчиками. Мы говорили: «Близок час, когда Крым снова будет советским, враг будет разбит». Мы обращались к молодежи Крыма с призывом развернуть широкую деятельность в тылу врага, мы писали: «Товарищ, за горе и страдания матерей, за разрушенные города и села, за горе, причиненное народу – мсти немцам!». Мы призывали уничтожать связь, технику врага, вести агитационную работу среди населения. Заканчивали мы листовку так: «Смерть за смерть, кровь за кровь!». Эта листовка была отпечатана большим тиражом и распространена по всем уголкам города, ее находили в кино, в театре, в полицейском отделении, на бирже, в учреждениях, одна листовка была даже доставлена начальнику полиции.

Немцы забеспокоились, и 31 декабря вышла уже немецкая листовка тоже под названием «К молодежи Крыма». Они писали в ней, что освобождение Крыма задерживается, самое главное, что вы должны сделать, это сохранить жизнь себе, не сопротивляться немцам, не проводить никаких актов саботажа и т.д. Эта листовка была составлена очень умно, и тот, кто не читал нашу листовку, мог принять ее за настоящую.

Мы сейчас же выпустили опровержение, в котором призывали – в ответ на наглую провокацию врага – усилить деятельность молодежи. Это дало очень хорошие результаты, достаточно сказать, что до 15 ноября численность партизанских отрядов за счет молодежи увеличилась в несколько раз.

Но немцы не успокаивались. Кроме того, что они выпускали листовки, они начали яростную пропаганду против нас в своей газете «Голос Крыма». Они написали передовую «Признание врага», в которой чернили комсомол и всю молодежь Советского Союза. Они писали, что еще только 29 числа эти комсомольцы, которые еще не видали порохового дыма, призывали вас разрушать дома, мосты, вокзалы, уничтожать немцев. Однако через несколько дней даже большевики вынуждены были написать, что им не взять Крым.

Затем появились еще статья, где немцы также чернили молодежь, писали про нее всякие небывлицы.

К этому времени работа принимает все более и более активный характер. Налаживается регулярная пятидневная связь с лесом, до сих пор связь была от леса, теперь ходили в лес мы, вернее, недалеко от леса, в 25-ти километрах от города, была назначена явка, куда приходили представители партизан и наши представители. На эту явку ходили регулярно через каждые пять дней. С нашей стороны мы для этого выделили специальных людей, возглавлять было поручено Стауэру. На окраине города создается спецбаза для связи, куда приходили, уходили, приносили боеприпасы, литературу и т.д. База создается по Дорожной улице, 13, у Горемыкиной Веры. Это была скромная женщина, настоящий советский человек, до последнего преданный родине. Не было случая, чтобы тетя Вера, как мы ее звали, подвела нас.

Из леса партизаны все больше снабжают нас боеприпасами, появляются уже автоматы. Группа готовится к большим серьезным

операциям. Работает разведка, регулярно сообщаем партизанам сведения о передвижении войск противника.

Группа Жильцовой следит за продвижением составов через железнодорожные станции и также дает сведения.

Организуется отправка людей в лес. Большая работа проводится по спасению людей от угона в Германию, делаем фальшивые документы, переправляем людей в лес.

Вся эта развернувшаяся активная деятельность наших групп заставляет противника принимать все более и более активные меры против нас. В конца концов им удастся напасть на наши следы. 7-го декабря арестовывается член нашей организации, секретарь комсомольской ячейки Борис Хохлов. Одновременно с этим происходит погоня за группой Трофименко, за ней самой, но ее предупредили, и ей удалось уйти перед тем, как за ней пришли. Через несколько дней тех из ребят, которым угрожает арест, переправляем в лес. Я решаю предпринимать контрмеры против начавшихся арестов. Первое, что я сделал, это приказал уйти в лес тем ребятам, которым наиболее угрожает арест; тем, которым грозит явная опасность, приказал на время прекратить всякую работу. Организую связь с группой Трофименко. Кроме того, для того, чтобы отвести подозрение с арестованных ребят, я приказываю делать в городе много шума. Для этого мы экстренно выпускаем листовку. Эта листовка расклеивается по всем улицам города, в театре, кино, даже на комендатуре. Полицмейстер города вызвал к себе коменданта города, накричал на него, чуть не избил и сказал: «Скоро листовку тебе на спину наклеят, и ты не увидишь».

В это время группа Бабия совершает крупную диверсию.

Таким образом, нам удастся до некоторой степени помочь арестованным. Но арестованные наши товарищи оказались стойкими, они все выдержали, ничего не сказали. После мы нашли трупы некоторых наших ребят, они были изуродованы до неузнаваемости – оторваны косы, выворочены губы, руки, ноги и т.д.

Организация продолжает работать. В это время в город пришел, по заданию областного партийного подпольного центра, человек для руководства находящейся в городе партизанской группой. В городе была не только наша группа, наша же группа числилась как самостоятельная организация. Этому человеку мы были очень

ДОКЛАДНАЯ

О деятельности симферопольской подпольной
комсомольской организации

В начале ноября 1941 г. Симферополь был оккупирован немцами. Через несколько дней на стенах домов, на столбах появились различные приказы и объявления.

Каждое из них пестрело словами: «запрещается, расстрел». Расстрел за сбор группой более 3-х человек, за хождение после 4-х часов, за одного убитого немца расстреливается 50 русских и т.д. Немцы начали устанавливать в городе свой «новый порядок»: разрушались здания, вырубались парки, всё ценное увозилось в Германию. В конце ноября начались массовые расстрелы, затем облавы, людей ловили, как собак, а затем запирали в теплушки и увозили в Германию. Немецкое радио, газеты кричали о разгроме Красной Армии, о скором взятии Москвы, Ленинграда, Севастополя. Мы видели, как немцы издевались над советскими людьми, мы видели, как вывозились трупы из лагерей военнопленных. На столбах и деревьях качались повешенные. Надписи гласили: «За неисполнение приказа», «За сопротивление».

Вот в это время и начали организовываться первые группы молодежи, решившей отдать все свои силы, если потребуется, лучше умереть, но не жить так, как хотели бы того немцы. Вначале это были группки, зачастую состоящие из 3–4 человек, хорошо знавших друг друга. Например, наша группа, давшая затем начало организации. Все мы – я, Борис Хохлов, Николай Долетов, Элик Стауэр. Женя Семняков хорошо знали друг друга еще до войны. Кто вместе учился, кто занимался в технической станции, кто спортом.

В декабре 1941 г. я смонтировал небольшой приемник, стал слушать Москву. Ясно, поделился об этом с ребятами. Стали часто собираться у меня, слушали Москву. Как-то Элик Стауэр принес книгу Гитлера «Моя борьба». Мы прочли наиболее интересные нас места. Мы были поражены, с какой наглостью, просто цинизмом

рады, это был старший товарищ, который 6 раз был в подполье, имел большой опыт, навык в этой работе. Таким образом, мы в городе стали иметь товарища, с которым могли посоветоваться, и который мог дать нам те или иные указания. Звали этого человека Иван Андреевич Козлов. Областной партийный комитет поручает нам помочь этому товарищу устроиться. Это мы выполнили – Козлову были сделаны документы, предоставлена квартира. Большую работу провели наши люди по установлению связи Козлова с партизанскими группами, в частности, мы связались с Сарабузской группой.

Первый наш провал закончился для нас сравнительно благополучно. Правда, мы потеряли некоторых наших товарищей, часть товарищей ушла в лес, как Женя Семняков, Трофименко, но во всяком случае организация была сохранена.

Работа продолжается во все более нарастающем темпе. Противник предпринимает все более серьезные меры, в конце концов запрещается хождение с наступлением темноты. Это для нас было большим ударом, т.к. под прикрытием темноты мы могли подходить к военным объектам.

В связи с провалом, происходят некоторые изменения в структуре нашей организации. В связи с угрозой ареста меня и Жильцовой, мы уходим в глубокое подполье. Группу Жильцовой принимает на себя Ланский, группу Хохлова принимает на себя Морозов. В состав комитета вводятся – старший связист Стауэр, Морозов, Ланский. Бюро организации упраздняется, и руководителем организации является теперь не бюро, а непосредственно я.

В связи с тем, что с наступлением темноты запрещено хождение, мы принимаем решение начать боевую деятельность группы с помощью переодевания в немецкую форму. Встает вопрос – как достать немецкую форму. Мы производим налет на немецкие казармы, где захватываем оружие и форму. Действовать в немецкой форме поручается группе Бабия, и этой группе присваивается название – Особая группа.

Эта группа проводит большую работу – уничтожает много горючего, боеприпасов, работает по освобождению военнопленных.

Большую работу проводит группа Ланского, много ею было заминировано железнодорожного полотна. Активно работает типография, регулярно выпускаются листовки.

этот человек открывает свои «идеи». Особенно запомнились слова о русском народе, где прямо говорится, что этот народ будет использован в качестве рабочей силы, создаст райские условия для «высшей расы» немцев, а затем будет уничтожен.

В это время немцы кричали по радио и в газете о своей «любви» к русским, о «содружестве» с русскими. Мы решили выпустить листовку. Но как? Решили сделать гектограф. Он не получился. Не хватило химикалиев. В конце концов решили писать листовки от руки. Написали экземпляров 15–20. Вечером разбросали. После этого стали довольно часто писать такие листовки, где писали то, что слышали по радио. В это время наши взяли Керчь. Над городом стали часто пролетать наши самолеты. Сбрасывали листовки, газеты. Мы их собирали. Особенно много их было в степи, к северу от города. Ходили туда, собирали их, затем разбрасывали, расклеивали. Решили идти в лес. Просто так, наобум, не зная ни дорог, ничего. Стали собираться. Моя мать знала обо всём этом: о том, что мы пишем листовки, слушаем радио, и целиком поддерживала нас. Она знала всех ребят. Не только я, но и все ребята привыкли делиться с ней своими радостями и горем и прислушиваться к её советам. Мама не советовала нам идти в лес, не зная дороги, не имея связи, говоря, что у нас один шанс на сто дойти и найти партизан. Она убеждала нас, что сейчас главная задача — найти связь, работать в городе, что этим мы можем и должны принести огромный вред немцам. Мы не соглашались. Мы говорили, что одной агитацией большого вреда не принесешь. На это мать отвечала, что, найдя связь с лесом, мы сможем развить не только агитационную работу, но и начать боевые действия, ещё более активные, чем если бы мы были в лесу. В конце концов мы согласились, что она права. Решили пока искать связь, а затем уже решать, идти ли к партизанам или остаться в городе для подпольной работы. А пока продолжали слушать Москву, писать свои листовки.

Связь нашлась неожиданно, но неудачно. Отец Н. Долетова был в партизанском отряде. В апреле 1942 г. он пришел в город, зашел к своей семье. Борис Хохлов встретился с ним. Какой разговор происходил между ними, конечно, ясно. Мы должны были вместе с ним идти в лес, но через несколько дней отец Долетова во время выполнения задания был схвачен немцами. Через несколько дней были арестованы его сын, жена и маленькая дочка. Их расстреляли. Так

началась наша первая связь. Среди нас не стало одного из наших товарищей — Николая Долетова.

К этому времени наша группа увеличилась. Борис Хохлов встретил одну девушку, с которой раньше учился, разговорились. Оказалось, что у Лиды Трофименко тоже есть вроде небольшой группы, в основном девушки. Вскоре (это было в январе — феврале 1942 г.) Лида была с нами. Кроме этого группу вошли Виктор Долетов, Геннадий Высоких, Семен Кусакин.

Так продолжается до мая 1943 года. Пишем листовки, пишем их в степи, помогаем людям уклониться от поездки в Германию (Борис Хохлов хорошо умел подделывать печати. Их он ставил на паспорта: освобожденным от поездки в Германию на паспорт ставились определенные печати), несколько раз перерезали телефонные провода.

В мае 1943 г. встретили одного парня — Владимира Цюрюпу. Он назвал себя членом городской подпольной организации, предложил нам работать вместе с ним. Ясно, мы согласились. Парень был хорошим знакомым Лиды Трофименко. Но в конце концов убедились, что парень просто болтун.

Он нас познакомил с человеком, который назвал себя партизаном. Он предложил нам кому-нибудь пойти с ним вместе в лес для связи. Когда мы поняли, что Цюрюпа нас обманывал, мы, ясно, стали испытывать недоверие и к этому человеку (Григорий Гузий), но все-таки один из нас, Семен Кусакин, решил с ним идти в лес к партизанам. 20 июня 1943 г. они вышли из города.

Как же обстояли дела в это время у оставшихся в городе ребят? Количество членов группы постепенно растет. К июню в группу входят следующие т.т.:

1. Хохлов Борис
2. Семняков Евгений
3. Кусакин Семён
4. Долетов Виктор
5. Батаев Владлен
6. Ничепас Иван
7. Трофименко Лидия
8. Трофименко Тамара
9. Косухин Анатолий
10. Жильцова Зоя

11. Галанина Тамара
12. /неразб. / Александра
13. Цурюпа Владимир
14. Высоких Геннадий
15. Стауэр Элик (он к этому времени из-за угрозы угона в Германию ушёл в деревню и работал там пастухом, но связи мы не теряли, деревня была в 8 км от города).
16. Рухадзе Зоя.

Иван Ничепас работает в типографии. Через него решаем достать шрифт и затем собрать подпольную типографию.

Если до сих пор все члены группы знали друг друга, даже если не были знакомы раньше, то теперь этого уже нет, появляется конспирация. Вновь вступающий в группу не знает остальных ее членов. Знает только одного или двух, но не больше.

До сих пор не было руководства группой. Теперь оно начинает выявляться. До сих пор решали какой-либо вопрос сообща, теперь решают вопрос руководители группы: я, Хохлов, Семняков.

Вот к этому моменту (июль 1943 г.) и можно отнести возникновение Симферопольской молодежной подпольной организации, а не группы.

У нас уже есть все предпосылки для активной работы: типография (она была готова к концу июня 1943 г.), приемник (он был с декабря 1941 г.), и самое главное, мы надеемся, что вскоре у нас будет связь с лесом.

8 июля у нас сразу две радости: пришел из лесу Семен Кусакин, и второе – вышла наша первая листовка («Обращение к жителям Симферополя»). Но через несколько дней нас постигает тяжелый удар: в результате предательства одного из партизан, которые пришли с Семёном (группа имела задание), 13 июля Семён был схвачен гестаповцами. Связать нас с лесом он не успел, так как должен был нам все сказать перед самым уходом. Семён знал все: где типография, где приёмник, знал ребят. Но он ничего не выдал. Как теперь выяснилось, он был расстрелян в сентябре 1943 г.

Удар был тяжёлый. Мы столько надеялись на установление связи.

К этому времени количество членов ещё больше увеличилось. Нам удалось связаться с группой Василия Бабия. Василия Бабия я

знал и раньше, правда, поверхностно. У Бабия также была группа, существовала она с того же времени примерно, что и наша. Выполняла примерно такую же работу, но так же вела агитацию среди иностранных рабочих Симферопольского ж.д. узла, рассказывая им о том, как мы жили до войны, о советской стране, уверяли их в неизбежности разгрома Германии. Два раза ребята из этой группы ходили в лес искать партизан, но оба раза неудачно.

В состав этой группы входили:

1. Бабий Василий
2. Енджеян Владимир
3. Ланский Влад.
4. Алтухов Василий
5. Басс Анатолий
6. Стулин Анатолий
7. Складов Дмитрий
8. Бражников Григорий.

Таким образом, в июле 1943 г. в организации было 24 человека.

Руководство организации принимает решение: продолжать работу, попутно искать связи с лесом.

Был создан комитет организации. В него вошли: я, Борис Бабий, Женя Семняков, Лида Трофименко, Зоя Жильцова, Вася Бабий. Во главе комитета стояло бюро, состоящее из трёх человек: меня, Хохлова и Семнякова. В конце июля собрался первый комитет. Комитет утвердил меня руководителем и командиром организации, поставлена основная цель – развёртывание активной борьбы с захватчиками. Вся организация разбивается на группы: агитационные и диверсионные. Лида Трофименко назначалась руководителем первой группы, так как она была связана в основном с девушками, ясно, что их было лучше использовать на агитработе. Василий Бабий назначался руководителем первой диверсионной группы, Зоя Жильцова – второй диверсионной группы. Кроме того, была ещё одна агитгруппа, которой руководил Хохлов. Особенно был заострён вопрос на конспирации: группа не должна знать друг друга, вновь поступающие члены не должны знать остальных ребят, руководство организации знают только командиры групп (правда, старые члены групп знали нас). Командирам групп предлагается увеличить состав своих групп, но подходить к этому очень осторожно. За вновь поступающего члена отвечает лично командир группы. На первом комитете членами

комитета были приняты клятвы, также были переданы клятвы для членов групп.

Перед командирами групп были поставлены конкретные задачи. Василию Бабию поручается подготовить базу и добыть оружие. Жильцовой поручается готовиться к диверсионной работе на жел. дороге, так как ее ребята работали там все. Агитгруппам поручается продолжать агитрабату.

Группы приступают к выполнению заданий. Группа Бабия добывает оружие. На жел. дор. станции был склад винтовок. Ребята таскали оттуда старые винтовки и затем из нескольких собирали одну. Для удобства действий из них сделали обрез.

У бойца группы Бабия, Владимира Енджеян, была создана база, где это оружие хранилось. Остальные группы вели активную агитационную работу. В сентябре начали выпускать листовку «Вести с Родины», которая выходила 3 раза в месяц. В ней печатались сводки Совинформбюро, а также и др. события, происходящие в СССР.

В сентябре месяце наконец налаживается крепкая связь с партизанами. Это произошло так. Из леса по заданию пришёл Григорий Гузий (он ушёл в лес вместе с Кусакиным).

Случайно мы встретились с ним. Вначале, конечно, обоюдное недоверие, но потом оно прошло. В конце сентября вместе с Гузией вышел в лес. В лесу областным партийным комитетом мне было дано ряд указаний, советов: о конспирации, о проведении дев. работы, о связи о лесом. Уходя, я получил несколько магниток, печатный станок (у нас бил очень плохой. Мы не могли отпечатать за раз более 300—400 листовок), а самое ценное — указания. 7 октября я вернулся в город. С этого дня работа пошла ещё более энергично. Особенно энергично начали готовиться к боевой деятельности. Теперь у нас были все предпосылки к ней — из леса я принёс боеприпасы, а только этого нам и не хватало. Разведка была уже давно произведена, и мы знали, куда нам в первую очередь направить удар. Да и в лесу я получил указания в основном заняться боеприпасами, горючим, транспортом.

Первая диверсия была произведена 14 октября 1943 г. группой Бабия в составе Бабия, Ланского, Басс и Енджеян.

На нефтебазе по Евпаторийскому шоссе были заминированы бочки с горючим. В результате сгорело 2 т бензина. После этого

диверсии уже не прекращаются до дня освобождения Крыма. Взлетают на воздух автомашины, бочки с бензином, рвутся оклады боеприпасов и т. д. Одновременно усиливается и агитационная работа, получение из леса печатного станка позволило нам увеличить тираж листовок до 1.000 экземпляров. Листовки начинают выходить чаще. Их находят везде. Агитационной работой занимаются все группы, а общее количество членов организации уже превышает 40 человек.

В октябре в организацию вливается еще одна группа. Группа Гаршина (он учился вместе с Хохловым). В группу входили люди, которые могли нам быть очень полезны: переводчица комендатуры, работники телефонной станции. Группе поручается агитационно-разведывательная деятельность. Наши люди есть уже по многих важных местах: в полиции (Алтухов), в комендатуре, на жел. дор.

Это дает нам возможность маневрировать, мы в курсе всех интересующих нас дел немцев. Мы заранее знаем о предстоящих обысках и облавах, о приказах, которые вскоре должны выйти, о концентрации движения по ж.д. В зависимости от этого мы принимаем то или иное решение, судя по обстановке. Так, например, жел. дор. группа (группа Жильцовой) сообщила о больших передвижениях через ст. Симферополь. Через день группа Бабия производит налёт на жел. дор. водокачку. В результате она выведена из строя на 3 дня. Вокзал остался без воды. И таких примеров много.

В ноябре месяце, в связи с подходом наших к Крыму, мы получаем от областного подпольного комитета указания еще более усилить нашу работу, особенно диверсионную и разведывательную. Производится тщательная разведка военных объектов города, жел. дор. группе поручается ежедневно давать сведения о движении поездов через ст. Симферополь.

Все эти сведения передаются в штаб. Уже в это время мы начали готовиться к дню, когда немцы будут отступать. Мы знали, что они, отступая, попытаются уничтожить город, и решили сделать всё, что в наших силах, чтобы спасти его.

В начале ноября из леса в город пришел посланный областным комитетом для объединения действующих в городе патриотических групп Иван Андреевич Козлов. Нам было поручено устроить его. Были изготовлены документы, найдена квартира.

Вскоре в городе был создан городской партийный комитет.

Я вошел в его состав в качестве ответственного по военной работе. С этого времени работа молодежной организации находится в

тесном контакте с действиями горкома ВКП/б/. Примерно же к этому времени относится изменение способа нашей связи с лесом.

До сих пор связь осуществлялась партизанами, которые приходили в город. Это было неудобно, т. к. было это нерегулярно, и иногда мы испытывали довольно большие затруднения с боеприпасами, что было особенно обидно, когда они нужны были дозареза. Сами же мы в лес ходить не могли, т. к. не знали дорог и мест расположения отрядов. С ноября месяца связь перестраивается. В 25 км от города, недалеко от леса, было выбрано место, где встречались представители наши и леса. Связь осуществлялась регулярно через каждые 5 дней.

На окраине города у члена организации Веры Горемыкиной («тетя Вера», как называли её мы) была создана специальная квартира, откуда наши связные выходили, куда они возвращались. Недалеко от города, в степи, была создана общая база для боеприпасов, откуда по мере надобности они распределялись по группам. База представляла собой несколько ящиков, вкопанных в землю и тщательно замаскированных. Местонахождение этой базы знало несколько человек: связные, я, командир див. группы Бабий, Семняков, Хохлов. Вообще, создавая что-либо ценное для организации, раскрытие чего угрожало ее существованию, мы всегда старались, чтоб об этом месте знало всего несколько человек, которым это необходимо было знать. Так, например, о месте нахождения типографии (она находилась у меня) знали до декабря 1943 г. всего 3 человека; я, Хохлов, Семняков.

Связным от нас назначается Стауэр (он к этому времени вернулся из деревни), помощниками ему назначаются Долетов, Морозов, Высоких. В грязь, снег, вьюгу ходили наши связные на явку. Снабжали организацию боеприпасами, оружием, передавали лесу разведанные, по возможности переправляли туда продовольствие, приносили указания по работе, выводили в лес людей из города. Только благодаря нашим связным мы регулярно снабжались всем необходимым для нашей работы, да и не только мы, а вся городская партийная организация, которая держала связь также через наших связных. Не было ни одного случая, чтобы связь не состоялась по вине наших связных.

Работа разворачивается все более энергично. Правда, с каждым днём становится всё трудней и трудней. Немцы предпринимают

все меры, чтобы раскрыть или хотя бы парализовать действия организации. На улицы города брошена масса шпиков, усилена охрана объектов, противник бросается на провокацию. Мы выпустили листовку «К молодежи Крыма». Листовка имела большое влияние среди населения, да и не только эта, наши листовки зачитывались до дыр, переписывались от руки и т.д. Немцы решили парализовать их действия. Было выпущено ряд провокационных листовок под нашим названием, но где, конечно, проводилась политика немцев. Часть из них была очень глупа по содержанию, вызывала смех у населения, часть же была сделана неплохо, например, провокационная листовка под названием «К молодежи Крыма», где они также призывали к борьбе, но говорили, что еще рано, мол, освобождение Крыма задерживается. Вслед за этим началась кампания против нас в газете «Голос Крыма». Немцы всячески пытались очернить нас, советскую молодежь, обрисовать нас в виде бандитов, уголовников. Но не удалось немцам купить население на этот трюк. Ответом населения им был массовый уход жителей Крыма в леса, к партизанам. Сыграло в этом роль и то, что мы сразу после выхода той провокационной листовки выпустили свою листовку, где рассказывали населению об этом новом трюке немцев.

Несмотря на все, ни на шпиков, ни на усиленную охрану, мы продолжали наши действия.

Под покровом темноты, пользуясь непогодой, группы продолжали свои действия.

По утрам на улицах находят новые листовки, в воздухе взрывается заминированный нами немецкий самолет Ю-52, взлетает на воздух гусеничный тягач, в районе ст. Мекенцева гора взлетают на воздух два вагона с румынами и продовольствием, на ж.д. ст. Симферополь взрываются вагоны с бензином, выводится из строя водочка.

Но в конце концов немцам удастся напасть на наши следы.

Это началось неожиданно. 7 декабря в группе Трофименко рано утром начались аресты. Приходили за Лидой Трофименко, её не было дома, а затем она была предупреждена. Приходили за её подругой командиром жел. дор. группы Жильцовой, она также была уже предупреждена и ушла из дому. Были арестованы сестра Трофименко Тамара, член группы Трофименко Комарова. В это же время,

рано утром, гестаповцы нагрянули и к Хохлову. Хохлов был арестован.

Над организацией нависла угроза. Не каждый мог выдержать то, что было в гестапо... Хохлов как комиссар организации знал все: базы, ребят, явки.

Тамара, один из старых членов организации, также знала многих ребят. В случае, если кто-нибудь из них оказался бы нестойким, для нас были бы последствия очень печальны. На Бориса мы надеялись. На Тамару не так.

Чтобы аресты не перекинулись дальше, мы принимаем ряд мер:

1) Выводим в лес тех, за кем приходили гестаповцы (Трофименко, Цюрюпа), Жильцову же вывести не было возможности, т.к. она была очень слаба здоровьем, она переходит на нелегальное положение. 2) Товарищи, которым угрожает арест в случае невыдержки Тамары, уходят в лес (Семняков, Семирханов, Манушис). 3) С группой Трофименко, или с группой, где начались аресты и причины начала их мы не знаем, решаем связь прекратить. 4) На всякий случай перебазируем типографию, некоторые базы. 5) Чтобы облегчить положение арестованных товарищей, отвести от них подозрение, экстренно выпускаем большое количество листовок, распространяем их с небывалым до этого шумом, группа Бабия совершает крупную боевую операцию, взорвав склад боеприпасов в с/х «Красный».

Аресты дальше не распространились.

Борис Хохлов выдержал. Выдержала в то время и Тамара. Хохлов, Комарова — расстреляны. Тамара Трофименко выпущена немцами в последние дни оккупации, что заставляет думать, что она впоследствии держала себя не так, как подобает советскому человеку. Не такие немцы люди, чтобы выпустить из гестапо просто так, да еще в дни отступления. Вполне возможно, что в последующих арестах есть и её какая-то доля. Кроме того, многие ребята, которых она знала, впоследствии были арестованы.

Причины первого провала мы не знаем. Были ребята выданы кем-нибудь, или произошло это из-за их собственной неосторожности, болтливости. Во всяком случае, аресты дальше не распространились. Организация могла снова продолжать работу.

В связи с арестами, уходом некоторых товарищей в лес, приходится перестраивать структуру организации. Руководство группой

Жильцовой поручается Ланскому, агит. группой Хохлова — Морозову. В комитет вместо выбывших вводятся т.т. Ланский, Морозов, Стауэр. Снова начинает работать на старом месте типография, див. группа приступает также к работе. Работа разгорается с новой силой. Мы уже хорошо вооружены. Помимо обреза, пистолетов, гранат, мы имеем уже и автоматы, регулярно получаем боеприпасы, т.е. имеем все предпосылки для проведения более сложных операций.

Для проведения этих операций создается новая база. Мы искали её долго. Наконец остановились на квартире бойца группы Бабия. Еригова. Домик на окраине города, но в то же время и недалеко от центра, за домиком большой сад. Лучшее найти было трудно. Во дворе сделали тайники, вход замаскировали. Здесь хранилось оружие. База предназначается только для действий группы Бабия, т.к. эта группа состояла из наиболее смелых, сильных ребят, и ей мы решили поручить проведение сложных боевых операций. Но тут вопрос упирается в то, что немцы запретили к этому времени хождение с наступлением темноты.

До сих пор под покровом темноты мы подбирались, минуя часовых, к тому или иному объекту и делали то, что нам надо. Теперь это отпадало. Встал вопрос: как выйти из этого затруднения? Предстояло или прекратить див. работу в пределах города и ограничиться только минированием составов, проходящих через ст. Симферополь, что выполняла жел. дор. группа, или найти что-то новое. В конце концов нашли. Действовать, переодеваясь в немецкую форму, сходить за их патруль (пароль мы могли получать каждый день, т.к. один из наших ребят работал в полиции). Предстояло достать форму. Написали в лес. Оттуда прислали две формы. Это, ясно, было мало. Решаем произвести налёт на казарму. Произведена разведка, знаем, где часовая, где караульные.

Назначая операцию на 2 января. Вместе с Бабием выбираем ребят для этой операции. Останавливаемся на Еригове, Алтухове. Вместе с ними — пятеро. К 4 часам собираемся на базе у Еригова. Готовим оружие. Все очень напряжены. Это первая операция, где мы встретимся с противником с глазу на глаз. До сих пор мы обходились без этого. Но настроение хорошее. Уверены в успехе. В 10 вечера выходим. Я и Бабий в немецкой форме, Алтухов — полицейский. Он «конвоирует» ребят, которые без формы. Это на случай встречи с патрулем. Он скажет, что ведет ребят в полицию. Мы трое с автомата-

ми, Енджеян и Еригов с пистолетами. Подходим к казарме. Навстречу патруль. Алтухов, Енджеян и Еригов прячутся в подворотню. Я и Бабий идём навстречу патрулю. Взвожу автомат, Вася тоже. Уверен, что без стрельбы не обойтись. Патруль рядом. Вася говорит: «Халът! Пароле?» — «Стокгольм» — отвечает патруль и идёт дальше. После этого почувствовали себя гораздо увереннее, напряжение прошло. Выходят ребята. Идём дальше. Наконец казармы. Бабий подходит к часовому. «Хаст ду фойер?». Часовой оказался добровольцем. Пока он искал зажигалку, у его лба очутился Васин пистолет, а у /неразб./ мой. Часовой ошалел. Бормочет что-то несуразное. Объяснили. Наконец он понял. У него узнали всё. Оказалось, что в казарме 14 добровольцев (мы считали 5).

Оставим Алтухова на улице, сами вошли в помещение. В казарме оказались добровольцы. Наше появление произвело на них такое впечатление, что они не оказали абсолютно никакого сопротивления. От них мы узнали, что рядом в комнате находятся три немца.

Первое это было рвануться туда и убить их, но здесь внезапно мозг пронизывает мысль: «Ведь напротив живет «старик» (Козлов, секретарь горкома). За троих немцев будет расстреляно 150 человек гражданского населения. Что, если и он попадет в их число».

Останавливаю ребят, причину им, конечно, не говорю, удивленно смотрят на меня. Почему не убивать немцев? Приходится изменить первоначальный план действий. Готовя операцию, мы думали находящихся в ней солдат уничтожить, само здание вместе с находившимся там складом продовольствия сжечь. Для этого захватили с собой даже бензин. Но тогда я совершенно не учел, что здесь близко бывает «старик». Ясно, что лучше было в этом районе поднимать как можно меньше шума. Забираем все, что можем унести: форму, оружие, патроны. Добровольцев связали. Сказали им, что дверь заминирована. Выходя, подвигали возле нее каким-то ящиком.

Как потом узнали, у добровольцев создалось полное впечатление, что их действительно заминировали. Тяжело нагруженные, мы благополучно добрались до базы. Теперь мы были обеспечены формой в достаточном для нас количестве.

С этого дня в городе по ночам стали твориться странные для немцев вещи: «немецкий патруль» подходит к складу с бензином. Наутро там начинается пожар. «Патруль» встречает немца. «Пароле?». Ответ. После этого: «Хенде хох!». У немца отбирается оружие.

Пока мы их ещё не убивали, чтобы не вызывать напрасные жертвы среди населения. Немцы недоумевали и злились. Какие меры они ни предпринимали, в городе продолжались взрывы, пожары, нападения на солдат. В январе — нападение на лагерь военнопленных офицеров РККА, взрыв склада боеприпасов, взлетел на воздух бронетранспортер и т.д. В феврале — среди бела дня взрывается водонапорная башня на ст. Симферополь, через несколько дней взрываются баки с горючим на ж.д. нефтебазе. Всё это работа группы Бабия. Группа выполняет наиболее сложные и опасные задания. Ей присваивается звание «Особая группа». Помимо этого див. работу ведут и остальные группы. Город по-прежнему забрасывается листовками, да ещё в большем количестве, т.к. теперь мы получаем из леса также много и литературы. В городе продолжают шнырять шпики. В конце января над организацией нависает новая угроза. Это произошло так.

Мать Бориса Еригова (в их доме была база особой группы) через соседку познакомилась с каким-то человеком, выдавшим себя за представителя леса. Она знала о деятельности своего сына и о том, что в её доме база. Мы её предупреждали, что она должна быть особенно осторожна в разговорах с людьми, в знакомствах, ни в коем случае не должна подавать вида, что она что-то знает.

Однако она познакомилась с этим человеком. Случайно мы узнали об этом. Заинтересовались. Из леса нам все время напоминали об осторожности, о том, что ни с какими представителями не надо связываться. Из разговора с ней поняли, что это за представитель. Запросили лес. (У нас в то время уже была рация). Ответ был для нас неутешительный: никаких представителей нет. Это провокатор. Из разговора с Ериговой выяснилось, что этот человек имеет задание от «партизан» связаться с организацией, которая действует в этом районе города. Мы насторожились. Мы поняли, что в наших боевых действиях мы допустили ошибку. В последнее время мы действовали очень /неразб./, нередко диверсии следовали одна за другой буквально через день, немцы уже узнали о «патрулях». Во время одной из операций, когда мы возвращались на базу, к нам подошёл румынский офицер и сказал: «Будьте наготове. В городе партизаны, они ходит в немецкой форме».

Как-то получилось, что все наши операции были в последнее время произведены примерно в одном районе города, вблизи нашей

базы. Немцы поняли, что база этих «патрулей» где-то, наверно, в этом районе. Была брошена масса шпигов. С одним из них и познакомилась мать Еригова.

Нужно было принимать решение. В своих разговорах с «представителем» мать Еригова зашла слишком далеко. Ей спасения уже не было. Оставался выход — уйти в лес. Но в этом случае мы бы потеряли нашу основную базу, а такую базу мы бы уже найти не смогли. Кроме того, уйти в лес она не могла из-за больного мужа. Решили прибегнуть к последнему средству. Шансов на то, что мать Еригова останется в этом случае жива, было мало. План состоял в том, что Еригова должна сама пойти в гестапо и заявить, что она познакомилась с партизаном и сообщить место встречи с ним, т.е. разыграть «патриотку». Поговорили с ней. Она согласилась. Досконально всё обсудили: что она должна говорить, как вести себя. Уходя, она сказала нам, что мы можем за неё не опасаться, даже если ей придётся остаться в гестапо, то она сумеет выдержать всё. Правда, выдать-то из нас она могла только двоих: сына и Владимира Енджеяна, остальных она по фамилиям не знала, не знала и адресов. Из гестапо она не вернулась.

Выждав некоторое время, мы начали снова действия с этой базы.

По-прежнему ведется див. работа, агитационная, разведка, связные ходят на явку и т.д. Так продолжается до 7 февраля.

В начале февраля нам удалось связаться с Севастополем. Там была наибольшая группа. С ней связался один из бойцов нашей ж.д. группы Ланского Баранаев. Было решено связь с ней поддерживать, но очень осторожно, т.к. их мы фактически не знали. Правда, Баранаев за них ручался. Решили, что связь с ними будет держать только он. Надо было их испытать на деле. 7 февраля Баранаев получил от Ланского 2 мины-магнитки, литературу и повез в Севастополь. (Работая на ж.д., он мог ездить туда). По дороге он был арестован. Как это произошло, мы не знаем. На жел. дор. об этом ходили такие слухи: 1) Он был арестован, когда минировал состав с боеприпасами на ст. Мекенцева гора. 2) Добровольцы случайно нашли у него в портфеле мины. Но вполне возможно, что это было не случайно, т.к. выяснилось теперь, Баранаев перед отъездом приходил к своему другу Астахову и сказал ему, что он будет сегодня арестован (Баранаев).

Об этом сейчас рассказал отец Астахова. После ареста Баранаева начались аресты остальных членов группы: Астахов, Самойличенко, Рыманов. Командир группы Ланский перешел на нелегальное положение. Из судьбы этих ребят нам неизвестно ничего. Мы только знаем, что Рыманов оказался малодушным трусом (один из членов партийной организации слышал разговор Рыманова с гестеповцем). Мы потеряли одну группу. Из-за хорошей изоляции групп друг от друга аресты дальше не распространились. Не сдержал своей клятвы и Рыманов: выдать вою «бандитскую молодежь», как он обещал гестаповцам. Он нас никого не знал. Организация продолжает работать. Связь с Севастополем установить не удалось.

11 февраля Ланский, идя по улице недалеко от своего дома, наскочил на засаду и был схвачен. Это был тяжелый удар по нам. Кроме того, что мы потеряли одного из лучших, активнейших, смелых наших товарищей, мы теперь должны были постоянно быть на чеку. А вдруг не выдержит? Мы знали Владлена Ланского, верили ему, знали, что такие как он не предадут своих товарищей. Но мы знали, что такое гестапо. Не каждый мог выдержать те физические мучения, которым он подвергался там. А что Ланского будут пытать, мы знали. Член партийной организации, один из ближайших помощников Козлова Ольга Шевченко рассказывала, что в день ареста Ланского гестаповец, который жил у них во дворе, хвастался, что сегодня арестован руководитель «городских бандитов», и что теперь в городе будет спокойно. Ясно, что у такого человека они попытаются выпытать всё.

Ланский, будучи командиром группы, знал об организации очень многое: базы, типографию, явку возле леса, знал многих членов.

Гестапо разыскивает также и Жильцову, которая с декабря живёт нелегально. Остаётся один выход — увести её в лес, но идти она из-за состояния здоровья не может. Захватываем двух лошадей. Благополучно доводим Жильцову до явки, дальше идём с партизаном-проводником. Он заблудился. У опушки наталкиваемся на противника. Зоя не выдерживает пути. Поминутно падает. Ребята выбиваются из сил, поддерживая Зою. Противник метрах в 200 от нас. Двигается параллельно нам. Виден свет фар автомашин. Зоя теряет сознание, горлом идёт кровь, оконечела. Несём её на руках. В конце концов чувствуем, что несём труп.

Приняли ряд профилактических мер: перебазировали базы, типографию, явку перенесли на другое место. Была опять проделана та же штука, что и после ареста Хохлова: с большим шумом распространены листовки, проведена диверсия. Можно с уверенностью сказать: Ланский выдержал.

Гестапо опять не смогло нас поймать всех. Мы были готовы опять к действиям. Основные наши силы остались целы.

Начинаем готовиться к новой операции; налет на казино, где по вечерам находилось много офицеров. К концу февраля подготовка была закончена. Но операция была запрещена горкомом, т.к. считали там, что будет слишком поднят большой шум и пострадает население. С неохотой мы подчинились, втайне надеясь, что вскоре мы все же совершим ату операции.

Вскоре в городе начались провалы групп партийной организации. С каждым днем они принимали все более и более широкий характер. Не прошли бесследно они и для нас.

8 марта гестаповцы пришли на квартиру к Анатолию Басс. Его не было дома. Он жил на конспиративной квартире. Взяли его мать. Приказали вести к товарищам сына. Она повела к Бабию. Бабия тоже не было дома. Затем он был предупрежден.

Ясно, этим двум ребятам надо было уходить. Вечером собрались на базе у Еригова. Уступая просьбам ребят, я согласился, чтобы Бабий и Басс перед уходом провели ещё одну операцию. Решили так: часть ребят пойдёт на одну операцию, а затем я, Бабий и Енджеян пойдём убрать Рыманова, который к этому времени был из гестапо выпущен. Ребята ушли. Я и Вася остались на базе.

Енджеян пошел домой (он жил рядом). В это время база была окружена гестаповцами и полицейскими. Мы с Васей были в одной комнате, отец и сестра Еригова в другой, в каждую комнату ход с улицы. Мы слышали, как били отца и сестру Еригова, обыск. Решили дорого продать свою жизнь.

Я взял автомат, Вася — пистолет и гранату. Встали у двери. Ждём. По двору ходят. Подходят к нашей двери. Я приготовился. Решили так. Как откроют дверь — бью с автомата. Вася отходит. Я его прикрываю, затем отхожу сам. Несколько раз они подходили так к нашей двери, но дверь, как видно, не заметили. Вскоре мы услышали, что они уходят. Тихонько вышли. Дом был пуст. Ясно, что по-

лицейские где-то близко. Надо предупредить ребят. Они будут скоро возвращаться. Решили сначала сходить за вторым автоматом. Он был забазирован на общей базе в степи, недалеко отсюда. Возвращаясь обратно, услышали автоматную стрельбу. Стреляли в районе базы. Ясно, наши. Сломая голову бросились туда. Подошли к дому Еригова. Никого. Возле дома Енджеян полно немцев. Где ребята? Ушли или погибли. Только к утру нашли мы их недалеко от общей базы, в степи.

После того как гестаповцы ушли с нашей базы, они пошли, взяв с собой сестру Еригова, в дом Енджеяна. Енджеян в это время был дома. На стук он открыл дверь. В него выстрелили.

Он захлопнул дверь. Его сестра, Туся, подбежала к двери и стала ее держать, дав этим брату возможность уйти. Владимир выскочил через окно. В это время вернулись наши ребята. Енджеян их встретил. В доме остались: сестра Еригова, мать, отец Енджеяна, сестра — член нашей организации. наших ребят было пятеро: Еригов, Демченко, Графиков, Басс, Енджеян. Дом был окружен. Выбиты окна. Пять автоматов дали очереди.

Ни один из находившихся в доме гестаповцев не ушел.

В числе убитых был начальник полиции города Симферополя.

В перестрелке (гестаповцы оказали сопротивление) были ранены Туся Енджеян, сестра Еригова. Всех, за исключением сестры Еригова, удалось забрать. Вся группа вышла в степь, где мы и нашли её. 9 марта почти вся особая группа, за исключением 5 человек, была выведена в лес. На следующий день в районе перестрелки началась облава, но найти никого не смогли.

Таким образом, к 9 марта у нас в городе осталось 2 группы: Морозова и Гаршина и 5 человек из особой группы. К этому времени в группу Гаршина вошел ряд работников связи — инженеров, техников. Они были выделены в самостоятельную подгруппу под общим руководством Гаршина. Подгруппа получила спец. задание в области связи: 1- В нужный момент вывести из строя телефоно-телеграфные линии (междугородные). 2- Спасти оборудование станций. 3- В случае, если немцы будут его вывозить — попортить его или уничтожить. Таким образом, к тому времени обстановка сложилась такая:

1) Мы лишились лучшей нашей боевой группы.

- 2) Лишились основной оперативной базы и вместе с ней части оружия.
- 3) Каждый день мы могли ждать ареста, обнаруживания наших др. баз, т.к. провал партийной организации всё разрастался, а связь между ними и нами была.

У нас осталось две группы, которые не могли быть сразу использованы для боевых действий по двум причинам:

- 1) из-за отсутствия подходящих баз для этого. Базу связистов я для того же использовать не хотел, хотя она и подошла бы.
- 2) до сих пор эти группы вели в основном агитационно-разведывательную работу, и группа Морозова работала по связи с лесом.

На первое время у нас были также перспективы: продолжать агит. работу, разведку; подгруппе, работающей на связи, выполнить свои задания. Одновременно с этим готовиться к боевой работе. Чтобы не прекращать боевую деятельность, я решил поступить так: оставшиеся в городе группы будут готовить операции (производят разведку и т.д.). Для выполнения операций особая группа будет приходить из леса. Т.е. на первое время приходилось совершенно перестроить работу. Это было более сложно. Мы не могли быстро реагировать на действия немцев, как было до сих пор, но другого выхода пока не было.

Но сразу приступить нам к работе по этому плану не удалось.

11 марта из леса вернулся Стауэр. Он принес указание в первую очередь заняться спасением людей, которым угрожает арест. Провал партийной организации все разрастался. Для этой работы мы используем группу Морозова. Группа Гаршина не прекращает повседневной работы. Члены группы Морозова налаживают связь с уцелевшими группами, выводят их из города. С 14 по 22 марта было выведено 103 человека, в том числе и городской партийный комитет.

Будучи в лесу, я рассказал секретарю областного партийного подпольного центра т. Ямпольскому о наших дальнейших планах на работу. Их одобрили.

18 марта я, Стауэр вернулись в город. Оставалось вывести из города ещё несколько групп, затем мы могли начать нашу работу. Уже были даны задания найти базы, проводилась разведка склада горючего. Но 20 марта гестаповцы нагрянули ко мне. Меня не было дома. Дома была мама. Она сделала всё, чтобы меня предупредить.

Прикинувшись наивной дурочкой, она начала игру с гестаповцами и в конце концов смогла убедить их, что она не причём, а она ведь на самом деле была в курсе всех наших дел, активно нам помогала. Мотивируя всё тем, что я веду в последнее время себя несносно, что у нас часты ссоры, и что такая ссора была вчера, и я ушел из дома, она просила найти меня и в случае надобности наказать. Уходя из дому, я оставил под подушкой пистолет. Мама вспомнила об этом, когда был обыск. Немцы были в другой комнате. Она спрашивает разрешения подойти к плите. Тихонько пробирается в другую комнату и прячет пистолет за пазуху.

Рассказывая немцам обо мне, подавая им альбом (они искали мою карточку, а все мои карточки были спрятаны уже месяца два назад), она придумывает, как предупредить меня. Спрашивает у немцев разрешения пройти в уборную. Они разрешают. Она идёт туда, затем быстро бежит к бабушке, её дом рядом, и немцы, ещё не зная об этом, там не были. Говорит бабушке всё. Что надо меня предупредить. Та отвечает, что всё будет сделано. Заодно прячет пистолет. Дед, тётка, Вера Горемыкина (она жила рядом с нами) уже пошли по тем улицам, где я хожу домой. Мать возвращается домой и продолжает игру с немцами. Я не дошел до дома метров 200, когда меня встретили моя тётка и Вера Горемыкина. Предупредили. Я вышел из города. Это было уже часов в 6 вечера. Ходить было нельзя. Я заночевал в степи на нашей общей базе. Рано утром вошел в город. На конспиративной квартире встретился со Стауэр. У него тоже было не в порядке. За домом следили. Потом встреча с Морозовым, Гаршиным. Даю им инструкции, что делать. Я, ясно, должен уйти на некоторое время в лес. Морозова назначаю руководителем оставшихся в городе групп. Рассказываю, где забазировали материалы, нужные им для работы. Даю задание, где и когда встретить людей, которых 22-го я и Стауэр поведем в лес.

Через Веру Горемыкину наладил связь с домом. Немцы караулят меня 20, 21, наконец днем 22-го они уходят. (Вера Горемыкина ходила к моей матери под видом молочницы). Воспользовавшись уходом немцев, мои родные вышли из дома (мать, отчим, дед, бабушка, тетка, двоюродный братишки 6 л.). Вечером они были на условленном месте, где их ждал я с ребятами. Туда же были приведены и др. товарищи. Всего около 30 человек. 23-го мы были в лесу.

Через несколько дней я и Стауэр вышли снова в город. Морозову были даны подробные указания по работе, назначены дни встреч

на явке. Теперь явки были через каждые 3 дня. Гаршину также были даны указания, в основном, по работе группы связи.

Морозову поручалось также восстановить типографию, которая в разобранном виде находилась у Долетова, бойца группы Морозова.

За последнее время на нашей общей базе скопилось много литературы. Было дано указание её разбросать по городу. Кроме того, этим 2-м группам поручалось подготовить ряд квартир для принятия в скором времени бойцов особой группы. В начале апреля мы вернулись в лес. В это время от областного центра мы получили разрешение произвести налет на казино. Бабий выходит в город для подготовки операции.

Операция назначается на 16 апреля (пасха).

10-го узнали о начале наступления Красной Армии на Крым. 11-го встречаемся на явке с ребятами, пришедшими из города. Через связных каждая группа получает ряд заданий. Здесь все узнаём, что группа уже начала действия против отступающего противника. Междугородняя связь уже выведена из строя, выпущена листовка, в которой население города призывается к спасению города. Группы получают дальнейшие задания. Их действия, правда, очень затрудняются отсутствием боеприпасов, но вскоре боеприпасы были отбиты у противника. Группы под общим руководством Бабия устраивают засады на шоссе, улицах города, ведут борьбу против факельщиков, разминируют столбы, мосты, автомашины, склады и т.д.

12 апреля все наши ребята по разрешению командования соединения направляются в город. Вечером мы приходим туда, но уже поздно. Правда, днем 13-го апреля нам удалось не допустить вступление в город карательного отряда. При первых же выстрелах каратели ударились в панику и начали разбегаться. В перестрелке были убиты несколько карателей, в том числе один полковник. Вскоре после этого мы встретились с передовыми частями Красной Армии, входящими в город.

Боевая деятельность СПО

К проведению боевых действий против захватчиков организация приступила в октябре 1943 г. С этого времени регулярно боевая деятельность продолжается все время. В основном она осуществляется диверсионными группами, но по возможности ведут

её и остальные группы. Наибольшее количество боевых операций приходится на особую группу Бабия. Операции, проведенные этой группой, носят самый разнообразный характер, начиная от диверсий и кончая вооруженными нападениями на противника. Как была построена наша боевая деятельность?

Во-первых, она была тесно связана с положением противника в Крыму. Невозможность снабжения сухопутным путем заставила противника испытывать большие затруднения в боеприпасах и горючем. На это мы и направили наш основной удар. Точно так же были тесно связаны наши боевые действия с действиями противника в тот или иной момент. Так, например, разведка, следящая за движением на ж.д., доносит о больших передвижениях через ст. Симферополь. Через день водокачка выведена из строя. Движение задерживается, т.к. ст. Симферополь была основным пунктом набирания паровозами воды на перегоне Сарабуз — Севастополь. (В Альме в это время водонапорную башню взорвали партизаны). Во второй раз была взорвана водонапорная башня.

Каждой операции предшествовала тщательная разведка.

Мы знали, совершая операцию, все подходы к ней, имели план отхода в случае неудачи, знали расположение охраны, если не точное, то хотя бы примерное.

Проведение операции разрешалось лишь после того, как было учтено всё: её целесообразность, возможные результаты, наши силы.

О предстоящей операции знало очень ограниченное число лиц: участники, руководство организации. После принятия комитетом решения о проведении операции, участникам будущей операции поручалось произвести тщательную разведку объекта: охрана, подходы, обход и т.д. Данные передавались командиру группы.

После этого начинал разрабатываться план операции. Иногда его разрабатывал комитет организации, иногда командир группы лично и затем знакомил с ним меня, Хохлова.

Назначалась точная дата операции. Здесь тоже учитывалось всё: дождь, снег, луна, длительность ночи и т.д. Например, из-за снега нам пришлось операцию по взрыву боеприпасов в с.х. «Красный» задержать недели на две, т.к. по снегу туда подойти было нельзя — была большая охрана, на снегу же, даже ночью, люди очень были заметны.

От участников операции требовалась абсолютная дисциплина, подчинение старшему. Вначале это было не всегда так. Например, бойцы особой группы Енджеян и Еригов пошли минировать склад боеприпасов. Старший Енджеян. На территории склада, который усиленно охранялся, у Енджеяна случайно выстрелил пистолет. Еригов, вместо того, чтобы спрятаться, затихнуть, начал во всё горло кашлять. «Ах, ты стреляешь, а меня кашлять нельзя?!» (Енджеян запрещал ему кашлять). В результате ребята ушли только чудом. Но впоследствии это прошло, и операции в дальнейшем проводились дисциплинированно: приказ старшего был закон. В результате этого у нас не было ни одной операции, которую бы мы задумали, но не выполнили, и которая бы окончилась для нас неудачно.

За все это время нами были совершены следующие операции:

1. 14 октября 1943 г. группа в составе Бабий, Ланский, Енджеян, Басс под покровом темноты пробирается на нефтебазу по Евпаторийскому шоссе 4. В результате взрыва сгорело 2 т бензина. Руководил операцией Бабий.

2. 17 октября 1943 г. Евгений Семняков минировал автобус с немцами, стоящий по улице Карла Либкнехта. В результате автобус поврежден, убито или ранено 5 немцев.

3. 23 октября 1943 г. группа в составе Косухина, Бабия, Стауэр, Семнякова минировал склад горючего на автобазе /неразб./. Семняков и Стауэр несут патрульную службу, следя за безопасностью возле склада. Косухин и Бабий незаметно для часовых перелезают через стену и минировали бочки с бензином в 2-х местах. В результате взрыва и пожара уничтожило 5 т бензина, 4 т автола и 3 автомашины. Руководил операцией Косухин.

4. В ноябре 1943 г. боец группы Бабия (затем выбывший из организации) Гуляев минировал гусеничный тягач. Тягач уничтожен.

5. В ноябре 1943 г. боец группы Гаршина Чистяков в ящик с шелковыми коконами закладывает мину (он работал в тресте «Крым-шелк»). Ящики с коконами отправлялись в Германию на самолётах). Самолёт типа Ю-52-№9 на аэродром не вернулся, хотя остальные самолёты вскоре вернулись. По рассказам немецких лётчиков, он взорвался в воздухе.

6. В ноябре 1943 г. боец группы Бабия Григорий Бражников минировал на ж.д. ст. Симферополь вагон с бензином. В результате

взрыва и возникшего пожара сгорело 3 вагона с горючим (20 т), ж.д. мастерские и состав в 41 вагон, частью порожняка, частью с грузом.

7. 18 ноября 1943 г. член группы Жильцовой Баранаев минировал на ж.д. ст. Симферополь вагон с румынами и продовольствием. Взрыв произошел в р-не ст. Макенцева гора. Убито 3 румына. Сгорело много продовольствия.

8. В начале декабря 1943 г. следившие за движением по ж.д. донесли о большом движении через ст. Симферополь. Было принято решение помешать этому. 4 декабря группа в составе Бабий, Ланский, Енджеян, под командованием Бабия, совершает налёт на ж.д. водокачку. Были заминированы агрегаты. В результате недоброкачества бикфордова шнура (мы тогда делали его сами) взрыва не произошло. Но ребята, не особенно надеясь на шнур, вывели машины из строя, нанеся им различные механические повреждения. В результате водокачка не работала 4 дня, лишив вокзал основной подачи воды.

9. В декабре 1943 г. группа в составе Енджеян и Еригова скрытно пробиралась на территорию склада боеприпасов в с/х «Красный» и минировал штабеля снарядов. В результате уничтожено 20 т бензина.

10. В середине декабря 1943 г. боец группы Ланского Астахов минировал вагон с горючим. В результате уничтожено 20 т бензина.

11. 2 января 1944 г. группа в составе Косухина, Бабия, Енджеян, Еригова и Алтухова совершает нападение на казарму, имея своей целью захват немецкой формы для дальнейших операций. Руководил операцией Бабий. Подробно эта операция описана выше.

12. Через несколько дней боец особой группы Бабия, Еригов, получает задание подорвать бронетранспортер, стоящий недалеко от его дома. Двор, где стоял бронетранспортер, усиленно охранялся, т.к. там была расположена немецкая часть. Несмотря на это, ему удалось подобраться к бронетранспортеру, который он и заминировал. Задание было выполнено. Бронетранспортер был взорван.

13. 25 января 1944 г. проводится налёт на лагерь военнопленных офицеров Красной Армии. Операция готовилась уже давно. Через женщин, носивших передачу военнопленным, была установлена связь с ними, изучено расположение комнат, часовых, составлен план действия, назначено и сообщено военнопленным время начала операции. У военнопленных узнали, как у них с обувью, одеждой,

т.к. предстояло сделать за ночь свыше 50 км. Задача осложнялась наличием большого количества часовых, которые по 2 были расставлены в разных местах. Вначале возник план снять их всех, но затем это отпало, т.к. вполне можно, что с каким-нибудь из них получились бы нелады, он начал бы шуметь, и операция могла бы сорваться. Это поставило бы под угрозу военнопленных, которые к этому времени должны были собраться в определенной комнате. В конце концов решили снять часовых только вблизи комнаты, где были собравшиеся уйти с нами товарищи. С наступлением темноты собрались на базе особой группы у Еригова. В 9.45 вышли, одетые в немецкую форму с автоматами. В 9.55 подошли к лагерю. Проходим мимо часового: «Пароль?» — отвечаем: «Париж». Идём дальше. Так прошли мимо двух постов. Наконец мы у поста, который надо снять. На всякий случай, если нам не удастся снять часовых тихо, я поставил двух бойцов в засаде, поставив перед ними задачу: во что бы то ни стало задержать немцев, которые, ясно, поспешат на помощь своим. Решили, что в этом случае двое будут прикрывать наши действия, а остальные освобождать пленников. Пленных решили освободить во что бы то ни стало, т.к. неудача грозила им гибелью.

Подходим к посту. Опять: «Пароль?» — отвечаем: «Париж» и идём им навстречу. Поравнялись. Я подошел к одному. Бабий и Енджеян к другому. Часовые не успели вымолвить и слова, как у их лбов очутились дула пистолетов. Правда, один из них попробовал оказать сопротивление, но быстро пришел в себя, получив удар автоматом. Енджеян и Бабий повели часовых в сад, который был рядом. Бабий вернулся ко мне, а Енджеян остался их сторожить. Я тем временем подал военнопленным условный знак, получил ответ и начал перерезать колючую проволоку, которой были окутаны окна. Наконец все было готово. Пленные один за одним начали вылезать из окна. Через несколько минут всё было кончено. Недалеко были слышны шаги ничего не подозревающих других постов. Я, Еригов, Ланский выводили освобожденных пленников, неудачливых часовых через сад за город, где нас уже поджидал проводник Стауэр. На следующий день все были доставлены в штаб северного соединения крымских партизан. В результате нападения было освобождено 8 офицеров Красной Армии. В операции участвовали Косухин, Бабий, Енджеян, Еригов, Ланский. Руководил операцией Косухин.

14. На следующий день группа в составе: Бабий, Енджеян, Алтухов, Басс совершает крупную диверсию на складе боеприпасов в с/х «Красный» Одевшись в немецкую форму, ребята проходят почти весь город, перерезают колючую проволоку, которой огорожен склад, проникают туда. Часовые ходят почти рядом, переходя от одного штабеля к другому. Несмотря на это, удается заминировать снаряды в четырех местах, кроме того, заминированы цистерны с горючим, которые стояли вблизи. Также благополучно ребята ушли. Утром за снарядами на склад приехали немцы и румыны. В это время раздался взрыв. Машины, немцы — всё смешалось. От взрывов вылетали стёкла в центре города, вблизи склада многие дома были повреждены. В этот раз помимо боеприпасов и горючего было уничтожено 10 автомашин и около 70 солдат противника. Руководил операцией Бабий.

15. В ночь с 30 на 31 января 1944 г. боец группы Ланского минует вагон с горючим, в результате сгорело 20 т бензина.

16. В ночь с 1 на 2 февраля 1944 г. группы в составе Стауэра, Морозова, Долетова (эти ребята работали на связи с лесом) минируют Феодосийское шоссе. На расставленных минах взорвалось 2 автомашины и одна телега с румынами. Убито 2 румына. Руководил операцией Стауэр.

17. 9 февраля 1944 г. опытные бойцы особой группы Бражников Григорий, Луценко заминировали на ж.д. насосы, подающие воздух в литейную и кузню. В результате агрегаты были уничтожены, на их замену ушло 3 дня.

18. 13 февраля трое бойцов особой группы: Енджеян, Еригов, Басс днем проникают в водонапорную башню и взрывают ее. Вопрос об уничтожении ее стоял у нас давно. Произведенная разведка показала, что ночью проникнуть к ней не удастся, т.к. хождение на территории вокзала ночью запрещалось даже немцам. Незаметно проникнуть туда нельзя было тоже — слишком большая была охрана. Енджеян предложил взорвать ее днем, пробравшись туда нахально, пройдя под носом часового под видом ремонтных рабочих. Как раз наступил удобный момент.

В Альме партизаны взорвали водонапорную башню. На перегоне Сарабуз — Севастополь, вода оставалась только в Симферополе. Движение по дороге было большое. Достаточно будет сказать, что после взрыва водонапорной башни скопилось через несколько часов

12 эшелонов. Енджеяну было дано задание приступить к выполнению его плана. 13-го часов в 11 трое «рабочих» прошли мимо часового, неся что-то. Через несколько минут они вышли. Ребята, зайдя в башню, связали находившегося там сторожа, положили под бак тол, подожгли шнур и вышли. Через 4 минуты произошел взрыв. Главный бак водонапорной башни был разнесен на кусочки. Часовой у башни был убит камнем.

Ребята ушли благополучно. Руководил операцией Енджеян.

19. В начале февраля разведка донесла о том, что на ж.д. нефтебазе много горючего. Решили взорвать. Горючее находилось в огромных баках. 13-го вечером Косухин, Бабий, Еригов, Ланский, одетые в форму, подошли к нефтебазе. Еригов Ланский остались с наружной стороны базы, прикрывая нас с тыла. Косухин и Бабий перелезли через стэнд и осторожно пошли к бакам. Осмотрели один, другой, пошли дальше. В этот момент Бабий был обнаружен. Поднялась стрельба. Бабий выхватил пистолет и выстрелил в часового. Из караулки /неразб./ немцы. Ничего другого не оставалось, как отходить. Немцы, как видно, потеряли нас из виду – палили во все стороны. Мы перелезли через стену, встретили ребят и благополучно вернулись на базу. Руководил операцией Косухин.

20. 17 февраля налет на нефтебазу был повторен. В этот раз действовала группа в составе Бабий, Ланского, Еригова, Енджеяна и Луценко. Операция протекала точно так же: двое минировали, остальные прикрывали. Операция прошла удачно. Было заминировано 6 баков, как теперь выяснилось, каждый из них вмещал 250 т. 2 мины были обнаружены, 2 взорвались, не причиняя вреда бакам, 2, взорвавшись, пробили в стенках баков бреши. В баках оказался керосин, он не воспламенился от взрыва. Горючее из 2-х баков вытекло. Руководил операцией Бабий.

21. 27 февраля Бабий, Демченко, Бражников Петр минировать склад бензина. Уничтожено 2 т горючего.

22. 8 марта произведено, во время попытки арестовать бойца особой группы, нападение на гестаповцев. В результате убито 3 гестаповца и один тяжело ранен. В числе убитых начальник Симферопольской полиции.

Помимо боевых операций велась и саботажно-диверсионная работа. Так, например, тов. Чистяков (из группы Гаршина), работая в тресте «Крымшелк», при сушке коконов повышал температуру, чем уничтожил 7 тонн коконов.

Активные боевые действия вели члены организации в дни отступления немцев из Крыма. В результате засад, устраиваемых на шоссе, улицах города, уничтожено /неразб./ машин, /неразб./ солдат и офицеров противника. Большую работу проделали группы по спасению объектов города. Разогнана группа факельщиков, пытавшихся уничтожить гос.мельницу, разминировано /неразб./ горючего, /неразб./ автомашин, много телефонно-телеграфных столбов, 2 моста: Архивный и Феодосийский. 13 апреля предотвращены попытки немцев ввести в город карательную экспедицию.

Большую работу провела в эти дни подгруппа, работающая на телефонно-телеграфной станции. С первых дней наступления Красной Армии были выведены из строя связь Симферополь – Перекоп, Симферополь – Севастополь. Спасено много оборудования, что позволило через несколько дней после освобождения Симферополя наладить связь между важнейшими учреждениями.

В эти дни наиболее активное участие в боевых действиях принимали: Бабий, Морозов, Бражников П., Бражников Г., Тимченко, Долетов, Высоких, Гаршин. Руководил операциями – Бабий.

Помимо этих операций было проведено ряд нападений на единичных солдат и офицеров противника. Цель этих наших нападений – добыть оружие.

Агитационная работа

Агитационная работа велась группами ещё до их оформления в организацию. Велась всякими способами: написание от руки листовки; листовки, сброшенные с самолетов, устная агитация. Меня, например, в школе близко знакомые ребята называли Симферопольским агентом «Совинформбюро». Впоследствии агитработа, в основном, базировалась на подпольную типографию и позже на литературу, приносимую из леса.

Наша «типография» вначале представляла собой очень примитивное сооружение: касса, 2 верстака, металлическая дощечка, на которую ставился набор, резиновый фотографический валик, который служил нам для прокатки. На этой «типографии» мы, как ни старались, не могли за ночь отпечатать более 400 листовок. В октябре из леса получили печатный станок, тираж листовок поднялся до 1000 экземпляров. В перерыв между выпусками листовок типография обычно закапывалась во дворе у Веры Горемыкиной, которая жила

рядом с нами, иногда закапывал дед у себя в саду. Вначале в типографии работали трое: я, Хохлов и Семняков. Мы писали листовки (правда, редактировала их моя мать. Она учительница русского языка), набирали их, печатали. После ареста Хохлова и ухода в лес Семнякова в типографии стали работать: Стауэр, Ланский, Морозов и я.

Город был разбит на районы. Каждый район поручался определенной группе. Командир группы, получив листовки, раздавал их своим бойцам, поручая ту или иную часть своего района. Распространяя листовки, мы не стремились (за исключением редких случаев, когда это было необходимо) поднять шум, наоборот, ребятам всегда говорилось, что надо листовки кидать так, чтобы их нашло население, а не полиция, чтоб каждый человек мог поднять эту листовку, не рискуя быть при этом арестованным.

Листовки пользовались большим успехом у населения. В поисках типографии немцы не раз устраивали обыски, оцепляя целые районы, но найти её так и не смогли. За период с начала работы типографии нами было выпущено и распространено 15000 листовок под 21 названием. Кроме того, распространено около 25000 листовок, газет, присланных из леса.

По агитационной работе особенно активно действовали группы Морозова, Трофименко, Ланского, Жильцовой.

Разведка

Разведка у нас делилась на 2 вида. По-разному она и проводилась. Один вид — это разведка по подготовке наших операций. Обычно задание по этой разведке поручалось командиром группы кому-либо из бойцов, но обязательно тому, кто должен был участвовать в операции, чтоб не вводить в подготовку операции лишнего человека. Данные этой разведки затем передавались мне.

Кроме того, проводилась разведка по выявлению военных объектов немцев, их намерений, передвижений. Эта разведка велась самыми различными способами. Использовались люди, работающие в немецких учреждениях, на жел. дороге. Так, например, мы всегда знали о предстоящих облавах, обысках, о выходящих в скором времени приказах. На жел. дор. группа Ланского постоянно следила за движением через ст. Симферополь и ежедневно давали сводку движения, что затем передавалось в лес. Силами через связных, затем

по радиции (рацию и радистку мы получили из леса в январе 1944 г.). Для выявления объектов врага город делился на районы, которые поручались группам и исследовались ими. Ряд членов организации имели специальные задания по разведке в той или иной области.

В лес было передано много сообщений о передвижениях частей, о расположении военных объектов, об агентуре противника.

Конспирация

Большое внимание у нас уделялось конспирации. Основной упор мы делали на изоляцию групп друг от друга. У нас не было ни одного рядового члена организации, который бы знал члена другой группы. В результате этого в случае провала одной из групп другие группы оставались в стороне. В строгой тайне держалось руководство организации. Меня, например, знали только командиры групп, да затем узнали некоторые бойцы особой группы, с которыми я участвовал в операциях, но и то знали только по имени. Хорошо законспирированы были места нахождения типографии, баз, явки. При общении с другими организациями (оно было у меня и Стауэра) пользовались кличками. Под кличками находились и в лесу. В результате соблюдения этих правил мы потеряли сравнительно мало боевых товарищей.

О приеме членов организации в ряды ВЛКСМ

Член организации через месяц после вступления в организацию, т.е. показав себя в работе, имел право подавать заявление о приеме в ряды ВЛКСМ. Заявление подавалось командиру группы. Командир группы рассказывал на комитете о действиях подавшего заявление. Со слов командира, бюро организации принимало то или иное решение. Фамилия вступающего в комсомол докладывалась только членами бюро. Принятый в ряды ВЛКСМ получал временный комсомольский билет, действительный до прихода Красной Армии. Билет подписывался комиссаром организации Хохловым (кличка Светлов). Билет был отпечатан в подпольной типографии.

Руководитель СПО
МС-ЛМ-ЛВ-2
5 УП 44 г.

Косухин

Приложение 3

Подпольные клички участников СПО

Костя	Косухин Анатолий Николаевич
Вася Черский	Бабий Василий Иванович
Лида Свободина	Трофименко Лидия Михайловна
Светлов (Боря)	Хохлов Борис Иванович
Семен	Кусакин Семен Николаевич
Донской	Ленский Владлен Владимирович
Яша (Миша)	Морозов Яков Азарович
Орленок	Долетов Виктор Степанович
Павлик	Стауэр Элоизе Вильгельмович
Андрей	Козлов Иван Андреевич
Нина	Лазарева Евгения Лазаревна
Муся	Волошина Александра Андреевна

Литература

1. Копылов В.Е. Первый ректор индустриального // Окрик памяти: Кн. 2. Тюмень: Слово, 2001. С. 198–204.
2. Копылов В.Е. Гестапо ищет Косухина // Окрик памяти: Кн. 4. Тюмень: Слово, 2005. С. 305–312; 402–417.
3. Копылов В.Е. Хобби Косухина // Окрик памяти: Кн. 5. Тюмень: Слово, 2009. С. 527–534.

Содержание

Предисловие	5
В.И. Рябков. «Студенческое время – это особые моменты жизни»	7
В.Е. Копылов. «Первый ректор индустриального»	15
Дневник воспоминаний матери Анатолия Косухина	41
Приложение 1. Письмо А.Н. Косухина в ЦК КПССС	319
Приложение 2. Личное дело А.Н. Косухина	324
Приложение 3. Подпольные клички участников СПО	374
Литература	375

Авторы-составители
В.В. Кропчев, Р.А. Близняков

Анатолий Косухин:
неизвестный подвиг ректора

Технический редактор
Сергей Дикк
Компьютерная верстка,
дизайн-макет:
Павел Сидоров
Корректор
Тамара Тумашова

ООО «Издательский дом «Титул»
625026, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 33/6
Тел.: 8 (9088) 742-542
Сайт: idtitul.ru
Почта: titul@list.ru

Подписано в печать 30.09.2025 г. Формат 60х84^{1/16}
Печать цифровая, трафаретная. Бумага офсетная, мелованная.
Усл. печ. л. 23,25. Тираж 100 экз. Заказ №10

Отпечатано в ООО «ИД «Титул»

